

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

ОХРАНА И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

*Материалы III Международной
научно-практической конференции*

Витебск, 30 октября – 1 ноября 2025 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2025*

УДК [069:351.853+341.16:00](062)
ББК 71.041я431+79.00я431
О-92

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 08.09.2025.

Редакционная коллегия:
А.Н. Дулов (отв. ред.),
Д.В. Юрчак (зам. отв. ред.), **В.Л. Лакиза, П.Н. Подгурский,**
А.М. Авласович, А.В. Барановский, О.И. Дернович, М.В. Дмитриев,
Ю.В. Дулова, А.П. Косов, С.В. Николаенко, В.В. Пузанов,
М.Ф. Румянцева, Е.Д. Тогулева, И.Р. Чикалова

Р е ц е н з е н т ы :
профессор кафедры истории России Института истории и социологии
Удмуртского государственного университета,
доктор исторических наук *В.В. Долгов* (г. Ижевск, Россия);
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории
Российской академии наук, доктор исторических наук *А.И. Сидоров* (г. Москва, Россия);
заведующий кафедрой подготовки кадров высшей квалификации
Института программных систем имени А.К. Айламазяна Российской академии наук,
кандидат культурологии, доктор исторических наук,
доцент *Л.Б. Сукина* (г. Переславль-Залесский, Россия)

Для оформления обложки использована работа *А.Д. Михайлукова «Распутьца» (акварель). Вид с ул. Замковой на Николаевский собор в Витебске в середине XIX в. Из фондов Витебского областного музея Героя Советского Союза М.Ф. Шмырёва.*

О-92 **Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт :**
материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 30 октября –
1 ноября 2025 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2025. – 210 с.
ISBN 978-985-30-0285-0.

Рассмотрен широкий круг проблем охраны культурного наследия Беларуси и зарубежья, затронуты вопросы исторической памяти, сохранения и популяризации отдельных видов культурного наследия в современном мире.

Данное научное издание может быть полезно историкам, культурологам, музееведам, источникovedам, архивистам, юристам, специалистам в сфере охраны культурного наследия, а также всем, кто интересуется вопросами сохранения и популяризации культурного наследия.

УДК [069:351.853+341.16:00](062)
ББК 71.041я431+79.00я431

ISBN 978-985-30-0285-0

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аверьянов К.А.</i> О планах восстановления Вознесенского монастыря в Московском Кремле	6
<i>Алентьева Т.В.</i> Борьба с памятниками и «войны памяти» в США	8
<i>Андреева Е.А.</i> Особенности учета и сохранения объектов историко-культурного наследия Республики Беларусь	11
<i>Асмалоўскі М.П.</i> “Страла”. Проблемы рэпрэзентацыі традыцыйнага абрада ў сучасных умовах	15
<i>Бараненка Т.В.</i> Проект «Полоцкая набойка»: опыт возрождения традиционного ремесла в современном социокультурном пространстве	19
<i>Бараноўскі А.В.</i> Уклад вучоных НАН Беларусі ў вывучэнне, захаванне, популярызацыю гістарычнай і культурнай спадчыны Віцебшчыны на сучасным этапе	22
<i>Белокопытова А.В., Роціна Т.А., Шышкина К.А.</i> Использование искусственного интеллекта при переводе книги Я. Тессинга и И. Копиевского «Символы и эмблемата»	24
<i>Богданова А.В.</i> Документы Государственного архива Витебской области как источник истории восстановления архитектурных сооружений в Витебске в первые послевоенные годы	28
<i>Большаков М.Г.</i> Линия памяти: Россия, Беларусь, Китай и Северная Корея – практика сохранения памятников Второй мировой войны	30
<i>Буднік Л.М.</i> Стары гродзенскі некропаль: турыстычны патэнцыял	33
<i>Віткоўская Т.У., Вішнеўская І.М., Сотнікова М.С.</i> Дзяржаўны інфармацыйны рэсурс “Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь”	35
<i>Гавриленков А.Ф.</i> Историческая память о Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. как инструмент борьбы с фальсификацией истории	38
<i>Гернович Т.Д.</i> Архивный музей как форма сохранения и популяризации документального наследия	42
<i>Гоманенко О.А.</i> Сохранение культурного наследия в экстремальных условиях военного времени (на примере Сталинграда)	47
<i>Грива М.А.</i> Оптимизация и персонализация: практические аспекты внедрения искусственного интеллекта в музеи	49
<i>Давідоўская В.М.</i> Археалагічныя і выпадковыя нумізматычныя знаходкі ў зборы Віцебскага абласнога краязнаўчага музея (паступленні 1944–2024 гг.)	52
<i>Даниленко Е.П.</i> Изъятие церковных ценностей Вировлянской Свято-Успенской церкви Городокского уезда в 1922 году	59
<i>Дмитриев М.В.</i> Культурное наследие колониализма и колоний как предмет «исторической политики»: опыт современной Франции и нужды нашей исторической памяти	63
<i>Дубровская Е.Ю.</i> Материалы семейного архива М.Н. Власовой как источник исследования научного сообщества Карелии	66
<i>Дулаў А.М., Юрчак Д.В.</i> Гісторыка-культурная спадчына Віцебскай вобласці: змест, асаблівасці ўліку і аховы	69
<i>Желамский А.Г., Желамская М.А.</i> Из опыта исследования природного и культурного наследия российско-белорусского порубежья	73
<i>Жижин С.Ф.</i> Музейная атрибуция культовых и исторических каменных изваяний	78

Иваничева Л.С. Обычные туристы – необычные свидетели: путешествие как способ осмысления и отражения культурного наследия	81
Иванова-Праля Е.С. Культурно-образовательные программы по археологии Гомельского дворцово-паркового ансамбля как пример популяризации археологического наследия региона	85
Ивашикевич Е.Ф. Конституционно-правовые основы государственной политики в области культуры в Республике Беларусь и зарубежных странах	89
Ключарева А.В. Значение формирования музейного климата для сохранения объектов культурного наследия (по материалам Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»)	91
Колужёнок А.О. Сохранение и популяризация историко-культурного наследия в Художественной галерее Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника	95
Канапацкі А.В. Заслаўе ў час вайны 1812 года: магчымыя спосабы адлюстравання ў музейнай экспазіцыі	99
Крумплеўская Г.А. Этнографічныя экспедыцыі на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў другой палове XX стагоддзя (па матэрыялах архіва Інстытута мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклора імя Кандрата Крапівы НАН Беларусі)	101
Лагуновская Е.А. Роль образования в формировании представлений молодежи о ценностях традиционных конфессий в региональном контексте	105
Лапкова Т.А. Сохранение и популяризация нематериального культурного наследия: путь к устойчивому развитию туризма Витебщины	108
Лембовіч Д.Ц. Рэвіталізацыя гісторыка-культурнай спадчыны Дзяржынскага рэгіёна: стан і перспективы	112
Лицкевич О.В. Реестр двинских бродов и перевозов 1557 г.: историко-географический комментарий	115
Лю Цзин. Парковое искусство как художественная интерпретация ландшафта в Китае	118
Малашонок С.М. Формирование гражданственности и патриотизма учащихся через деятельность школьной музейной комнаты	121
Міхайлець М.А. Інсітнае мастацтва Паставішчыны на прыкладзе творчасці Іосіфа Гарбунова	124
Михалик О.М. Наследие, хранимое библиотекой: редкие смоленские издания XIX – начала XX в. (книжные памятники)	127
Некрашевич А.Т. Популяризация культурного наследия и его использование в туризме (на примере Лидского замка)	131
Николаева Л.В. Сохранение историко-культурного наследия и исторической памяти в Республике Беларусь и вызовы современности	135
Нячаева Г.Р. Код нашага ткацтва. Археалогія і этнографія. Аўтарскі праект Веткаўскага музея	138
Отнюкова М.С., Черевичко Т.В. Музейный туризм как способ сохранения и продвижения культурного наследия региона	143
Паўлава А.Я. Ілюстраваныя паштоўкі як сродак вывучэння і популярызацыі гістарычнай і культурнай спадчыны Беларусі	147
Петров М.М. Информационные надписи и обозначения на объектах культурного наследия Беларуси и России	151
Пивовар Н.В. Мемориализация памяти о сожженных деревнях Витебщины: мировой, отечественный и локальный опыт	154

<i>Пушкин И.А.</i> Архиерейский дворец в Могилёве как объект культурно-исторического наследия	157
<i>Рубинина З.М.</i> Источниковедение фотодокументов и историческая память	160
<i>Рудаковская Е.Н.</i> Древнейшие церкви Гродно XII–XVI вв.: местоположение и туристический потенциал	163
<i>Румянцева М.Ф.</i> Источниковедение как основа освоения культурного наследия	168
<i>Сівочін Г.А.</i> Музей-заповедник як специфічна форма захавання спадчыны. Кейс Гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе”	171
<i>Сімакоў А.В.</i> Захаванне і даследаванне канвертаў – частка кансервацыі і вывучэння спадчыны міжнародных сувязей (на прыкладзе перапіскі індзейністаў Гомеля)	176
<i>Скорина В.Д.</i> Роль национальных кухонь в контексте гастрономического туризма	179
<i>Соколова О.М.</i> Мозаичные панно как ценностный ресурс территории	182
<i>Терехина О.В.</i> Смоленск в французской батальной живописи и визуальной памяти участников кампании 1812 года	185
<i>Федорчук Е.И.</i> Виртуальные музейные проекты как средство популяризации культурного наследия (из опыта работы районного музея)	188
<i>Фигурина Н.С.</i> Педагогические возможности декоративно-прикладного искусства в формировании исторической памяти учащихся на уроках обслуживающего труда	192
<i>Хотянович Н.А.</i> Музей как центр сохранения и популяризации культурного наследия (из опыта работы ГУ «Лидский историко-художественный музей»)	195
<i>Цзян Боцзинь.</i> Музыкально-хореографическое искусство как средство сохранения культурного наследия дайцев	199
<i>Чэн Вэньвэнь.</i> Народное творчество как основа современного любительского искусства: историко-культурные параллели Беларуси и Китая	202
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	206

Аверьянов К.А.
О ПЛАНАХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Ключевые слова: Московский Вознесенский монастырь, Московский Кремль, список Всемирного наследия ЮНЕСКО, 14-й корпус Московского Кремля.

Одной из самых заметных построек в Московском Кремле являлся Вознесенский монастырь. Считается, что он был основан в 1393 г. вдовой Дмитрия Донского Евдокией, по преданию, на том самом месте, где она встречала великого князя после победы на Куликовом поле. Эта дата была выведена историками на основании 15-й главы 12-й степени «Степенной книги» «О поставлении святых церквей и начало Вознесенского монастыря» [8, с. 408]. Судя по всему, первая церковь в монастыре была деревянной. В 1407 г. Евдокия велела заложить здесь новую каменную церковь, и была похоронена в строящемся храме. Возведение собора продолжила жена великого князя Василия I Софья Витовтовна. Но из-за событий феодальной войны XV в. собор был так и не закончен. В 1467 г. вдова великого князя Василия II Темного Мария Ярославна приказала разобрать недостроенный храм и на его местеозвести новый. Зодчий Василий Ермоловин, которому было поручено строительство, сохранил здание, переложив своды и облицевав стены новым кирпичом. В следующем году собор был освящен и стал усыпальницей московских княгинь, а затем и цариц. Среди прочих здесь были погребены первая жена Петра I Евдокия Федоровна и царевна Параскева, дочь его соправителя Ивана V [5, т. 1–4; 6; 7].

Законченный храм страдал от нередких пожаров и в 1518 г. Василий III предпринял строительство нового каменного собора. Он был возведен архитектором Алевизом Фрязиным на прежнем фундаменте. В конце XVI в. по приказу царя Федора Ивановича собор был из-за ветхости вновь разобран и перестроен.

Вознесенский девичий монастырь пользовался особым вниманием царской семьи. В период Смутного времени в кельях обители жили Марфа, мать царевича Дмитрия, Марина Мнишек, когда была невестой Лжедмитрия I, Марфа, мать Михаила, первого царя из династии Романовых. В XIX в. обитель считалась первой по спискам из женских монастырей в России [3; 4, с. 37–59; 9].

Осенью 1917 г. во время боев в Москве монастырь пострадал: были пробиты стены и своды храма. В марте 1918 г. в Москву из Петрограда переехало советское правительство, что повлекло введение пропускного режима в Кремле. Поэтому в ноябре 1918 г. обитель была закрыта, а в освободившихся помещениях после ремонта устроили общежитие для обслуживающего персонала Кремля. В 1929 г. на месте монастыря было решеноозвести здание Военной школы имени ВЦИК и в декабре начались работы по демонтажу монастыря. Чтобы сохранить память об обители, саркофаги с останками захоронений были перенесены в подклет Архангельского собора. Также архитектором-реставратором П.Н. Максимовым (1903–1972) были проведены полные обмеры и фотофиксация зданий монастыря. Впоследствии они поступили в музей архитектуры имени А.В. Щусева, а затем были изданы в книге 2016 г. [10].

Монастырские постройки были разобраны в 1929–1930 гг., а на их месте было возведено четырехэтажное здание Военной школы имени ВЦИК, стилизованное под кремлевский классицизм для гармонии с соседними Сенатом и Арсеналом. Долгое время считалось, что здание было построено архитектором И.И. Рербергом (1869–1932), но позднее, когда в 2014 г. с проекта был снят гриф секретности, выяснилось, что он был создан архитектором В.П. Алыковым (1871–1939), а И.И. Рерберг осуществлял общий надзор над строительством, которое велось с 1932 по 1934 г.

Новый четырехэтажный корпус стал первым зданием на территории Кремля, возведенным после революции. До 1935 г. он официально именовался 1-й Советской объединенной школой РККА имени ВЦИК, но уже вскоре кремлевских курсантов перевели в Лефортовские казармы. С 1938 г. в доме расположились комендатура Московского Кремля и секретариат Президиума Верховного Совета СССР. Тогда же он получил название 14-го корпуса Кремля.

В 1955 г. был открыт свободный доступ в Кремль и в 1958 г. здание перестроили под Кремлевский театр, помещение которого было рассчитано на 1200 зрителей. Однако вскоре выяснилась неприспособленность помещений для массовых зрелищных мероприятий. Поэтому уже в 1959 г. Н.С. Хрущевым лично было принято решение о строительстве в Кремле здания Дворца съездов, который открылся 17 октября 1961 г. заседаниями XXII съезда КПСС. Что касается 14-го корпуса, его залы были реконструированы для проведения сессий Верховного Совета СССР, которые проходили вплоть до 1991 г. В 1982 г. в здании был построен Мраморный зал, вместимостью до 1 тыс. человек, предназначавшийся для пленумов ЦК КПСС.

После распада Советского Союза в парадных залах здания до февраля 2008 г. проходили ежегодные пресс-конференции президента России, был оборудован его резервный кабинет. С 2008 г. помещения корпуса занимали пресс-служба, служба протокола, управление по внешней политике, Федеральная служба охраны, комендатура Кремля, а также секретарь Совета безопасности. Но уже в 2011 г. они были переведены на Старую площадь. Причиной этого стало то, что здание 14-го корпуса начало проседать, поскольку при перестройках мало обращали внимания на оставшиеся от разрушенных Вознесенского и соседнего Чудова монастырей подземные пространства.

После переезда подразделений администрации Президента России в 14-м корпусе развернулись масштабные ремонтно-строительные работы, на которые было потрачено порядка 8 млрд. рублей. И хотя к весне 2014 г. были проведены наиболее трудоемкие работы по укреплению фундамента и несущих стен, выяснилась необходимость дальнейшего вкладывания еще больших средств.

Поэтому в июле 2014 г. президент В.В. Путин предложил снести 14-й корпус Кремля, восстановив Вознесенский и соседний Чудов монастыри. Это было сделано в ходе беседы с мэром Москвы С.С. Собяниным, зам. директора музеев Московского Кремля А.Л. Баталовым, ректором Московского института архитектуры Д.О. Швидковским и комендантом Московского Кремля С.Д. Хлебниковым.

Толчком для этого, видимо, послужило восстановление Казанского собора на Красной площади, снесенного в 1936 г. и воссозданного в 1990–1993 г. благодаря сохранившимся обмерам П.Д. Барановского (1892–1984). В июле 1997 г. на башни Исторического музея установили копии исторических двуглавых орлов. Это вызвало определенные возражения экспертов ЮНЕСКО, поскольку в 1990 г. Московский Кремль и Красная площадь вошли в список всемирного наследия. На это им отвечали, что Казанский собор и Исторический музей не входят в Красную площадь, а только граничат с ней.

И хотя 14-й корпус Кремля был демонтирован к 2016 г., дальнейшим работам по восстановлению Вознесенского монастыря помешал тот факт, что материалы по облику соседних Чудова монастыря и Малого Николаевского дворца, снесенных при строительстве 14-го корпуса, составляют лишь 20% необходимых сведений [2, с. 388–389; 4, с. 137–186]. Свою роль сыграло и предостережение ЮНЕСКО о недопустимости возведения «новоделов» на территории Кремля и о возможном снятии статуса объекта всемирного наследия. В определенной мере оно «поставило крест» на других проектах по изменению облика Московского Кремля и Красной площади: замене красных звезд орлами на кремлевских башнях, ликвидации мавзолея В.И. Ленина и ряде других.

На открывшемся после сноса 14-го корпуса участке были проведены археологические раскопки [1, с. 108–110], а по их окончании в мае 2016 г. был разбит сквер.

1. Археологические исследования в связи с демонтажем корпуса 14 в Московском Кремле / Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль, А. В. Энговатова, Е. Е. Васильева, К. И. Панченко, Р. Н. Модин, В. С. Курмановский, Д. Ю. Майоров // Археологические открытия. 2016 / отв. ред. Н.А. Лопатин. – Москва : ИА РАН, 2018. – С. 108–110.
2. Барханов, В. Е. Концепция восстановления Чудова и Вознесенского монастырей в Московском Кремле / В. Е. Барханов, А. М. Капустин // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ. Тезисы докладов. – Москва, 2016. – С. 388–389.
3. Баталов, А. Л. Собор Вознесенского монастыря в Московском Кремле / А. Л. Баталов // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. – Ленинград : Наука, 1985. – С. 468–482.
4. Девятов, С. В. Московский Кремль. Памятники и святыни. Монастыри / С. В. Девятов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Мерлон, 2024. – 205 с.
5. Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4-х т. / отв. ред. и сост. Т. Д. Панова.
 - Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. –Москва : Московский Кремль, 2009. – 367 с., ил., табл.
 - Т. 2. Погребения XV – начала XVI века. –Москва : Московский Кремль, 2013. – 414 с.
 - Т. 3. Ч. 1. Погребения XVI – начала XVII в. –Москва : Московский Кремль, 2018. – 395 с., ил., табл.
 - Т. 3. Ч. 2. Погребения XVI – начала XVII в. –Москва : Московский Кремль, 2018. – 447 с., ил., табл.
 - Т. 4. Ч. 1. Погребения XVII – первой трети XVIII в. –Москва : Московский Кремль, 2021. – 391 с., ил., табл.
 - Т. 4. Ч. 2. Погребения XVII – первой трети XVIII в. –Москва : Московский Кремль, 2021. – 359 с., ил., табл.
6. Панова, Т. Д. История некрополя Вознесенского монастыря Московского Кремля // Церковные древности. VIII Рождественские образовательные чтения. Сборник докладов конференции. 27 января 2000 г. / Отд. религиоз. образования и катехизации Рус. православ. Церкви / науч. ред. С.А. Беляев. – Москва, 2001. – С. 95–115, схем., ил.
7. Панова, Т. Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна / Т. Д. Панова. – Москва : Индрик, 2003. – 222 с., ил.
8. Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Ч. 2. Книга Степенная Царского родословия. –СПб., 1913.
9. Пшеничников, А. И., священник. Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского девичьего монастыря в Москве: с планами и рисунками / священник А.И. Пшеничников. –Москва : Тип. В.А. Гатцук, 1894. – 139 с., ил.
10. Чудов и Вознесенский монастыри Московского Кремля / Гос. музей архитектуры им. А.В. Щусева / А. М. Коробьина, Ю. В. Ратомская, З. В. Золотницкая, А. А. Оксенюк ; ред. Е. С. Нагорнюк. –Москва : Кучково поле, 2016. – 214 с.

Алентьева Т.В. БОРЬБА С ПАМЯТНИКАМИ И «ВОЙНЫ ПАМЯТИ» В США

Ключевые слова: США, историческая память, войны памяти, памятники гражданской войны.

В прошлое невозможно вернуться. Но человечество не может не осознавать его постоянное незримое присутствие. Согласно концепции деконструкции и «метафизического присутствия» Ж. Деррида, человечество имеет дело только с репрезентациями прошлого, поскольку его непосредственное присутствие невозможно. Возможно лишь попытаться воссоздать прошлое в образах, символах и мифах. Сделать присутствие прошлого визуальным помогают национальные исторические парки США. С помощью синтеза разных видов искусств они приближают посетителей к ушедшему времени, делают его более понятным, но не идентичным прошлому, поскольку опираются на язык символов и опосредованных представлений о прошлом. История – это не просто память о прошлом, а прошлое, воспринимаемое с позиций настоящего, с ориентацией на ценности и идеалы современных людей. Тем не менее, историческая память и история – далеко не одно и то же. Историческая память – это набор исторических сообщений, мифов, преданий, традиций, обычая, субъективных рефлексий о событиях прошлого, передаваемых из поколения в поколение. Как правило, в ней хранятся воспоминания о великих свершениях, достижениях и победах, а также о негативном опыте, угнетении, несправедливости.

В конце XX – начале XXI в. историческая память превратилась в самоценность, проблематика памяти выдвинулась на передовые позиции в общественном сознании. Американский историк Аллан Мегилл точно обозначил это явление современной культурной жизни как «мемориальную манию» и даже сформулировал постулат: «Когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти» [9].

В 2017 и 2020–2021 гг. в США прокатилась волна сноса памятников, главным образом относящихся к периоду Гражданской войны 1861–1865 гг. Главной мишенью

стали памятники южанам-конфедератам, сражавшимся за независимость южных штатов от Союза и за сохранение рабства [1, 6].

Разумеется, в основе этого движения лежал целый комплекс причин: социально-экономических, политических, культурно-этнических, расовых и др. Но в первую очередь, немалую роль в кипении страстей вокруг исторических монументов и мемориалов играли проблемы американского образования. Можно сказать, что дискуссии о преподавании истории в школе стала частью американской политической культуры, отражением «культурных войн», развернувшиеся на рубеже XX–XXI вв.

В США немало делается для изучения истории различных меньшинств. С 1976 г. в стране ежегодно в феврале проводится месячник афроамериканской истории (Black History Month), открываются музеи афроамериканской истории, Национальный музей афроамериканской истории и культуры открыт в столице, г. Вашингтоне, в 2016 г., создаются мемориалы, посвященные видным афроамериканским историческим и культурным деятелям. В 2011 г. был торжественно открыт Мемориал Марина Лютера Кинга в Вашингтоне. С 1988 г. в США март объявлен Месяцем женской истории. Возможно, столь щедрое внимание к одним проблемам за счет других вызывает определенные перекосы и смещения в умах общественности. Наверное, не случайно, школьное историческое образование в США оставляет желать лучшего.

В 2000 г. Американский совет попечителей и выпускников обнародовал обескураживающие результаты тестирования по истории студентов 55 ведущих университетов и колледжей страны. Прежде всего, бросилось в глаза незнание студентами канонических фигур американской истории и связанных с ними событий. Только 34% студентов указали Джорджа Вашингтона как американского генерала в битве при Йорктауне, всего 23% смогли ответить, что «отцом Конституции» следует считать Джеймса Мэдисона, лишь 22% оказались в состоянии соотнести знаменитые слова о демократии из Геттисбергской речи с Авраамом Линкольном [5, с. 325–336].

Не только в сфере исторического образования, но и в исторической науке продолжают кипеть жаркие дискуссии. Особенно много книг, прославляющих южную Конфедерацию, отрицавших, что война велась из-за рабства негров, появилось в конце 1990-х – начале 2000-х гг. [2, с. 66–79].

Конфликт вокруг мемориального наследия южной Конфедерации выявил, что старая модель исторического нарратива, ориентированная на примирение белого населения Севера и Юга, утратила свою функциональность в силу демографических, политических и социальных изменений. За время, прошедшее с момента создания в целом компромиссной концепции «Проигранного дела Конфедерации», существенно изменился расовый и этнический состав населения США. Помимо роста уровня эманципации женщин и прав расовых меньшинств, обновилась структура населения собственно южных штатов [3, с. 103–104].

За первой волной сноса памятников конфедератам в 2017 г., последовала вторая в 2020–2021 гг. Она была связана с движением «Черные жизни имеют значение» (Black Lives Matter – BLM). Поводом к массовым протестам и новой войне с памятниками стало убийство белыми полицейскими чернокожего Джорджа Флойда. Власти Миннеаполиса выплатили семье Флойда 27 млн долл. за урегулирование гражданского иска о неправомерных действиях полиции.

Гражданская война, закончившаяся более 160 лет назад, в прямом смысле продолжает разделять американскую нацию. И парадокс в том, что для протестующих против памятников совсем не важна историческая реальность, подлинные знания о событиях, о памятниках и о тех, кто их создавал. Хотя большинство американцев не могут назвать даты Гражданской войны, не говоря уже о ключевых фигурах с какой-либо из сторон или сра-

жениях, многие ощущают эмоциональную связь с событием, ставшим самым кровопролитным конфликтом, когда-либо произошедшим на американской земле [10, р. 16].

Поскольку на Севере отсутствовали монументы конфедератам, то активисты BLM отыгрывались на других исторических персонажах, включая первого президента США. Портлендские активисты снесли памятник Джорджу Вашингтону на северо-востоке города. В Сан-Франциско протестующие свалили с постамента памятник автору слов американского гимна Френсису Скотту Ки. Видимо кто-то заранее выяснил, что тот владел шестью рабами. В этом городе не повезло даже главнокомандующему силами северян в Гражданской войне, приведшему Союз к победе – Улиссу Гранту, чей бюст также подвергся уничтожению, так как оказалось, что у генерала до войны был в собственности один раб. В Висконсине (Мэдисон) толпа не стала выяснять, по какой причине возле Капитолия штата находился памятник иммигранту из Норвегии, аболиционисту и солдату Гражданской войны, погибшему от ран после сражения при Чаттануге Гансу Христиану Хегу. Памятник был обезглавлен и сброшен с постамента. Правда, городские власти в сентябре 2021 г. отреставрировали статую и вернули на законное место [4].

В 2020–2021 гг. было разрушено, снесено или демонтировано более 135 памятников южным конфедератам, еще больше было перенесено в другие места. Однако протестующие не остановились на уничтожении только этой категории коммеморации. Вслед за южанами-конфедератами той же участи подверглись памятники Колумбу, их было снесено 36, правда, осталось еще 149 в различных американских городах. За Колумбом последовали покушения на другие монументы и памятники, в том числе в столице – г. Вашингтоне.

Мэр города Вашингтона М. Баузер создала рабочую группу для переименования зданий и общественных пространств, а также сноса памятников, не отвечающих ценностям округа Колумбия, где находится город. Члены рабочей группы оценивали исторических деятелей по критериям: отношение к рабству, системный расизм, жестокое обращение или действия, которые подавляли права цветных, женщин и ЛГБТ-сообществ, а также нарушение закона «О правах человека в округе Колумбия» 1977 г. Члены комиссии рекомендовали обратиться к федеральному правительству с предложением убрать, перенести или «контекстуализировать» (то есть добавить пояснения) такие всемирно известные памятники, ставшими символами столицы страны, как мемориал Дж. Вашингтона, мемориал Джейфферсона, памятники Колумбу, президенту Джексону. В результате бурной деятельности комиссия нашла множество нарушителей вышеупомянутых критериев, чьи имена былиувековечены в топонимике Вашингтона. Комиссия предложила переименовать 78 улиц, 21 школу, 2 моста, 30 других зданий и 12 парков, скверов и площадок, названных в честь знаменитых государственных деятелей [8].

Нерешенность по сей день расовой проблемы и на Севере, и на Юге очевидна. Но проблемы не решаются сносом памятников и «войнами памяти». В США большинство решений по сносу памятников принималось не официальными властями, а неизвестного представляемыми активистами. Опросы общественного мнения свидетельствуют лишь о глубоком расколе в американском обществе по проблеме памятников. Так, опрос, проводившийся Гарвардским университетом (CAPS – Harris Poll), показал, что за сохранение памятников выступают 58% опрошенных, а за их снос лишь 42%. Напротив, результаты опроса, проведённого Квиннипэкским университетом, говорят о том, что снос памятников приветствуют 52% опрошенных, а 44% желали бы, чтобы их оставили на месте [7].

Многие американские историки видят в этой борьбе с памятниками историческую закономерность, связанную с более сложной этнической и расовой стратификацией американского общества, ростом афроамериканского национализма и сдвигами в общественном сознании белых американцев. Однако, в неменьшей степени, две волны сноса

памятников были связаны с политикой демократов, с президентскими выборами 2016 и 2020 гг. Для части политической элиты США гораздо проще направить гнев возмущенной толпы против безмолвных памятников, чем всерьез заняться решением назревших социально-экономических проблем.

Разумеется, снос любых памятников – явление сложное и противоречивое, ведь многие из них стояли десятилетиями и являлись архитектурными доминантами городской среды, к тому же печально, когда дело доходит до вандализма и разжигания страстей. Памятники – часть истории, войны с ними – тоже ее часть. Но ведь общеизвестно, что историю можно переписывать, но невозможно ее переделать, выбросить из нее не устраивавшие кого-то страницы, предать полному забвению. Память имеет свойство возвращаться.

1. Алентьева, Т. В. Парадоксы коллективной памяти в эпоху Второй американской революции / Т. В. Алентьева // Коллективная память: власть прошлого в социокультурной жизни Америки : [сб. ст.] / отв. ред. И. В. Морозова [и др.]. – Москва : РГГУ, 2021. – С. 140–148.
2. Алентьева, Т. В. Причины Гражданской войны в США в новейшей американской историографии / Т. В. Алентьева // Новая и новейшая история. – 2007. – № 5. – С. 66–79.
3. Белов, С. И. Конфликт в США вокруг мемориалов Конфедерации / С. И. Белов // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2019. – № 4 (49). – С. 92–107.
4. Колганов, А. Перепись истории: чьи памятники сносят в Америке / А. Колганов. – URL: <https://daily.afisha.ru/cities/16081-reperis-istorii-chi-pamyatniki-snosyat-v-amerike> (дата обращения: 10.09.2025).
5. Кузнецов, Ю. В. Ключевые фигуры американской истории и историческая память: тенденции конца XX – начала XXI вв. / Ю. В. Кузнецов // Американистика. Актуальные подходы и современные исследования. Вып. 8. Межвуз. сб. ст. / под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. – Курск : Изд-во КГУ, 2016. – С. 325–336.
6. Курилла, И. И. Переосмысление Гражданской войны в современном американском обществе / И. И. Курилла // Американский ежегодник, 2021. – М. : Весь мир, 2021. – С. 337–350.
7. Ларюэль, М. Монументальная полемика в США: как спорить об истории, не разрушая её основ / М. Ларюэль. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/monumentalnaya-polemika-v-ssha> (дата обращения: 10.09.2025).
8. Мэрия Вашингтона будет переименовывать улицы и бороться за снос памятников. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/8be8459a> (дата обращения: 10.09.2025).
9. Репина, Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2007. – № 21. – С. 5–21.
10. Owley, J. Understanding the Complicated Landscape of Civil War Monuments / J. Owley, J. Phelps // Indiana Law Journal. – 2018. – Vol. 93. – № 5. – P. 15–32.

Андреева Е.А. ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА И СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: историко-культурное наследие, историко-культурные ценности, сохранение историко-культурного наследия, охрана историко-культурного наследия, ремонтно-реставрационные работы, законодательство в сфере охраны историко-культурного наследия.

На территории Республики Беларусь расположено богатое историко-культурное наследие, отражающее многовековую историю и уникальные традиции народа. Сохранение данных ценностей важно для понимания прошлого и укрепления национальной самобытности. В современных условиях охрана историко-культурного наследия приобретает особое значение.

Охрана объектов историко-культурного наследия – это деятельность, направленная на сохранение и защиту ценностей, имеющих значение для истории и культуры региона, который включает исследования, регистрацию, реставрацию и установление охранных зон.

В Беларуси в конце XX века был разработан Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, обеспечивающий государственный учет объектов историко-культурного наследия. В данном документе выделены следующие виды историко-культурных ценностей: памятники архитектуры, градостроительства, истории, археологии, искусства, заповедные места, документальные памятники,

движимые коллекции и комплекты, а также нематериальные проявления творчества человека. Каждый объект в списке имеет категорию:

- 0 – историко-культурные ценности, которые имеют всемирное значение и включены или планируются для включения в установленном порядке в Список всемирного культурного и природного наследия или в Список всемирного наследия, объекты которого находятся под угрозой [6]. В Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО включены следующие объекты, расположенные на территории Беларуси: Беловежская пуща (памятник природы) (1992 г.), замковый комплекс «Мир» (2000 г.), архитектурно-культурный комплекс резиденции Радзивиллов в г. Несвиже (2005 г.) и геодезическая Дуга Струве (2005 г.) В Список всемирного нематериального культурного наследия ЮНЕСКО включены: праздничный рождественский обряд «Колядные цари» (2009 г.), торжество в честь почитания иконы Матери Божьей Будславской (Будславский фест) (2018 г.), весенний обряд «Юрьевский хоровод» (2019 г.), культура лесного бортничества (2020 г.), соломоплетение Беларуси (2022 г.), вытиканка (2024 г.) [7]. Государственными органами Республики Беларусь ведется работа по включению новых объектов историко-культурных ценностей, расположенных на территории Беларуси, в Список всемирного культурного и природного наследия, а также в Список всемирного нематериального культурного наследия (Спасо-Преображенская церковь и Софийский собор в Полоцке, Борисоглебская (Коложская) церковь, Архитектурный ансамбль проспекта Независимости в Минске [1], Белорусская дуда и др.) [3];

- 1 – объекты, которые имеют международную значимость [6]. Данной категорией обладают следующие объекты: мемориальный комплекс «Хатынь»; мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»; здание Большого театра Беларусь; городище древнего Берестя и др.

- 2 – ценности, которые имеют национальную значимость (мемориальный комплекс «Дальва»; замковая гора, г. Могилев; Михайловская церковь, г. Слуцк);

- 3 – объекты, имеющие значимость для конкретного региона Республики Беларусь (городище периода раннего железного века, Смолевичский район, д. Прилепы; Мемориальный комплекс узникам Озаричского лагеря смерти; здание бывшего коммерческого училища, г. Слуцк);

- без категории – материальные объекты, которые входят в состав комплекса, коллекции материальных историко-культурных ценностей, или которым отдельно не присвоен статус историко-культурных ценностей [6]. Примером может служить объект «Комплекс бывшей усадьбы «Алесино»: дом, хозяйственная пристройка, бровар, склад, гараж», который имеет «3» категорию, однако отдельные объекты («дом», «хозяйственная пристройка», «бровар», «склад», «гараж») представлены как объекты «без категории».

На сегодняшний день в Государственный список историко-культурного наследия Республики Беларусь включено более 5,6 тыс. объектов [4]. Деятельность государственных органов Республики Беларусь в области историко-культурного наследия направлена на сохранение, охрану и популяризацию объектов в туристической отрасли. Кроме того, ведется работа по поиску и включению новых материальных и нематериальных историко-культурных ценностей в Государственный список историко-культурного наследия.

Следует отметить, что многие объекты, которые сегодня являются историко-культурными ценностями и находятся под государственной защитой, не имели такого статуса во времена Советского Союза. В связи с этим многие историко-культурные ценности были руинированы или вовсе утрачены. Негативное влияние на сохранение объектов историко-культурного наследия оказала и Великая Отечественная война. Многие памятники архитектуры, истории, археологии были повреждены или уничтожены в ходе военных действий, а документальные памятники и памятники искусства подверглись уничтожению или были похищены.

В годы существования Советского Союза проводилась антирелигиозная политика, в связи с чем многие храмы, построенные в дореволюционное время, которые безусловно, с учетом нынешнего контекста, являлись уникальными памятниками архитектуры – разрушались или использовались не по назначению. Их превращали в места общественного питания, склады для сушки зерна, кинотеатры и т.д. Примером может служить киностудия «Беларусьфильм», располагавшаяся в здании костёла Святого Симеона и Святой Елены (г. Минск), который сегодня является памятником архитектуры [2].

Кроме того, в связи с политикой коллективизации и раскулачивания многочисленные памятники архитектуры, которые принадлежали дворянскому сословию, уничтожались или не использовались, что также негативно сказывалось на сохранении объектов. Примером может служить памятник архитектуры «Комплекс бывшей усадьбы «Алесино»: дом, хозяйственная пристройка, бровар, склад, гараж», расположенный на территории Смолевичского района в агрогородке Алесино, принадлежавший знаменитому роду Манюшко, а в последствии Ваньковичам. Данный комплекс был построен как винокуренный завод в конце XIX века. После Октябрьской революции Петр Львович Ванькович, которому принадлежали земли Алесино, в том числе и винокуренный завод, покинул страну. В 1930-е годы комплекс был передан колхозу «Новая жизнь». В годы Великой Отечественной войны деревня Алесино была сожжена немцами, однако здания архитектурного комплекса уцелели. После войны объекты не использовались, что привело к износу и ветхости зданий. Только в конце 1980-х годов здания были восстановлены благодаря усилиям Федора Привалова, который возглавлял сельскохозяйственное предприятие «Шипяны». На сегодняшний день здания комплекса принадлежат собственникам, которые поддерживают и сохраняют объекты историко-культурного наследия.

Как отмечалось ранее, деятельность государственных органов Республики Беларусь направлена на охрану и сохранение объектов историко-культурного наследия.

В соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь, функция контроля в области охраны историко-культурного наследия возложена на местные районные исполнительные комитеты. В каждом районе Республики Беларусь предусмотрена должность специалиста или методиста по охране историко-культурного наследия, в компетенции которого входит: систематизация, идентификация и сохранение объектов историко-культурного наследия. Специалисты данного профиля ежеквартально проводят осмотры или мониторинги объектов историко-культурного наследия своего района, занимаются выявлением и поиском новых материальных и нематериальных историко-культурных ценностей, корректируют работу в рамках ремонтно-реставрационных работ и текущих ремонтов, разрабатывают самостоятельно или принимают участие в подготовке нормативных и учетных документов (охраные обязательства, паспорта, проекты зоны охраны и др.), а также координируют деятельность собственников в отношении объектов наследия.

На сегодняшний день в сфере охраны историко-культурного наследия существуют определенные сложности, которые влияют на процесс сохранения объектов.

Многие собственники историко-культурных ценностей не обладают достаточными знаниями для проведения ремонтных работ на объектах историко-культурного наследия, что создает реальную угрозу повреждения или утраты важных элементов. Более того, некоторые собственники, зная о порядке проведения ремонтных работ и требованиях к подготовке специализированной документации, которая разрабатывается до начала работ и на основании которой они проводятся, сознательно пренебрегают данной процедурой. Такая практика объясняется стремлением сократить затраты на подготовку документов, что приводит к нарушению законодательства и ставит под угрозу сохранность объектов историко-культурного наследия. Кроме того, большинство собственников не осведомлены о законодательных требованиях в области историко-культурного наследия, таких как заключение

охранного обязательства, установка за свой счёт охранной доски установленного образца, обеспечение изготовления паспорта объекта и др.

Следует отметить, что существует проблема, когда памятники архитектуры годами не могут найти собственника. Примером может служить памятник архитектуры «Здание бывшего коммерческого училища» в г. Слуцк. Слуцк – один из древнейших городов Республики Беларусь, однако на территории района осталось всего 6 архитектурных сооружений, представляющих историко-культурную ценность, а в самом городе – 4. В годы Великой Отечественной войны город был практически полностью уничтожен, в том числе были уничтожены и руинированы многие памятники архитектуры. Здание бывшего коммерческого училища было построено в начале XX века. Во время Великой Отечественной войны памятник архитектуры был поврежден и в последующем, после освобождения территории от немецко-фашистских захватчиков, объект долгое время не использовался. В 1960-е годы здание было восстановлено и передано в использование соковому заводу, а впоследствии – консервному. В 2014 году консервный завод был ликвидирован, и здание осталось без владельца, что негативно сказалось на состоянии объекта. С 2022 года проводились аукционы по продаже памятника архитектуры, однако торги не состоялись из-за отсутствия заявителей. Несмотря на то, что на май 2025 года здание оценивалось в 573 000 белорусских рублей (до этого его начальная цена была почти в пять раз выше), в сентябре текущего года оно было выставлено на аукцион за 42 рубля (1 базовую величину) [5]. К сожалению, несмотря на такую низкую стоимость, здание так никто и не приобрел. Подобная ситуация – не единичный случай. Потенциальные покупатели, понимая, что приобретают не обычный объект, а памятник архитектуры, не желают обременять себя финансовыми и юридическими обязательствами, а также ответственностью перед законодательством, особенностями которого должен знать, понимать и соблюдать каждый собственник.

Для эффективного решения вышеобозначенных проблем необходимо комплексное взаимодействие государственных органов, специалистов по охране историко-культурного наследия, собственников таких объектов, а также с потенциальными покупателями, которые рассматривают приобретение подобных объектов, но сомневаются в принятии подобного решения. Мы предлагаем осуществить ряд мероприятий, которые могут повлиять на решение вышеописанных проблем:

1. Создание и внедрение образовательных программ. Организация регулярных обучающих семинаров и курсов для собственников и потенциальных покупателей объектов историко-культурного наследия, направленных на повышение их компетентности в вопросах, связанных с охраной и сохранением объектов наследия (соблюдение законодательства, требований к ремонтным и реставрационным работам, грамотному оформлению документов и др.). Реализация образовательных программ позволит снизить риск возможного повреждения или уничтожения историко-культурных ценностей, а также может положительно повлиять на решение покупателей в приобретении объектов историко-культурного наследия.

2. Внедрение специализированной консультативной службы. Формирование специализированного центра, предоставляющего консультации собственникам (или потенциальным покупателям) объектов историко-культурного наследия по всем аспектам охраны и сохранения.

3. Усиление контроля и ответственность за нарушения. Введение более строгих механизмов контроля за соблюдением установленного законодательства.

4. Финансовая поддержка и стимулирование. Разработка программ субсидирования или льготного финансирования мероприятий, направленных на сохранение объектов, что позволит уменьшить мотивы уклоняться от оформления соответствующих

документов и проведении ремонтных работ, а также положительно повлияет на желание потенциальных покупателей в приобретении подобных объектов.

5. Повышение информированности о законодательных требованиях. Широкое информирование собственников о реализации обязательных процедур (например, о заключении охранных обязательств, разработке паспортов и проектов зон охраны, установке охранных досок и др.) посредством официальных ресурсов (газеты, мессенджеры, телевидение и др.).

Таким образом, внедрение комплексного подхода, сочетающего образование, контроль, информирование, финансовую поддержку и оказание консультативной помощи, позволит снизить риск проведения незаконных ремонтных работ, повысит осведомленность собственников о законодательстве, а также может положительно повлиять на покупателей, которые имели сомнения в приобретении объектов историко-культурного наследия.

Охрана историко-культурного наследия в Беларуси – это важная комплексная задача, включающая учёт, реставрацию и сохранение уникальных объектов и нематериальных ценностей, имеющих мировое, международное, национальное и региональное значение. Формирование Государственного списка историко-культурных ценностей способствует систематизации и государственной защите данных объектов. Несмотря на значительный прогресс и активную работу государственных структур по сохранению, расширению списка и популяризации наследия, многие памятники были утрачены или повреждены в XX веке вследствие исторических событий, которые происходили на территории Беларуси. В связи с этим детальное внимание к вопросам охраны наследия со стороны государственных органов укрепляет статус приоритетного направления, необходимого для обеспечения сохранения исторической памяти и формирования культурной идентичности государства.

1. BELARUS.BY : [сайт]. – URL: <https://www.belarus.by/ru/travel/heritage> (дата обращения: 10.09.2025).
2. Museum.by – "Музеи Беларуси" : [сайт]. – URL: <https://cinema.museum.by/> (дата обращения: 12.09.2025).
3. БЕЛТА : [сайт]. – URL: <https://belta.by/culture/view/belorusskuju-dudu-planirujut-vkljuchit-v-spisok-objektov-nematerialnogo-kulturnogo-nasledija-junesko-714875-2025/> (дата обращения: 10.09.2025).
4. Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. – URL: <https://cinema.museum.by/> (дата обращения: 16.09.2025).
5. Информационный сайт Слуцка Slutsk-Gorod.by : [сайт]. – URL: <http://slutsk-gorod.by/novosti/item/zdanie-konservnogo-zavoda-v-slutske-vystavili-na-auktzion-za-bazovuyu> (дата обращения: 20.09.2025).
6. Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413> (дата обращения: 10.09.2025).
7. Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/social/culture/istoriko-kulturnoe-nasledie> (дата обращения: 10.09.2025).

Асмалоўскі М.П. “СТРАЛА”. ПРАБЛЕМЫ РЭПРЭЗЕНТАЦЫИ ТРАДЫЦЫЙНАГА АБРАДА Ў СУЧАСНЫХ УМОВАХ

Ключавыя слова: “Ваджэнне і пахаванне Страны”, нематэрыяльная гісторыка-культурная спадчына, традыцыйны абрад, рэпрэзентацыя традыцыйнага абрада, праблемы захавання традыцыйнага абрада.

“Ваджэнне і пахаванне Страны” належыць да абрадаў веснавой часткі календарна-земляробчага цыкла. Першыя фіксацыі вядомыя ўжо з першай паловы XIX ст. [1, с. 130]. Па форме “Страны” ўяўляе рытуалізаванае шэсце-абыход і суправаджаецца спецыфічным песенным рэпертуарам, карагодамі ў кульмінацыйных момантах абрада, тэатралізаванымі рытуальнымі дзеяннямі прадукуючага характара.

Элементы “Страны”, прынамсі яе багаты песенны рэпертуар, маюць шырокі арэал бытавання і ў пазнейшы час адрываюцца ад абрада, пераходзячы ў іншыя песенныя

жанры. Як традыцыйная цырымонія да канца ХХ ст. комплекс найбольш поўна захоўваўся на гомельска-бранска-чарнігаўскім памежжы [1, с. 140].

Натуральны асяродак “Стралы” – сялянская грамада з яе аграрнай акцэнтаванасцю і народна-хрысціянскім светапоглядам. Гэтым абумоўлены асаблівасці бытавання абрада: храналагічная прымеркаванасць (веснавы цыкл); рытуальная прымеркаванасць (Благавешчанне, Вялікдзень, Ушэсце); агульнасць (прысутнічае ўесь калектыв населенага пункта); прадметная атрыбутыка сімпатычнага характара (лялька, іголкі, капейкі, галінкі, каралі і да т. п.); казуальнасць (падчас прыродных аномалій можа выконвацца “не ў пару”); выразная фазаванасць ((служба)-шэсце-карагод-шэсце-карагод-гульні)¹.

Мета абрада вызначае яго бытаванне, форму і ўмовы. “Страла” мае выразную шматмэтаванасць, якая можа быць зведзена да трох магістральных функцый: апатрапейная; прадукуючая; камунікатыўная.

На апатрапейную і прадукуючу функцыі паказваюць адказы, атрыманыя ад носьбітаў традыцыі на пытанне аб прычыне ваджэння “Стралы”: “штоб (усё) урадзіла”, “штоб жыта ўрадзіла”, “штоб лён рос”, “штоб ураджай сена быў”, “штоб пажару не было”, “штоб гром дамы ня біў”, “еслі дажджу німа”, “штоб дожч ні мясціў, бываюць жа заліўныя дажджы” [3, с. 236].

Камунікатыўная функцыя рэалізуецца праз агульны ўдзел усіх гендэрнадэмографічных страт населенага пункта. Пры гэтым важна разумець спецыфіку, паводле якой ярка вылучаюцца а́ктары абрада – у пераважнай большасці зафіксаваных выпадкаў жанчыны і дзеци, – і яго ўдзельнікі – усе прысутныя незалежна ад ролі ў абрадавай частцы. У святочнай частцы, рэалізаванай праз гулянне, грамада зноў злучалася.

Абрад “Ваджэнне і паходаванне Стралы” уключаны ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь пад шыфрам 33АК000003 паводле рашэння Рады ад 15.11.2006 № 125 і пастановы Савета Міністраў ад 14.05.2007 № 578. Пазіцыя была зменена на падставе рашэння Рады ад 10.10.2022 № 04-01-02/8 і пастановы Міністэрства культуры ад 28.10.2022 № 83 [4, с. 36].

Гэта абумоўлена адсутнасцю ў Казацкіх Балсунах носьбітаў традыцыі, здольных стала яе здзяйсняць. Грамадская супольнасць, ў якой функцыянуе абрад, цягам ХХ – пачатку ХХІ стст. разбураеца або трансфармуеца. На цяперашні момант можна гаварыць хутчэй пра рэпрэзентацыю рытуальнай дзеі. Такая інтэрпрэтацыя ставіць шэраг пытанняў да методыкі далейшага захавання нематэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей.

Ніжэй на прыкладзе абрада “Страла” вылучаны асноўныя праблемы, якія могуць паграджаць яе далейшаму бытаванню або існаванню: адсутнасць унутранага рэгулятара; наяўнасць невядомых удзельнікам этычных правіл якія прама не вынікаюць з хода абрада; шырокая варыятыўнасць абрада; звязанне да інварыянта; успрыняцце традыцыйнага абрада як культурна-масавага мерапрыемства сучаснага тыпу.

Кожная з пералічаных праблем негатыўна ўплывае на існаванне ўсяго абрада. У залежнасці ад канкрэтных умоў, інтэнсіўнасць уплыву розніца. Відавочна, такі ўплыву праз абектыўныя прычыны адчувае не толькі комплекс “Стралы”. Таму выпрацоўка спосабаў нейтралізацыі азначаных вышэй праблем падаеца задачай пры захаванні ўсяго корпуса НГКС.

¹ Этнографічныя матэрыялы, сабраныя ВМСБТ ў рэгіёне Пасожжа-Падняпроё, дазваляюць сцвярджаць, што абраду папярэднічала царкоўная служба або малебен. Укосна гэта пацвярджае храналогія “ваджэння”: нідзе не фіксуецца пачатак, больш ранні за поўдзень. У населеных пунктах, дзе бытавалі “Свечы”, сінхронныя абраду, перанос “Свечы” правілі да “Стралы”. У населеных пунктах, дзе адсутнічала і царква, і “Свяча”, малебенную частку здзяйснялі самі жыхары да пачатка “ваджэння” [2, с. 46].

Адсутнасць унутранага рэгулятара можна разглядаць у якасці найбольш істотнай небяспекі для захавання аброда. Традыцыйна заўжды існаваў чалавек (або група людзей), які валодае пераканаўчым аўтарытэтам і чыя кампетэнтнасць у сферы правядзення аброда не аспрэчвалася.

Калі размова пра Стрэльны комплекс, гэта жанчыны сталага веку, якія добра ведалі ход аброда, песенны рэпертуар, валодалі высокім выканальніцкім талентам. Іх уплыў на грамаду дазваляў лакалізаваць або прадухіліць магчымыя хібы падчас рытуальнай і/або святочнай часткі дзея.

Там, дзе такі унутраны рэгулятар існуе, аброд працягвае бытаваць нават пры мінімальнай колькасці ўдзельнікаў. Прыкладам можа служыць в. Бабічы Чачэрскага раёна Гомельскай вобласці. Там, дзе рэгулятар з пэўных прычын адсутнічае, аброд як агульная з'ява можа спыніцца нават пры дастатковай колькасці дасведчаных удзельнікаў, як гэта адбылося ў аг. Неглюбка Веткаўскага раёна ад 2015 г.

Універсальны спосаб вырашэння у наш час падаецца немагчымым. Завадатар мусіць спалучаць адразу шэраг кампетэнцый: дасканалае веданне лакальнага варыянта аброда, яго рэпертуара, мець мастацка-выканальніцкія здольнасці, арганізацыйныя здольнасці. Прызначэнне адказных за аброд па лініі ўстаноў культуры можа справакаваць фармалізацыю працэсу або поўнае яго скажэнне, напрыклад, праз неразуменне стылістычных нюансаў. Аасабістая зацікаўленасць дасведчаных мясцовых жыхароў і праз гэта натуральнае дэлегаванне “абавязку” вядоўцы аброда можа станоўчым чынам упłyваць на захаванне ўсяго аброда, але не гарантую яго.

Нават наяўнасць дасведчанага рэгулятара не заўжды абазначае захаванне цэласнасці дзея. Звычайна мясцовыя жыхары ведалі ход аброда, уласцівую яму унутраную логіку, сістэму рытуальных дазволаў і забарон. У цяперашні час значная колькасць прысутных не валодае гэтымі ведамі, або валодае недастаткова ці свядома іх ігнаруе. Як прыклад можна разглядаць “Пахаванне Стралы” ў аг. Стайбун. Колькасць ўдзельнікаў там застаецца вялікай за кошт тых, хто мэтанакіравана прыязджает з іншых мясцовасцяў. Намі неаднаразова фіксаваліся ўчынкі, адназначна табуяваныя ў традыцыйнай “Страле”: разрыванне фатографамі і відэааператарамі карагодных ланцугоў і колаў і да т. п. Носьбіты традыцыі не заўжды могуць прадухіляць такія выпадкі, што нішчыць рытуальны сэнс аброда.

Момант захавання рытуальнай этыкі можна разглядаць як агульнае вузкае месца любога аброда. Пытанне аб тым, як у сучасных умовах прадухіліць дзяянні, неэтычныя з пункту гледжання традыцыі, патрабуе дадатковага глыбокага абл меркавання.

“Страла” належыць да абродавых комплексаў з широкім арэалам бытавання. Ва ўмовах закрытых аграрных соціумаў гэта спрыяла з'яўленню варыянтаў адной і той жа рытуальнай дзея. Пры захаванні агульнай унутранай логікі і сэнса, якія дазваляюць прыяднаць той ці іншы варыяント да “Стрэльнага” комплекса, шматлікія варыянты “Стралы” адрозніваюцца мастацка-стылістычнымі нюансамі, якія рэалізууюць дадатковыя рытуальныя сэнсы, актуальныя ў той ці іншай мясцовасці. Сюды можна аднесці “Ваджэнне Старцаў” з неглюбскага варыянта, гушканне дзяяцей пасля “Крывога танка” з казацка-балсунскага варыянта і да т.п.

Яшчэ большая разнастайнасць уласціва для песеннага рэпертуара “Стралы”. Ад вёскі да вёскі добра прасочваеца варыятыўнасць тэкстаў, якія спіываюцца на аднолькавы матыў [1, с. 135]. Такая варыятыўнасць можа рэалізоўвацца сінтагматычным, тэкстуальным, меладычным узроўні. Напрыклад:

“...Ты юбі, Страла, добра га молайца...” – “... Ты ня ўбі, Страла, добра га молайца...”;

“Ты ідзі, Страла, да юдоль сяла” – “Мы на сена йдом, мы на новае”;

працягнуты тон на словаабрыве з рэдукаваным гуканнем – выразнае гуканне з працягнутым заканчэннем музычнай страфы.

Неаднастайны і сам корпус тэкстаў, які суправаджае розныя этапы дзеі. Для носьбітаў традыцыі гэтыя асаблівасці застаюцца натуральным спосабам адрозніць свой варыянт цырымоніі ад іншых. Звычайна гэта суправаджаеца добрым веданнем іншай традыцыі ў tym, што датычна аспектаў адрознага. Падчас экспедыцыйных запісаў дастаткова часта гучала сцвярджэнне тыпу: “у нас так не рабілі. Так рабілі (указанне населенага пункта)”. Такая антанімія дазваляла, сярод іншага, умацоўваць свой варыянт як адзіны “правільны”.

Ва ўмовах, калі ўдзельнік абрада не належыць да мясцовай супольнасці, гэтыя акалічнасці могуць не ўсведамляцца, або інтэрпрэтавацца як няважныя. У перспектыве гэта вядзе да хімерызацыі рытуальнай дзеі, калі яна часткова або цалкам спалучае ў сабе некалькі субэлементаў розных лакальных традыцый, не адпавядаючы ні адной з іх. У такіх выпадках гаварыць пра рэпрэзентацыю традыцыйнага абрада не прыходзіцца.

Магчымы сітуацыі, калі з шэрага лакальных традыцый вылучаеца адна, і ўжо яна пазіцыянуеца як адзіная верная. Звядзенне шэрага варыянтаў да інварыянта збядняе традыцыю, хаця, на фармальным узроўні, спрыяе захаванню і папулярызацыі абраданага інварыянта.

Апісаныя вышэй праблемы не адносяцца да крытычных на кароткіх адлегласцях часу. Яны выпраўляюцца навукова-даследчай і папулярызатарскай работай. Да таго ж людзі, якія бяруць удзел у “Страле” з года ў год натуральным чынам пераймаюць асаблівасці яе правядзення непасрэдна ад носьбітаў у працэсе.

Яшчэ адным выклікам рэпрэзентацыі традыцыйнага абрада з’яўляеца яго ўспрыняцце як культурна-масавага мерапрыемства сучаснага тыпу. За савецкім часам сфарміравалася і замацавалася ўяўленне, згодна якому прысутныя падзяляюцца на камунікатараў і рэцыпіентаў. Гэты падзел выразна праходзіць па лініі “выканаўца абрада – прысутны”. Такім чынам грамада, якая ў традыцыйным абраадзе выконвала ролю калектыўнага сведкі, ператвараеца ў сукупнасць гледачоў, штучна адмежаваных ад абрада.

Ва ўмовах, калі дзяржава прымае адказнасць за захаванне элементаў ГКС, адказнасць за іх правядзенне ўскладаеца на прадстаўнікоў мясцовых аддзелаў культуры. Культурна-масавае мерапрыемства сучаснага тыпу мае шэраг адметнасцяў. Бадай галоўная з іх – патрабаванне відовішчнасці. Між tym, традыцыйны абраад не абавязкова мусіць быць відовішчным. Работнікам культуры варта пазбягаць выпадкаў нематываванага падвышэння мастацкіх якасцяў рытуальнай дзеі за кошт гіпертрафіраванага акцэнтування наяўных мастацкіх элементаў або ўвядзення для яе неўласцівых.

Традыцыйная абрааднасць з’яўляеца выдатным сродкам перадачы культурнай спадчыны ва ўмовах рэпрэзентацыі ў сучасным грамадстве. Азначаная рэпрэзентацыя мае шэраг праблем і выклікаў. Кожная з праблем пры належнай работе можа быць вырашана. У сваю чаргу гэта забяспечыць перадачу аўтэтаў НГКС нашчадкам.

1. Гусев, В. Е. «Стрела» в русско-белорусско-украинском пограничье (к проблеме изучения локальных песенных традиций) / В. Е. Гусев, Ю. И. Марченко // Русский фольклор: Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. Т. 24. – С. 128–147.

2. Архіў экспедыцыйных матэрыялаў ДУК “Веткаўскі музей стараабрадніцтва і беларускіх традыцый ім. Ф. Р. Шклярава” (ВМСБТ) – Ф. 57. Арк. 46.

3. Голоса ушедших деревень / Г. Г. Нечаева, Г. И. Лопатин, С. И. Леонтьева, А. И. Дробушевский ; под общ. ред. Г. Г. Нечаевой. – Минск : Белорусская наука, 2008. – 342 с.

4. Аб гісторыка-культурных каштоўнасцях : пастанова Міністэрства культуры Рэсп. Беларусь ад 28 кастрычніка 2022 г.

№ 83. – URL:

<https://kultura.by/uploads/files/%D0%9F%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%9A%D0%A2%2028.10.2022%20E2%84%9683.pdf> (дата звароту: 23.09.2025).

Бараненко Т.В.
ПРОЕКТ «ПОЛОЦКАЯ НАБОЙКА»:
ОПЫТ ВОЗРОЖДЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО РЕМЕСЛА
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ²

Ключевые слова: полоцкая набойка, традиционное ремесло, социокультурное пространство, техника декорирования, культурное наследие

В последнее время в белорусском обществе особое внимание уделяется сохранению и передаче историко-культурного наследия молодому поколению. На базе музеев, городских и сельских центров ремёсел, дворцов культуры возобновляются и исследуются малоизвестные и забытые ремесла, что бытовали на территории Беларуси. Одной из таких незаслуженно забытых ремесленных традиций является декорирование ткани – набойка.

Набойка («выбойка», «кращаніна», «набіванне») – это одна из техник декорирования ткани, использующая доски-клише с рельефным узором. Мода на набойку на белорусских землях территориях распространилась в XVI–XVII вв. Центрами набойного дела в XIX в. являлись крупные города – Витебск, Могилёв, Полоцк, Орша, Бобруйск. Набойка как ремесло была распространена не только в этих городах, но и в малых населённых пунктах [8, с. 334]. С помощью набойки декорировали предметы домашнего текстиля – скатерти, полотенца, простыни и пр. Также при помощи набойки украшалась ткань, из которой изготавливали элементы костюма: сарафаны, рубашки, фартуки и пр. Узоры могли включать в себя растительные мотивы, геометрические фигуры, изображения людей и животных, а также сцены из повседневной жизни.

С развитием текстильной промышленности и механизацией нанесения рисунка ручная набойка к концу XIX в. постепенно становится невостребованной. В первой половине XX в. производством ручной набойки занимались только единичные мастера [8, с. 334].

Традиционные ремесла, являющиеся носителями архаичных эстетических и технологических знаний наших предков, требуют не столько консервации в музейном пространстве, сколько интеграции в современный культурный контекст. Одним из наиболее успешных примеров такого синтеза является проект «Полоцкая набойка», направленный на возрождение и популяризацию традиционной полоцкой набойки, осуществляемый на базе Музея традиционного ручного ткачества Поозерья, филиала Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (далее – НПИКМЗ) в 2025 году [4; 7, с. 6].

Данный проект представляет собой комплексную модель по изучению, возрождению и внедрению в современные практики технологии набойки – традиционного способа украшения ткани.

Комплексность подхода реализации заключается во взаимосвязи компонентов его составляющих, каждый из которых несёт непосредственную практическую значимость:

1. Научно-исследовательский компонент. Основная цель компонента – проведение научного исследования. Работа на данном этапе велась по нескольким направлениям: источниковедческий анализ (изучение этнографических коллекций в музеях Беларуси (НПИКМЗ, Витебского областного краеведческого музея, Научно-исследовательского музея белорусского искусства и культуры НАН Беларуси и др.), архивных материалов (Зональный государственный архив в г. Полоцк), а также схо-

² Статья публикуется в рамках инновационного авторского проекта «Полоцкая набойка» при поддержке гранта Президента Республики Беларусь в сфере культуры на 2025 г.

жих материалов из соседних регионов (Россия); технологическая реконструкция (воссоздание досок-клише на основе эскизов с оригинальных музейных предметов).

Этот компонент превращает проект из сугубо «ремесленного» в научно-обоснованный, что обеспечивает его достоверность и культурную ценность.

Логическим результатом данного компонента является представление результатов проведённой ведущим научным сотрудником Музея традиционного ручного ткачества Поозерья Т.В. Бараненко научной-исследовательской работы на XIV Международной научной онлайн-конференции «Традиции и современное состояние культуры и искусств» (11 сентября 2025 г., г. Минск) с темой «Скатерть из фондов Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника как образец набивного дела на Полоччине первой половины XX века».

2. Образовательно-просветительский компонент. Данный компонент реализуется через проведение мастер-классов и интерактивных занятий, где участники не являются пассивными зрителями, а самостоятельно, под руководством мастера, осваивают данный процесс нанесения узора на ткань. Это формирует эмоциональную связь с наследием и обеспечивает передачу навыков.

Стоит отметить, что в целях наибольшей популяризации ремесла мастер-классы были проведены не только для местного сообщества, в г. Полоцк и г. Новополоцк, но и на общереспубликанских площадках, таких как 27-я Международная выставка-ярмарка туристических услуг «ОТДЫХ–2025» (27–29 марта 2025 г.; г. Минск) и «Фестиваль науки–2025» (6 сентября 2025 г.; г. Минск) [6; 5] (Рис. 1, 2). Проект также участвовал в IV Республиканской акции «Вандруй. Адчуй. Натхняйся» (2–8 июня 2025 г.) [1].

Опыт реализации проекта показал, что именно мастер-классы вызывают наибольший интерес у аудитории, поскольку преобразуют теорию в практику, давая возможность не просто увидеть, а самостоятельно создать изделие, тем самым обеспечивая прямое погружение в традицию.

Неотъемлемой частью образовательно-просветительского компонента стала интеграция результатов проекта в туристические программы, что создает уникальное предложение для туристов и способствует экономическому развитию региона [2]. А также, внедрение в инклюзивные программы НПИКМЗ, что позволило обеспечить равный доступ к культурному наследию для людей с ограниченными возможностями здоровья, способствуя созданию безбарьерной среды и формированию культуры инклюзии в обществе.

В рамках реализации проекта «Полоцкая набойка» ключевым образовательно-просветительским событием стала организация временной экспозиции «Набойка: традиция и современность» на базе Музея традиционного ручного ткачества Поозерья, филиала НПИКМЗ. Временная экспозиция была представлена в двух плоскостях: исторической, показывающей возникновение и развитие набойки в XIX в. – первой половине XX в. на территории Беларуси, и современной, отражающей возрождение и переосмысливание древнего мастерства в работах мастеров нашего времени [3].

Неотъемлемой частью временной экспозиции стало проведение на её основе кураторской экскурсии «Стилистика традиционной набойки», которая является уникальным опытом, позволяющим глубоко погрузиться в мир ремесла. В своей экскурсии куратор открывал «закулисье» выставки, рассказывая, как формировалась её концепция, по какому принципу отбирались экспонаты и в чём заключается уникальность каждого из них.

В целом, реализация этих двух компонентов решает одну из главных задач – превращение наследия из «музейного предмета» в «живую» практику, доступную и понятную широкой публике.

Рис. 1. Участие проекта «Полоцкая набойка» на 27-й Международной выставке-ярмарке туристических услуг «ОТДЫХ-2025» (27-29 марта 2025 г.; г. Минск). Фотография Т.В. Бараненко

Рис. 2. Участие проекта «Полоцкая набойка» на «Фестивале науки-2025» (6 сентября 2025 г.; г. Минск). Фотография Т.В. Бараненко

Рис. 3. На открытии временной экспозиции «Набойка: традиция и современность».
Фотография Т.В. Бараненко

3. Компонент интеграции традиции в современность. Наиболее значимым аспектом проекта является его ориентация на современность. Проведение открытого разговора «Набойка как творческий стимул в модернизации современного дизайна» помог содействовать вовлечению широкой массы общественности (как профессионалов: дизайнеров, художников, мастеров, ремесленников, так и людей, которым интересна тема набойки, традиционной культуры) к обсуждению дальнейшего развития, использования и интерпретации техники в современном культурно-художественном пространстве.

Таким образом, проект «Полоцкая набойка» демонстрирует эффективную многоуровневую модель работы с традиционным ремеслом, которая включает в себя три компонента: научно-исследовательский, образовательно-просветительский и интеграцию традиции в современность.

Данный опыт возрождения актуализации традиционного ремесла в современном социокультурном пространстве доказывает, что традиционное наследие является не «пережитком прошлого», а динамичным ресурсом. Оно способно выполнять важные социокультурные функции: формировать историческую память, укреплять культурную идентичность жителей, создавать уникальное предложение в сфере культурного туризма и, в том числе способствовать устойчивому развитию территории.

1. Большакова, А. А было здорово : [Туризм] / Алина Большакова // Полацкі веснік. – 2025. – 10 чэрвня. – С. 5.
2. Палацк, дзе пачынаецца краіна / Путеводитель по туристическим маршрутам Полотчины. – Издательство «Рифтур». – 2025. – 21 с.
3. Приглашаем на открытие выставки! // Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник: [сайт] – URL: <https://polotsk.museum.by/node/86460> (дата обращения: 19.09.2025).
4. Проект «Полоцкая набойка» // Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник: [сайт] – URL: <https://tkach.polotsk.museum/by/node/80937> (дата обращения: 13.09.2025).
5. Проект «Полоцкая набойка» на «Фестивале науки – 2025» // Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник: [сайт] – URL: <https://polotsk.museum/by/node/86329> (дата обращения: 13.09.2025).
6. Участие в выставке-ярмарке «ОТДЫХ-2025» // Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник: [сайт] – URL: <https://polotsk.museum/by/node/82488> (дата обращения: 13.09.2025).
7. Чэкалава, С. Этнічны каларыт: [Гранты] / С. Чэкалава // Культура. – 2025. – 7 лютага. – С. 1, 6.
8. Шунейка, Я. Ф. Набіванка // Я. Ф. Шунейка // Этнаграфія Беларусі : энцыкл. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 334–335.

Бараноўскі А.В.
УКЛАД ВУЧОНЫХ НАН БЕЛАРУСІ Ў ВЫВУЧЭННЕ,
ЗАХАВАННЕ, ПАПУЛЯРЫЗАЦЫЮ ГІСТАРЫЧНАЙ
I КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ ВІЦЕБШЧЫНЫ НА СУЧАСНЫМ ЭТАПЕ

Ключавыя слова: гісторычна спадчына, культурная спадчына, археалагічна спадчына, акадэмічныя вучоныя, Віцебшчына.

Усё большую папулярнасць у Рэспубліцы Беларусь і за яе межамі набываюць даследаванні па рэгіянальной гісторыі, якія дазваляюць паказаць мінулае асобных населеных пунктаў і рэгіёнаў у лакальным і агульнагісторычным кантэксце. Значная праца ў гэтым накірунку на сучасным этапе праводзіцца акадэмічнымі вучонымі Беларусі. Супрацоўнікі Інстытута гісторыі НАН Беларусі разам са сваімі калегамі з Цэнтра даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі (Інстытут мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклору імя Кандрата Крапівы, Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа) зрабілі важны ўклад у вывучэнне, захаванне, папулярызацыю гісторычнай і культурнай спадчыны Віцебшчыны.

Археолагамі Інстытута гісторыі НАН Беларусі на працягу разглядаемага перыяду бесперапынна вяліся даследаванні археалагічных аб'ектаў, а з 2002 г. таксама ажыццяўляўся нагляд за выкананнем ахоўных мер пры правядзенні земляных, будаўнічых і іншых работ па ўсёй краіне. Удзельнікамі-валанцёрамі археалагічных даследаванняў заўсёды з'яўляюцца мясцовыя краязнаўцы і аматары гісторыі роднага краю. У Беларусі склалася практика, паводле якой археолагі замацоўваюцца за пэўным рэгіёнам і сістэматычна даследуюць яго. Трэба згадаць імёны айчынных археолагаў – даследчыкаў Віцебшчыны. Гэта Георгій Штыхаў, Вольга Ляўко, Андрэй Вайцяковіч, Максім Чарняўскі, Леанід Калядзінскі, Марат Клімаў, Іван Спірын і інш.

Вучонымі Інстытута гісторыі НАН Беларусі за апошнія 30 гадоў напісаныя шмат прац па рэгіянальной гісторыі Беларусі. Так, Вольга Ляўко вывучаля гісторыю Віцебска, Георгій Штыхаў – Лукомля. Пабачылі свет і калектывныя манаграфіі, у якіх адлюстравана гісторыя Полацка, Друцка і Орши.

У апошнія дзесяцігоддзі асаблівая ўвага ў Інстытуце гісторыі надаецца арганізацыі і правядзенню рэгіянальных канферэнцый у партнёрстве з мясцовымі органамі ўлады і краязнаўчымі музеямі. Так, гісторыка-краязнаўчыя форумы прайшлі ў Браславе (2015), Орши (2017), Шуміліне (2017), Расонах (2018, 2019, 2025), Глыбокім (2020), Лепелі (2021, 2023), Сянне (2022), Талачыне (2023), Бешанковічах (2024), Чашніках (2025).

Канферэнцыі з'яўляюцца годнымі пляцоўкамі, на якіх навукоўцы, прадстаўнікі органаў дзяржаўной улады і краязнаўцы абміркоўваюць актуальныя пытанні гісторыі асобных раёнаў. Дадзеныя гісторыка-краязнаўчыя форумы садзейнічаюць далейшай папулярызацыі малавядомых старонак гісторыі і недастаткова даследаваных мясцін рэгіёна, а таксама актыўізуюць даследчыкаў на новыя пошуки і адкрыцці. Вельмі важна, што па выніках канферэнцый друкуюцца зборнікі артыкулаў і матэрыялаў форуму пад брэндавай назвай «Беларусь праз прызму рэгіянальной гісторыі».

У 2021 г. Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі завяршыў працу па стварэнні ўнікальнага энцыклапедычнага выдання «Гарады і вёскі Беларусі» ў 10 тамах – 20 кнігах. Гісторыя Віцебшчыны прадстаўлена ў апошніх 5 кнігах (т. 10, кн. 1–5). У выданні, на падставе архіўных дакументаў і іншых крыніц, адлюстравана гісторыя, культура і сацыяльна-еканамічнае развіццё Віцебскага рэгіёна ад старажытнасці і да нашых дзён. Выпуск шматтомнай энцыклапедыі ажыццяўляўся па заказе і пры фінансавай падтрымкы Міністэрства інфармацыі

Рэспублікі Беларусь. Выданне «Гарады і вёскі Беларусі» было ўдастоена прэмii Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «За дугоўнае адраджэнне». Сярод шматлікага аўтарскага калектыву трэба згадаць член-карэспандэнта Станіслава Марцэлева, Тамару Габрусь, Алу Шамрук, а таксама Вольгу Князеву.

Аддзел фалькларыстыкі і культуры славянскіх народаў Інстытута мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклору імя Кандрата Крапівы сёння фактычна з'яўляецца рэспубліканскім каардынацыйным цэнтрам збіральніцкай дзейнасці – вядзецца работа па атрыманні і захаванні прыватных архіваў і фальклорных збораў. Калекцыя фальклорных запісаў аддзела налічвае больш за 400 тысяч тэкстовых і 70 тысяч гукавых запісаў фальклору з усіх рэгіёнаў Беларусі, уключана ў Дзяржаўны рэестр навуковых аб'ектаў, што складаюць нацыянальны здабытак. Пераважную частку фонду тэкстовых запісаў складаюць песенныя творы, запісы народнай прозы, замовы, народныя вершы, этнографічныя апісанні календарных і сямейных абраадаў, народных гульняў і інш.

У Дзяржаўны рэестр навуковых аб'ектаў, што складаюць нацыянальны здабытак, уключана і калекцыя твораў мастацтва і прадметаў этнографіі аддзела старажытнабеларускай культуры Інстытута мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклору. На 31 снежня 2023 г. агульная колькасць прадметаў, якія ўваходзілі ў склад калекцыі аддзела, складала 12 тыс 295 адзінак захоўвання з усёй тэрыторыі Беларусі. Значная частка калекцыі паходзіць з Віцебшчыны.

На працягу 2003–2010 гг. была апублікавана серыя нарматыўных даведнікаў «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь» у 6 кнігах. Даведнікі былі падрыхтаваны Рэспубліканскай тапанімічнай камісіяй пры НАН Беларусі і Дзяржаўным камітэтам па маёмысці Рэспублікі Беларусь. Дадзеная серыя не пабачыла б свет без удзелу супрацоўнікаў Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа, якім, дарэчы, і належала ідэя выдання. Гэта Валянціна Лемцюгова і яе вучань Ігар Капылоў. Пятая кніга даведніка прысвячана Віцебскай вобласці і ўключае наяўныя назвы населеных пунктаў Віцебшчыны ў межах існуючага на той час адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу (вобласць, раён, пасялковы і сельскі саветы). Назвы населеных пунктаў у даведніку падаюцца беларускай кірыліцай і лацінкай, а таксама рускай графікай. Напісанне назваў прыводзіцца ў адпаведнасці з арфаграфічнымі нормамі беларускай і рускай літаратурных моў.

Супрацоўнікамі аддзела гісторыі мовы Інстытута мовазнаўства ўпершыню ўведзены ў мовазнаўчы ўжытак пісьмовыя помнікі «Рэвізія Полацкай эканоміі» (1552) і інш. Пры непасрэдным удзеле гісторыкаў мовы Наталлі Паляшчук і Эльвіры Ярмоленка ажыщёўлена падрыхтоўка да выдання факсіміле помнікаў беларускай пісьменнасці: «Жыціе Еўфрасінні Полацкай» (спіс XVI ст.), «Буквар» Спрыдона Собалі (1631).

Вучонымі-дыялектолагамі Інстытута мовазнаўства было падрыхтавана фундаментальнае навуковае даследаванне «Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: у 5 тамах» (1993–1998). Гэта праца з'яўляецца працягам лінгваграфічнага выдання «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы» (1963). Кожны том лексічнага атласа складаецца з дзвюх частак: 1) карты; 2) каментарыі да іх. У выданні прадстаўлены карты па словаўтварэнні, семантыцы і акцэнталогії, асноўны ж масіў складаюць карты, на якіх адлюстраваны абазначальныя сродкі розных лексіка-тэматычных груп гаворак беларускай мовы. Сярод аўтарскага калектыву трэба згадаць члена-карэспандэнта Юзэфу Мацкевіч, кандыдатаў навук Аляксандра Крывіцкага і Івана Яшкіна.

Вельмі важна, што ў сферу навуковых інтэрэсаў акаадэмічных дыялектолагаў уваходзіць падрыхтоўка і выданне дыялекцных слоўнікаў асобных рэгіёнаў Беларусі. Так, у 2015 г. быў выдадзены дыялектны слоўнік «Мова Сенненшчыны» ў 2 т. Гэты слоўнік уключае рэгіянальную лексіку, сабраную на тэрыторыі Сенненскага раёна Віцебскай вобласці ў 1980-я гг. Гаворка сенненцаў характарызуецца шэрагам адметных

моўных асаблівасцей, якія вылучаюць тэрыторыю Сенненшчыны ў складзе гаворак паўночна-ўсходняга дыялекту беларускай мовы.

Трэба адзначыць, што вялікая ўвага кіраўніцтвам Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа надаецца арганізацыі і правядзенню рэгіянальных навукова-практычных канферэнцый пад брэндавай называй «Рэгіён на гісторыка-культурнай карце Беларусі». У іх прымаюць удзел гісторыкі, мовазнаўцы, мастацтвазнаўцы, літаратуразнаўцы, фалькларысты, краязнаўцы і школьнікі. Так, канферэнцыі адбыліся ў Паставах, Глыбокім, Гарадку і Полацку. Матэрыялы, што прайшлі апрабацыю на канферэнцыях, друкуюцца ў зборніках навуковых артыкулаў.

Такім чынам, вучоныя НАН Беларусі зрабілі важкі ўклад у вывучэнне, захаванне, папулярызацыю гістарычнай і культурнай спадчыны Віцебшчыны. Рэгіянальныя даследаванні акадэмічных вучоных сёння адыгрываюць значную ролю ў захаванні і рэпрэзентацыі гістарычнай памяці. Яны дазваляюць паказаць гісторыю асобных населеных пунктаў і рэгіёнаў у лакальным і агульнагістарычным кантэксьце. Правядзенне шматлікіх рэгіянальных канферэнцый з аднаго боку стымулюе акадэмічных вучоных займацца даследаваннем пэўных тэрыторый і рэгіёнаў краіны, а з іншага боку – стварае годныя пляцоўкі, на якіх навукоўцы, прадстаўнікі органаў дзяржаўнай улады і краязнаўцы абмяркоўваюць актуальныя пытанні гісторыі і культуры асобных рэгіёнаў.

**Белокопытова А.В., Рошина Т.А., Шишкіна К.А.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ
КНИГИ Я. ТЕССИНГА И И. КОПИЕВСКОГО «СИМВОЛЫ И ЭМБЛЕМАТА»**

Ключевые слова: системы машинного перевода, искусственный интеллект, научная литература, историческая лингвистика, автоматический перевод.

Актуальность нашей работы обусловлена возрастающей потребностью в быстром и качественном переводе литературы прошлых эпох для обеспечения более широкого доступа к знаниям и исследованиям, а также для сохранения и популяризации культурного наследия петровской эпохи, которое может быть интерпретировано в современной реальности.

Цель исследования – выявление особенностей и проблем, возникающих при переводе литературы петровской эпохи, а именно, текста «Символы и эмблемата» (*Symbola et Emblemata*, 1705 г.) с помощью машинного перевода, анализ различных систем машинного перевода (СМП), выделение их преимуществ и недостатков на примере данного текста, а также обоснование необходимости привлечения специалистов в области лингвистического перевода для наиболее точной и адекватной интерпретации текста.

Использовались теоретические методы для анализа литературных источников, сравнительный лингвистический анализ переводов выбранного литературного текста с помощью различных систем машинного перевода, обобщение основных преимуществ и недостатков СМП для перевода исторических текстов.

«Символы и эмблемата» (*Symbola et emblemata*) – книга, в которой содержатся многочисленные изображения различных символов и эмблем с описанием в виде «девизов», отражающих смысл, заложенный в символы. Авторство издания принадлежит голландскому книгоиздателю Яну Тессингу и русскому писателю, поэту и переводчику Илье Копиевскому. Предположительно, сборник был составлен на основе книги Даниэля де ла Фея.

840 символовических изображений и эмблем, представленные в книге, выполнены в виде гравюр и наполнены аллегорическим смыслом. Изображения были лично отобраны Петром I, который был инициатором создания данной книги. Гравюры располагаются на правых страницах издания, по 6 на каждой. Основная идея, посып символов напечатан слева в виде коротких девизов на разных языках.

Книга пользовалась большой популярностью, особенно после того, как император позволил продавать ее каждому желающему, из-за чего издание печаталось в нескольких тиражах (в 1705, 1718 и 1719). Получив широкую огласку, сборник стал важной частью истории книгопечатания, что послужило поводом к изучению и использованию его материалов в дальнейшем. «Символы и эмблемата» имеет особое значение для историков, искусствоведов, переводчиков, лингвистов и даже дизайнеров.

Издание во многом определило постоянный набор эмблем и символов в русском изобразительном искусстве XVIII–XIX веков. Материалы сборника использовались для создания многих российских гербов [3].

Упомянутое ранее описание символов исполнено на 8 языках (русском, латинском, французском, голландском, итальянском, английском, испанском и немецком), стилистические особенности которых значительно отличаются от особенностей аналогичных языков в наше время. Данный факт служит обоснованием необходимости перевода текста, в рамках которого могут активно использоваться системы машинного перевода.

В современном мире трудно представить жизнь без использования компьютерных технологий, которые задействованы практически во всех сферах нашей деятельности. Для осуществления деятельности лингвистов и переводчиков также используются информационные технологии, которые позволяют профессионалам быстрее и эффективнее справляться с задачами. Специализированные лингвистические ресурсы и системы автоматической переработки текста являются полезными инструментами для оптимизации работы над анализом и переводом различных текстовых источников. В качестве самого распространённого информационного ресурса, используемого лингвистами, выделяют машинный перевод [2].

Под машинным переводом (МП) подразумевается процесс автоматического перевода текста или речи с одного естественного языка на другой с помощью компьютерных алгоритмов [4]. Основным преимуществом данного ресурса является сокращение времени, затраченного на перевод текста. Однако, использование машинного перевода в профессиональной лингвистической деятельности имеет ряд особенностей, которые предполагают участие специалиста в данной области в процессе работы над переводом. Системы машинного перевода зачастую не справляются с распознаванием некоторых стилистических особенностей различных текстов. Машинный перевод рекомендуется применять для перевода текстов, обладающих стилистической согласованностью, в которых отсутствуют различные идиомы, речевые выражения и изобразительно-выразительные средства, требующие интерпретации. Данные недостатки являются обоснованием необходимости постредактирования результата работы профессионалом [6].

Можно выделить несколько разновидностей машинного перевода: статистический машинный перевод, машинный перевод на основе правил, нейронный машинный перевод и гибридный машинный перевод. Последний подход наиболее ресурсоёмок и практичен, так как использует лучшие стороны предыдущих систем [4].

В качестве инструмента для анализа исследуемого текста были выбраны переводчики, основанные на использовании гибридного и нейронного машинного перевода.

На сегодняшний день самыми известными и наиболее используемыми являются такие машинные ресурсы для перевода, как «Яндекс Переводчик» и «Google Translate». «Яндекс Переводчик» относится к гибридной системе машинного перевода, «Google Translate» базируется на нейронной системе. Данные ресурсы переводят, находя

вероятные соответствия в двуязычных базах данных, также называемых «корпусами», обладают функцией «самообучения»: чем больше параллельных текстов и чем точнее они соответствуют друг другу, тем лучше перевод. Плюсами машинного перевода являются его связность и адаптивность к различным языковым комбинациям [2].

При переводе книги «*Symbola et emblemata*» с помощью инструментов «Яндекс Переводчик по фото» и «Google Translate» для перевода изображений был выявлен ряд недостатков. Во-первых, препятствием для корректного перевода текста послужила сложность языков в данной книге [5]. Старинные языки и стили речи сложны для современных систем перевода, что приводит к неточности интерпретации смысла, заложенного в текст.

Во-вторых, сборник посвящен описанию значения символов и эмблем, из-за этого возникают сложности перевода, поскольку текст содержит в себе идиомы, аллюзии, метафоры, которые трудно интерпретируются или не имеют аналогов в языке перевода. По мнению В.П. Белянина, текст представляет собой основную единицу коммуникации, способ хранения и передачи информации, форму существования культуры, продукт определенной исторической эпохи, отражение психической жизни индивида [2]. Машинный перевод часто не способен уловить эти нюансы, что приводит к искажению смысла, заложенного в текст. Системе машинного перевода в основном не удается верно интерпретировать перечисленные выше сложные конструкции, и результат получается неточным, бессмысленным.

В-третьих, состояние старой книги (выцветание, повреждения, нечеткий шрифт) привело к ухудшению качества распознавания текста. При переводе системы машинного перевода не способны сохранить исходное форматирование и структуру документов, что может привести к проблемам с читаемостью в переведенной версии. Тестирование показало, что системы плохо справляются с текстами, изобилующими сложными предложениями. Программы оперируют в основном словосочетаниями и эффективны для перевода формализованных текстов, например, технических документов, инструкций, описаний и т.п., которые отличаются использованием простых предложений без сложных синтаксических конструкций.

Поскольку результаты перевода исходного текста по фото с помощью данных ресурсов оказались довольно неточными, в рамках проведения исследования также использовался построчный текстовый перевод через те же системы («Яндекс Переводчик» и «Google Translate»).

В процессе работы над переводом с помощью данных систем была выявлена проблема с определением языка, вводимого в систему: оба переводчика не смогли справиться с автоматическим определением, из-за чего последовательность языков в тексте определялась вручную, с помощью анализа научных литературных источников и характерных особенностей написания текстов на данных языках. Таким образом удалось установить предполагаемую последовательность: нидерландский, древнерусский, латинский, французский, итальянский, испанский, голландский, английский и немецкий [1]. Далее текст был преобразован с помощью использования транслитерации и предложен системам машинного перевода для обработки.

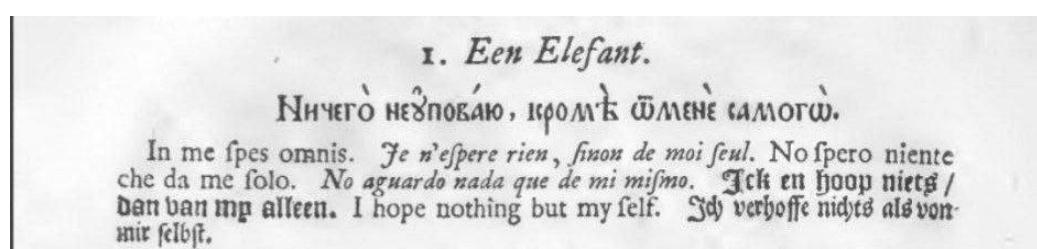

Рисунок 1. Фрагмент текста

Ниже представлена сравнительная таблица результатов перевода фрагмента текста книги «*Symbola et emblemata*» с использованием «Яндекс Переводчик» и «Google Translate».

Таблица 1

Язык	Фраза	Яндекс Переводчик	Google Translate
Нидерландский	Ein Elefant	Слон	Слон
Латинский	In me fpes omnis	Во мне живет каждый	Вся вера во мне
Французский	Je n'efpere rien, finon de moi feul	Я ничего не боюсь, оставь меня в покое	Я ни на что не надеюсь, кроме как на себя
Итальянский	no fpero niente che da me folo	нет fpero ничего, что от меня фоло	Я не ожидаю от себя ничего, что могло бы принести боль
Испанский	no aguardo nada que de mi mismo	я ничего не жду, кро- ме как от себя самого	Я ничего не ожидаю от себя
Голландский	Ick en hoop niets	Кричать и ни на что не надеяться	Я ни на что не наде- юсь
Английский	i hope nothing but my self	я не надеюсь ни на что, кроме своего счастья	я надеюсь, что ниче- го, кроме моей соб- ственной души
Немецкий	Ich verboffe nidts als von mir felbft	я не запрещаю ниче- го, кроме того, что от меня зависит	я не провозглашаю ничего, кроме себя.

Стоит отметить, что результат перевода отдельных строк, преобразованного с помощью транслитерации текста, значительно лучше отражает смысл написанного в сравнении с переводом по фото того же текста. Тем не менее, для более точного перевода необходимо привлечение специалистов в данной области знаний.

Таким образом, исследование позволило выявить ряд особенностей и трудностей, возникающих при переводе литературы петровского периода на примере текста «Символы и эмблемата» (*Symbola et Emblemata*, 1705 г.). Результаты анализа текста с помощью использования систем машинного перевода («Яндекс Переводчик» и «Google Translate») показали неточность передачи смысла и несохранение стилистики оригинала. Несмотря на очевидные преимущества современных технологий, исследование показало ограниченность возможностей систем машинного перевода данной литературы. Для корректного перевода обязательно участие профессиональных лингвистов-переводчиков для достижения высокого уровня качества и соответствия культурному наследию эпохи Петра I.

1. Александрова, А. Д. «Символы и эмблемата» Петра I / А. Д. Александрова // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс» : [сайт]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/322659150_Symbols_and_Emblemata_Peter_the_First (дата обращения 29.09.2025).
2. Беляева, Л. Н. Машинный перевод в современной технологии процесса перевода / Л. Н. Беляева // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – 2022. – № 203. – С. 22–30.
3. Власов, В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. / В. Г. Власов. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 249 с.
4. Головко, Д. Р. Особенности и виды машинного перевода / Д. Р. Головко // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2020. – № 4. – С. 24–30.
5. Давлетшина, Е. «*Symbola et Emblemata*» / Е. Давлетшина / Человек без границ. – 2016. – № 2. – URL: <https://www.bez-granic.ru/main/yazyk-simvolov/symbola-et-emblemata.html> (дата обращения 28.09.2025).
6. Панасенков, Н. А. Опыт обучения студентов-лингвистов постредактированию машинного перевода (на материале англо-русского перевода с помощью систем «Google Translate», «Яндекс Переводчик» и «Promt») / Н. А. Панасенков // Педагогическое образование России. – 2019. – № 1. – С. 55–60.

Богданова А.В.
ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ
КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ
СООРУЖЕНИЙ В ВИТЕБСКЕ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Ключевые слова: Витебск, восстановление, генплан, архитектура, застройка, городская среда.

После освобождения Витебска 26 июня 1944 г. от немецко-фашистских захватчиков, в очень сжатые сроки был составлен генеральный план по его восстановлению, который включал архитектурно-строительные документы и народнохозяйственные планы.

Рассмотрение схемы планировки и восстановления г. Витебска, разработанной Харьковским облпроектом, прошло 26 сентября 1945 г. Автором проекта был Александр Михайлович Касьянов. При нём же происходило проектирование первого генерального плана Витебска, разворачивавшегося на фоне принятого в 1935 г. Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о генеральном плане реконструкции Москвы. Изменения городской среды не должны были коснуться исторически сложившейся планировочной структуры города, но в то же самое время необходимо было достигнуть выразительного архитектурного оформления площадей и магистралей [5, с. 286].

При составлении генплана в 1945 г. было решено руководствоваться определёнными указаниями.

Перспективная численность населения г. Витебска составляла 250 000 жителей. И в соответствии с этим были дополнительно запроектированы недостающие по расчёту селитебные территории и связанные с ними элементы основного сетевого обслуживания.

Для размещения промышленности в восточном районе была дополнительно запроектирована территория. Основные магистрали с учётом уже существующих улиц и подъездов, пересеченных на разных уровнях, а также намеченные трассы мостов через реки Зап. Двина и Витьба так же были спроектированы.

Ликвидация стихийно сложившихся улиц и укреплений мелких кварталов (район Елаги) должна была решить проблему дальнейшей разработки планировочной структуры жилых районов с более правильной конфигурацией сетки кварталов. Жилые кварталы в юго-восточной части, примыкающие к реке Зап. Двина, намечалось перенести в зону повышенной капитальной застройки.

Центр города включал в композицию Вокзальную улицу, район Замковой улицы и улицы Правда (бывший «Кремль»), Набережную и Ленинскую улицы с прилегающими к ней площадями. Также Вокзальную улицу ждало расширение на всём её протяжении до ширины в 40 м за счет обеих сторон с созданием на последней двух бульварных полос, а на территории бывшего «Кремля» решили сохранить здание обкома КП(б)Б и имеющиеся исторические архитектурные памятники.

На месте бывшего базара планировалось построить площадь, которая бы объединила Оршанское и Смоленское шоссе, и разместить там наиболее важные архитектурные сооружения.

Территория бывшего военного аэропорта отходила под жилую застройку. Сама же площадка для организации гражданского аэропорта предусматривалась не далее 3 км от центра города.

Своей очереди ждали создание сквера между площадью Ленина и Зап. Двиной, расчистка и озеленение прибрежный территорий, проектировка Суражского моста с созданием бульваров и набережных, создание зелёных массивов в долине реки Витьба и закладка питомника в Мазурино и на Юрьевой горке.

Ряд районов выделялись для индивидуальной постройки (Телятники, Марковщина, Клинический посёлок и пр.) [2, л. 29–33].

Активно шло восстановление и памятников культуры, к которым относятся церкви и костёлы. Так, в феврале 1946 г. было проведено обследование историко-архитектурного памятника – Духовской церкви – примера церковного здания русской старины XIV в. на предмет выявления объёма и характера нанесённых повреждений в ходе военных действий. В результате были обнаружены расходящиеся вниз трещины шириной до 5 см на заднем фасаде здания. Южная же стена была и вовсе разрушена от самого верхнего карниза и до фундамента, представляя из себя огромную пробоену, составляющую 70 % по отношению ко всей площади стены. Все карнизы на сохранившейся части здания были повреждены на 50 %. Уцелела передняя колокольня, однако купол над ней и вся кровля отсутствовали.

Вместе с южной стеной здания была разрушена и правая аркада, от которой остались лишь постаменты. Однако благодаря тому, что левая часть здания уцелела, сохранив прямоугольные пилястры, оформляющие междуарочные перекрытия и карнизы, это давало шанс на восстановление архитектурного оформления разрушенной правой стороны церкви.

Хуже обстояли дела с потолочным перекрытием, представляющим из себя кирпичный свод, который был разрушен на 80% процентов. Его обрушение привело к завалам в центральной зале, у алтаря и большому повреждению подвального помещения под ним. Всё это, а также неблагоприятные погодные условия отрицательно действовали на уцелевшие стены с сохранившимися элементами художественного и архитектурного оформления [3, л. 72].

Таким образом, 70 % повреждения здания почти не оставляли шанса на восстановление этого древнего историко-культурного памятника.

Огромные повреждения получил ценнейший памятник XVIII в. – Доминиканский костёл Святого Антония. 50% разрушения среднего и 90% верхнего карниза и фасадной части костёла, 50% повреждения скульптур, частичное обрушение кирпичного свода, который перекрывал зал костёла, а также множество мелких и крупных трещин стен, арок в совокупности с отсутствием кровли затрудняло восстановление этого историко-культурного памятника [3, л. 77].

Ещё одним несохранившимся до нашего времени примером белорусского классицизма с большой степенью разрушения в 70 % стала Воскресенско-Заручьевская церковь. В ходе военных действий, обрушения свода, потолочного перекрытия и кирпичной кладки, восстановление элементов художественно-архитектурного оформления внутреннего убранства оставалось практически невозможным. Оставшиеся же стены рекомендовалось использовать для постройки на их базе жилого здания, заменив пострадавшую арочную конструкцию балочной [3, л. 86].

Одним из немногих уцелевших зданий в Витебске была Ратуша, сохранившая фасад и кровлю. Во время оккупации здание использовалось немецкими войсками в качестве дота, благодаря мощности своих стен. По итогам обследования этого историко-архитектурного памятника на предмет выявления объёма и характера нанесённых повреждений и разрушений, а также технического состояния сооружения и его конструктивных особенностей, здание нуждалось лишь в сравнительно небольшом ремонте [3, л. 70].

Ещё одним объектом, пережившим войну с небольшими разрушениями и продолжавшим богослужение в послевоенные годы в Витебске, был скромный Марков монастырь (Свято-Казанская православная церковь) [3, л. 74].

3 марта 1947 г. исполком Витебского городского Совета депутатов трудящихся утвердил заключение комиссии по рассмотрению генерального плана восстановления города Витебска и основных положений, представленных Харьковским облпроектом.

Базой для этого послужили положения проекта планировки 1938 г., метод которого предлагал постепенно приспособить существующую среду к выполнению придаваемых растущему городу функций [4, с. 88–95].

Разработать и представить на утверждение исполнкома горсовета правила застройки города Витебска было поручено главному архитектору города Ивану Вислову.

Завод имени Кирова было решено оставить на занимаемом им месте – на промплощадке с учетом проектируемого расширения. Также возникла необходимость строительства специализированного литейного завода, что диктовалось большими потребностями в литье трёх уже существующих станкозаводов и нескольких, проектируемых в период первой послевоенной пятилетки с 1946 по 1950 гг.

Встал вопрос выноса за пределы селитебных зон вредных предприятий – кожевенного завода имени Евстигнеева, махорочной фабрики, маслозавода и мясокомбината. А также запрет на восстановление на старом месте ватной фабрики.

Помещение здания политехникума, расположенного в одном из самых красивых мест города в архитектурно-планировочном отношении, планировалось освободить от завода заточных станков, учитывая нецелесообразность и полную невозможность расширения его промплощадки, с вынесением здания на новое место [1, л. 13–15].

В первые послевоенные годы началось восстановление облика города, которое заключалась в перестройке улиц и изменении их направления. Преобразился центр города и изменились архитектурные ансамбли. За архитекторами стояла цель сохранения исторически сложившихся улиц города с проведением одновременно требующей изменений того времени реконструкции, что позволило изменить конфигурацию и стилистику некоторых улиц, расширить их ряд, сложив в новый архитектурный ансамбль.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 322. Оп. 3. Д. 55.
2. ГАВт. – Ф. 2820. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАВт. – Ф. 2820. Оп. 1. Д. 27.
4. Кишик, Ю. Н. Поиски вариантов преобразования центра Витебска: советский период / Ю. Н. Кишик // Архитектура : сборник научных трудов. – 2018. – Вып. 11. – С. 88–95.
5. Сапрыкина, Н. С. Поиски выразительного художественного образа жилых зданий / Н. С. Сапрыкина // Архитектура сталинской эпохи: Опыт творческого осмыслиения. – М. : Комкнига, 2010. – С. 280–301.

Большаков М.Г.

ЛИНИЯ ПАМЯТИ: РОССИЯ, БЕЛАРУСЬ, КИТАЙ И СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ – ПРАКТИКА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Вторая мировая война, мемориализация, фальсификация истории, захоронения советских воинов, Беларусь, КНР, РФ.

В этом году мы отметили 80-летие Победы советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войне. Боевой путь советского солдата пролегал не только в Европе с целью сокрушения нацистского агрессора, но и на Дальнем Востоке с целью освобождения угнетённых милитаристской Японией народов. В честь подвига советского солдата и в знак благодарности освобождённые народы мемориализировали память о тех страшных событиях.

Мемориализация – это процесс увековечивания памяти о значимых исторических событиях, их интерпретации в аспекте значения для национальных интересов и исторической судьбы народа и государства.

Спустя 80 лет после окончания Второй мировой войны ряд западных государств и их сателлиты пытаются пересмотреть и навязать мировому сообществу свою искажённую точку зрения на итоги войны и только часть государств, наиболее пострадавших от нацистской агрессии, противостоят фальсификации исторической памяти.

Целью данной работы является сравнение законодательных практик сохранения советских мемориальных объектов в обозначенных государствах.

Российская Федерация в данном вопросе оперирует ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», данный нормативный правовой акт определяет, что к памятным объектам Великой Отечественной войны относятся все виды мемориальных объектов и сооружений, увековечивающие память о событиях, участниках, ветеранах и жертвах войны [17]. В законе определено – федеральные органы исполнительной власти различных уровней, ответственны за сохранение памятников Великой Отечественной войны и поддержание их в достойном состоянии [17]. Исходя из текста закона в нём отсутствуют стандартизованные характеристики сохранения и обслуживания мемориальных объектов, и прилежащих к ним территорий, что приводит к различному уровню обслуживания подобных объектов.

Россия не только сохраняет, но и возводит новые мемориальные объекты, увековечивающие подвиг советского народа. В течении 2020–2025 годов были открыты следующие мемориальные сооружения: Ржевский мемориал Советскому солдату [14], памятник погибшим воинам в Долине Смерти [8], памятник труженикам тыла и детям войны в Улан-Удэ [2], памятник фронтовому кинооператору в Красногорске [10], мемориал «Курская битва» в поселке Поныри [4]. Также в 2024 году впервые был открыт мемориальный комплекс, посвящённый «Мирным гражданам Советского Союза» в Гатчине [7].

Республика Беларусь придерживается и последовательно реализует схожий с Россией курс по мемориализации событий Великой Отечественной войны. Исходя из пункта 4 Постановления Совета Министров Республики Беларусь № 675 власти обязуются сохранять мемориальные объекты в надлежащем состоянии и выделять их при помощи живых изгородей [11]. Реализация данного постановления на практике примечательна тем, что воинские мемориалы не теряются на фоне других естественных и искусственных объектов. И имеют единый стандарт содержания мемориальных объектов в отличии от РФ.

Особенностью Республики Беларусь является привлечение для сохранения исторической памяти Министерства обороны страны и в частности 52-го отдельного специализированного поискового батальона, который базируется в деревне Боровка Лепельского района Витебской области [16].

В указе Президента Республики Беларусь от 26 марта 2016 г. №109 «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн» прослеживается чётко структурированная система взаимодействия различных органов государственной власти, что в совокупности позволяет обслуживать мемориальные объекты централизовано и качественно. Благодаря подобному подходу на территории Беларуси на основе работы ведомств и министерств создана, функционирует и обновляется кадастровая карта, где отмечены не только мемориальные объекты, но и места геноцида [12].

Публичная кадастровая карта позволяет узнать количество мемориальных объектов во всех регионах Беларуси, просмотреть их фото и с помощью ссылки на профильные ресурсы ознакомиться с подвигом и историей мемориального объекта [12]. Кроме того, наличие подобного цифрового ресурса позволяет более точно проводить реконструкционные и иные работы.

Как уже было сказано выше, Красная армия принимала участие в боевых действиях и на Дальнем Востоке, что вызвало появление мемориальных объектов в том регионе.

У наших стран сложились дружеские отношения с Китайской Народной Республикой, которая придерживается курса борьбы с фальсификацией истории. В аспекте сохранения мемориальной памяти Китай придерживается как международных соглашений, так и внутреннего законодательства.

В системе международных договоров Китайская республика заключила с Российской Федерацией серию соглашений по сохранению и поддержанию мемориальных

объектов советских воинов, что направлено на углубление взаимоотношений между странами [13; 15].

Внутреннее законодательство Китая также регламентирует защиту советских мемориальных объектов, которые отнесены к специальному статусу «охраняемых объектов» [3], также некоторые объекты внесены в перечень объектов культурного наследия, на советские мемориальные объекты распространяются законы, которые действуют и в отношении исторических объектов Китая.

С целью увековечивания подвига советского солдата правительство Китая создало единственную в мире «Международную ассоциацию музеев Второй мировой войны» [1]. Кроме того, Китайское правительство переносит некоторые мемориальные объекты образуя тем самым мемориальные комплексы.

Северокорейский народ также выступает против искажения исторических фактов о событиях Второй мировой войны о чём говорит значительное количество памятников советским воинам на территории КНДР. Так по информации посольства Российской Федерации в Пхеньяне на территории страны находятся 11 братских и 345 отдельных захоронений [5].

С законодательством Северной Кореи крайне трудно ознакомиться обычному обывателю, ввиду закрытости её информационной среды. Несмотря на это известно, что Северокорейское правительство в взаимодействии с Российским посольством делают всё возможное по сохранению памятных объектов. Кроме того, по информации российских дипломатов Северная Корея создаёт и новые мемориальные объекты о подвиге советского солдата [9].

Таким образом, благодаря общей истории наши страны сохраняют дружеские и партнёрские отношения, что позволяет сфере сохранения исторической памяти выступать единым фронтом на международной арене против поджигателей войны и неонацистов.

1. В Китае основана Ассоциация музеев Второй Мировой войны. – URL: https://www.turizm.ru/news/china/kitae_v_kitae_osnovana_assotsiatsiya_muzeev_vtoroi_mirovoi_voiny (дата обращения: 02.06.25)
2. В Улан-Удэ установили новый памятник труженикам тыла и детям войны. – URL: <https://tass.ru/v-strane/8408081> (дата обращения: 02.06.25)
3. Закон Китая о культурных ценностях – Закон Китая о культурных ценностях // Портал законов Китая – СЛО. – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/topics/cultural-property> (дата обращения: 17.09.2025)
4. На месте сражения: новый мемориальный комплекс увековечил защитников Курской дуги. – URL: <https://www.5-tv.ru/news/447049/nameste-srazenia-novyyj-memorialnyj-kompleks-uvekovecil-zasitnikov-kurskoj-dugi> (дата обращения: 02.06.25)
5. О мемориальной работе Посольства. – URL: https://dprk.mid.ru/ru/embassy/o_memorialnoy_rabote_posolstva (дата обращения: 02.06.25)
6. Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь от 30 ноября 1994 г. №231 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 29.05.25)
7. Открытие мемориала мирным жителям СССР – жертвам нацистского геноцида в годы Великой Отечественной войны. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73334> (дата обращения: 02.06.25)
8. Памятник героям ВОВ открыли на трассе у новгородской Долины Смерти. – URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/716344-pamiatnik-geroiam-vov-otkryli-na-trasse-u-novgorodskoi-doliny-smerti> (дата обращения: 02.06.25)
9. Памятник советским воинам откроют в КНДР. – URL: <https://russkiymir.ru/news/272131> (дата обращения: 02.06.25)
10. Первый в мире памятник фронтовым кинооператорам появился в Подмосковье. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/9373441> (дата обращения: 02.06.25)
11. О порядке благоустройства воинских захоронений и захоронений жертв войн : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17.09.2018 № 675 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.06.25)
12. Публичная кадастровая карта. – URL: <https://map.nca.by/layers> (дата обращения: 02.06.25)
13. «О заключении путем обмена нотами Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об осуществлении ремонтно-восстановительных работ на советских воинских захоронениях и мемориалах и переноса этих захоронений и мемориалов» : Распоряжение Правительства – Распоряжение Правительства РФ от 5 декабря 2006 г. № 1677-р // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 17.09.2025)
14. Символ общей памяти: открытие Ржевского мемориала Советскому солдату. – URL: <https://ria.ru/20200630/1573697537.html> (дата обращения: 02.06.25)
15. Соглашение – Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об осуществлении ремонтно-восстановительных работ на Советских воинских захоронениях и Мемориалах и переноса этих захоронений и Мемориалов (в форме обмена нотами) // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45731/ (дата обращения: 17.09.2025)
16. Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн : Указ Президента Республики Беларусь от 24 марта 2016 г. № 109 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.06.25)
17. Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : Федер. закон от 19 мая 1995 г. № 80 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 02.06.25)

Буднік Е.М.
СТАРЫ ГРОДЗЕНСКІ НЕКРОПАЛЬ: ТУРЫСТЫЧНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ

Ключавыя слова: Гродна, могілкі, турызм, ахова, рэстаўрацыя

Некропаль – гэта вялікі комплекс пахаванняў. Ён, як правіла, уключае ў сябе грабніцы, склепы і надмагіллі. Некропалі валодаюць гісторычнай і архітэктурнай каштоўнасцю, і з'яўляюцца музеем пад адкрытым небам. Пер-Лашэз у Парыжы, Хайгейт у Лондане, Вадзі ас-Салам у іракскім горадзе Ан-Наджаф, Рэкалета ў Буэнас-Айрэсе, Нацыянальныя могілкі ў Арлінгтане ў Злучаных Штатах Амерыкі, Горад мёртвых у Каіры – усе гэтыя аб'екты з'яўляюцца аб'ектамі высокай гісторыка-культурнай значнасці, і, акрамя таго, прыцягваюць пэўны сегмент туристаў [1, с. 4].

Гродзенскі некропаль складаецца з чатырох могілак – праваслаўных, каталіцкіх, ваенных і яўрэйскіх.

Праваслаўныя могілкі афіцыйна з'яўляюцца самымі старымі могілкамі ў Рэспубліцы Беларусь. Тут пахаваны архітэктар Гродзенскага Пакроўскага сабора, Сяргей Мікалаевіч Ланскі – генерал-лейтэнант, які загінуў ад раны ў 1814 годзе, Міхась Васілёк і Міхась Багун – беларускія паэты. Кожная могілка ўнікальная, і ўсе яны аўтарскія. На каталіцкіх могілках пахаваныя Эліза Ажэшка, Джузэпэ Сака – гродзенскі архітэктар, які працаваў пры Антоніі Тызенгаўзе, Ян Каханоўскі. На Вайсковых – Капліца генерала-маёра рускай арміі, маршалка дваранства Гродзенскага павета, Ганаравага сусветнага суддзі Гродзенскай акругі Аляксандра Русаў (1834–1896), усяго ў індывидуальных і брацкіх могілах на Вайсковых могілках пахавана звыш восьмі тысяч чалавек. На старых габрэйскіх могілках многія могільнія пліты ўжо сышлі пад зямлю [7, с. 5]. Францыянская могілка быў заснаваны ў XVIII ст. на левым беразе Нёмана [10, с. 5].

“Старыя могілкі ў Гродне займаюць плошчу больш за трывалыя гектары, ліцацца не толькі самымі старымі, але і аднымі з самых вялікіх у Беларусі. Гродзенскі некропаль цікавы тым, што сабраў мноства прыгожых і незвычайных помнікаў. Толькі тут захаваліся шматлікія архітэктурныя формы і стылі, якія 150–200 гг. таму можна было сустрэць у самім Гродне, але да нашых дзён не захаваліся”, – піша *Sputnik Беларусь* [9, с. 5].

Аднак на сённяшні дзень праваслаўныя і каталіцкія могілкі патрабуюць далейшага добраўпарадкавання. Некропалі з'яўляюцца аб'ектамі прыцягнення для асоб, якія цікавяцца гісторыяй горада, гісторыяй жыцця людзей, якія пахаваныя на могілках, архітэктурай помнікаў, сімвалікай некропаляў.

Аб'ектам, якія валодаюць гісторыка-культурнай каштоўнасцю і архітэктурнай каштоўнасцю, неабходнаі надалей надаваць статус гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь, што забяспечыць ім дадатковы контроль [1, с. 3]. Акрамя таго, па факце гісторычнай і архітэктурнай значнасці, уваход на могілкі можна зрабіць платным для экспкурсійных груп або асоб, жадаючым самастойна наведаць могілкі, але за сімвалічную суму. З аднаго боку дадзеная ініцыятыва знізіць рызыку наведвання могілак асобамі без пэўнага месца жыхарства, у алкагольным або наркатычным ап'яненні, з другога – паспрыяе фінансаванню абнайўлення і рэстаўрацыі помнікаў, агульнага дагляду за могілкамі [2, с. 5]. Радуе, што крокі ў гэтым нікурунку ўжо робяцца. Напрыклад, ідзе рэстаўрацыя могілкі генерала Ланскага [4, с. 7].

На каталіцкіх могілках размешчана могілка Баляслава Шышкевіча – майстра і скульптара, які выкананы вялікую колькасць помнікаў і надмагілляў для гродзенскіх некропаляў. На яго могілке размешчана скульптура Дзевы Марыі – сімвал нябеснай абароны. Аднак помнік знаходзіцца ў жаласным стане – галава Маці Божай адварваная, і дзе яна размяшчаецца – невядома. Сам помнік выцвіў і пакрыўся цвіллю [8, с. 5].

Калісьці ў Гродне былі трох яўрэйскіх кіркуты: адзін ў раёне сінагогі, на тэрыторыі другога ў 1960-х гадах быў пабудаваны стадыён «Чырвоны сцяг» (цяпер –

спартыўны комплекс “Нёман”), і трэці, адзіны з захаваных – на левым беразе Нёмана. Самае старое пахаванне на ім датавана 1784 годам. На гэтым кіркуце, напрыклад, пахаваны Георгій Ніселеўіч Хасід – вязень Гродзенскага гета, які выжыў. Дзякуючы яго ўспамінам можна даведацца, якім зверствам падвяргаліся яўрэі ў Гродне падчас акупацыі. Памёр Г.Н. Хасід ў 2013 г. Надпісы на надмагіллях зроблены на ідышы і на іўрыце. Могілкавая сцяна мае пралом у некалькіх месцах, могілкі зараслі. Многія магільныя пліты сышлі пад зямлю, пакрыліся мохам, зараснікамі [6, с. 5].

У большай ступені ў ахове і рэстаўрацыі маюць патрэбу каталіцкія фарныя і праваслаўныя могілкі. Гарадзенскія краязнаўцы ўздымалі гэтае пытанне, канструктыўныя крокі мясцовымі ўладамі робяцца, аднак праблема ўсё яшчэ існуе [11].

Час ад часу энтузіясты-краязнаўцы ладзяць экспкурсіі па могілках, аднак трэба скласці контрольны тэкст і тэхналагічную карту экспкурсіі.

Ідэальным развіццём падзеі была б музефікацыя арыгінальных пахавальных, скульптур і іншых помнікаў, у той час як на могілках ўсталяваць замены гэтых помнікам, максімальная набліжаным да арыгіналу па фонкавым выглядзе, але з больш танных матэрыялаў.

Можна распрацаваць сайт некропала, дзе змясціць падрабязнае аспісанне кожнай могілы і помніка, фатаграфію, дакладную лакалізацыю на плане з тлумачэннем, як туды прайсці, звесткі пра таго, хто тут пахаваны, гісторыя жыцця, калі магчыма яе вывучыць, абставіны смерці. Акрамя папулярызацыі, гэта спросціць пошуку інфармацыі для жыхароў горада і туристаў. На дадзены момант такая практыка ўжываецца, напрыклад, у некропалі Севастопала і Крымскім некропалі, Ваганькаўскім некропалі. «У залежнасці ад сайта, могуць спатрэбіцца прозвішча, імя, даты нараджэння і смерці, населены пункт, дзе памёр або быў пахаваны чалавек», – піша Маскоўскі даведнік рytualных паслуг. На могілах вядомых людзей можна павесіць QR-код, у якім таксама будзе ўся інфармацыя аб памерлым [3, с. 4].

Такім чынам, некропалі з'яўляюцца аб'ектам высокай культурна-гістарычнай і архітэктурнай каштоўнасці. Яны ўтрымліваюць пахавальні, склепы, скульптуры і помнікі. “У глыбінях зямлі Нашых душ карані”, – пісаў Н. Гілевіч. Гродзенскі некропаль з'яўляецца важкім падмуркам ў патрыятычным выхаванні, сродкам якога выступае і турызм. Сённяшні дастаткова выразны ўздым турыстычнай цікавасці да Гродна, павялічвае ўвагу да ніх, як найкаштоўнейшага турыстычнага рэсурсу. Яшчэ большая актыўізацыя добраўпарадкавання могілак дазволіць уключыць іх у кола актыўнага турыстычнага ўжытку, як у межах уязднога, так ва ўнутраным турызме. Бо кожны некропаль – гэта сапраўдны скансэн, які дэманструе захаванне памяці месца.

- 1.Бібліофond [сайт]. – 2016. – URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=884243#text> (дата обращения: 19.09.2025).
- 2.КіберЛеніка [сайт]. – Москва, 2021. – URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://cyberleninka.ru/article/n/hudohestvennyy-nekropol-kak-obekt-istoriko-arhitekturnogo-naslediya-sohraneniya-rossiyskiy-i-evropeyskiy-optyt&ved=2ahUEwi58WWyOWPAxWHKBAIHevPC1wQFnoECE0QAQ&usg=AOvVaw0GkHVH_AQVPbS2XcLYXR-o (дата обращения: 19.09.2025).
- 3.Московский справочник ритуальных услуг [сайт]. – Москва, 2018. – URL: <https://www.ritual.ru/informatsiya/stati/kladabischa-v-virtualnoy-realnosti> (дата обращения: 10.09.2025).
- 4.Нестеренко, С. Гродненский православный некрополь / С. Нестеренко. – Гродно, 2024. – С. 13–14. – (Серия «Гродненские ангелы»).
- 5.angelam [сайт]. – Гродно. – URL: <https://www.mamgrodno.com/projects/angelmam.html> (дата обращения: 19.09.2025).
- 6.Olgatravel [сайт]. – Гродно, 2023. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=9vFF_v67Ur0&pp=ygU70L7Qu9GM0LPQsCDRgtGA0LXQstC10Lsg0LXQstGA0LXQudGB0LrQvtC1INC60LvQsNC00LHQuNGJ0LU%3D (дата обращения: 19.09.2025).
- 7.planetaBELARUS [сайт]. – Гродно, 2018. – URL: <https://planetabelarus.by/sights/grodnenskie-nekropoli/> (дата обращения: 19.09.2025).
- 8.poshyk.info[сайт]. – 2023. – URL: <https://poshyk.info/mogilki-grodna/> (дата обращения: 19.09.2025).
- 9.SputnikБеларусь [сайт]. – 2023. – URL: <https://sputnik.by/20211102/gorod-mertyvkh-zazheg-ogni-stareyshee-kladische-belorussi-na-dzyady-1057618454.html> (дата обращения: 19.09.2025).
- 10.tourgrodno.by [сайт]. – Гродно, 2019. – URL: <https://tourgrodno.by/information/monuments/kladbishze/pravoslavnoe-i-katolicheskoe-kladabischa-po-pereulku-pobedyi-.html> (дата обращения: 19.09.2025).
11. Кондратьева, Т. Историки из Гродно добиваются включения местного некрополя в список историко-культурных ценностей / Т. Кондратьева. – URL: <https://www.sb.by/articles/spory-na-pogoste.html> (дата обращения: 19.09.2025).

Віткоўская Т.У., Вішнеўская І.М., Сотнікова М.С.
ДЗЯРЖАЎНЫ ІНФАРМАЦЫЙНЫ РЭСУРС “БАНК ЗВЕСТАК
АБ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЕ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ”

Ключавыя слова: дзяржаўны інфармацыйны рэсурс «Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь», Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь, гісторыка-культурная каштоўнасць, ахова гісторыка-культурнай спадчыны, электронны пашпарт ГКК.

Ідэя стварыць рэсурс, які б збіраў і захоўваў звесткі пра ўсе гісторыка-культурныя каштоўнасці (далей – ГКК) нашай краіны, узнякла разам са стварэннем суверэннай дзяржавы Рэспублікі Беларусь.

Пачатак гэтаму паклаў артыкул 25 Закона Рэспублікі Беларусь 1992 г. № 1940-XII «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны». Тады ўпершыню і было ўведзена панняцце «Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь» (далей – Банк звестак). Ён ствараўся «для захавання і сістэматызацыі ўліковых дакументаў па каштоўнасцях, звестак аб адметных выніках і сведчаннях гістарычнага развіцця народа Беларусі, страчаных матэрыяльных аб'ектах і нематэрыяльных пражутленнях чалавечай творчасці, якія маглі быт атрымальнікі статус гісторыка-культурных каштоўнасцей». Згодна з законам карыстацца інфармацыяй, змешчанай у рэсурсе, маглі быт першапачатковыя толькі юрыдычныя і фізічныя асобы, якія прадстаўлялі Банку інфармацыю аб выяўленых імі новых звестках і падрыхтаваных матэрыялах аб гісторыка-культурнай спадчыне [1].

Іншыя нарматыўныя прававыя акты, згодна з якімі вызначаўся парадак фарміравання, вядзення і выкарыстання Банка звестак дапоўнілі і развілі канцэпцыю:

- 2006 – Закон Рэспублікі Беларусь «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» № 98-З (артыкул 26) [2],
- 2016 – Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры № 413-З [3].

У артыкулах 101 і 102 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры падрабязна пералічаны патрабаванні да рэсурса. Адной з важнейшых мэт, якая ставіцца перад Банкам звестак – гэта «садзейнічанне дзяржаўным органам, іншым юрыдычным асобам, грамадзянам, у тым ліку індывідуальнымі прадпрымальнікамі, пры вырашэнні пытанняў і арганізацыі работы па ахове гісторыка-культурнай спадчыны, выкананні навукова-даследчых, праектных, рамонтна-рэстаўрацыйных работ, іншых мерапрыемстваў на гісторыка-культурных каштоўнасцях і ў зонах іх аховы».

Таксама Кодэкс пашырыў колькасць карыстальнікаў Банка звестак: дзяржаўныя органы, іншыя юрыдычныя асобы, грамадзяне, у тым ліку індывідуальныя прадпрымальнікі. Было вызначана, што інфармацыя, якая змяшчаецца ў Банку звестак, і якую можна атрымальникі праз зварот у Міністэрства культуры, прадастаўляеца на матэрыяльных носьбітах інфармацыі, а таксама праз глабальную сетку Інтэрнэт [3].

Непасрэдная праца над стварэннем рэсурса “Банк звестак” пачалася яшчэ ў 1990-я гг. Так, у 1996 г. Рэспубліканскі навукова-практычны цэнтр распрацаваў канцэпцыю Банка звестак, яго эскізы праект, тэхнічнае заданне, але реалізаваны яны былі часткова і створаны Банк звестак не адпавядаў усім крытэрыям, якія былі запланаваны.

З 1996 г. па 2022 г. Банк звестак выглядаў як прыкладанне на асобным камп'ютары. Галоўным недахопам Банка звестак з'яўлялася яго абмежаванасць: збор і адміністраванне дадзеных па ГКК ажыццяўляліся толькі адмысловым спецыялістам на выдзеленым працоўным месцы. Гэта прывяло да таго, што шырокое кола спецыялістаў у сферы аховы гісторыка-культурнай спадчыны не мела доступ да інфармацыі, змешчанай у рэсурсе; дадзеная ў папяровых пашпартах і тых, якія меліся ў базе, часам не супадалі, альбо папяровы пашпарт мог не мець свайго адпаведніка ў электронным

Банку звестак, што рабіла недакладнай статыстыку ў рэсурсе. Было зразумела, што Банк звестак як інфармацыйны рэсурс, які збірае і захоўвае звесткі пра ўсе ГКК і гісторыю іх выкарыстання, не спраўляеца са сваёй задачай.

Пасля прыняцця ў 2016 г. Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры быў зацверджаны парадак фарміравання Банка звестак і парадак азнямлення з інфармацыяй, якая змяшчаеца ў ім. Кодэкс дэтальна абазначыў мэты і парадак фарміравання рэсурса.

Было вызначана, што ў Банку звестак на кожную каштоўнасць запаўняеца ўліковы дакумент у форме электроннага пашпартта, які павінен мець наступныя раздзелы:

- уліковыя дадзеныя і месца знаходжання каштоўнасці, шыфр адпаведна Дзяржаўнаму спісу гісторыка-культурных каштоўнасцей;
- аргументаванне надання статусу каштоўнасці з указаннем рашэнняў дзяржаўных органаў, згодна з якімі культурнай каштоўнасці нададзены статус, а таксама страйшых сілу нарматыўных прававых актаў, паводле якіх нададзены статус гісторыка-культурнай каштоўнасці раней;
- характеристыка ўласнікаў (уладальнікаў) і звесткі аб ахоўных абавязательствах;
- інфармацыя пра адказных за правядзенне работ асоб і звесткі аб наяўнасці навукова-тэхнічнай дакументацыі на рэстаўрацыю і іншыя віды работ на гісторыка-культурных каштоўнасцях, звесткі аб зонах аховы;
- гісторыя фарміравання і выкарыстання каштоўнасці, кароткае апісанне і гістарычная даведка пра яе;
- характеристыка сучаснага тэхнічнага стану каштоўнасці;
- звесткі аб элементах каштоўнасці, якія маюць самастойны статус;
- графічныя матэрыялы і фотаздымкі, у тым ліку ў розныя перыяды яе існавання або бытавання;
- архіўныя і бібліографічныя крыніцы [3].

Таксама, згодна з Кодэксам, раздзелы электроннага пашпартта могуць быць дапоўнены іншымі звесткамі, якія змяшчаюць важную для характеристыкі гісторыка-культурнай каштоўнасці інфармацыю. Так, для апісання аб'ектаў археалогіі ўведзены дадатковыя палі, якія змяшчаюць звесткі пра даследчыкаў ГКК, культурную прыналежнасць аб'екта, таўшчыню культурнага пласта, апісанне і памеры абарончых збудаванняў і інш.

Была прадугледжана магчымасць стварэння сайта Банка звестак для агульнага азнямлення з пэўнай інфармацыяй пра ГКК Рэспублікі Беларусь.

Згодна з загадам Міністэрства культуры ад 12 студзеня 2021 г. № 1/ОД «О делегировании полномочий» на Нацыянальную бібліятэку Беларусі (далей – НББ) ускладзены паўнамоцтвы па вядзенні і фарміраванні Банка звестак, стварэнні новага праграмнага забеспячэння з мэтай пераносу інфармацыі з саставаў платформы на новую версію сайта, з магчымасцю адкрылага карыстання некаторай часткай інфармацыі Банка звестак. З 1 сакавіка 2021 г. НББ распачала працу па вядзенні Банка звестак. Быў створаны сектар фарміравання Банка звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне [4].

За апошнія гады быў зроблены вялікі аб'ём працы па мадэрнізацыі рэсурса: была праведзена праца па вывучэнні напоўненасці перададзенага праектным філіалам ААТ «Белрэстаўрацыя» рэсурса, распрацаваны тэхнічныя патрабаванні на мадэрнізацыю інфармацыйнага рэсурса, вызначаны яго структура, функцыянал і алгарытм напаўнення. Быў прааналізаваны замежныя вопыт фарміравання і вядзення падобных рэсурсаў.

У канцэпцыю новага сайта быў пакладзены прынцып збора і адміністравання дадзеных не адной асобай, а шырокім колам спецыялістаў, задейнічаных у сферы

дзяржаўнай аховы гісторыка-культурнай спадчыны: ад дзяржслужбоўцаў да адказных асоб рай- і гарвыканкамаў (што прадугледжвалася яшчэ ў 1996 г.).

З дапамогай міграцыі дадзеных са старога Банка былі перанесены на новы сайт. Пасля гэтага супрацоўнікі НББ рэдагавалі электронныя пашпарты, стваралі новыя (бо спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей рэгулярна папаўняецца), праводзілі іншыя работы па гарманізацыі рэурса з Дзяржаўным спісам гісторыка-культурных каштоўнасцей. Спецыялістамі сектара фарміравання Банка звестак была распрацавана падрабязная Інструкцыя па працы з інфармацыйным рэурсам «Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь» для спецыялістаў мясцовых выканаўчых і распарадчых органаў базавага тэрытарыяльнага ўзроўню, адказных за ахову гісторыка-культурнай спадчыны (далей – Інструкцыя), якая была зацверджана Міністэрствам культуры Рэспублікі Беларусь у студзені 2022 г. Інструкцыя была накіравана ў тэставыя раёны (Гарадоцкі Віцебскай вобл., Пружанскі Брэсцкай вобл., Мазырскі Гомельскай вобл., Карэліцкі Гродзенскай вобл.) для апрабацыі працы з Банкам звестак.

З лютага 2023 г. па зацверджаным Міністэрствам культуры графіку запаўнення электронных пашпартоў на гісторыка-культурныя каштоўнасці да працы з Банкам звестак далучыліся спецыялісты мясцовых выканаўчых і распарадчых органаў, адказныя за ахову гісторыка-культурнай спадчыны свайго рэгіёну. Была праведзена маштабная работа па напаўненні сайта. Інфармацыя, якую дадавалі мясцовыя спецыялісты праходзіла мадэрацыю супрацоўнікаў сектара фарміравання Банка звестак НББ і пасля захоўвалася на сایце. Работа па напаўненню Банка звестак ажыццяўляецца безперапынна, так як з'яўляюцца новыя аб'екты, якім надаецца статус гісторыка-культурнай каштоўнасці, з'яўляюцца дадатковая інфармацыя на каштоўнасці, што ўжо існуюць у Банку звестак.

На сённяшні дзень Банк звестак уяўляе сабой інтэрнэт-сайт, які складаецца з дзвюх кропак уваходу: публічнай і адміністратарскай часткі. Да публічнай часткі маюць доступ усе карыстальнікі інтэрнэту. Яны бачаць наступныя раздзелы: спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей з шырокім пошукавым фільтрам, інтэрактыўную мапу размяшчэння каштоўнасцей па тэрыторыі Беларусі, навіны па тэме, раздзел «Цікаве» (актыўны, калі ўтрымлівае інфармацыю). Такім чынам, мадэрнізаваны Банк звестак прадугледжвае папулярызацыю гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі.

У адміністратарскую частку маюць доступ адміністраторы сайта (непасрэдна супрацоўнікі сектара фарміравання Банка звестак НББ), прадстаўнікі Міністэрства культуры, рэгіянальныя спецыялісты, адказныя за ахову спадчыны ў раёнах рэспублікі. Усе яны маюць розныя ролі і адпаведна розны доступ да інфармацыі. Больш за ўсіх паўнамоцтвы маюць адміністраторы – супрацоўнікі сектара фарміравання Банка звестак НББ. Яны могуць ствараць новы аб'ект, выдаляць яго, запаўняць усе палі электроннага пашпарту, даваць доступ іншым карыстальнікам, пісаць навіны на сайт, змяняць галоўную інфармацыю на сایце, глядзець статыстыку наведвання сайта, статыстыку запаўнення, пісаць паведамленні карыстальнікам і г.д. Адміністраторы сайта рэгіструюць мясцовых спецыялістаў з ролем «адказны супрацоўнік». Ён уносіць змены ў электронныя пашпарты, дадае інфармацыю і новыя дакументы. Уведзеныя мясцовымі спецыялістамі дадзенія трапляюць у раздзел «Мадэрацыя» на праверку адміністраторам. Адміністраторы, ў сваю чаргу, правяраюць карэктнасць уведзеных дадзеных, каментуюць, дасылаюць падказкі, узгадняюць або адхіляюць пашпарт, рэгулююць уесь працэс напаўнення рэурса.

Сайт Банк звестак мае «Архіў». У ім змянчаюцца ГКК, якія згубілі свой статус па розных прычынах. Захаванне гэтых звестак дапаможа адсачыць прычыны знікнення помнікаў і прадухіліць іх знікненне ў далейшым.

У сакавіку 2023 года праектны філіял ААТ «Белрэстаўрацыя» перадаў у Банк звестак навукова-праектную документацыю на гісторыка-культурныя каштоўнасці ў электронным

выглядзе за перыяд 2014 г. – сакавік 2023 г. Пачынаючы з гэтага перыяду ўся навукова-праектная дакументацыя на гісторыка-культурныя каштоўнасці паступае на захоўванне ў Банк звестак і будзе даступна для выкарыстання па запыце спецыялістаў.

У адпаведнасці з загадам Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь ад 09 чэрвеня 2025 г. № 99 «О Банке сведений об историко-культурном наследии Республики Беларусь» з 1 студзеня 2026 г. НББ будзе ўпаўнаважана прадастаўляць доступ да карыстання рэсурсамі Банка звестак дзяржаўным органам, іншым юрыдычным асобам, грамадзянам, у тым ліку індывидуальным прадпрымальнікам. Запыт карыстальнікаў аб доступе да карыстання рэсурсамі Банка звестак можа быць накіраваны непасрэдна ў Міністэрства культуры ці праз запаўненне электроннай формы на сайце Банка звестак у сетцы Інтэрнэт (heritage.gov.by), прывязанай да электроннага паштовага адрасу Міністэрства культуры. Па кожным запыце, што паступіць у Міністэрстве культуры прымаецца рашэнне аб прадастаўленні ці адмове ў прадастаўленні доступу да карыстання рэсурсамі Банка звестак, аб аб'ёме і паўноте прадастаўляемай інфармацыі. Дадзеная інфармацыя пісьмова даводзіцца да НББ. НББ прадастаўляе доступ да карыстання рэсурсамі Банка звестак на падставе прынятага Міністэрствам культуры рашэння. НББ інфармуе карыстальнікаў аб адмове ў прадастаўленні доступа да карыстання рэсурсамі Банка звестак, ці прадастаўленне доступа да карыстання рэсурсамі Банка звестак у аб'ёме меншым, чым быў запыт [5].

Банк звестак прайшоў працяглую гісторыю ад зараджэння праекта да рэалізацыі. Гэта карысны і жыццяздольны рэсурс, які неабходна рэалізуваецца да канца, каб ён стаў той платформай, на якую абапірацца б навукоўцы і дзяржаўныя органы, грамадзяне і індывидуальныя прадпрымальнікі, аб'яднаныя адной мэтай – захаванне гісторыка-культурнай спадчыны нашай краіны. З дапамогай Банка звестак гэта старонка жыцця Беларусі стане для ўсяго насельніцтва больш даступнай, зразумелай і цікавай.

1. Об охране историко-культурного наследия : Закон Респ. Беларусь от 13 нояб. 1992 г. № 1940-XII // Ведамасці Вярховага Савета Рэспублікі Беларусь. – 1992. – № 30. – Арт. 504 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.10.2025).

2. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь : Закон Рэсп. Беларусь ад 9 студз. 2006 г. № 98-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 9. – 2/1195 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.10.2025).

3. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуре : 20 ліп. 2016 г. № 413-3 : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрв. 2016 г. : у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 21 ліп. 2022 г. № 201-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.10.2025).

4. О делегировании полномочий : приказ М-ва культуры Респ. Беларусь от 12 янв. 2021 г. № 1 // Архив Министерства культуры Республики Беларусь.

5. О Банке сведений об историко-культурном наследии Респ. Беларусь : приказ М-ва культуры Респ. Беларусь от 9 июня 2025 г. № 99 // Архив Министерства культуры Республики Беларусь.

**Гавриленков А.Ф.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ПОБЕДЕ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГГ.
КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ИСТОРИИ**

Ключевые слова: культура, историческая память, Великая Отечественная война, фальсификация истории, искажение истории.

Культура представляет собой результат деятельности человека в материальной и духовной сфере. Для человека на всех этапах его развития важным было сохранить созданное, суметь передать его будущим поколениям. Таким образом культура «воссоздается» каждым новым поколением людей [1, с. 156]. Для человека важным является сохранение прошлого, воплощенного не только в материальных объектах, но и в духовных объектах. В действительности два эти аспекта культуры невозможно разделять. Один до-

полняет другой. Наглядно это можно проследить на примере Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Западноевропейские государства, совместно с прибалтийскими государствами, массированно наступают на историческую память, стремятся взять, прежде всего, идеологический реванш за поражение Германии в 1945 году. Это не случайные слова. Совместно с германскими армиями против СССР воевали армии стран-сателлитов Германии. В немецких армиях находились добровольческие формирования: воевали представители практически всех европейских стран – всего тридцать пять национальностей [4; 14]. Кроме того, были даже представители тех стран, которые входили в антигитлеровскую коалицию – американцы и англичане [4, с. 218]. «Количество солдат, принятых на службу в вермахт во время войны в Советском Союзе, оценивается приблизительно в тридцать дивизий. Сюда мы должны прибавить, по крайней мере, три дивизии хорватов, 50 000 итальянских добровольцев, занятых на службе в люфтваффе, а также Добровольческие легионы из Франции и Бельгии» [14, с. 2]. И далее: «Войска СС вобрали в себя личный состав из таких “германских” стран, как Норвегия, Дания, Голландия, фланандской части Бельгии, в то время как в остальные армейские структуры входили добровольцы из Франции, валлонской Бельгии и Хорватии» [14, с. 3]. В германской армии служили и представители африканского континента – «Африканская фаланга», а также добровольческий индийский и арабский легионы [14, с. 9, 44, 45].

Западноевропейские государства ведут борьбу с материальным воплощением победы СССР над фашистской Германией, которая была закреплена через памятники советским воинам или событиям войны в странах Восточной Европы. Уничтожение памятников свидетельствует о борьбе с исторической памятью на Западе.

Историческая память является неотъемлемой частью социальной памяти. Хальбвакс понимал под историей «собрание тех фактов, которые заняли наиболее важное место в памяти людей» [13, с. 41–42]. Но следует иметь в виду, что для того, чтобы историческая память не разобщала людей, а объединяла бы их, необходимо, чтобы индивидуальная память каждого человека, других людей «могла таким образом укрепить и дополнить мою память, необходимо также, <...> чтобы эти чужие воспоминания не были лишены связи с теми событиями, которые составляют мое прошлое» [13, с. 40].

Искажение истории, её фальсификация, не новый для современного общества прием. Если говорить о Великой Отечественной войне, то фальсификация истории, её искажение началось фактически сразу после завершения. В течение нескольких лет после окончания войны в странах Западной Европы стала появляться литература, в которой критике и сомнению, под разным углом зрения, подвергалась решающая роль Советского Союза в победе над фашистской Германией. В качестве примера приведем несколько работ, напрямую затрагивающих нашу историю, нашу историческую память – работы Х. Болдуина, О. Брэдли, М. Мэтлоффа, Э. Земке, Ч. Нимиц, Э. Поттер [2; 3; 5; 7; 9]. Каждый по-своему внес посильный «вклад» в развенчание роли Советского Союза в победе над фашистской Германией. В 1951 году, через шесть лет после окончания войны, вышла книга О. Брэдли «Записки солдата». Приведем один из примеров преувеличения событий на западном фронте, где воевали англо-американские войска. Говоря о битве при Арденнах, автор пишет: «Последние немецкие резервы, которые могли бы задержать натиск русских дивизий, были израсходованы в Арденнах. Неудача Гитлера в Арденнах не только ускорила поражение немцев на западном фронте, но и приблизила крах гитлеровской армии на восточном фронте» [3, с. 531]. Арденнская операция завершилась 29 января 1945 года поражением немецких войск. Советская армия, если бы в Арденнах погибли последние резервы, как пишет О. Брэдли, должна была быстро продвигаться на Берлин. Однако, известно, что именно на берлинском направлении было ожесточенное сопротивление немецких войск. Достаточно вспомнить Берлинскую наступательную операцию, которая проходила с 16 апреля по 2 мая 1945 года.

В 1964 г. вышла книга М. Мэтлоффа «От Касабланки до “Оверлорда”». Автор приравнивает высадку нескольких американских дивизий на о. Гуалканал (Соломоновы острова) к Сталинградской битве и битве под Эль-Аламейном в Северной Африке [7, с. 21].

Э. Земке (Цемке) в книге «От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942–1945», вышедшей в 1966 г. и переизданной в 2001 г., явно преувеличивал значение операции по высадке союзных войск в Сицилии в 1943 г.: «После этого [высадки союзных войск в Сицилии. – А.Г.] угроза немецкой стороне с востока и с запада стала практически одинаковой. Фактически угроза с запада расценивалась немцами как более значительная, так как отсюда было гораздо ближе до основных жизненных центров Германии» [5, с. 598]. Автор ставит под сомнение вклад Советского Союза в победу над Германией: «Советский вклад в победу в Европе был значительным, но не настолько уж подавляющим по сравнению с союзниками» [5, с. 599]. Тем не менее, известно, что на 1 июня 1944 года именно на восточном фронте германское командование держало 156 армейских и войск СС дивизий. В то время как на западном фронте таких дивизий было 54, в Италии – 27, на Балканах – 25 [8, с. 431]. Цифры красноречиво говорят сами за себя – восточный фронт был приоритетным для Германии.

Х. Болдуин в изданной в 1966 г. книге «Сражения выигранные и проигранные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны» один из пунктов содержания озаглавил «Сталинград – не поворотный пункт» [2].

2025 год – год празднования 80-летия победы над немецко-фашистскими захватчиками. Что означает для современного россиянина Великая Отечественная война? Прежде всего, это гордость за победы русского человека и русского оружия над врагом.

Войны всегда заканчиваются, мирная жизнь налаживается, налаживаются отношения между воевавшими странами и народами. Однако, налаживание мирных отношений не означает, что мы должны забыть страдания и боль, причиненные в ходе войн. Нельзя прошлое стирать из памяти в угоду политическим идеям, как это было в годы перестройки. В противном случае можно столкнуться с переписыванием истории. Собственно, то, что происходит в конце XX – начале XXI в. с исторической памятью в странах Западной Европы, свидетельствует о масштабном переписывании истории. Возьмем только несколько штрихов. Так, в 2008 г. Б. Обама, являясь кандидатом в президенты США, заявил о том, что Освенцим освобождали американские солдаты. В 2017 г. американский президент Д. Трамп отметил, что США выиграли Вторую мировую войну. Не отстают от них и европейцы. Так, в 2019 г. премьер-министр Великобритании Б. Джонсон заявил, что Польша в годы Второй мировой войны находилась «между молотом фашизма и коммунистической наковальней». Французский президент Э. Макрон говорит о преувеличении русскими своей победы в войне, не упоминая, что французы воевали добровольцами в немецких частях. Высокопоставленные лица соседних с Россией государств Польши и Украины в 2020 г. заявляют то об освобождении лагеря в Освенциме Украинским фронтом [не уточняя принадлежность фронта к стране-освободительнице. – А.Г.] или украинским государством, то о виновности СССР в развязывании Второй мировой войны, то о второстепенности роли СССР в разгроме нацистской Германии. Список «исторических» искажений действительности можно было бы продолжать. Однако, политические «выпады» относительно переписывания истории характерны не только для политиков, но и, прежде всего, для научного сообщества указанных стран.

В 2020 г. в США к празднованию 75-летия победы во Второй мировой войне была выпущена памятная медаль. На одной стороне этой медали были изображены флаги Великобритании, США и Франции. Для флага СССР как страны-победительницы в войне места не оказалось. Другой пример – в Польше, в угоду политическим схемам, слышны утверждения о том, что члены ОУН-УПА, бандеровцы – герои [14, с. 132–135].

Достаточно смело на фоне потока исторической лжи выглядят слова вице-премьера Сербии Александра Вулина об отказе пригласить представителей России на торжества в связи с 80-летием освобождения Освенцима: «Освобождение Освенцима отмечается с участием стран, которые организовали Холокост в Освенциме, таких как Германия и ее союзники, или стран, которые предоставляли охранников, как Польша или Хорватия, но без представителей России – страны, победившей Третий рейх и освободившей Освенцим. Каждое новое зло начинается с забвения старого зла. Внуки охранников и организаторов Освенцима не стыдятся преступлений своих дедов, они стыдятся их поражения».

Историческая память выступает связующим звеном между прошлым и настоящим. От того, как точно будет идти передача информации о прошлом, зависит, насколько истинным будет формироваться представление о прошлом у современных поколений молодежи и людей среднего возраста.

После Второй мировой войны А. Дж. Тойнби выпустил ряд очерков, в которых дал собственное представление о мировой истории. Один из очерков был назван им «Россия и Запад». Английского историка нельзя заподозрить в симпатии к СССР, однако, он непредвзято говорит о победе СССР над нацистской Германией: «Коммунистическая техническая революция в России предопределила победу над германскими захватчиками во Второй мировой войне, так же как петровская техническая революция обеспечила победу над шведскими агрессорами в 1709 году и над французскими – в 1812 году» [12, с. 102].

Говоря о Великой победе советского народа в 1945 году, стоит обращать внимание, как представляется автору, не только на работы российских современных историков, но и зарубежных, с помощью исследований которых возможно подтверждать истинность победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В то же время следует пристально следить за публикациями историков соседних с Россией стран, которые неверно отражают события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг./Второй мировой войны.

Проблема сохранения исторической памяти, бережного отношения к ней есть проблема национальной безопасности современной России.

Следует помнить, что «издевательство над памятью – это подлость. <...>Забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжёлой расплатой» [5]. Данные слова были сказаны о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Вопрос об исторической памяти является важнейшим вопросом существования того или иного народа, нации. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» указывается, что к угрозам национальной безопасности следует отнести «попытки фальсификации российской и мировой истории» [10]. Таким образом, сохранение исторической памяти является вопросом государственной важности, вопросом о сохранении российской цивилизации в целом.

Статья 67.1 Конституции Российской Федерации защищает право россиян на историческую память: «Статья 67.1. Пункт 3. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [6, с. 23].

Пункт 93.2 «Стратегии национальной безопасности» гласит: «защита исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии Российской государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории» [10, с. 26].

Для российского государства и общества, национальной безопасности стоит задача противостоять искажению исторической правды, фальсификации российской и ми-

ровой истории, уничтожению исторической памяти, как сказано в «Стратегии национальной безопасности» [10].

Главный объект фальсификации истории – это дети и молодежь. Отнимая у молодежи историческое прошлое, её лишают не только возможности идентифицировать себя с определенной культурой, традициями, обычаями, героическим прошлым народа, к которому молодежь принадлежит, её лишают будущего, делают частью глобального общества без привязки к национальным корням.

Дети и молодежь становятся объектом, на который западное общество стремится эффективно воздействовать. В 90-е годы XX века им прививались западные ценности и одновременно создавались условия для того, чтобы они потеряли интерес к истории России. В учебниках по истории России сократилось количество часов на освещение истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Изложение материала стало сводиться только к перечислению основных фактов и событий войны.

1. Аликин, П. С. К проблеме соотношения «культурной» и «исторической» памяти / П. С. Аликин, А. Л. Мухина // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2017. – № 1. – С. 154–159.
2. Болдуин, Х. Сражения выигрышные и проигрышные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны / Х. Болдуин. – М. : Центрполиграф, 1966. – (Вторая мировая война (Центрполиграф)).
3. Брэдли, О. Записки солдата / О. Брэдли ; пер. с англ. В. С. Столбова и Н. Н. Яковleva. – М. : Издательство иностранной литературы, 1957. – 608 с.
4. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская ; под ред. М. М. Загорулько. – М. : Логос, 2000. – 1120 с.: ил.
5. Земке, Э. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942–1945 / Э. Земке ; пер. с англ. А. Л. Андреева. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2009. – 604 с.
6. Конституция Российской Федерации 1993 года с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года. – М. : Эксмо, 2020. – 96 с.
7. Мэтлофф, М. От Касабланки до «Оверлорда» / М. Мэтлофф. – М. : Воениздат, 1964. – 584 с.
8. Мюллер-Гиллебранд, Б. Сухопутные армии Германии 1933–1945 гг. / Б. Мюллер-Гиллебранд. – М. : Изографус, Изд-во Эксмо, 2002. – 800 с.
9. Нимиц Ч. Война на море (1939–1945) / Ч. Нимиц, Э. Поттер ; пер. с англ. – Смоленск : Русич, 1999. – 592 с.
10. О Стратегии национальной безопасности. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400.
11. Путин, В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим / В. В. Путин // <https://www.kremlin.ru/>
12. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.] / Арнольд Дж. Тойнби. – М. : АСТ: Астрель; Владимир : ВКТ, 2011. – 318 с. [2] с.
13. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 16–50.
14. Юрадо, К. К. Иностранные добровольцы в вермахте. 1941–1945 / К. К. Юрадо. – М. : АСТ, Астрель, 2005. – 62 [2] с., 8 цв. ил.
15. Wylegała, A. Dwie Maie / A. Wylegała // Historia. Newsweek. – 2015. – № 2. – S. 132–135.

**Гернович Т.Д.
АРХИВНЫЙ МУЗЕЙ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ**

Ключевые слова: Архивный музей в Петрограде, Румянцевский музей, Музей палеографии Н.П. Лихачева, историческая память, культура архива.

Архивные музеи выполняют особую миссию – они не только сохраняют документальную память, но и способствуют формированию исторического сознания. В условиях XXI века, когда роль архивов в обществе переосмысливается, вновь актуализируется идея интеграции функций архива и музея. Именно в этом соединении проявляется потенциал архивного музея как пространства, где документальная память приобретает культурное и образовательное измерение.

Документ, как объект сохранения и изучения, выполняет в обществе множество функций. Прежде всего, он фиксирует информацию, подтверждая события и факты, которые могут быть востребованы современниками – в практических целях, и потомками – для познания прошлого. Однако его значение не исчерпывается только удосто-

веряющей или справочной функцией. Документ способен выступать и как артефакт эпохи, символ, материальное свидетельство развития цивилизации, отражающее формы взаимодействия человека с окружающим миром.

Эта сложная и многогранная природа документа обусловила его присутствие в различных институтах памяти – архивах, библиотеках и музеях. Каждый из них наделяет документ специфическим статусом и ролью. В архивах он предстает прежде всего как источник достоверной информации и доказательство фактов; в библиотеках – как элемент интеллектуального и культурного наследия, связанный с процессами передачи знаний; в музеях – как экспонат, несущий эстетическую, символическую и образовательную ценность. Несмотря на современные тенденции к сближению этих институциональных форм, различия в подходах к документу сохраняются и позволяют глубже понять его многоаспектность.

Таким образом, идея архивного музея возникает на пересечении этих традиций, отражая стремление объединить функции хранения, демонстрации и осмысливания документа. Именно здесь формируется «культура архива» как особый пласт исторической памяти, способный соединять практическое, символическое и культурное значение документального наследия.

Начиная с первых музейных коллекций, «кабинетов древностей» документы наравне с картинами, монетами, медалями и оружием рассматривались как ценные объекты, вызывающие интерес к собиранию и желание их демонстрировать публике. Первые экспозиции акцентировали внимание на многообразии документов и типов письма разных эпох и народов. Однако сама «культура архива», практическая деятельность по сохранению документов и обеспечению передачи информации во времени и пространстве, в музейной экспозиции не освещалась.

Между тем, забота о сохранности документов уходит корнями в глубокую древность и также заслуживает внимания в изучении истории письменной культуры. Так, в Месопотамии шумеры строили специальные хранилища для глиняных табличек, содержащих тексты законов, записи административной, финансовой деятельности, земельного, налогового военного учета, «нотариальные» записи о частных сделках и др. Таблички различались по форме и размеру в зависимости от типа информации, для того чтобы их было легче найти. Некоторые таблички были заключены во второй слой «глиняных конвертов» и хранились в орошаемых помещениях, которые обеспечивали необходимый температурно-влажностный режим с помощью канавок с испаряющейся водой.

В Древнем Риме архивные учреждения не только сохраняли, но и предоставляли доступ к информации документов. Многие хранилища располагались в центре древних городов для того, чтобы было возможно быстро находить необходимые документы для предъявления в суде или при составлении сборников официальных постановлений и распоряжений (рис. 1). В средневековой Европе документы нередко размещались вместе с королевскими реликвиями и казнью, поскольку воспринимались как равные им по статусу и символической ценности. Их хранили в сундуках и специальных шкафах со сложными замками, которые должны были обеспечить защиту от подделки и уничтожения [1].

С возникновением национальных государств архивы начали выполнять новые функции: не только сохранять документы, но и предоставлять доступ к ним исследователям и гражданам, становясь пространством формирования исторической памяти.

«Культура архива» представляет собой отдельный пласт человеческой исторической памяти. Изменение носителей информации, методов и приемов обеспечения их сохранности, способов предоставления доступа к архивным документам и использования, содержащейся в них информации – все это представляет собой историю развития человеческой цивилизации и осознание «особой миссии документа».

Примером институционализации «культуры архива» стал Музей Национального архива Франции (*Musée des Archives nationales*), открытый в 1867 году в парижском особняке Субиз. В нем представлены оригиналы королевских указов, папских булл, грамот, автографов исторических деятелей, а также образцы восковых печатей, сундуков и коробок, которые использовались в средние века и новое время для работы с документами. Одна из стен музея спроектирована таким образом, что дает возможность через стекло заглянуть в самое старое архивохранилище Франции Сокровищницу хартий (fr. *Trésor des chartes*) (рис. 2).

Рис. 1. Табуларий (лат. *tabularium*)
(цокольная часть восточного фасада Дворца
сенаторов), государственный архив в
Древнем Риме.

Рис. 2. Сокровищница хартий. Музей
Национального архива Франции.

В России первым шагом к музейной демонстрации архивных документов стало создание в 1831 году Румянцевского музея в Петербурге. Его основой стала коллекция графа Н.П. Румянцева, главной страстью которого было собирание рукописных древностей (рис. 3). Центральное место в коллекции графа занимали редкие рукописи, старопечатные книги, инкунабулы и другие памятники письменной культуры. По завещанию Н.П. Румянцева, после его смерти коллекция была передана в дар государству, и стала доступна широкой публике. В залах музея были установлены специальные витрины для экспонирования письменных памятников [2].

Революционные события 1917 года и последующие изменения в государственном устройстве привели к разработке новой государственной политики в архивной, музейной и библиотечной отрасли. Централизация, национализация и создание первых законов в архивной, библиотечной и музейной сфере способствовали выработке подхода по определению статуса архивного документа в каждом типе хранилища.

В первые годы советской власти вопрос разграничения понятий архив-музей-библиотека был одним из центральных вопросов, обсуждавшихся на научных собраниях. Эта проблема была впервые обозначена на Конференции архивных деятелей в Петрограде (1920 г.) и получила дальнейшее развитие на Всероссийской конференции архивных деятелей в Москве (1921 г.). и на Первом съезде архивных деятелей РСФСР (14–19 марта 1925 г.). Содержание «нового подхода» было представлено в докладе И.Л. Маяковского «Архив, библиотека и музей» (рис. 4). По убеждению ученого, архив в новую эпоху должен был стать полноправным участником выставочной деятельности, для этого он предлагал организовать систему архивных музеев [3; 4].

В докладе И.Л. Маяковского давалось «определение сущности» архива, музея и библиотеки по отношению к письменному материалу. Так, он отмечал, что «...В музеях

могут находиться такие оригиналы и копии письменных памятников, которые не только по содержанию (а иногда и независимо от него), но и со своей внешней вещественной стороны отличаются показательностью, характеризующей черты быта и формы творческой работы человека в ту или иную эпоху, – при чем наиболее полно такие памятники могут функционировать не в самостоятельных музеях археологического, историко-бытового и художественного характера, а в специальных музеях-выставках...» [5].

Идеи Маяковского поддерживали участники петроградского отделения ЕГАФ Н.А. Пыпин, Н.П. Черепнин и И.В. Пузино. Ранее, на заседании управляющих Петроградских отделений секций ЕГАФ 14 августа 1919 г. они представили докладную записку, в которой изучив опыт западноевропейских архивов, отмечали, что архивные выставки проводятся регулярно во многих странах. Далее они обратили внимание на то, что «... помимо целей, архивно-исторических выставка должна служить также и школе, в широком, конечно, смысле этого слова. А именно, при выставке должны читаться лекции: 1) популярные, 2) для учеников старших классов и для студентов и 3) для педагогов, которые наглядно иллюстрировались бы соответствующим архивным материалом. Нет, кажется, нужды доказывать, насколько такое наглядное изучение по архивным материалам истории является важным в образовательном смысле и как оно может оживить в школе интерес к делу...» [6].

Одним из первых примеров реализации этой идеи стало открытие 31 октября 1922 г. Архивного музея при Сенатском архиве. Его первый директор В.Н. Нечаев, выступая с докладом «Музеи при архивах» в 1921 г. на Всероссийской конференции архивных деятелей в Москве подчёркивал необходимость демократизации архива и приближения его к обществу (рис. 5). Как писал В.Н. Нечаев: «Приближение архивов к массам, их демократизация диктуется всем новым строем жизни и здравым пониманием архивами собственного интереса, так как только при воспитании в широких народных слоях понимания ценности исторического документа, для архивов может сократиться опасность разрушения, от которой они всегда страдали, а в особенности в революционные времена» [7; 8].

К сожалению, идея Архивного музея при Архиве Сената была недолговечной, в 1930 г. он прекратил свое существование [9].

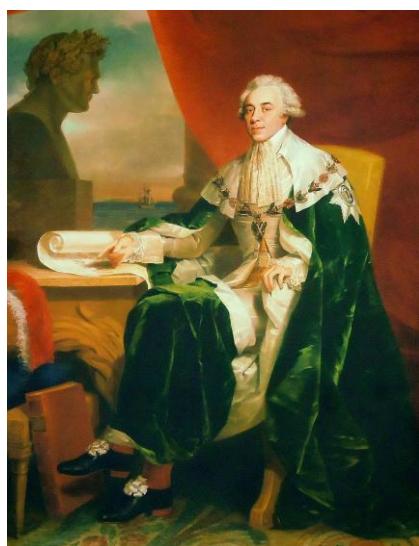

Рис. 3. Граф Н.П.Румянцев
Портрет кисти Джорджа Доу

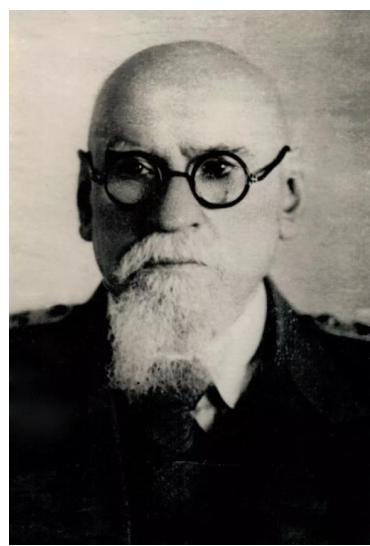

Рис. 4. И.Л. Маяковский

Рис. 5. В.Н. Нечаев

Аналогичная судьба постигла и Музей палеографии, который был создан в 1925 г. в Петербурге в доме на ул. Петрозаводской на основе собрания Николая Петровича

Лихачева (рис. 6). Музей палеографии по замыслу его владельца должен был соответствовать Лейпцигскому «Музею книги» «...со специальным уклоном в область истории документа и его аутентификации».

Рис. 6. Музей палеографии Н.П. Лихачева

В 1931 г. Музей был переименован в Институт истории книги, документа и письма и перемещен в помещение библиотеки Академии наук. В последствии он был расформирован и в настоящее время, как известно, фрагменты лихачевского музея находятся в Эрмитаже, Институте восточных рукописей, Государственном историческом музее, в библиотеке Академии наук и ее отделах, в библиотеке Музея истории религии и других собраниях. В 1967 году часть коллекции, состоящая из рукописей, вернулись в дом на Петрозаводскую, где они стали частью архива Санкт-Петербургского института истории РАН [10; 11].

В 2022 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН в рамках проекта «История письма европейской цивилизации» был воссоздан Палеографический кабинет академика Николая Петровича Лихачева, а в интернет-проекте представлены цифровые копии документов из его коллекции, которые позволяют в виртуальной форме реконструировать Музей палеографии в наши дни.

Опыт объединения архива и музея, реализованный в Петрограде, носил скорее исключительный характер. В дальнейшем на территории советских республик взаимоотношения между архивами и музеями формировались на основе жесткого институционального разграничения сфер деятельности и принципов комплектования. Архивные документы, оказавшиеся в фондах музеев и библиотек, предоставлялись пользователям на тех же основаниях, что и другие музейные или библиотечные единицы хранения. Выставки архивных документов, проводившиеся в помещениях архивных учреждений, оказывались доступны лишь ограниченному кругу специалистов и практически не были ориентированы на широкую публику.

Тем не менее идея архивного музея сохраняет актуальность [12]. Возвращение к идеи архивного музея в XXI веке, в том числе в цифровом формате, свидетельствует о её востребованности и перспективности. Архивный музей может стать сегодня не

только формой экспозиции отдельного вида музейных объектов, но и площадкой для воспитания «культуры архива» в обществе, формирующей бережное и уважительное отношение к документальной памяти.

1. Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней. Ч. 1. Архивное дело с древнейших времен до 1917 года / [науч. ред. К. И. Рудельсон. – М.: ВНИИДАД, 1979. (Труды ВНИИДАД; т. 8, ч. 1).]
2. Лабынцев, Ю. А. Книжное наследие Н.П. Румянцева / Ю. А. Лабынцев. – М. : Наука, 2004.
3. Протоколы первого съезда архивных деятелей РСФСР, 14–19 марта 1925 г. / под ред. Н. Ф. Бельчикова и В. В. Максакова. – М. : Л., 1926.
4. Хорхордина, Т. И. Неизвестный Маяковский / Т. И. Хорхордина. – М.: РГГУ, 2001.
5. Маяковский, И. Л. Архив, библиотека и музей / И. Л. Маяковский // Архивное дело. –1926. – Вып. 5–6. – С. 45–56; Вып. 7. – С. 21–36.
6. Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг. : сб. док.: в 2 т. / отв. ред. О. Н. Копылова. – М. : Кучково поле, 2018. – Т. 1: 1918–1920 гг. – С. 781.
7. Нечаев, В. Н. «Архивный музей в Ленинграде» / В. Н. Нечаев // Архивное дело. – 1925. – Вып. 2. – С. 63–68.
8. Резолюция по докладу Аннинского С. А. «Пропаганда архивного дела» и Нечаева В. Н. «Музеи при архивах» // Архивное дело. – 1923. – Вып. 1. – С. 131.
9. Гернович, Т. Д. Архивист и хранитель памяти: наследие Владимира Николаевича Нечаева (1874–1941 гг.) в контексте истории архивного дела / Т. Д. Гернович // История и архивы. – 2025. – № 7(3). – С. 171–183.
10. Свойский, М. Л. Музей палеографии / М. Л. Свойский // Вопросы истории. – 1977. – № 4. – С. 211–215.;
11. Мещерская, Е. Н. 11Музей палеографии акад. Н.П.Лихачева и его судьба. 1925–1930 / Е. Н. Мещерская, Е. К. Пиотровская // «Звучат лишь письмена...». К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. – С. 49–65.
12. Хорхордина, Т. И. Музей, библиотека, архив: к истории вопроса о разграничении понятий и современные тенденции к интеграции / Т. И. Хорхордина // Смысл истории: журнал историко-философского общества. – 2020. – № 2. – С. 157–166.

Гоманенко О.А.

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ СТАЛИНГРАДА)

Ключевые слова: Сталинград, культура, Сталинградская битва, восстановление, театры, кино, музеи.

За годы Великой Отечественной войны пострадали многочисленные объекты культурного наследия СССР. Показателен пример Сталинграда по сохранению культурных ценностей своего региона в непростых условиях военного времени. Через два месяца после завершения Сталинградской битвы началось активное восстановление объектов культуры. В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) к первоочередным мерам относилось, в частности, возрождение драмтеатра им. М. Горького и кинематографа в городе и области [2, с. 99–102].

В Сталинградской области до войны работало 11 театров, в том числе четыре в самом Сталинграде и одна филармония. Помимо драматического действовал еще кукольный театр, а также театр юного зрителя (ТЮЗ) и музкомедии. Так, за 1938 г. всего на театральных подмостках было поставлено около 160 пьес, около 2,6 тыс. спектаклей. Сталинградская филармония дала свыше 2,2 тыс. концертов. Около 2,5 млн человек посетили эти культурные мероприятия [1, с. 302].

С началом Великой Отечественной войны численность актеров поредела вследствие ухода на фронт. Например, кукольный театр лишился всех мужчин-артистов. Многие артисты трудились на оборонительных сооружениях. В первые месяцы войны из работников культуры Сталинграда была сформирована художественно-творческая бригада. Через театральные постановки шла агитационная работа актеров для поддержания морального духа бойцов и гражданского населения. За год с лета 1941 г. по 1942 г. творческие работники дали свыше 3,5 тыс. концертов в госпиталях, воинских частях и на мобилизационных пунктах.

Коллектив Сталинградской музкомедии за вторую половину 1941 г. дал около 140 концертов в госпиталях. Кроме того, было проведено почти 50 художественно-

творческих мероприятий. Помещение театра музыкальной комедии было отдано под военные нужды и коллектив переехал в здание ТЮЗ. Оба театра по очереди давали представления. Репертуар составляли и мировая классика, и произведения советского периода патриотической направленности. Все сталинградские театры работали вплоть до конца августа 1942 г. при постоянных налетах вражеской авиации. Вырученные от спектаклей средства перечислялись в фонд обороны. После 23 августа драмтеатр был эвакуирован в Сызрань. Театр музкомедии сначала отправился в Омск, потом вернулся в Сталинградскую область и разместился в Астрахани, затем в Камышине. ТЮЗ эвакуировался в Казань, где и остался более, чем на четверть века. В кукольном театре осталось только две актрисы и они были отправлены в Камышин, там и остались также как ТЮЗ. Здания этих театров были разрушены полностью и возвращаться им было некуда. Работа театров в эвакуации не прекращалась. Сборы от отдельных спектаклей шли в Государственный банк на строительство авиации [1, с. 302].

За период боевых действий в Сталинграде имущество театров погибло, здания серьезно пострадали или были разрушены. Самым первым летом 1943 г. из эвакуации приехал драматический театр и сразу же приступил к работе в помещении клуба Сталинградской ГРЭС. Здание драмтеатра требовало капитальной реконструкции, на что в 1943 г. ассигновали более 1,5 млн руб. Этот театр являлся первым восстановленным в Сталинграде [2, с. 102]. Театр музыкальной комедии вернулся из эвакуации через два года после окончания Второй мировой войны и сначала обосновался в клубе Сталинградского тракторного завода. За военный период многие артисты удостоились разных наград, в том числе медали «За оборону Сталинграда» [1, с. 302].

Что касается кинематографа, то до Второй мировой войны в Сталинградской области функционировало 44 кинотеатра [3, с. 109], а в самом городе – семь, в том числе одна летняя киноплощадка в Городском саду. Помимо этого, разные учреждения, ведомства, профсоюзы имели свои киноустановки, число которых доходило до 80 ед. [1, с. 304]. Восстановление киносети также началось после Сталинградского сражения. В соответствии с постановлением ГКО на шесть стационарных киноустановок в областном центре первоначально отводилось около 700,0 тыс. руб. [2, с. 102]. В сентябре 1943 г. в самом Сталинграде действовало три кинотеатра, а также летние киноплощадки в пяти городских районах [1, с. 305]. Уже в 1943 г. в Сталинграде снимался первый документальный фильм «Возрождение Сталинграда», запечатлевший разрушенный город и его первые месяцы после освобождения. На кадрах картины показаны жители, вернувшиеся в свой родной город и занимавшиеся его восстановлением. Для работы над фильмом киногруппа была размещена в подвале бывшего Центрального универмага, где располагался штаб Ф. Паулюса. Этот фильм получил Сталинскую премию и демонстрировался в разных странах [4, с. 762].

Накануне войны в Сталинградской области насчитывалось около 1,5 тыс. самостоятельных библиотек и библиотек при клубах (помимо изб-читален). Из них свыше 200 библиотек находились в городах, а 1,2 тыс. в сельской местности. Их общий книжный фонд составлял 2,1 тыс. изданий. К началу войны во всех районах Сталинградской области было не менее 10 общедоступных библиотек. Обширными фондами до начала Великой Отечественной войны обладала Сталинградская областная библиотека им. М. Горького с сорокалетней историей существования. Накануне войны в ней насчитывалось свыше 200,0 тыс. книг, а число читателей доходило до 18,0 тыс. человек. Но при бомбардировке 23 августа 1942 г. здание библиотеки было разрушено. Уцелело только около 250 журналов. Однако областная библиотека возобновила свою работу уже в начале июня 1943 г., расположившись в помещении недостроенного клуба на юге города. Началось восстановление разрушенного библиотечного дела [1, с. 303].

Летом 1942 г. Сталинградский областной краеведческий музей с 28-летней историей был эвакуирован из города в область, куда удалось вывезти только наиболее ценные и редкие экспонаты. Два года музей был закрыт для посещения. Его работа возобновилась в сентябре 1944 г. на севере Сталинградской области в Урюпинске. Помещение для музея в Сталинграде смогли подобрать почти через 10 лет после войны [1, с. 303–304].

В 1937 г. в Сталинграде в бывшем особняке купцов Репниковых открылся Музей обороны Царицына, посвященный гражданской войне на юге России в районе Царицына и на Дону. В ноябре 1941 г. экспонаты эвакуировали сначала за Волгу, затем в глубину области. Во время Сталинградского сражения здание музея было полностью разрушено, а восстановлено через два года после окончания войны. Однако еще с января 1943 г. начался сбор нового исторического материала, отражавшего события битвы на Волге. Летом 1943 г. экспозиция музея разместилась в подвале Центрального универмага Сталинграда. Ежедневно его посещало несколько сот человек. В частности, 1943 г. музей подготовил постоянно действующую выставку с тремя отделами: «Оборона Царицына», «Оборона Сталинграда» и «Восстановление Сталинграда» [1, с. 304].

Однако многие произведения искусства были утрачены навсегда. Так случилось с картинной галереей Сталинграда. За четверть века галерея смогла собрать богатейшую коллекцию из двухсот экспонатов. Картины не успели вывезти, они погибли при подготовке к эвакуации в результате бомбардировки города в 1942 г. Уничтоженными оказались произведения П. Рубенса, Я. Вермеера, В.М. Васнецова, И.К. Айвазовского, И.И. Левитана, И.И. Шишкина и многих других отечественных и зарубежных живописцев [1, с. 304].

Таким образом, даже в экстремальных условиях военного времени развитие культуры в Сталинграде не прекращалось. При этом трудности по сохранению культурного наследия преодолевались по мере возможности. Ущерб, нанесенный культурным объектам Сталинграда и области, составил около 1 млрд руб. Финансирование работы учреждений культуры на 1943 г. превышало 5 млн руб. [1, с. 305]. Культурно-просветительская работа не прекращалась, ее работе уделялось пристальное внимание со стороны партийных и государственных органов в течение всего периода Великой Отечественной войны.

1. Сталинградская область. 1939–1943 гг. Цифры и факты: Информационно-статистический справочник / редкол.: М. М. Загорулько (отв. ред.) ; Адм. Волг. обл., Центр по изучению Сталинградской битвы. – Волгоград : Издатель, – 2019. – 768 с.
2. Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны (1943–1945) : документы и материалы / [сост. М. М. Загорулько (рук.) и др.] ; под ред. М. М. Загорулько ; ВолГУ ; РГАСПИ ; Федер. арх. агенство М-ва культуры РФ. – Волгоград : Издатель, – 2011. – 784 с.
3. Сталинградская область в цифрах. Краткий статистический справочник / Сталингр. обл. упр. нар.-хоз. учета. – Сталинград : Областное книгоиздательство, – 1939. – 120 с.
4. Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы / НИИ ПЭИР ; сост. М. М. Загорулько, Н. А. Горюнова, С. Ю. Пищулина. – Волгоград : Издатель, – 2003. – 920 с.

Грива М.А.

ОПТИМИЗАЦИЯ И ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ: ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МУЗЕИ

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, цифровизация, музей, технологии.

Цифровая трансформация представляет собой один из наиболее значимых трендов в развитии современного социокультурного пространства. Музей как институт памяти и знания в настоящее время сталкивается с необходимостью фундаментальной адаптации к новым технологическим реалиям, изменяющимся ожиданиям аудитории и вызовам цифровой эпохи. Искусственный интеллект (ИИ), перестав быть исключительно футуристической концепцией, превратился в практический инструмент, пред-

лагающий инновационные решения для задач атрибуции, каталогизации, интерпретации и взаимодействия с посетителем. Актуальность данного исследования обусловлена насущной необходимостью комплексного осмыслиения потенциала и границ применения технологий ИИ в одной из самых консервативных и одновременно ориентированных на диалог сфер – музейной деятельности. Целью работы является всесторонний анализ возможностей и ограничений технологий искусственного интеллекта в основных направлениях деятельности современного музея, включая как практические аспекты внедрения, так и этические последствия цифровой трансформации.

Внедрение искусственного интеллекта в музейную практику представляет собой многогранный процесс, который можно условно разделить на два ключевых направления: работу с коллекцией и взаимодействие с аудиторией. В области изучения и сохранения коллекций наиболее значимым представляется применение ИИ в качестве «цифрового куратора». Современные алгоритмы компьютерного зрения, обученные на обширных массивах данных о творчестве различных художников и художественных школах, демонстрируют выдающиеся способности к анализу особенностей художественной манеры, техники исполнения, использования цветовой палитры и композиционных решений. Эта технологическая возможность позволяет не только выдвигать обоснованные гипотезы относительно авторства спорных произведений, но и эффективно выявлять подделки, что наглядно продемонстрировал проект «The Rembrandt Database» [1].

Кроме того, процесс масштабной оцифровки миллионов предметов из музейных фондов кардинально ускоряется благодаря внедрению технологий искусственного интеллекта. Современные алгоритмы демонстрируют впечатляющую способность к автоматическому распознаванию и описанию объектов на цифровых изображениях, генерируя комплексные метаданные и семантические теги, что улучшает эффективность поиска и навигации по электронным каталогам [2, с. 45]. Важным аспектом является применение ИИ в области сохранения культурного наследия, где технологии машинного обучения используются для точного прогнозирования процессов деградации различных материалов на основе комплексного анализа данных об условиях хранения, что позволяет музеям разрабатывать и принять превентивные меры по консервации и реставрации.

В сфере взаимодействия с аудиторией искусственный интеллект открывает путь к принципиально новой парадигме – созданию персонализированного музейного опыта. Ведущие музеи мира начинают активно внедрять алгоритмы рекомендательных систем, которые анализируют поведенческие паттерны пользователя и предлагают индивидуальные маршруты по экспозиции, привлекая внимание к потенциально интересным объектам на основе анализ предпочтений [3]. Виртуальные ассистенты и интеллектуальные чат-боты обеспечивают круглосуточную поддержку посетителей, оперативно отвечая на вопросы об экспонатах, истории музея и расписании работы, как это успешно реализовано в чат-боте Государственного Эрмитажа [4].

Инновационным направлением является использование технологий генеративного ИИ, которые создают уникальные произведения искусства в реальном времени, реагируя на движения, эмоции или голосовые команды посетителей, тем самым трансформируя их роль из пассивных зрителей в активных соавторов художественного процесса. Эта технология открывает новые горизонты для интерактивных выставок и иммерсивных инсталляций, создавая принципиально новые форматы взаимодействия с искусством.

Несмотря на большое количество плюсов, внедрение искусственного интеллекта в музейную практику порождает комплекс этических и практических дилемм, требующих глубокого междисциплинарного осмыслиения. Наиболее остро стоит проблема

алгоритмической предвзятости, когда системы ИИ, обученные на нерепрезентативных данных, воспроизводят и усиливают существующие диспропорции в представлении различных культур и художественных традиций. Особую сложность представляет вопрос атрибуции – размытие границ авторства при использовании генеративного ИИ ставит под сомнение традиционные представления о художественной уникальности и ценности произведения. С практической точки зрения внедрение искусственного интеллекта наталкивается на существенные ресурсные ограничения и организационные вызовы. Разработка и внедрение качественных ИИ-решений требуют значительных финансовых вложений, специального программного обеспечения и высококвалифицированного штата IT-специалистов, что создает растущий «цифровой разрыв» между крупными музеями и небольшими региональными учреждениями, усиливая существующее неравенство в доступности современных технологий.

Критически важным остается соблюдение принципа «верификации человеком» – признание того, что ИИ представляет собой вспомогательный инструмент, а не конечного эксперта. Его выводы, особенно в научной области атрибуции и интерпретации культурного наследия, всегда требуют тщательной проверки и критической оценки со стороны специалиста. Слепая вера в алгоритм может привести к серьезным ошибкам и неверным формулировкам исторического и культурного контекста.

Развитие технологий искусственного интеллекта открывает перед музеями принципиально новые возможности, которые только начинают осознаваться профессиональным сообществом. Одной из наиболее многообещающих перспектив является создание комплексных «цифровых двойников» музейных коллекций – точных цифровых копий, которые могут использоваться для исследований, образования и виртуальных экспозиций без риска повреждения оригиналов. Технологии генеративного ИИ позволяют реконструировать утраченные фрагменты произведений искусства или создавать аутентичные реконструкции исторической среды объектов и артефактов, обеспечивая посетителям беспрецедентный уровень погружения в культурный контекст.

Одним из будущих испытаний станет необходимость разработки междисциплинарных стандартов и протоколов для использования ИИ в музейной сфере. Это потребует тесного сотрудничества между музеологами, IT-специалистами, юристами и т.д. Особое внимание придется уделить вопросам цифровой сохранности и долгосрочной доступности данных, поскольку быстрая эволюция технологий создает риски устаревания форматов и программных решений [5]. Музейям необходимо будет разрабатывать стратегии цифрового развития, которые обеспечат доступ к цифровым коллекциям и ИИ-сервисам в долгосрочной перспективе.

Внедрение технологий искусственного интеллекта знаменует собой новую веху в развитии музейного дела, открывая беспрецедентные возможности для оптимизации внутренних процессов и создания глубоко персонализированного, вовлекающего культурного опыта. ИИ выступает мощным катализатором цифровой трансформации, предлагая инновационные решения для каталогизации, атрибуции и взаимодействия с аудиторией. Однако реализация этого потенциала напрямую зависит от способности музейного сообщества осознанно и критически подойти к интеграции новых технологий в свою деятельность.

Ключевым тезисом современного этапа цифровой трансформации является необходимость достижения эффективного симбиоза, а не механической замены человеческого опыта технологическими решениями. Искусственный интеллект должен рассматриваться как мощный инструмент в руках музейных специалистов, расширяющий их возможности, но не подменяющий их профессиональную экспертизу, этическую ответственность и творческое виденье. Таким образом, устойчивое будущее му-

зяя видится в развитии гибридной модели, где технологическая эффективность и аналитическая мощь искусственного интеллекта находятся в балансе с критическим мышлением, эмпатией и авторским взглядом человека-профессионала.

1. Rembrandt Database [Электронный ресурс]. – [The Hague], 2024. – URL: <https://rembrandtdatabase.org> (date of access18.09.2025).
2. Parry, R. Museums in a Digital Age / R. Parry. – London : Routledge, 2010. – 496 p.
3. Bowen, J. P. Museums and Digital Culture: New Perspectives and Research / J. P. Bowen, T. Giannini. – New York : Springer, 2019.
4. Научно-образовательный портал НИУ ВШЭ : [сайт]. – Санкт-Петербург, 2024. – URL: <https://spb.hse.ru/news/910942472.html> (дата обращения 18.09.2025).
5. Медиапортал исторического музея: [сайт]. – Москва, 2025. – URL: <https://mediashm.ru/?p=50417> (дата обращения 19.09.2025).

Давідоўская В.М.
АРХЕАЛАГІЧНЫЯ І ВЫПАДКОВЫЯ НУМІЗМАТЫЧНЫЯ ЗНАХОДКІ
Ў ЗБОРЫ ВІЦЕБСКАГА АБЛАСНОГА КРАЯЗНАЎЧАГА МУЗЕЯ
(ПАСТУПЛЕННІ 1944–2024 ГГ.)

Ключавыя слова: археалогія, выпадковыя находкі, нумізматыка, скарбы, Віцебская вобласць

Значную частку збору Віцебскага абласнога краязнаўчага музея (далей ВАКМ) складаюць прадметы нумізматыкі – больш за 36 тысяч манет. Фарміраванне нумізматычнай калекцыі адбывалася на працягу ўсяго перыяду існавання музея, пачынаючы з моманту яго стварэння ў лістападзе 1918 года, і працягваецца ў цяперашні час. Частка прадметаў нумізматыкі з'яўляеца археалагічнымі і выпадковымі находкамі. Яны неаднаразова становіліся аб'ектамі даследавання навукоўцаў, музейных работнікаў, шырока выкарыстоўваюцца ў экспазіцыйнай дзейнасці музея. Аднак сістэматызацыя, навуковы агляд гэтай часткі нумізматычнага збору музея да сённяшняга часу не былі зроблены.

Аб'ектам даследавання з'яўляеца археалагічныя і выпадковыя нумізматычныя находкі, якія паступілі ў ВАКМ напрацягу паслявенных дзесяцігоддзяў, пачынаючы з ліпеня 1944 г., калі музей аднавіў работу пасля вызвалення Віцебска ад нямецка-фашистыкіх захопнікаў, і заканчуячы сённяшнім днём (канец 2024 г.) [1]. Такія храналагічныя межы абумоўлены тым, что даваенная частка калекцыі музея часткова была згублена падчас Вялікай Айчынай вайны, а даваенная пашпартызацыя прадметаў (уліковыя дакументы) у большасці страчана, што не дазваляе зрабіць глыбокі дэталёвы анализ той часткі даваеннай калекцыі, якая захавалася да сённяшняга часу.

Першае паступленне манет, знайдзеных падчас правядзення **археалагічных раскопак або назіранняў**, адбылося ў 1970 г. Інстытут гісторыі АН СССР перадаў у музей грыўну, знайдзеную археолагам Л.В. Аляксеевым у 1965 г. на раскопках Друцкага гарадзішча (Талачынскі раён Віцебскай вобласці; КП 016443/125). Уесь комплекс, перададзены ў музей, складаеца з 138 прадметаў, сярод якіх – прадметы побыту і ўзбраення, прылады працы, элементы конскай вупражы.

У наступныя гады ў музей паступілі іншыя праметы нумізматыкі, выяўленыя Л.В. Аляксеевым пры раскопках на тэрыторыі Талачынскага раёна. Сярод іх чатыры дзірхемы Арабскага Халіфата X ст. дынастыі Саманідаў (матэрыйялы з раскопак 1969 г. кургана ў в. Багрынава, паступілі ў 1972 г.; КП 016991/07–10).

Яшчэ адзін комплекс матэрыйялаў з раскопак Л.В. Аляксеева паступіў у музей у 2021 г. – восем манет з раскопак Друцка 1956–1966 гг. (КП 027568/01–07): пражскі грош каралеўства Чэхіі (Вацлаў IV (1378–1419)), дэнарый, паўгрошы ВКЛ (Жыгімонт

I Стага (1506–1548), Жыгімонт II Аўгуст (1544–1572)), солід Рэчы Паспалітай (Ян II Казімір (1648–1668)), дзенга Рускага царства (Іван IV Жахлівы (1547–1584)).

На працягу 1944–2024 гг. у музей паступалі нумізматычныя знаходкі, выяўленыя падчас работы іншых вядомых беларускіх археолагаў – Г.В. Штыхава, В.М. Ляўко, Т.С. Бубенькі, А.В. Вайцяховіча, І.А. Цішкіна. Большасць з гэтых прадметаў знайдзена падчас раскопак на тэрыторыі Віцебска – былых Ніжняга і Узгорскага замкаў, на тэрыторыі Задзвіння.

У 1973 г. Інстытут гісторыі НАН БССР перадаў комплекс з 167 прадметаў, знайдзеных на тэрыторыі Ніжняга замка падчас раскопак пад кіраўніцтвам Г.В. Штыхава. Гэта былі рэчы рознага прызначэння: бранзалеты XII–XIII ст., бусіны X–XI ст., цагляныя сасуды, лулькі XVIII–XIX ст., прасліцы X–XIII ст. З раскопак 1965–1966 гг. у музей паступіла чатыры манеты: дзенга 1744 г. Расійскай імперыі, трох соліды (барацінкі) Рэчы Паспалітай XVII ст. (КП 17208/117–120), з раскопак 1972 г. – трох манеты Расійскай імперыі: 1 капейка 1768 г., 5 капеек 1763 (?) г. і з нечытаемым годам (КП 17208/150,151,153).

У 2008 г. у музей паступілі манеты, знайдзеныя на тэрыторыі былога віцебскага Узгорскага замка і на тэрыторыі Задзвіння падчас раскопак 1991 г. пад кіраўніцтвам В.М. Ляўко. У комплексе рэчаў рознага прызначэння (абцас, гандлёвыя пломбы, грэбень XVIII–XIX ст., мундштукі XVII ст.), знайдзеных на вул. Талстога, знаходзілася чатыры манеты: палушка 1731 г., дзенга 1750 г. (?), 1 капейка 1898 г. Расійскай імперыі і паўкапейкі 1925 г. СССР (КП 24527/12,13, НД 10774/10,11).

Пасля правядзення ў тым жа годзе раскопак на тэрыторыі Задзвіння (раён вуліц Ілынскага і Камсамольскага) у музей былі перададзены 12 манет: рыжскі солід 1-й паловы XVII ст., два соліды Рэчы Паспалітай Яна II Казіміра Вазы; палушка 1731 г., дзенга 1733 (?) і 1750 (?) гг., 1 капейка 1841 г., 1897 г., 2 капейкі 1913(1915) г. і 1916 г., 5 капеек 1860 г. Расійскай імперыі (КП 24527/14–19, НД 10774/12–17). Манеты былі знайдзены побач з фрагментамі цагляных сасудаў XVIII–XIX ст.

Неаднаразова ў музей перадаваліся прадметы, знайдзеныя падчас раскопак, якія праходзілі пры ўдзеле і пад кіраўніцтвам Т.С. Бубенькі на тэрыторыі былога Ніжняга замка ў Віцебску. Пасля раскопак 1981–1983 гг. у музей паступіла 28 манет, у тым ліку пражскі грош Карла I (1346–1378), соліды Рэчы Паспалітай Яна II Казіміра Вазы 1660 г. (14 адз.); дзенгі 1731–1752 гг. (10 адз.), 1 капейка 1767 г., 2 капейкі 1761 г., 5 капеек 1790 г. Расійскай імперыі (КП 19668/01–28).

З раскопак Т.С. Бубенькі 1990-х гг. у музей было перададзена некалькі комплексаў прадметаў. Сярод іх варта адзначыць два вялікія комплексы, знайдзеныя каля Дабравешчанскай царквы. Першы складаецца з 234 прадметаў, большасць з іх – фрагменты сасудаў. Таксама прысутнічаюць мундштукі люлек, грузілы, фрагменты фрэсак, манеты. Апошняя прадстаўлены літоўскім і польскім солідамі (барацінкамі) Рэчы Паспалітай Яна II Казіміра Вазы і расійскімі дзенгамі Ганны Іаанаўны (усяго 11 манет; НД 10123/235–245). Другі вялікі комплекс прадметаў налічвае 245 адзінак, сярод якіх – сем манет: паўгроши Жыгімонта I Старага (1506–1548), грош каралеўства Чэхіі Вацлава IV (1378–1419), чатыры соліды (барацінкі) Рэчы Паспалітай Яна II Казіміра Вазы, дзенга 1737 г. Расійскай імперыі (КП 22517/01,02: НД 9915/01–05).

Шэраг прадметаў паступіў у музей пасля раскопак, праведзеных у 2000 г. падчас аднаўлення Уваскрасенскай (Рынкавай) царквы на тэрыторыі былога віцебскага Узгорскага замка ў Віцебску. Археолаг І.А. Цішкін перадаў у фонды фрагменты гаршчкоў з цэглы, два кальцы і пярсцёнак з металу, фрагмент падсвечніка XVII–XVIII ст., а таксама 16 манет, сярод якіх – палушка (1731 г.), дзенгі (1741, 1743, 1754, 1766 гг.), 2 капейкі (175?, 1810, 1813, 1830(?) гг.) Расійскай імперыі; польскія і літоўскія

соліды, трохграшовік, шасціграшовік Рэчы Паспалітай XVII–XVIII ст. (КП 023519/10–18, НВ 010182/06–12).

У 2005 г. археолаг А.В. Вайцяховіч перадаў ў музей дзірхем дынастыі Саманідаў перыяду праўлення Насра ібн Ахмада (914–943 гг.; КП 24345/38). Манета была знайдзенымі падчас раскопак курганныка могільніка ў вёсцы Вітунічы Докшыцкага раёна ў 2004 г. і перададзена ў комплекс з іншымі прадметамі, сярод якіх – паясныя накладкі IX–X стст. салтаўскай археалагічнай культуры, крэсіва, нож, два гаршчкі X ст.

Усяго за перыяд 1944–2024 гг. у музей паступіла 115 манет, знайдзеных падчас правядзення археалагічных раскопак або назіранняў. Манет, якія паступілі ў музей у якасці **выпадковых знаходак**, удвая больш – 236 адзінак. Яны былі знайдзены ў розны час на тэрыторыі Дубровенскага, Полацкага, Сененскага, Лёзненскага, Віцебскага, Шумілінскага, Міёрскага раёнаў Віцебскай вобласці, у г. Віцебску, а таксама ў г. Горкі Магілёўскай вобласці.

Першае такое паступленне адбылося ў 1946 г., калі жыхар Дубровенскага раёна перадаў у фонды расійскія капейкі Лізаветы Пятроўны, Аляксандра I, Аляксандра II і Мікалая II, знайдзеныя на беразе Дняпра – усяго 6 адзінак (КП 7337/01–06).

З Шумілінскага і Полацкага раёнаў у 1950-х гг. у музей паступіла па адной манеце: срэбрны дукат 1695 г. Галандскай рэспублікі правінцыі Заходняя Вестфрызія (КП 012512) і солід г. Рыгі 1706 г. (КП 012223) адпаведна. Першая манета была знайдзена на полі трактарыстам, другая – чальцамі пажарнай каманды в. Ветрына падчас рыцця катлавана.

Варта адзначыць знаходкі, якія паступілі ў музей з Сененскага раёна. Найбольш каштоўнымі з іх з'яўляюцца два «яфімкі з прыкметай», знайдзеныя на агародзе дома жыхаром в. Баравікі (КП 013189/01,02). Манеты былі перададзеныя ў музей у 1960 г. Адзін яфімак – надчаканка на талеры Саксоніі 1607 г. (курфюрст Крысціян II і ягоныя браты Іаган Георг I і Аўгуст, 1591–1611), другі – на талеры княства Браўншвейг-Вольфенбютэль 1622 г. (Фрыдрых Ульрых, 1591–1634). Гэтыя манеты дапоўнілі музейную калекцыю яфімкаў, якая налічвае ўсяго 14 экземпляраў (астатнія 12 – з даваеннага збору).

З Сененскага раёна ў музей паступіла яшчэ некалькі выпадковых знаходак: у 1956 і 1991 гг. – соліды Рэчы Паспалітай 1661 і 1668 гг. (КП 012224, КП 021637), у 1957 г. – сем паўгрошаў Вялікага Княства Літоўскага праўлення Жыгімонта II Аўгуста (КП 012420/01–07). Гэтыя манеты былі знайдзены ў зямлі падчас сельскагаспадарчых работ. У 1977 г. у музей былі перададзены пяць талераў Іспанскіх Нідэрландаў 1625–1672 гг., знайдзеных на беразе Сененскага возера (КП 017889/01–05).

Найбольш багата адзінкавых знаходак паступіла ў музей з Віцебскага раёна – 23 манеты. Сярод іх варта адзначыць дзірхем Арабскага Халіфата, які быў знайдзены ў 2013 г. калі в. Гатушки (КП 026184/03), а таксама комплекс з 18 манет, знайдзеных падчас замельных работ у в. Васюты: 1, 2, 5, 20 капеек 1704–1880-х гг., дзенгі 1736–1750-х гг. Расійскай імперыі; соліды Рэчы Паспалітай Жыгімонта II Аўгуста, солід Рыгі Карла X Густава (НВ 011788/01–18).

Цікавыя і каштоўныя манеты былі знайдзены на тэрыторыі г. Віцебска. Сярод іх трыв дзірхемы Арабскага Халіфата. Адзін знайдзены калі Дабравешчанская царквы (Абасіды, ал-Махдзі, 776–785 гг.; паступіў у музей у 2015 г.; КП 026725), два – калі ракі Зах. Дзвіны (Абасіды, Харун ар-Рашыд, 786–809 гг.; паступіў у 1973 г., КП 017210/01; другі дзірхем не атрыбутаваны, паступіў у 2009 г., КП 025040).

Каштоўным папаўненнем фондаў стала залатая манета 5 рублёў 1897 г., знайдзеная ў 1992 г. падлеткам у двары дамоў №№ 2, 2а па ул. Савецкай у траншэі (КП 021873), талер 1661 г. Свяшчэннай Рымскай імперыі (г. Безансон), знайдзены ў 1957 г.

на беразе Зах. Дзвіны пры будаўніцтве дома (КП 012538), срэбны грывеннік 1748 г. Лізаветы Пятроўны, знайдзены ў 1971 г. у раёне Клінічных вуліц у зямлі на глыбіні 1 м.

Апошняе паступленне ў музей прадметаў нумізматыкі, выпадкова знайдзеных на тэрыторыі Віцебска, адбылося ў 2023 г. Падчас земляных работ па ўстаноўцы скульптурнай кампазіцыі перад будынкам Ратушы было знайдзена сем манет, у т.л. паўгрошы, грош, соліды Рэчы Паспалітай праймення Жыгімонта III Вазы (1587–1632) і капейка Русага царства Івана IV Жахлівага (КП 027854/09–15).

Да манет, паступіўшых у музей у якасці выпадковых знаходак, далучаюцца прадметы нумізматыкі з калекцыі вядомага віцебскага мастака Алеся Іосіфавіча Мемуса, перададзенай у дар музею ў 2023 г. Цалкам калекцыя налічвае каля 2000 прадметаў археалогіі, нумізматыкі, прадметаў побыту. Нумізматычная частка збору А.І. Мемуса складаецца з 332 манет рознага перыяду 35 краін. Па словах мастака, амаль палова манет (171 адз.) была знайдзена ім у розныя гады на берагах Зах. Дзвіны ў Віцебску і Палацку. Сярод іх манеты Русага царства і Расійскай імперыі, манеты РСФСР і СССР (да 1927 г.), ВКЛ і Рэчы Паспалітай, краін Еўропы.

У асобную группу прадметаў, якія паступілі ў музей у 1944–2024 гг., вылучаюцца **скарбы**. За гэты перыяд усяго было прынята на захоўванне 32 скарбы, у т.л. 21 грашовы, 3 грашова-рэчавы, 3 рэчавы, 5 скарбаў папяровых грошай. Геаграфія знаходак грашовых і грашова-рэчавых скарбаў дастаткова шырокая. Адзін быў знайдзены на тэрыторый Бранскай вобласці СССР, астатні – на тэрыторый Беларусі: 5 скарбаў – у Віцебску, 3 – у Віцебскім раёне, па 2 – у Лёзненскім, Сененскім, Палацкім і Аршанскім раёнах, па 1 – у Гарадку, Гарадоцкім, Ушацкім, Лепельскім, Міёрскім, Талачынскім і Чашніцкім раёнах. Паходжанне аднаго скарба не ўстаноўлена.

Усе скарбы на сённяшні дзень прадстаўлены на доўгатэрміновай выставе «Скарбы зямлі віцебскай», якая дзейнічае з 2015 г. і карыстаецца папулярнасцю ў наведвальнікаў. Супрацоўнікамі музея падрыхтаваны каталог выставы³, але на жаль на сённяшні дзень ён не апублікованы. Улічваючы гэтыя абставіны, а таксама адзначаючы каштоўнасць і ўнікальнасць кожнага скарбу, бачыцца магчымым у дадзеным даследаванні прадставіць кароткую характарыстыку скарбаў, якія цалкам або часткова складаюцца з манет і маюць дакладна вызначаную легенду:

1. Грашовы скарб пачатку XIX ст. Знайдзены ў 1948 г. у агародзе ў в. Шчоткі Гарадоцкага раёна Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіту 76 манет: 2 капейкі Расійскай імперыі (Кацярына II (1762–1796), Павел I (1796–1801)); 5 капеек Расійскай імперыі (Лізавета I (1741–1762), Кацярына II (1762–1796), Аляксандр I (1801–1825)). КП 7457/01–76;

2. Частка грашовага скарбу пачатку XVII ст. Знайдзены ў 1950 годзе ў в. Тросная Камарычскага раёна Бранскай вобласці ў скарбонцы пры абавале склепа. У складзе дэпазіту 3 манеты: капейкі Расійскага царства (Іван Жахлівы (1547–1584), Барыс Фёдаравіч (1598–1605)). КП 7815/01–03;

3. Грашовы скарб XVII ст. Знайдзены ў 1951 г. падчас земляных работ на глыбіні 0,5 м у в. Логі Ушацкага раёна Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіту 7 манет: патагоны Іспанскіх Нідэрландаў (Філіп IV (1621–1665), Філіп IV (1621–1665), Карл II (1665–1700)); срэбныя дукаты Рэспублікі Злучаных правінцый (Галандскай Рэспублікі) правінцыі Аверэйсэл. КП 7968/01–07;

4. Грашовы скарб 2-й паловы XVIII ст. Знайдзены ў 1956 г. пад падлогай дома ў в. Венцавое Ветрынскага раёна (зараз Палацкага раёна) Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіта 25 манет: патагоны Іспанскіх Нідэрландаў – герцагства Брабант; срэбныя дукаты Рэспублікі Злучаных правінцый (Галандскай рэспублікі) – Утрэхта,

³ Над стварэннем каталога выставы «Скарбы зямлі віцебскай» працавалі супрацоўнікі ВАКМ В.А. Шышанаў, Н.П. Варламава, Т.Ч. Калеснікава, В.М. Давідоўская.

Гердэрланда, Заходняй Фрысландыі; рыксаадльдэры Рэспублікі Злучаных правінцый (Галандской рэспублікі) і Батаўскай рэспублікі. КП 12239/01–25;

5. Грашовы скарб XVI ст. Знойдзены ў 1959 г. у зямлі на агародзе ў в. Хацейка Суражскага (зараз Віцебскага) раёна Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіту 50 манет: паўгроши Вялікага Княства Літоўскага (Жыгімонт I Стары (1506–1548), Жыгімонт II Аўгуст (1544–1572)). КП 12877/01–50;

6. Скарб папяровых грошай перыяду Каstryчніцкай рэвалюцыі. Знойдзены ў 1962 г. у Віцебску на полі каля былога аэрадрома ў шкляной бутэльцы (у раёне сучаснага пр-та Чарняхоўскага). У складзе дэпазіту дзяржаўныя крэдытныя білеты 5, 10 рублёў узору 1909 г., білеты дзяржаўнага казначэйства 50, 100 рублёў і 1 манета 50 капеек 1912 г. Расійскай імперыі (Мікалай II (1894–1917)). Усяго 38 адзінак, КП 13852/01–37, КП 13853;

7. Грашовы скарб XVII ст. Знойдзены ў 1962 г. на тэрыторыі саўгаса «Адаменкі» Лёзnenскага раёна Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіту 150 манет: драйпелькеры, орты Брандэнбурга (маркграфства, у уніі з Прусіяй, Георг Вільгельм (1619–1640)); чвэрць патагона, патагоны Іспанскіх Нідэрландаў (Філіп IV (1621–1665), Альберт і Ізабэла (1598–1621)); 15 крэйцераў герцагства Лігніц-Брыг-Валау (Крысціян (1639–1672)); драйпелькеры, орты Пруссіі (герцагства-леннік Рэчы Паспалітай і герцагства, Георг Вільгельм (1619–1640), Фрыдрых Вільгельм I (1657–1688)); паўлевендаальдэр, левендаальдэры, срэбныя дукаты Рэспублікі Злучаных Правінцый (Галандской рэспублікі) г. Кампэна, г. Гельдэрна, г. Зволле, правінцыі Вестфрызія; палутарагашовікі, трайныя гроши, шасціграшовікі, орты Рэчы Паспалітай (Жыгімонт III Ваза (1587–1632), Уладзіслаў IV (1632–1648), Ян II Казімір Ваза (1649–1668)); драйпелькеры Шведскай Прыбалтыкі (Густаў II Адольф Ваза (1621–1632), Крысціна Аўгуста Ваза (1632–1654)). КП 13902/001–150;

8. Грашова-рэчавы скарб пачатку IX ст. Знойдзены ў 1962 г. у в. Добрына Лёзnenскага раёна Віцебскай вобласці У складзе дэпазіта 527 срэбных дзірхемаў Арабскага Халіфата дынастыі Умайадаў і Абасідаў і 1 шыйная грыўна (востраў Готланд (?), IX ст.). КП 13936/001–527, КП 13937;

9. Грашовы скарб XVIII ст. Знойдзены ў 1966 г. у в. Трубаносы Сененскага раёна Віцебскай вобласці У складзе дэпазіту 175 манет Расійскай імперыі XVIII ст.: 5 капеек Лізаветы I (1741–1761); 5 капеек Кацярыны II (1762–1796). КП 15099/001–175;

10. Грашовы скарб пачатку XX ст. Знойдзены ў 1966 г. у Віцебску падчас будаўніцтва абласной друкарні па вул. Шчарбакова-Набярэжная. У складзе дэпазіту 276 манет: $\frac{1}{2}$, 1, 2, 3, 5 капеек Расійскай імперыі (Аляксандр II (1855–1881), Аляксандр III (1881–1894), Мікалай II (1894–1917)). КП 15100/001–276;

11. Грашовы скарб пачатку XV ст. Знойдзены ў 1968 г. на балоце каля в. Зарэчча Віцебскага раёна Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіту 78 манет: пражскія гроши Каралеўства Чэхіі (Вацлаў IV (1378–1419)). КП 15592/01–78;

12. Грашовы скарб 1-й чвэрці XVIII ст. Знойдзены ў 1969 г. падчас ачысткі палёў ад хмызняку каля в. Міхайлava Віцебскага раёна Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіту 321 манета: драйпелькер Брандэнбурга (маркграфства, у уніі з Прусіяй, Георг Вільгельм (1619–1640)), шасціграшовік Курляндыі (герцагства-леннік Рэчы Паспалітай, Фрыдрых Казімір (1682–1698)); шасціграшовікі Пруссіі (герцагства і каралеўства, Фрыдрых Вільгельм I (1640–1688), Фрыдрых III (1688–1701, 1701–1713), Фрыдрых Вільгельм I (1713–1740)); соліды польскія, палутарагашовікі, шасціграшовікі Рэчы Паспалітай (Жыгімонт III Ваза (1587–1632), Ян II Казімір Ваза (1649–1668), Ян III Сабескі (1673–1769)); соліды Шведскай Прыбалтыкі (Крысціна Аўгуста Ваза (1632–1654)). КП 15701/001–321;

13. Грашова-рэчавы скарб пачатку XVII ст. Знойдзены ў Віцебску ў 1971 г. падчас зносу дамоў пабудовы канца XIX – пачатку XX ст. па вул. Леніна. У складзе

дэпазіту 1 заходненеўрапейская фібула XVI – пачатку XVII ст. і 90 манет: соліды (барацінкі) Рэчы Паспалітай (Ян II Казімір Ваза (1649–1668)); солід Шведскай Прыбалтыкі (Густаў II Адольф Ваза (1621–1632)); капейкі Расіі (царства, Пётр I Аляксеевіч (1682–1721)). КП 16806/01–90, КП 16807;

14. Грашовы скарб XVI ст. Знойдзены ў 1969 г. у зямлі на полі каля в. Валосава Лепельскага раёна Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіту 21 манета: паўгрош Вялікага Княства Літоўскага (Жыгімонт II Аўгуст (1545–1572)); трайныя гроши Рэчы Паспалітай (Жыгімонт III Ваза (1587–1632), Стэфан Баторы (1576–1586)). КП 16952/01–21;

15. Грашовы скарб 1-й паловы XVII ст. Знойдзены ў 1978 г. на агародзе ў в. Мікуліна Талачынскага раёна Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіту 17 манет: солід літоўскі Рэчы Паспалітай (Жыгімонт III Ваза (1587–1632)); соліды лівонскія і рыжскія Шведскай Прыбалтыкі (Крысціна Аўгуста Ваза (1632–1654), Густаў II Адольф Ваза (1621–1632)). КП 18254/01–17;

16. Грашовы скарб пачатку XX ст. Знойдзены ў 1971 г. у г. Віцебску пад падлогай дома №11 па пр-це Куйбышава. У складзе дэпазіту 645 манет: палушки, дзенгі, $\frac{1}{2}$ капейкі, 1, 2, 3 і 5 капеек Расійскай імперыі (Пётр I (1682–1725), Ганна Іаанаўна (1730–1740), Лізавета Пятроўна (1741–1762), Кацярына II (1762–1796), Павел I (1796–1801), Аляксандр I (1801–1825), Мікалай I (1825–1855), Аляксандр II (1855–1881), Аляксандр III (1881–1894), Мікалай II (1894–1917)); нотдалер каралеўства Швецыя (Карл XII (1697–1718)). КП 16378/001–645.

17. Грашовы скарб XVII ст. Знойдзены ў 1978 г. у лесе ў 0,5 км ад Аршанска гераакрыжавання па магістралі «Масква-Мінск» у бок Мінска. У складзе дэпазіту 135 манет: соліды Пруссіі (герцагства-леннік Рэчы Паспалітай, Фрыдрых Вільгельм (1640–1657)); солід літоўскі Рэчы Паспалітай (Жыгімонт III Ваза (1587–1632)); соліды рыжскія, лівонскія Шведскай Прыбалтыкі (Густаў II Адольф Ваза (1621–1632), Крысціна Аўгуста Ваза (1632–1654), Карл X Густаў (1654–1660), Карл XI (1660–1697); 4 соліды не атрыбутаваныя з-за дрэннай захаванасці манет. КП 18255/001–135;

18. Грашовы скарб 1-й трэці XVI ст. Знойдзены ў 1978 г. падчас палявых работ на тэрыторыі Міёрскага раёна Віцебскай вобласці каля дарогі Язна – Полацк пры выездзе з в. Язна ў бок в. Празарокі. У складзе дэпазіту 82 манеты: паўгроши, гроши Вялікага Княства Літоўскага (Аляксандр Ягелончык (1501–1506), Жыгімонт I Стары (1506–1548)); паўгроши, гроши Польшчы (каралеўства, Казімір IV Ягелончык (1447–1492)); гроши Пруссіі (герцагства-леннік Польшчы, Альберт II (1525–1568)), паўгроши г. Свідніцы (Людовік II Ягелончык (1516–1526)). КП 18256/01–82;

19. Грашовы скарб XVI ст. Знойдзены ў 1979 г. на паверхні зямлі ў в. Ульянавічы Сененскага раёна Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіту 37 манет: паўгроши, гроши Вялікага Княства Літоўскага (Жыгімонт I Стары (1506–1545), Жыгімонт II Аўгуст (1545–1572)); талер Усходній Фрызіі (Эдзард II, Крыстаф і Іаган (1540–1566)). КП 18362/01–37;

20. Частка грашовага скарбу пачатку XVIII ст. Знойдзены ў 1983 г. у будаўнічай траншэі на вул. Энгельса ў Віцебску ў цагляным гаршчку. У складзе дэпазіту 134 манеты: 1/12 талера курфюршэства Бранденбург (Фрыдрых III (1657–1713)); патагоны Іспанскіх Нідэрландаў (Філіп IV (1621–1665)); шасціграшовікі Пруссіі (герцагства, Фрыдрых Вільгельм I (1657–1688)), шасціграшовікі Пруссіі (каралеўства, Фрыдрых Вільгельм I (1713–1740), Фрыдрых I (1701–1713)); срэбныя дукаты Рэспублікі Злучаных Правінцый (Галандскай Рэспублікі) правінцыі Аверэйсэл, правінцыі Вестфрызія, г. Зволле, г. Давентер; шасціграшовікі, тымфы Рэчы Паспалітай (Ян II Казімір Ваза (1649–1668), Ян III Сабескі (1676–1696)); талер Санкт-Галлена (Швейцарская канфедэрацыя). КП 19631/001–134;

21. Грашовы скарб 1-й паловы XVII ст. Знойдзены ў 1986 г. на абрыве каля моста праз р. Усвейку падчас земляных работ каля в. Карэвічы Чашніцкага раёна

Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіта 3860 манет: драйпелькеры Брандэнбурга (маркграфства, у ўні з Прусіяй, Георг Вільгельм (1619–1640)); паўгрошы Вялікага Княства Літоўскага (Жыгімонт I Стары (1506–1545)); драйпелькеры, трайныя крэйцары Германскай (Свяшчэннай Рымскай) імперыі (Багіслаў XIV (1620–1637), Іаан III (1601–1625), епіскап Ульрых (1618–1622), Карл II (1587–1617), Генрых Вацлаў (1617–1639) і Карл Фрыдрых (1617–1647) Падэбрады); драйпелькеры Прусіі (герцагства-леннік Рэчы Паспалітай, Георг Вільгельм (1619–1640)); тэрнарыі, соліды, грошы, палутараграшовікі, трохграшовікі, шасціграшовікі Рэчы Паспалітай (Жыгімонт III Ваза (1587–1632), Стэфан Баторый (1576–1586), Ян II Казімір Ваза (1649–1668)); солід, грошы, драйпелькеры, трохграшовікі Шведскай Прыбалтыкі (Густаў II Адольф Ваза (1621–1632), Крысціна Аўгуста Ваза (1632–1654)); эре каралеўства Швецыя (Крысціна Аўгуста Ваза (1632–1654)). КП 20591/0001–3860;

22. Грашовы скарб XVII ст. Знойдзены ў 1990 г. у агародзе ў в. Сцепурова Аршанскага раёна Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіту 621 манета: соліды Прусіі (герцагства-леннік Рэчы Паспалітай, Георг Вільгельм (1619–1640), Фрыдрых Вільгельм (1640–1657)); двайныя дэнарыі, соліды, грошы, палутараграшовікі Рэчы Паспалітай (Жыгімонт III Ваза (1587–1632), Стэфан Баторый (1576–1586), Ян II Казімір Ваза (1649–1668)); соліды, сучаўскія падробкі солідаў Шведскай Прыбалтыкі (Густаў II Адольф Ваза (1621–1632), Крысціна Аўгуста Ваза (1632–1654)). КП 21460/001–621;

23. Грашова-рэчавы скарб пачатку XX ст. Знойдзены ў 1994 г. на тэрыторыі прадпрыемства «Хімпласт» у г. Гарадок Віцебскай вобласці. У складзе дэпазіту 48 манет: 1, 2, 5, 10, 15, 20 капеек Расійскай імперыі (Мікалай II (1894–1917)); упрыгожванні (фрагмент завушніцы, кулон (?), кальцо, пярсцёнак), прадметы побыту (гадзіннікі, ланцужкі да іх, створка медальёна, бірулька), прадметы сталовага посуду (шчыпцы для кондытэрскіх вырабаў, гарнірная і сталовая лыжкі, смятаннік). Усяго 67 прадметаў, КП 22577/01–67;

24. Частка грашовага скарбу 1-й трэці X ст. Знойдзены ў 1973 г. на правым беразе Заходній Дзвіны каля в. Казьянкі Палацкага раёна Віцебскай вобласці. Паступіў у музей у 2009 г. У складзе дэпазіту 6 манет: дзірхемы Арабскага Халіфату дынастыі Саманідаў. КП 25040/01–06.

Такім чынам, археалагічныя і выпадковыя нумізматычныя знаходкі, якія паступілі ў музей за перыяд 1944–2024 гг., складаюць каля паловы ад ўсёй колькасці прадметаў нумізматыкі, паступіўшых за гэты перыяд, – 7066 манет, або 52 %. Манеты, перададзеныя ў музей пасля правядзення археалагічных раскопак або назіранняў, складаюць 115 адзінак; манеты, паступіўшыя ў музей у якасці выпадковых знаходак, – 236 адзінак; манеты, якія ўваходзяць у склад скарбаў, – 6715 адзінак.

Камплектаванне ажыццяўлялася шляхам дарэння, перадачы і закупкі. Прадметы паступалі ад прыватных асоб, а таксама перадаваліся рознымі ўстановамі і арганізацыямі. Манеты, перададзеныя ў складзе вялікіх археалагічных комплексаў, з'яўляюцца важным іх дадаўненнем. Адзінкавыя знаходкі (яфімкі, арабскія дзірхемы, заходнія ўрапейскія талеры і інш.) ўзбагачаюць і павышаюць каштоўнасць музейнай калекцыі нумізматыкі. Археалагічныя і выпадковая нумізматычныя знаходкі з'яўляюцца аб'ектамі даследаванняў навукоўцаў, выкарыстоўваюцца ў экспазіцыйнай дзейнасці музея – на доўгатэрміновай выставе «Скарбы зямлі віцебскай», у пастаяннай экспазіцыі «Старажытны Віцебск IX–XIV стст.».

На сённяшні дзень камплектаванне калекцыі нумізматыкі археалагічнымі знаходкамі працягваецца.

1. Віцебскі абласны краязнаўчы музей (ВАКМ). Кнігі паступлення ў асноўнага фонда, КП 007337–027967, НД 000001–011788.

Даниленко Е.П.
ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВИРОВЛЯНСКОЙ
СВЯТО-УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ГОРОДОКСКОГО УЕЗДА В 1922 ГОДУ

Городокский район – край с богатой историей. Некогда в каждой волости здесь стояли храмы, деятельность которых была тесно связана с жизнью людей. Рождение, смерть, бракосочетание, праздники и многое другое происходило с обязательным участием церкви. Сегодня от многих храмов остались лишь заросшие мхом камни былого фундамента, фрагментарно сохранилась документация, которая обязательно велась всеми церквями, а церковные ценности и вовсе пропали.

История пропавших вещей из храмов поросла во многом слухами и предположениями: кто и когда их забрал, куда делась вся золотая и серебряная утварь, бесценные рукописные иконы и как выглядели эти вещи. Получить ответы на эти и другие вопросы сегодня практически невозможно, однако, когда и кем было положено начало, можно узнать с помощью архивных документов.

Вскоре после Октябрьской революции, уже в январе 1918 года был принят «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». Началась борьба советской власти с церковью. В 1920 году на землях Поволжья выпало мало осадков, а в 1921 году началась сильная засуха. Поля, на которых выращивался урожай, превратились в степи. Начался сильный падеж скота. В целом, бедственная ситуация не зашла бы так далеко, если бы не продразверстка, которая забирала практически все, что в последствии лишило возможности в следующем году крестьянам снова засеять землю. Люди умирали десятками, а рождаемость упала до нуля. Дети умирали от болезней и голода. От безысходности обезумевшие люди были вынуждены питаться трупами, процветал каннибализм. А начавшаяся эпидемия тифа не позволяла эвакуировать население. Государство не могло в полной мере оказать помощь голодающим регионам.

В 1921 году православное духовенство добровольно согласилось на сбор пожертвований в пользу голодающих, но этих средств было недостаточно. Советская власть использовала ситуацию для очередного удара по церкви. В 1922 году вышло постановление президиума ВЦИК «О ликвидации церковного имущества».

В Городокском уезде кампания по изъятию ценностей развернулась в марте 1922 года. 11 марта председателю уездного исполнкома и уездного комитета партии пришла телеграмма за подписью члена ВЦИК Сперанского, в которой значилось: «*Немедленно организуйте Уподкомиссию по изъятию церковных ценностей в вашем уезде...*» [1, л. 1].

22 марта было проведено заседание Витгубкомиссии по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих, где были выдвинуты вопросы о положении голодающих Поволжья. В докладе тов. Гуревича приводились статистические данные, согласно которым голодающих значилось более 21 миллиона человек и эти люди дошли до грани голодного ужаса, ели трупы умерших, учащались случаи массового самоубийства целых семей. В Витебскую губернию было эвакуировано более 40 000 человек, которые прибыли больными, зараженными инфекционными заболеваниями. Государство в силах было помочь только на 10% и помочь эта шла от пролетариата, рабочих, красноармейцев и от части крестьян. Этого недостаточно, чтобы помочь всем, потому в докладе было отмечено, что для помощи голодающим следует изыскать все средства.

После доклада высказались представители различных религиозных конфессий о том, что оказать помощь необходимо немедленно, но при этом, нужно учитывать вопросы возможности проведения религиозных обрядов. Другими словами, отдать только то, без чего можно обойтись [1, л. 12–12об].

После данного заседания 30 марта 1922 года было проведено заседание Городокской уездной Подкомиссии, где были рассмотрены инструкции и постановления ВЦИК и Губкомиссии по изъятию ценностей из храмов и молитвенных домов. Уже 3 апреля были изучены описи имуществ храмов, а на 5 апреля было назначено совещание с представителями религиозных культов уезда, целью которого было обсуждение вопроса изъятия ценностей с самими священнослужителями [1, л. 14].

Для производства учета ценностей была создана комиссия в составе Председателя – представителя комиссии по Изъятию ценностей и Членов от РКИ и соответствующего Церковно-хозяйственного совета. В обязанность комиссии входило проверять наличие ценных вещей, предметов одежды, если предмет по указанию священника необходим для богослужения, то об этом должна была быть отметка в описи. На основании работы комиссии, составлялась опись, которая подписывалась всеми членами комиссии и священнослужителем [1, л. 21об].

На деле ситуация выглядела довольно-таки просто. Однако государственная власть под видом решения острой и страшной проблемы, параллельно решала свою: ослабление церковного влияния и существующего устоя. Из Москвы в Витебский Губком РКП под грифом «совершенно секретно» шли дополнения к прочим документам, в которых значилось: *«внести раскол в духовенство, проявляя в этом решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые активно выступают в пользу изъятия. Разумеется, наша агитация и агитация лояльных священников ни в коем случае не должны сливаться. По нашей агитации мы ссылаемся на то, что значительная часть духовенства открыла борьбу против преступного отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных «князей церкви».*

В случае обнаружения в качестве организаторов выступление буржуазных купеческих элементов бывших чиновников и проч. арестовывать их, особенно, если агитация зашла слишком далеко. Видных попов по возможности не трогать до конца кампании не гласно, но официально предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они ответят первыми».

Сам процесс изъятия ценностей требовалось провести в кратчайшие сроки и начинать с той церкви, во главе которой стоит «лояльный поп» или с наиболее значительного храма. В момент изъятия на всех улицах должны быть коммунисты, которые должны тщательно выяснить обстановку [1, л. 29–29 об].

В этот период активно проводилась газетная кампания, политическая задача которой была *«расколоть попов, или в корне углубить и заострить существующий раскол. Политическая задача состоит в том, чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на конкретнейшем вопросе помочи голодающим, затем и показать строгую рабочую руку Рабочего Государства, поскольку эти верхи осмеливаются восставать против него. Секретарь ЦКРКП Молотов от 23 марта 1922 г. «совершенно секретно» [1, л. 30].*

Помимо газетной кампании среди агитаторов распространяли заранее заготовленные листовки с лозунгами, были проработаны и расписаны ключевые тезисы к проведению кампании на территории Городокского уезда.

Работу по изъятию церковных ценностей по уезду было решено закончить до 15 мая. Со стороны Городокской Уездкомиссии проводились в разное время совещания со священнослужителями уезда. Но священники стремились всячески избежать на них присутствия. В деле достаточно большое количество письменных отказов по разным причинам от священнослужителей Городокского района явиться на заявленные заседания. Так, например, священник Козьянской церкви А. Сахаров ссылался на свой возраст и болезненность, священник Стайковской церкви Л. Заблоцкий ссылался на семейные обстоятельства, священник Тиостовской церк-

ви В. Купалов не доехал по причине разлива ручьев, которые снесли мосты, священник Веречской церкви В. Окович так же ссылался на разливы рек и ручьев, священник Холомерской церкви Г. Бобричкий не нашел подводы, а пешком идти отказался в силу возраста [1, л. 36, 44 об, 46, 47, 66]. Священник Долгопольской церкви ссылался на зубную боль, при том заявил, что в «*Долгопольской церкви не имеется никаких ценностей кроме потира и дискоса с принадлежностями из серебра, которые крайне необходимы для совершения богослужения*» [2, л. 46].

Священник Вировлянской церкви Леонтий Рублевский так же писал подобное объяснения, ссылаясь на то, что своей лошади у него нет, а выехал он с гражданином из д. Алексеенки. В пути лошадь и сани провалились в реку, пришлось вытаскивать сани из воды. Лошадь выбилась из сил, а священник был весь мокрый и продолжить путь не мог [1, л. 56].

4 мая 1922 года состоялось заседание с представителями религиозного культа уезда с целью разъяснения им декрета и инструкций по изъятию ценностей, а также для возможности им высказать свое мнение. По итогу данного заседания постановили произвести полный учет всех имеющихся ценностей, ценности для проведения религиозных обрядов по возможности заменить предметами из малоценных металлов, а те, что невозможно заменить сейчас, оставить пока не произойдет замена на менее ценные.

Были отражены основные этапы совершения процедуры: изучение инвентарных книг, составление описей, сопоставление фактического наличия ценностей и тех данных, что отражены в книге учета, предусматривалось, что изъятию подлежали не все вещи, а лишь те, без которых возможно проведение обрядов. Вся процедура должна была проводиться в присутствии всех членов комиссии и священнослужителя, что подразумевало под собой согласование момента изъятия и подчеркивало добровольность данной процедуры.

Однако в деле так же следом подшиты и расшифровки, которые отражают несколько иной характер проведения изъятия: «*Изъятие должно проводиться со всей решительностью, без каких-либо поблажек. Конечная цель работы – изъятие полностью из церквей золота, серебра и драгоценных камней*» [1, л. 73–76 об].

6 мая 1922 года члены церковного Совета Вировлянской церкви вместе со священником Леонтием Рублевским проверили наличие всех ценностей церкви по описям 1907 года, хранившиеся в церковной кладовой у старосты. Церковный староста Николай Никитин указал, что бывший священник Вировлянской церкви Павел Лосский, который перешел на службу в д. Азарково, не возвратил дароносицы [2, л. 2].

8 мая 1922 года началось изъятие ценностей в Городокском уезде и первой церковью, где провели изъятие, стала Вировлянская Свято-Успенская церковь.

Комиссия в составе уполномоченного от Городокской уездной подкомиссии по изъятию ценностей из храмов и молитвенных домов Ермакова, представителя Вировлянского волостного исполнкома Борисова, настоятеля Вировлянской церкви, священника Леонтия Рублевского, священника Митрофана Ляшкевича, дьякона Дмитрия Лузгина и церковного старосты Николая Никитина производила изъятие ценностей из Вировлянской церкви, причем изымались все ценности, без которых не нарушается совершение богослужения.

Были изъяты: два серебряных креста 84 пробы вызолоченные в одном отломана нижняя половина ручки, а в другом вогнута верхняя половина ручки; серебряный потир на медной-вызолоченной рукоятке; серебряный потир вызолоченный без пробы; одна серебряная тарелочка 84 пробы; серебряный дискос 84 пробы; звездица серебряная 84 пробы; серебряная лжица вызолоченная 84 пробы; серебряный слиток один с 1/4 фунта.

Копия описи ценностей Вировлянской Свято-Успенской церкви [2, л. 1]

Оставлены как необходимые для двухклирного причта следующие ценности: один серебряный крест 84 пробы, один серебряный потир 84 пробы, два дискоса серебряных 84 пробы, дарохранительница серебряная вызолоченная 84 пробы, дароносица одна серебряная при ней серебряный выдвижной ящик, чаша, лжица и сосуд для вина, одна серебряная тарелочка 84 пробы.

По результатам изъятия был составлен акт. Доставка ценностей была возложена на священника Вировлянской церкви М. Ляшкевича. Из ценностей не оказалось одной серебряной дароносицы с ее принадлежностями, которая 14 мая была изъята из Азарковской церкви с отломанной крышкой. Позже также выяснилось, что и изъятый потир оказался не серебряным, потому был возвращен обратно в церковь [1, л. 92].

Так было положено начало разграбления советской властью церквей Городокского уезда, в том числе и Вировлянской. Впервые за столь долгие годы существования православия на этих землях, церковь не смогла удержать свои позиции и подчинилась жесткому и непоколебимому механизму советской власти. Дальнейшая судьба самой церкви, как и всего, что с ней связано, несмотря на долгие годы борьбы и противостояния групп верующих, была не менее печальной и начало этому положили именно события 1922 года.

**Копия описи ценностей
Вировлянской Свято-Успенской
церкви [2, л. 1об]**

Фотография места бывшего Вировлянского храма от 08.10.2025 года.

Сегодня на месте некогда величественного здания храма остались обломки фундамента, группой верующих был установлен крест в 2008 году, а при поддержке ВГУ имени П.М. Машерова осенью 2025 года была проведена большая работа по расчистке территории и установлен памятный стенд, дающий краткую историческую справку о церкви и определяющий важность сохранения истории этого места и передачи ее из поколения в поколение.

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 137. Оп 4. Д. 1.
2. Государственный архив Витебской области. – Ф. 137. Оп 4. Д. 2.

**Дмитриев М.В.
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОЛОНИАЛИЗМА И КОЛОНИЙ
КАК ПРЕДМЕТ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ»: ОПЫТ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ И НУЖДЫ НАШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Ключевые слова: колониализм, «историческая политика», Франция, историческая память.

1. Перед теми, кто конструирует в школах и в университетах модели исторической памяти современных обществ и теми, кто потом, работая в этих же школах, университетах, в вузах, в сфере медиа, в министерствах, музеях, кино, литературе и т.д., «внедряет» созданные модели (или же создает свои собственные) в общественное сознание, встает задача: как говорить, писать, рассуждать о колониализме и колониальных практиках, которые наложили глубочайшую и мрачную печать на прошлое (да и настоящее!) многих стран. При этом мы отаем себе отчет: говоря о колониализме, мы почти всегда имеем в виду первую очередь опыт европейских стран в новое и новейшее время. Одна из этих стран – Франция с её громадной колониальной империей. А французский колониальный опыт может и должен быть сопоставлен с опытом других стран, в том числе и с опытом России. И этот опыт не может не становиться предметом «исторической политики», о которой теперь так много пишут, а «историческая политика» находит одно из своих выражений в том, какое культурное наследие мы сохраняем и пестуем, какое – отодвигаем в тень или критикуем, а какое – хотим попросту забыть. И колониализм становится одной из тем, которую так или иначе приходится трактовать в нашей образовательной, медийной и, вообще, общественной среде. Как это делается во Франции и чем французский опыт может оказаться полезен нам, в России, в Беларуси, в других странах бывшего Советского Союза?

2. Какие споры вызывала и как решалась и решается в современной Франции (в 1990-е – 2020-е годы) проблема сохранения и закрепления в исторической памяти французского общества его колониального опыта и культурного наследия не самой Франции, а её колоний? В центре очень острый и долгих дискуссий стоял вопрос: как представлять в музеях, на выставках, в школьных и университетских образовательных программах, в СМИ, на просторах Интернета тему французских колоний и «вины колонизаторов»; как, с другой стороны, трактовать вопрос о вкладе культуры французских «заморских владений» (в Карибском бассейне, в Индокитае, в Африке, в южном Средиземноморье) и их населения в модернизацию Франции и в формирование французской национальной идентичности? Очень острые дискуссии вызвали книги О. Петре-Гренуйо [1; 2; 3], который создал очень черную картину французского вклада в работоговлю, и его многочисленным критикам «не понравилось», что ответственность за продажу рабов в Африке была возложена именно на французов, а не на местных африканских царьков, которые и приводили «живой товар» на невольничьи рынки. Не менее бурные дебаты породил коллективный труд, вышедший под редакцией П. Бушерона «Всемирная история Франции», где на одно из первых мест был поставлен вопрос о вкладе колоний в обогащение, процветание и защиту метрополии [4; 5]. Откликом на тему вины перед колониями стало создание ряда музеев, посвященных работоговле и эксплуатации населения и богатств «заморских территорий» Франции («Музей Нового мира» в Ля Рошели, «Музей Аквитании» в Бордо, «Мемориал отмены рабства» в Нанте, «Музей негритянской культуры и прав человека» в Шампани).

3. Особого внимания заслуживает то, как «историческая политика» государства и историческая память французского общества «справляются» с темой алжирского антиколониального движения в 1950-е годы. В Алжире много лет (1954–1962) шла война против французского господства, и она была очень жестокой с обеих сторон, количество только убитых исчисляется сотнями (!) тысяч. Яркий факт: французы-сторонники сохранения Алжира как колонии устроили несколько покушений на генерала де Голля, выступившего за признание независимости Алжира. Эта тема занимала центральное место во французской политике в 1950-е годы, и долгий ожесточенный спор Жана-Поля Сартра (сторонника отказа от Алжира) и Альбера Камю (сторонника сохранения Алжира как французской «особой территории») стал одним из выражений остроты проблемы. После 1962 года очень долгое время «алжирская тема» была «под спудом», фактически просто-напросто замалчивалась, и только в 1990-е годы стал обсуждаться и решаться вопрос: как же трактовать эту тему в школах и в публичном пространстве, вне узких академических кругов. Консенсуса нет до сих пор...

4. Нужно ли нам, в России и Беларуси, знать и помнить о западной колониальной традиции? Конечно же, нужно, во-первых, потому, что тут мы имеем дело с громадной и важнейшей по историческому весу стороной прошлого всего современного мира, в котором мы занимаем немалое место и в котором хотим ориентироваться. Но второй аргумент в пользу обращения к этой теме ещё важнее. Чем может оказаться полезно и поучительно сравнение опыта наших стран, то есть не-западной части «большой Европы» (она простирается от Атлантики до Урала, если воспользоваться знаменитой формулой генерала де Голля), с опытом Франции и других стран Запада? И как такое сравнение применить в нашей «исторической политике», в конструировании исторической памяти о наших традициях? Тут мы сталкиваемся с весьма неожиданным вполне научно выверенным фактом: если речь идёт об истории XX века – века расцвета и апогея западного модерного колониализма – опыт СССР диаметрально и «скандально» противоположен опыту Запада, в том числе и Франции. Советская политика была систематическим отрицанием колониальной модели развития. Это настолько очевидно, что развивать аргументацию в защиту такого тезиса нисколько не нужно и было бы смешно.

Широко известная книга Т. Мартина «Империя позитивного действия» («The affirmative action empire» [6]), не сказав ничего нового, создала прекрасную и полную картину того уникального и поистине фантастического эксперимента по созданию сотен (!) автономных национальных территорий, ареной которого в 1920-е годы стал Советский Союз. Как нам сохранять память об этом факте и (ещё важнее!) культурное наследие этого невиданного эксперимента, в котором разоренная гражданской войной страна вкладывала громадные средства в развитие культурных традиций десятков сотен больших и малых народов, составивших СССР?

5. Но опытом Советского Союза дело не ограничивается. Переносясь в эпоху до 1917 года, мы сталкиваемся с вопросом: в какой степени и в каких регионах «колониальные» практики России были в самом деле колониальными, а в каких – они таковыми не были? И как об этом говорить в наших курсах? Какие экспозиции делать в музеях? Какие сайты помещать в Интернете? И как сравнивать опыт России и опыт, например, Франции? Тут следовало бы начать с периода формирования французских колоний на американском континенте в XVI–XVII веках и распространения власти России на Поволжье, Северный Кавказ и Сибирь. Ранний французский опыт, увы, очень мрачен, как и мрачна вся история колониального подчинения новых территорий и их жителей уже в это время, на заре «модерности». Рабовладение и расизм, который оправдывал рабовладение, стали непременным спутником западного «модерна», и все это знают, и все признают, что мы имеем дело не с маргинальным, а с одним из центральных явлений в истории подъема западного мира к вершинам прогресса, могущества и процветания. Как яркий маркер именно французского колониального пути в эту эпоху я бы непременно упоминал чудовищный «Черный кодекс» («Code noir»), давший в 1685 г. правовое обоснование страшным расовым колониальным порядкам во французских владениях Карибского региона и Луизиана и отмененный в годы Французской революции. А вернувшись из Франции в Русское государство, мы обнаруживаем, что ничего сколько-нибудь похожего Московская Русь не знала. И, проводя «историческую политику» в России (как и в Беларуси), сохранивая культурное наследие народов России (и Беларуси) очень важно подчеркнуть, что само применение понятие «колониальная империя» применительно к допетровской России (как это делает, например, М. Ходарковский [7]) вводит в заблуждение. С другой стороны, очень важно было бы знать о существовании исследований, которые показывают, что Россия той эпохи, если и была «империей», то это была империя особого рода, очень *не* похожая на складывавшиеся в XVI–XVII вв. империи Запада. Отставив в стороне советские и российские книги на эту тему, сошлюсь на двух западных авторов, которых в пристрастности заподозрить никак нельзя – швейцарско-немецко-австрийского историка А. Каппелера [8] и француза Б. Нольде [9]. Вся эта проблематика, как проблематика общего культурного наследия народов бывшего СССР, могла бы стать темой не только музейных залов и школьных и университетских программ, но и сюжетом авторитетных и беспристрастных сайтов в Интернете на платформах того или иного вуза, музея, научного центра. В условиях современного всемирного «информационного потопа» такие сайты помогли бы нам выплыть к искому берегу, на котором будут сохранены сведения о том, «как это было на самом деле» («wie es eigentlich gewesen war», Леопольд фон Ранке).

1. Pétré-Grenouilleau, O. Les Traites négrières, essai d'histoire globale / O. Pétré-Grenouilleau. – Paris : Gallimard, 2004. – 468 p.
2. Pétré-Grenouilleau, O. Nantes au temps de la traite des Noirs / O. Pétré-Grenouilleau. – Paris : Hachette Littérature, 1998.
3. Régent, F. La France et ses esclaves : De la colonisation aux abolitions (1620–1848) / F. Régent. – Paris : Fayard, 2012.
4. Histoire mondiale de la France / sous la dir. de P. Boucheron. – Paris : Seuil, 2017 (переиздание: 2025).
5. Sévillia ? J. Historiquement correct : pour en finir avec le passé unique / J. Sévillia. –Paris : Perrin, 2003.
6. Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин ; пер. с англ. О. Р. Щёлковой. – М. : РОССПЭН, 2011 – 662 с.
7. Ходарковский, М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / М. Ходарковский. – М. : НЛО, 2019.
8. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / А. Каппелер ; пер. с немецкого С. М. Червонной. – М. : Прогресс, 1996.
9. Nolde, B. La formation de l'Empire Russe. T. 1–2 / B. Nolde. – Paris : Institut d'études slaves, 1952.

Дубровская Е.Ю.
МАТЕРИАЛЫ СЕМЕЙНОГО АРХИВА М.Н. ВЛАСОВОЙ
КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА КАРЕЛИИ⁴

Ключевые слова: М.Н. Власова, семейный архив, академическое сообщество, Карельский научный центр, жизненная траектория.

Прежде не вводившиеся в научный оборот материалы семейного архива Марии Николаевны Власовой (1925–2008) – видного историка Карелии, заслуженного деятеля науки КАССР, Почетного гражданина г. Петрозаводска – позволяют проследить жизненную траекторию и творческое наследие человека, оставившего заметный след в истории карельской науки и в общественной жизни Республики Карелия. Обращение к этому комплексу документов, находящемуся в Научном архиве Карельского научного центра РАН в стадии приема, предпринято в связи с выполнением коллективной темы Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации».

Впервые привлекаемые материалы семейного архива М.Н. Власовой, в том числе уникальные фотодокументы, связанные с ее разносторонней научно-организационной и общественной деятельностью, как и многочисленные семейные фотографии, послужили источниковой основой работы наряду с архивными документами, публикациями в периодической печати, обобщающими трудами по истории карельской науки и биографическими справочниками [1, с. 10–11, 17; 2, с. 58–59; 3].

Знакомство с визуальными источниками коллекции перспективно с точки зрения изучения особенностей и закономерностей структуры, культуры и общественной жизни научного сообщества. Сотрудники Научного архива Коми НЦ УрО РАН, проанализировавшие визуальный ряд хранящихся у них документов, выделяют материалы такого рода в качестве самостоятельного источника с широкими информационными возможностями и значительным научным потенциалом для визуально-антропологических исследований в поле антропологии академической жизни [4, с. 350].

Мария Николаевна Власова, чье столетие в эти дни отмечается общественностью республики, родилась 1 октября 1925 г. в уездном городе Олонце – столице карелоловиков, в карельской семье. Ее отец Николай Иванович Власов (1890–1969) происходил из с. Колатсельга Тулмозерской вол. Олонецкого уезда, из бедной крестьянской семьи. Он закончил трехгодичную церковно-приходскую школу и с 10 лет начал работать. Участвовал в Первой мировой войне, а затем в Гражданской – на стороне большевиков. В 1919–1922 гг. во время военной интервенции в советскую Карелию принимал участие в боях и разгроме вторгшихся в ее пределы финских добровольцев, за что был награжден жетоном «Честному воину Карельского фронта». Его дочь, став историком, опубликовала воспоминания отца об этих событиях в сборнике документов [5]. С 1918 по апрель 1919 г. Николай Иванович являлся членом, а с июля 1919 по 1922 г. – председателем Тулмозерского волостного исполнкома. С 1927 г. находился на руководящих должностях, в том числе – в лесной промышленности Карелии: работал директором Олонецкого и Пряжинского леспромхозов.

В семейном архиве сохранились газетные вырезки с воспоминаниями и интервью, которые в разные годы давала М.Н. Власова. «Все мое детство наша семья беспрестанно переезжала. Олонец, Петрозаводск, Видлица, Пряжа, вновь Петрозаводск, Пудож, а затем глубокий тыл в Западной Сибири. Из довоенного детства – ощущение какой-то тишины, покоя, безмятежности...», – вспоминала она [6, с. 20]. В 1933 г. семья приехала в Петрозаводск, где девочка начала учиться в первом клас-

⁴ Статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания КарНЦ РАН (124022000029-0).

се, а затем и заниматься в городском Дворце пионеров. Об этом времени говорят уникальные свидетельства семейного архива – удостоверения кружковца Дворца Пионеров, подаренные ей на память сверстницами открытки, которые были взяты в эвакуацию в Челябинскую область и которые не только чудом удалось сохранить в военные годы, но и сберечь при возвращении на родину.

У Марии Николаевны есть вспоминания о повседневной жизни периода советско-финляндской войны 1939–1940 годов, когда пряжинским лесорубам пришлось спешно готовить трассу, по которой за 140 дней была проложена железная дорога от Петрозаводска до г. Суоярви. «В ту зиму каждую ночь у нас ночевали по десятку красноармейцев, направлявшихся на фронт. А потом и в школе, и в больнице разместились госпитали, заполненные ранеными и обмороженными» [7].

В её воспоминаниях о войне присутствуют как описание реальных фактов, так и традиция рассказывания о войне, характерная для биографического дискурса и включающая типовые образы и мотивы, свойственные нарративизации истории («враг», «война», «смерть», «жизнь»), а также соотнесение описываемых событий с общепринятой системой ценностей, рефлексия зрелого рассказчика и эмоциональная оценка пережитого [8, с. 8–9]. «Две войны – финская и большая, Отечественная, – это тяжелый, сильный отпечаток… Помню, сидим дома с мамой, рассуждаем, что война, дескать, далеко… А следом за нашими словами неизвестно как прорвавшийся финский летчик кидает в соседний лес бомбу… В школу не ходили, рыли траншеи, в девятом классе готовились в медсестры… Было много и хорошего, и светлого, но сейчас осознаешь: война определяла жизни – и взрослые, и детские. И настоящее, и будущее…» [6, с. 20].

Интереснейшие фотографии связаны со временем учебы М.Н. Власовой в Московском государственном университете в первые послевоенные годы, а затем в аспирантуре в Ленинграде. В сентябре 1948 г. после окончания университета «с отличием» ее пригласили на работу в ИЯЛИ Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР, и вскоре молодая сотрудница успешно сдала вступительные экзамены в аспирантуру с прикомандированием к Ленинградскому отделению Института истории АН СССР (ЛОИИ). Об этом свидетельствует протокол от 16 ноября 1948 года, подписанный председателем приемной комиссии, в то время директором ИЯЛИ член-корреспондентом АН СССР Д.В. Бубрихом [9, с. 131].

Вся трудовая жизнь Марии Николаевны была связана с Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (ныне – ИЯЛИ Карельского научного центра РАН). Завершив учебу в аспирантуре, она с мая 1952 г. работала младшим научным сотрудником сектора истории, а затем была переведена на должность ученого секретаря Президиума КФАН СССР (1952–1957). В связи с необходимостью подготовки к изданию кандидатской диссертации по собственному желанию вернулась в сектор на должность младшего научного сотрудника и исполняла обязанности ученого секретаря Института, а в 1962 г. была избрана по конкурсу на должность заведующей сектором. С марта 1965 г. до выхода на пенсию в 1988 г. возглавляла Институт языка, литературы и истории, поставив своего рода рекорд директорского долголетия. Успешную научно-организационную работу сочетала с огромной общественной деятельностью, с 1955 по 1959 г. являлась депутатом и заместителем председателя Верховного Совета Карело-Финской ССР (позже КАССР), в 1966–1970 гг. – депутатом Верховного Совета СССР и членом постоянной комиссии Совета Национальностей по народному образованию, науке и культуре, членом Парламентской группы СССР [10, с. 215]. Основными направлениями ее научных изысканий стали история Карелии начала XX века и раннесоветского периода 1920-х – 1930-х гг., проблемы финляндского рабочего движения 1900–1907 гг., изучение советско-финляндского научного сотрудничества.

Мария Николаевна являлась автором глав в обобщающих трудах по истории Карелии и Финляндии, опубликовала ряд статей по этой проблематике и монографию, подготовленную на основе кандидатской диссертации [11], о которой в НА КарНЦ РАН сохранился отзыв доцента (впоследствии профессора) Петрозаводского государственного университета И.И. Каявяряйнена. Отметив солидную источниковую базу работы, известный специалист в области истории Финляндии подчеркнул, что «среди популярных и пропагандистских книг, посвященных революции 1905–1907 гг. в Финляндии, труд М.Н. Власовой, вслед за сочинением А.М. Коллонтай, носит характер подлинно научного, квалифицированно выполненного исследования» [12, л. 136–137].

В нынешней обстановке крайне напряженных отношений между нашей страной и странами Запада, в частности, Финляндией, приходится только сожалеть об обрыве контактов внутри сообщества ученых, которые складывались на протяжении долгих лет и приносили добрые плоды. Тем заметнее становится подвижническая деятельность Марии Николаевны и ее коллег, приложивших огромные усилия для развития и укрепления сотрудничества специалистов в различных областях знаний по обе стороны границы.

Еще в апреле 1961 г. ее избрали делегатом I съезда женщин Карельской АССР, состоявшегося в Петрозаводске. Позже Мария Николаевна вошла в республиканский совет по работе среди женщин. На III съезде женщин Карелии в ноябре 1984 г. делегат Власова выступила с докладом на такую актуально звучащую сегодня тему, как борьба за сохранение мира на планете и предотвращение ядерной катастрофы. «Решимость народов не допустить третьей мировой войны, которая после изобретения ядерного оружия грозит уничтожением всей человеческой цивилизации, привела к возникновению всемирного движения народов за мир», – подчеркнула докладчица, рассказывая о традиционно проводившейся в конце октября Всемирной неделе действий за разоружение.

Семейный архив сохранил тексты ее выступлений на различных мероприятиях, посвященных важнейшим вопросам в жизни страны, города, республики. Наряду с многолетней научной и общественной работой эта часть наследия, оставленная нам Марией Николаевной Власовой, заслуживает благодарной памяти и дополняет портрет замечательной женщины-ученого.

1. Академическая наука в Карелии: 1946–2006: в 2 т. / КарНЦ РАН; редкол.: А. Ф. Титов (отв. ред.) [и др.] – М. : Наука, 2006. – 2 т.
2. Виртаранта, П. Этюды о карельской культуре: Люди и судьбы / П. Виртаранта. – Петрозаводск : Карелия, 1992. – 288 с.
3. Народные избранники Карелии: Депутаты высших представительных органов власти СССР, РСФСР, РФ от Карелии и высших представительных органов власти Карелии, 1923–2006 : справочник / авт.-сост. А. И. Бутвило. – Петрозаводск, 2006. – 320 с.
4. Миронова, Н. Некоторые практики презентации научного работника (на материалах фотодокументов Коми НЦ УрО РАН) / Н. Миронова, Т. Филиппова, Н. Лисевич // Антропология академической жизни: традиции и инновации / отв. ред. Г. А. Комарова. – М. : ИЭА РАН, 2013. – С. 342–351.
5. Власов, Н. И. События в Тулозерской волости / Н. И. Власов // За Советскую Карелию (1918–1920). Воспоминания о гражданской войне / отв. ред. В. И. Машезерский. – Петрозаводск : Карельское кн. изд-во, 1963. – С. 284–289.
6. М. Власова: «...три березки под окном дома в Олонце и я, надраивающая полы и без нужды бегающая полоскать тряпку аж в речку...» // Город. Еженедельная газета. – Петрозаводск. – 2000. – 27 сент.
7. Жизнь в науке [Интервью с М. Н. Власовой] // Ленинская правда. – 2003. – 4 марта.
8. Дианова, Т. Б. Автобиографический дискурс и устная фольклорная традиция: к методологии исследования/ Т. Б. Дианова // Традиционная культура. – 2009. – № 4. – С. 4–10.
9. Вавулинская, Л. И. Мария Николаевна Власова (к 90-летию со дня рождения) / Л. И. Вавулинская // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. – 2015. – № 8. – С. 130–132.
10. Вавулинская, Л. И. Власова Мария Николаевна / Л. И. Вавулинская // Карелия : энциклопедия: в 3 т. / гл. ред. А. Ф. Титов. – Петрозаводск : ИД «ПетроПресс», 2007. – 2 т.
11. Власова, М. Н. Пролетариат Финляндии в годы Первой русской революции (1905–1907) / М. Н. Власова. – Петрозаводск : Гос. изд-во КАССР, 1961. – 186 с.
12. Научный архив Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН). – Ф. 2. Оп. 35. Д. 2926. Личное дело М. Н. Власовой.

Дулаў А.М., Юрчак Д.В.
**ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЯ СПАДЧЫНА ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ:
ЗМЕСТ, АСАБЛІВАСЦІ ЎЛІКУ і АХОВЫ**

Ключавыя слова: гісторыка-культурная спадчына, гісторыка-культурныя каштоўнасці, асаблівасці аховы розных відаў гісторыка-культурных каштоўнасцяў, Віцебская вобласць.

Ахова гісторыка-культурнай спадчыны з'яўляецца важнай і неад'емнай часткай культурнай і гістарычнай палітыкі Рэспублікі Беларусь. Згодна з артыкулам 15 Канстытуцыі дзяржава адказная за захаванне гісторыка-культурнай і духоўнай спадчыны. Гэты ж абавязак ужо артыкулам 54 Асноўнага Закону ўскладзены на ўсіх грамадзян рэспублікі і іншых асоб, якія пражываюць ці знаходзяцца на тэрыторыі Беларусі. Фактычна гэта адзін з канстытуцыйных абавязкаў, што толькі падкрэслівае значэнне гэтага накірунку работы.

У межах дадзенай публікацыі мы пасправляем акрэсліць структуру гісторыка-культурнай спадчыны Віцебской вобласці па стане на восень 2025 года, адлюстраўваць асаблівасці ўліку і аховы розных відаў каштоўнасцей. Гэта ў сваю чаргу дасць магчымасць вызначыць праблемы, з якімі прыходзіцца сутыкацца ў працэсе аховы гісторыка-культурнай спадчыны ў рэгіёне, а таксама вызначыць магчымасці іх вырашэння.

На сённяшні дзень на тэрыторыі Віцебской вобласці знаходзіцца 997 асобных шыфравых гісторыка-культурных каштоўнасцяў. Матэрыяльныя гісторыка-культурныя каштоўнасці вобласці складаюцца з 372 помнікаў археалогіі, 323 помнікаў архітэктуры, 263 помнікаў гісторыі, шасці матэрыяльных рухомых гісторыка-культурных каштоўнасцяў, пяці помнікаў мастацтва (адзін з якіх адначасова з'яўляецца матэрыяльнай рухомай гісторыка-культурнай каштоўнасцю), двух помнікаў горадабудаўніцтва і дзвюх запаветных мясцін. Таксама ў Віцебской вобласці зараз маецца 25 нематэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей [1].

Сярод матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей катэгорыю “0” маюць 3 аб’екты, катэгорыю “1” – 6, катэгорыю “2” – 107 і катэгорыю “3” – 856 каштоўнасцей. Адначасова варта адзначыць, што значная колькасць з аб’ектаў спадчыны з'яўляюцца комплекснымі і могуць адначасова ўключачыць ў сабе некалькі, а ў асобных выпадках – нават дзясяткі каштоўнасцей без катэгорыі.

Асобна трэба спыніцца на асаблівасцях аховы розных відаў гісторыка-культурных каштоўнасцей. Найбольш складаныя праблемы ўзнікаюць з захаваннем і рэстаўрацыяй помнікаў архітэктуры, а таксама помнікаў горадабудаўніцтва, як комплексных каштоўнасцей, якія ўключаютцца ў сябе ў тым ліку шэрраговую забудову.

На сённяшні дзень у вобласці 323 помнікі архітэктуры. Адразу варта адзначыць, што абсолютная большасць аб’ектаў гэтай групы знаходзіцца ў добрым стане, актыўна эксплуатуюцца і выкарыстоўваюцца ў тым ліку для прыцягнення турыстаў. Штогадова колькасць падобных аб’ектаў узрастае. Дастаткова прывесці прыклад г. Полацка, дзе за апошні час завершаны рэстаўрацыйныя работы на Доме афіцэраў, будынках, якія размешчаны на тэрыторыі Верхняга замка і прыстасаваны для размяшчэння Полацкага кадэцкага вучылішча. Прыгадаць той факт, што у 2024 годзе завершаны маштабныя работы па рэстаўрацыі адной з самых старажытных цэркваў Беларусі (Спаса-Праабражэнскай), якая захавала амаль на 90% аўтэнтычных фрэсак XII ст.

Але на фоне названых пазітыўных прыкладаў трэба помніць, што па стане на 2022 год у Віцебской вобласці было 68 невыкарыстоўваемых гісторыка-культурных каштоўнасцей, частка з якіх захавалася на ўзоруні руін. І усе яны патрабавалі, а многія яшчэ патрабуюць рэстаўрацыі ці кансервацыі і ўцягнення ў гаспадарчую ці

турыстычную дзейнасць. З гэтай мэтай па даручэнні ўрада быў распрацаваны абласны план на 2022–2025 гг. па захаванні аб’ектаў гісторыка-культурнай спадчыны ў Віцебскай вобласці з пакрокавымі дзеяннямі, па кожным аб’екце гісторыка-культурнай спадчыны, які не выкарыстоўваецца і знаходзіцца ў нездавальняющим стане.

Дзякуючы гэтаму плану і дзейнасці ўласнікаў былі завершаны работы на дзесяці раней невыкарыстоўваемых будынках, у тым ліку на Былым доме афіцэраў, трох будынках на тэрыторыі Верхняга замка, будынку былога гасцініцы "Гранд-атэль" у Полацку, будынках па адресах г. Віцебск, вул. Будзённага, 7, вул. Камісара Крылова, 4, вул. Калініна, 20, вул. Энгельса, 8; адноўлена Вялікая Любавіцкая сінагога, гістарычна звязаная з сям'ёй Марка Шагала.

Акрамя таго, за час рэалізацыі плана з аўкцыёну рэалізавана сем аб’ектаў спадчыны, на двух з якіх амаль завершана рэстаўрацыя, на астатніх працягваюцца работы. Паказальным з’яўляецца прыклад прыватнага інвестара, які набыў былы завод "ВітВін" (Пакроўская, 7), дэмантаўні негістарычную забудову і праводзіць работы па аднаўленні трох гістарычных будынкаў з узвядзеннем новых аб’ектаў на тэрыторыі былога прамысловай зоны, выкананых ў стылістыцы канца XIX ст. У выніку так званы Шагалаўскі квартал, які раней існаваў выключна на паперы, паступова набывае свае абрысы.

Ёсць у Віцебскай вобласці і прыклад рэалізацыі інвестыцыйнага праекта на гісторыка-культурных каштоўнасцях. Гэта так званы "Дом ста акон" – сядзіба Станіслава Гласка ў цэнтры Расон. Прыватны ўласнік заключыў інвестыцыйны дагавор і вядзе аднаўленне прыгожага будынка ў райцэнтры. Пры заканчэнні работ плануецца, што ў будынку размесціцца гасцініца і іншыя ўстановы, скіраваныя на турыстаў і падарожнікаў.

З пералічаных невыкарыстоўваемых аб’ектаў на дзесяці на дадзены момант праводзіцца рэстаўрацыйна-аднаўленчыя работы, яшчэ на чатырох завяршаецца праектаванне ці праект ужо знаходзіцца на стадыі ўзгаднення. У тым ліку на такіх знакавых аб’ектах як палац губернатара ў Віцебску, былы кляштар францысканцаў у Полацку, на базе якіх павінны з’явіцца новыя запатрабаваныя сярод турыстаў музейныя ўстановы.

Некаторыя аб’екты толькі падрыхтаваны да рэалізацыі і пажадана каб гэты пералік павялічваўся. Але не ўсе ўласнікі з-за сваіх фінансавых магчымасцяў здольныя падрыхтаваць аб’екты да аўкцыёну, у першую чаргу гэта датычыцца сельскагаспадарчых прадпрыемстваў.

На вялікі жаль, ёсць у Віцебскай вобласці і праблемныя ўласнікі. На дадзены момант трох гісторыка-культурных каштоўнасці знаходзяцца пад арыштам з-за фінансавых праблем іх гаспадароў. Аршанскім райвыканкамам распачаты працэс па ануляванні дагавору па куплі былога сядзібнага дома Макшыцкіх у п. Высокое з-за невыканання ўмоў дагавору па рэстаўрацыі помніка архітэктуры.

Далёка не ўсе аб’екты спадчыны ўяўляюць цікавасць для інвестараў. Напрыклад, рэалізоўваць быўня і руйнаваныя цэрквы, касцёлы і сінагогі пад аграсядзібу дакладна не атрымаецца. Гэта выклікае адразу абурэнне грамадскасасці. А у Віцебскай вобласці зараз трох царкви, трох касцёлаў і адна сінагога знаходзяцца ў дзяржаўнай уласнасці і не выклікаюць вялікай зацікаўленасці з боку рэлігійных аб’яднанняў. Яшчэ трох руйнаваныя культавыя будынкі знаходзяцца ва ўласнасці рэлігійных аб’яднанняў, але на іх аднаўленне пакуль не хапае сродкаў.

Акрамя помнікаў архітэктуры значная колькасць гістарычнай забудовы сканцэнтравана ў складзе гістарычных цэнтраў Віцебска і Полацка, якія з’яўляюцца асобнымі помнікамі горадабудаўніцтва. Пазітыўным вынікам працы з гэтымі аб’ектамі спадчына стала інвентарызацыя гістарычнага цэнтра г. Полацка, завершаная ў 2022 годзе, дзякуючы якой усе іншыя культурныя каштоўнасці, якія знаходзіліся на тэрыторыі гістарычнага цэнтра, сталі яго складовымі часткамі. Акрамя таго,

былі удакладнены назвы вуліц, нумарацыя будынкаў дапоўненая інвентарнымі нумарамі і літэрацыяй, што дазваляе дакладна вызначыць якая частка аб'екта нерухомасці лічыцца гісторычнай, а якая не адносіцца да гэтай катэгорыі. Таксама ў межах работы над гісторычным цэнтрам была дакладна пералічана гісторычная забудовы без катэгорыі (49 аб'ектаў), павышаны катэгорыі найбольш значных гісторыка-культурных каштоўнасцей, удакладнены склад асобных з іх.

На дадзены момант завяршаецца работа над складам гісторычнага цэнтра Віцебска (павінна быць звершана да канца 2025 года). Гэта дасць магчымасць дакладна вызначыць гісторычную забудову абласнога цэнтра і выключыць недакладнасці ў назвах, адрасацыі і складзе асобных аб'ектаў спадчыны. Акрамя таго, маюцца прapanовы павышэння катэгорыі асобных найбольш каштоўных аб'ектаў спадчыны і выдзяленне новых асобных гісторыка-культурных каштоўнасцей са складу існуючых.

Значную групу гісторыка-культурных каштоўнасцяў складаюць помнікі гісторыі, сярод якіх воінскія пахаванні дасягаюць 91 % (240 з 263). Віцебскі аблвыканкам і райвыканкамы вобласці неаднаразова ўздымаюць пытанне пра неабходнасць пазбаўлення гэтай групы аб'ектаў двайнога ўліку культурных каштоўнасцей, tym больш, што большасць гэтых аб'ектаў не адпавядаюць крытэрыям, замацаваным у частцы першай артыкула 92 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры. Больш за тое, усе яны і так афіцыйна з'яўляюцца культурнымі каштоўнасцямі. Гэта пытанне неаднаразова ўздымаляецца ў навуковых публікацыях на старонках афіцыйных часопісаў і ў зборніках канферэнцый [гл. 2; 4].

Аналіз дзеючага Дзяржаўнага спісу гісторыка-культурных каштоўнасцей па Віцебскай вобласці па тыпалогіі асобных помнікаў гісторыі дазваляе казаць, што 98 з іх з'яўляюцца тыповымі абеліскамі (стэламі, надмагільнымі помнікамі), якія не ўяўляюць вялікай мастацкай каштоўнасці. 12 гісторыка-культурных каштоўнасцей – гэта ўвогуле сучасныя гранітныя надмагільныя помнікі, усталяваныя на воінскіх пахаваннях. 81 помнік з'яўляюцца тыповымі тыражаванымі скульптурамі (скульптурнымі кампазіцыямі). Яшчэ 3 творы манументальнага мастацтва можна кваліфікаваць як помнікі-бюсты. 38 помнікаў гісторыі з'яўляюцца, часцей за ўсё, рэдкімі аўтарскімі памятнымі знакамі, часам уключанымі ў складаны комплекс, і выдзяляюцца на фоне тыповых твораў манументальнага мастацтва. Астатнія аб'екты можна класіфікаваць як мемарыяльныя комплексы.

Па выніку вывучэння 240 помнікаў гісторыі Віцебскай вобласці варта зрабіць выснову, што 223 з іх можна пазбаўляць статусу гісторыка-культурных каштоўнасцей, пры ўмове захавання іх як культурных каштоўнасцей праз выкананне на месцах патрабаванняў дзеючага заканадаўства аб стварэнні і рэканструкцыі твораў манументальнага і манументальна-дэкаратыўнага мастацтва. Яшчэ 17, да якіх адносяцца выключна аўтарскія скульптуры і мемарыяльныя комплексы на месцы воінскіх пахаванняў, пакінуць у Дзяржаўным спісе гісторыка-культурных каштоўнасцяў.

Асобна варта закрануць пытанне аховы помнікаў археалогіі і археалагічных аб'ектаў. Згодна з дзеючым заканадаўствам помнікамі археалогіі лічацца археалагічныя аб'екты, якія ўключаны ў Дзяржаўны спіс, у сваю чаргу, археалагічнымі аб'ектамі – матэрыяльныя нерухомыя аб'екты і комплексы разам з археалагічнымі артэфактамі, якія маюць гісторычнае, мастацкае, навуковае або іншае культурнае значэнне, якія ўтварыліся у выніку дзейнасці чалавека больш 120 год таму. На тэрыторыі вобласці зараз налічваецца 372 помніка археалогіі, а таксама тысячы выяўленых археалагічных аб'ектаў. Прычым штогод спецыялістамі знаходзяцца новыя археалагічныя аб'екты. Па колькасці зафіксаваных гарадзішчаў і курганных могільнікаў у Археалагічнай карце

Г.В. Штыхава Віцебская вобласць першая ў рэспубліцы, што падкрэслівае значнасць гэтага накірунка работы для рэгіёна.

Ахова археалагічнай спадчыны мае сваю спецыфіку з улікам таго, што часта гэтыя аб'екты размешчаны ў лясных масівах ці на сельскагаспадарчых землях і не заўсёды іх праста агледзець і лакалізаваць. Праводзіць пастаянны маніторынг таксама не праста. Напрыклад паміж Арлейскім гарадзішчам і гарадзішчам на воз. Невіда ў Полацкім раёне адлегласць 80 км. Узнікае пытанне як ажыццяўляць пастаянны контроль за гэтымі аб'ектамі? Таму, на вялікі жаль, ажыццяўвіць пастаянны контроль за помнікамі археалогіі на практыцы вельмі складана. Хаця, гэта надзвычай важна, асабліва ва ўмовах імклівага росту актыўнасці чорных капальнікаў.

Па сённяшні дзень адной з галоўных праблем з'яўляецца дакладная лакалізацыя помнікаў археалогіі. Дзякуючы удакладненню лакалізацыі за апошні час колькасць курганных могільнікаў у вобласці фармальна скарацілася, таму што адзін з іх фактычна аказаўся на тэрыторыі Мінскай вобласці, другі – у Пскоўскай вобласці РФ, яшчэ адзін адразу быў улічаны ў двух раёнах вобласці [гл. 3]. Справа ў тым, што большасць ўлічаных аб'ектаў, якія ўключаны ў Дзяржаўны спіс, лакалізаваліся археолагамі ў 1970-я і 1980-я гг. з улікам размяшчэння адносна існуючых тады населеных пунктаў без спецыяльнага абсталявання. Сучасныя тэхналогіі, у тым ліку выкарыстанне GPS-навігацыі, дае магчымасць вызначыць дакладныя каардынаты і межы аб'ектаў, удакладніць іх месца размяшчэння і вызначыць уласніка зямельнага участка, на якім яны размешчаны з дапамогай Публічнай кадастравай карты.

Сёння, калі паглядзеце на кадастравую карту ў спецыяльную укладку “Тэрыторіі спецыяльнага рэжыму выкарыстання”, можна ўбачыць, што многія помнікі археалогіі адзначаны на афіцыйным рэсурсе не у тым месцы, дзе фактычна знаходзяцца. Але каб рабіць такія высновы трэба спачатку ведаць іх дакладную лакалізацыю. Гэта выклікае неабходнасць поўнай інвентарызацыі правільнасці пазначэння аб'ектаў спадчыны на кадастравай карце, таму што гэта адна з форм забеспечэння захавання археалагічнай спадчыны пры правядзенні якіх-небудзь земельных работ ці пры выдзяленні зямельных участкаў.

З захаваннем помнікаў мастацтва ў Віцебскай вобласці праблемных пытанняў няма. Адзінае, на што варта звярнуць ўвагу гэта класіфікацыя асобных твораў мастацтва акурат як помнікаў мастацтва. На сённяшні дзень, напрыклад, незразумела чаму манументальная скульптура, прадстаўленая выдатным аўтарскім помнікам К.С. Заслонаву на станцыі Орша, зробленым вядомым беларускім скульптарам С. Селіханавым, быў аднесены да помнікаў гісторыі. Калі пахаванне К.С. Заслонава, размешчаная побач, можа быць аднесена да гэтай катэгорыі каштоўнасцяў, дык з самім творам мастацтва гэта, безумоўна, спрэчна.

Асобную групу гісторыка-культурных каштоўнасцей вобласці складаюць запаведныя мясціны, якіх усяго ў дзеючым Дзяржаўным спісе гісторыка-культурных каштоўнасцей па рэспубліцы налічваецца чатыры, у абсолютнай большасці (3 з 4) гэта мясціны нараджэння і жыцця класікаў беларускай літаратуры. На Віцебшчыне да гэтай групы адносяцца: Мясціны жыцця і творчасці Янкі Купалы (Ляўкі) і Бярэзінская водная сістэма. Калі з першай з каштоўнасцей асаблівых праблем не існуе, апошняя наадварот патрабуе удакладнення шляхам канкрэтнага пераліку таго, што непасрэдна неабходна ахоўваць (канкрэтныя шлюзы, каналы, рэкі, пратокі і г.д.).

Таксама на тэрыторыі вобласці маецца 6 матэрыяльных рухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей: манетны скарб у Лепельскім раённым краязнаўчым музеі, звон у Лёзненскай царкве, які быў знайдзены пры правядзенні земельных работ, а таксама прадметы з чатырох калекцый Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Сярод апошніх асабліва вылучаюцца асобныя

прадметы, якія маюць міжнародную значнасць і могуць у поўнай меры лічыцца нацыянальнымі рэліквіямі. Пры гэтым, варта звярнуць увагу на тое, што колькасць матэрыяльных рухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей можа быць істотна пашырана за кошт іншых прадметаў музейнага фонду з калекцый музеяў вобласці.

Акрамя таго, на тэрыторыі Віцебскай вобласці на дадзены момант налічваецца 25 нематэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей. За кошт актыўнай дзейнасці ўстаноў клубнай сістэмы вобласці вядзеца планамерная работа па выяўленні, фіксацыі і папулярызацыі новых нематэрыяльных каштоўнасцей, колькасць якіх узрастает кожны год. Пры гэтым асаблівы акцэнт робіцца на захаванне ўжо існуючых традыцый, звычаяў, абрадаў, тэхналогій і г.д., бо ва ўмовах глабалізацыі і урбанізацыі колькасць іх патэнцыйных носябітаў скарачаецца.

Такім чынам, Віцебшчына на сёняшні дзень валодае надзвычай багатай і разнастайнай гісторыка-культурнай спадчынай, якая мае ўсе падставы для пашырэння за кошт іншых культурных каштоўнасцей. Разам з тым, у захаванні асобных відаў аб'ектаў спадчына маюцца свае адметнасці і проблемныя пытанні, якія патрабуюць вырашэння як на агульнадзяржаўным узроўні (як, напрыклад, з воінскімі пахаваннямі), так і на месцах.

1. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. – URL: <http://gospisok.gov.by> (дата звароту: 15.09.2025)
2. Юрчак, Д. В. Асаблівасці дзяржаўнага ўліку помнікаў археалогіі ў Бешанковіцкім і Шумілінскім раёнах Віцебскай вобласці / Д. В. Юрчак // Віцебскі край : матэрыялы VI Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай 75-годдзю Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне, 19 лістапада 2020 г., Віцебск / ДУ “Віцебская абласная бібліятэка імя У.Леніна”, кафедра гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава ; рэдкал.: Т. М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2021. – Т. 6. – С. 245–250.
3. Юрчак, Д. В. Воінскія пахаванні як культурная каштоўнасць: да пытання неабходнасці іх двайнога ўліку / Д.В. Юрчак // Беларуская думка. – 2021. – № 1. – С. 83–89.
4. Юрчак, Д. В. Памятники и воинские захоронения: объекты историко-культурного наследия или мемориальные объекты? / Д. В. Юрчак // Победа – одна на всех : материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 24 апреля 2014 г. / Вит. гос. ун-т. ; редкол.: А. И. Жук и А. А. Коваленя (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2014. – С. 295–298.

Желамский А.Г., Желамская М.А. ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКО-БЕЛАРУССКОГО ПОРУБЕЖЬЯ

Ключевые слова: порубежье, легенды, Нещердо, Невельский идол, Отечественная война 1812 года, Я.П. Кульнев, Ян Барщевский, Почановская гора.

Легенды Нещерды. Порубежье России и Беларуси – край лесов и озёр, исчезающих в лесных чащах каменных дорог (камениц) и сцижинок. Кажется, что нигде больше не бывает такого мерцания и свечения на поверхности вод, кроме этих местностей с их глухими и глубокими болотами, над которыми поднимаются холмы и леса.

Здесь, на русско-белорусском порубежье, чтят до сих пор праздник Купалы, день летнего солнцестояния, солнцеворота. Он отмечается 24 июня по старому стилю (в ночь с 6 на 7 июля по-новому), когда летнее солнце, достигнув полного проявления своих творческих сил, поворачивает на зиму

Исследователь поэтических воззрений славян на природу А.Н.Афанасьев писал: «по древне-поэтическим представлениям бог-громовник кипятит в грозовом пламени дождевую воду, купает в её ливнях небо и землю и тем самым дарует ей силу плодородия» [1, с. 41]. Купало – бог душевного и телесного очищения – в христианстве уступает место Иоанну Крестителю.

Народная память полна чудодейственных представлений о купальском празднике – об особой целительной силе трав и цветов, собранных в пору солнцеворота, об играющем на воде солнце, о переходящих с места на место деревьях, разговаривающих между собой шумом своих ветвей.

Ночь на Купалу отмечена и проказами различной нежити – домовых, водяных, леших, русалок. На лысых горах собираются чаровницы и устраивают там бесстыдные игрища. Потопленные на дне озёр колокола оглашают окрестности. Все эти легенды заряжены ощущением восходящих интонаций в ритмах природы.

В сентябре 1978 года в деревне Амосенки, недалеко от озера Нещердо (Россонский район Витебской области), довелось говорить с пожилой женщиной, которую под деревенски звали «Кондратьевна». Помню её палисадник с бобами, маком и пожелтевшими огурцами, которые «не растут» («сердца остывли у людей к Богу, и земля остывла. Раньше каждая травинка клонилась к человеку, всё росло, теперь не растёт»). Бледное, правильных очертаний лицо в морщинах, высокий лоб, голубые выплаканные глаза. Говорит на одной ноте.

Рассказывала Кондратьевна, что раньше в этих краях было много колдунов, что где-то здесь откопали из могилы девушку, которая была «вся в золоте» («положили обратно»), о том, как одному парню, проходившему мимо какой-то местной горы, увиделся бык с золотыми рогами, о каком-то ночном всаднике на белом коне... О том, как одному парню в соседней деревне (к северу) приснилось, что ему кто-то дал коробку спичек и сказал, что если он дойдёт с этой коробкой до городища – то увидит там прекрасную девушку... Парень побоялся идти.

Невельский идол. Свидетелем языческих времён нашего края является Невельский идол, известие о котором помещено в книге «Живописная Россия» (непревзойдённое географическое описание России конца XIX века): «В июле 1874 года в Невельском уезде, не знаем, где именно, при посадке дерева найден был идол с двумя головами вышиною 9 дюймов (дюйм = 2,54 см – авт.). В археологическом музее Ягеллонского университета в Krakowе хранится фотографический снимок этого идола. О дальнейшей его судьбе нам неизвестно. Знаем только, что он в 1874 году находился у исправника г. Бурмейстера в Городке. Вероятно, он уже давно в одном из публичных музеев. Двуглавый идол должен был обратить на себя особенное внимание. Представляем здесь верное изображение этого замечательного идола с обеих сторон» [5, с. 244]. У Невельского идола не две головы, а два лица (лица) – на одной стороне – предположительно мужской, на другой – женский.

Над хуткаплынной Дриссой. Если ехать из Полоцка в Себеж, перед мостом через Дриссу слева у дороги на поляне желтого песка стоит лабрадоритовый обелиск с портретом героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора Я.П. Кульнева...

А через 300 метров лесная съязина выведет на берег Дриссы к памятнику, установленному в 1830 году по указанию Николая I на месте гибели героя. На памятнике укреплена плита со словами В. Жуковского (из поэмы «Певец во стане русских воинов»): «Где Кульnev наш, рушитель сил, Свирепый пламень браны? Он пал, главу на щит склонив И стиснув меч во длани! Где жизнь судьба ему дала, Там брань его сразила, Где колыбель его была Там днесь его могила». Местом рождения Я.П. Кульнева считается город Люцин Режицкого уезда Витебской губернии – там была усадьба его родителей. Сохранилось предание о том, что на самом деле он родился в пути, по дороге из Полоцка в Люцин вблизи того места, где и погиб, что и отметил Жуковский («Где жизнь судьба ему дала, Там брань его сразила»).

С именем Кульнева и его Гродненских гусар связаны первые победы в Отечественной войне: «3-го числа построил я на Двине мост, тогда как неприятель менее всего ожидал меня на его стороне: напал со вверенным мне Гродненским гусарским полком на два французские конные полка ... и истребил почти до остатка... Генерала Сен-Жене взял в полон, также несколько офицеров и 200 раненых чинов. После сей победы переправился я опять на сию сторону, истребив мост при Друе... Вот тебе описание нынешнего моего положения: впрочем, благодаря Бога, я здоров и поживаю по обыкновенному, то есть по Дон-Кишотски».

Слава Кульниева прогремела по России в 1812 году после победного Клястицкого сражения, в котором русские войска под командованием графа Витгенштейна разбили и остановили превосходящую по численности французскую армию Удино и Сен-Сира, которая шла от Полоцка на Петербург. В этом сражении Я.П. Кульнев командовал Гродненским гусарским полком. Пылкий Кульнев увлёкся преследованием французов. С верными своими гусарами, он гнал их до местечка Сивошино, что в двадцати верстах от Клястиц. В этом так называемом Сивошинском дефиле (полуострове между устьем Ниши и рекой Дрисса) его отряд попал под огонь французской артиллерии. Здесь на 49-м году жизни оборвалась жизнь Я.П.Кульниева, смертельно раненного ядром, перебившем обе ноги. На этом месте, на высоком песчаном берегу хуткаплыинной (быстроотступной) Дриссы и было погребено тело Я.П. Кульниева. По воспоминаниям, в последнем обращении к гусарам он произнёс: «Друзья, не уступайте ни шага родной земли... Победа вас ожидает!» [4, с. 24–25].

Когда весть о гибели Кульниева докатилась до Москвы, в Большом театре было остановлено представление. На сцену вышла известная актриса Сандунова и, сдерживая волнение, обратилась к залу: «Слава, слава генералу Кульневу, положившему живот свой за отчество!».

Следуя Суворовскому правилу – «Тяжело в ученье – легко в бою», Кульнев изматывал солдат тренировками, но одновременно настолько заботливо и уважительно к ним относился, что они прозвали его Дон-Кихотом. Также и он себя всегда называл, только к своему прозванию добавлял слово «Люцинский» (Люцинский Дон-Кихот), даже будучи генералом.

Из писем к брату: «Мы, полагая всегда упование свое на Всевышнего Творца и грудь нашу, будем стоять, как крепкие каменные стены за возлюбленное наше отчество». «Я не сплю и не отыхаю, чтобы армия спала и отыхала». «Лучший способ к сохранению живота есть храбрость, сопровождаемая присутствием духа».

Происходили ожесточённые схватки: «Между тем скажу тебе, (из писем к брату) что я повозку мою и по сиё время не отыщу: остался в одном мундире, да и пить и есть нечего. Привези, брат, водочки и кусок хлеба подкрепить желудок мой, ибо с самого начала сей войны я еще не спал и порядочно не ел» [3, с. 381–382].

Автор много раз бывал в этих местах и каждый раз из оглушающей тишины лесов и полей этого края, словно наяву, слышался и сабельный звон, и топот копыт, и шум пролетающих ядер...

Памятник стоит, но тела Я.П. Кульниева здесь нет, в 1816 году оно было «перевезено в деревню его шурина, а затем скончано окончательно», как пишет К. Случевский, «в церкви села Инзельберг, принадлежащего его брату». Илзескалнс, Храм Скорбящей матери. Закончен строительством 6 ноября по новому стилю. Смотритель Иванов Степан Тимофеевич.

«Под сводами храма сего покоятся прах незабвенного героя Отечественной войны 1812 года Генерал-Майора Якова Петровича Кульниева, со славою павшего в бою при Клястицах 20 июля 1812 г. По повелению императора Николая I в 1830 г. поставлен в Сивошино под Клястицами памятник генералу Кульневу на месте его геройской кончины, а в 1832 году прах его перенесен оттуда в место настоящего упокоения». Лет семь тому назад знакомые из Риги сказали, что храм этот сгорел. Так ли это – неизвестно.

Европа, насмотревшись на русских гусар в 1813–1814 годах, решила создать такие войска у себя. Подобрали подходящих мужчин, резвых коней, пошили форму, но при первом смотре заметили, что чего-то не хватает. Задумались и пришли к выводу, что не хватает русского, гусарского духа. Неудачу объясняли «отсутствием у своих кавалеристов «особого состояния души», присущего лучшим представителям восточного славянства.

Почановская гора. Прошли десятки лет с того часа, когда в библиотеке Салтыкова-Щедрина в Ленинграде встретились «Очерки северной Белоруссии» Яна Барщевского [6, с.159–162].

Они произвели неизгладимое впечатление. Тогда же захотелось обязательно подняться на упоминаемую в них Почановскую гору, но осуществить эту мечту удалось только 4 июля 2019 года.

Детство и юношеские годы Я. Барщевского прошли на хуторе (фольварке) Мураги на северо-восточном берегу большого и таинственного озера Нещердо (раньше считалось, что он и родился в Мурагах, но краеведы разыскали сведения о том, что родина Я. Барщевского – погост Неведро на берегу одноимённого озера на границе Себежского и Пустошкинского районов Псковской области).

Учился в Полоцкой иезуитской академии. В молодые годы много странствовал по северным уездам Витебской губернии (нынешним Себежскому, Невельскому, Пустошкинскому районам Псковской области). После окончания учёбы жил в Петербурге, редактировал журнал польских студентов «Альманах Незабудки».

Основной темой творчества Я. Барщевского стали природа, образы и легенды северной Беларуси, русско-белорусского порубежья.

В отличии от своего современника А. Мицкевича, не проявлявшего больших симпатий к России («По диким пространствам, по снежной равнине Летит мой возок, точно ветер в пустыне» писал он в стихотворении «Дорога в Россию»), Я. Барщевский с особенной теплотой вспоминает запомнившиеся ему с детства и юности образы его малой родины.

«...Когда волею Божью забросило меня в отдалённые места, как часто одинокие мысли мои от берегов Невы летают в те страны, где протекли цветущие лета моей жизни, где столько милых воспоминаний рисуется в моём воображении!

...здесь я блуждал в приятных мечтаниях, любил читать книгу природы... На земле, покрытой множеством трав и растений, читал я живые письмена о милосердии и промысле Создателя. Эта книга природы, простая и вразумительная, учила меня истинной поэзии, истинным чувствам, а рассказы стариков были лучшею историей родной моей земли».

Много слов посвящает Я. Барщевский природе и легендам любимой им Нещерды, землям Невельского уезда – той их части, которая входит ныне в Пустошкинский район: «Вспоминаю недалёкие от Невеля окрестности Рабщизны, где, словно ярусы исполинских зданий, возвышаются высокие горы, то покрытые вековыми тенями лесов, то блистающие на солнце золотистым песком своих обнажённых вершин. Сколько там разнообразия в видах, сколько восхитительных картин!

Кто посещал эти места, тот верно всходил на вершину Почановской горы (у подножия которой «бьют серные ключи» [2, с.199]), и осматривал дикие её окрестности: там и сям повсюду воды, как чистое зеркало, отражают солнечные лучи, а над берегами их дремлют густые леса; кой-где по склонам гор чернеются убогие хаты поселян....

Там человек забывает о свете. Там не гремят суждения о спорах Французской палаты и речах Английского парламента, не слышно там о войне в Алжире и на Кавказе, там не рассуждают о железных дорогах в Итальянской опере; а только голос пастуха, охотничий выстрел в лесу, или ветер, переносящийся по верхушкам бора, огласят на минуту тихую окрестность ...».

Дорога в Лашково прошла среди больших, восходящих к небу полей с густыми некошенными травами. Вскоре на горизонте простирали высокие, укрытые лесами вершины, одна из которых была похожа на опускающийся гигантский купол парашюта. Конечно, это и есть та самая Почановская гора – высота с отметкой 252 метра, указанная в путеводителе по Пустошкинскому району.

Оставив деревню, мы проехали по полевой колее чуть дальше «нашей» горы, чтобы окинуть её взглядом со всех сторон. Неожиданно перед нами открылось бескрайнее поле с багряными зарослями иван-чая. Полюбовавшись на этот по-настоящему «красный уголок» природы, вернулись назад и остановились у того места, с которого решили «штурмовать» эту вершину.

Почановская гора, разогретая жарким июльским солнцем, переливалась всеми оттенками зеленого цвета – словно призывала к себе, но приятное впечатление сразу же омрачилось – у её подножия заметилась выровненная площадка, упирающаяся в «стенку» нового зарождающегося карьера «песчано-гравийных смесей», как говорят дорожники и строители (какими очевидно сложена вся эта мощная и красивая гора).

Покорили мы Почановскую гору без особого труда (её высота где-то около сорока метров). Вся она была пропитана светом, струившимся через лиственный – березовый и осиновый – лес.

Я. Барщевский пишет: «Путешественник, въезжающий в пределы Белоруссии с севера, увидит перед собою большие селения, обширные засеянные поля, сосновые и березовые рощицы. Нередко услышит он раздающуюся из глубины необозримых полей протяжную и громкую песню поселянина, либо оглашающую горы и долины мелодию пастушеского рожка.

В дни воскресные, в то время, когда солнце сближается к закату, встретит сельских девушек, одетых в праздничные миткалевые сарафаны и сопровождаемые весёлой молодёжью – при звуках народных песен они составляют хороводы. При приближении к границам Себежа и Невеля увидит пространные тёмные боры, наподобие туч нависающих на горизонте».

В очерках Я. Барщевского неоднократно встречаются слова об убогих селениях с соломенными кровлями, о мрачной тишине, в которой редко послышится песня жнеца или пахаря, о «песнях этого народа как в мыслях, так и в голосе заключающих что-то заунывное». Даже свадебные песни «проникнуты печальным чувством, словно не доверяют возможности счастья в этой юдоли плача». И всё же, несмотря на «убогие хаты и меланхолический дух», Я. Барщевский отмечает способность этих людей к созданию «чудных образов».

И подтверждает это описанием традиционных для того времени обычай и обрядов – как на Купалу «замужние женщины и молодые обоего пола около смоляных пылающих дерев ожидают, когда солнце заиграет на небе», о поисках кладов в эту ночь, о цветке папоротника, о происхождении названия цветка «Кукушкины слёзы», о разрыв-траве, которая якобы разрывает замки и сокрушает кандалы узников, о перелет-траве, которая имеет силу переноситься с места на место и в полете своем блестит, как звездочка («счастлив, кто сорвёт её – все его желания будут тотчас исполняться»), о русалках, которые в пору созревания хлебов качаются на березах с распущенными волосами и поют песни…

От очерков Я. Барщевского неизбежно возвращаешься в сегодняшний день, который уже не производит никаких «чудных образов», а лишь «нагружает» информацией и всевозможными прагматическими рассуждениями о пользе и выгоде.

«Люди, мечтая о счастье на земле, рисуют его в различных видах. Греки и Римляне, – пишет Я.Барщевский, – поклонялись слепой фортуне, которая то возносит людей под облака, то снова погружает в пропасть. Народ белорусский вообразил себе какую-то летающую травку, гоняясь за которой не один сбылся с дороги и не вернулся в родную хату. И я, ища счастья далеко, оставил ту родную страну, где протекли приятнейшие дни моей жизни, и теперь, в северной столице, поглядывая на сцену большого света, читаю книгу, которая иногда смешит, иногда вызывает слезу, – это книга сердец и людских характеров».

Почановская гора и другие зелёно-купольные вершины в её окрестностях расположены в 20-ти километрах от Пустошки. Здесь, в полутора километрах от автострады Москва-Рига ещё существуют настоящие шедевры нашей природы. Не хочется соглашаться с тем, что в ближайшие годы они будут срезаны и вывезены, как песок, который пойдёт на улучшение дороги из пункта А в пункт Б, из Европы в Москву и обратно – мимо просёлков, некошеных трав и «неперспективных» деревень... Что ж – современная цивилизация живёт ожиданием «золотого века» («комфортной жизни») в каком-то «новом прекрасном мире».

Сопоставляя слова Я. Барщевского, сказанные 170 лет назад, с увиденным сегодня, подумалось – может быть «золотой век» у нас уже был – в далёком прошлом, во времена «чудных образов»?

1. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Современный писатель, 1995. – Т. 1. – 257 с.
2. Географико-статистический словарь Российской империи: сост. по поручению Рус. геогр. о-ва д. чл. О-ва П. Семенов, при содействии д. чл. В. Зверинского, Н. Филиппова и Р. Маака – в 5 т./ СПб. : изданием чл.-соревнователя А. Н. Турубаева, 1863–1885. – Т. 4, Семенов-Тян-Шанский П.П. сост. по поручению Рус. геогр. о-ва д. чл. О-ва. – 1873. – 867 с.
3. Герои 1812 года : сб. сер. ЖЗЛ, вып. 11 / сост. В. Левченко. М. : Молодая Гвардия, 1987. – 608 с.
4. Елец, Ю. Л. Герой Отечественной войны Кульев / Ю. Л. Елец. – М. : Изд-во И. Д. Сытина ; СПб. : Сельский вестник, 1912. – 40 с.
5. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении, в 19 т. / под общ.ред. П. П. Семенова, вице-председателя императорского Русского географического общества. – СПб. : Тип. М.О.Вольфа, 1881–1901. – Т. 3, ч. 2. – 1882, 528 с.
6. Иллюстрация : еженедельное издание всего полезного и изящного / ред.-издатель: А. Башуцкий. Т. 2 № 1–4, 6–23. 1846, январь–июнь. – СПб. : Тип. И. Фишона : Книжный магазин И. Крашенинников и К., 1845–1849, 1846 – 380 с. / Т. 2 №10. 16 марта 1846. – С. 159–162.

Жижин С.Ф. МУЗЕЙНАЯ АТРИБУЦИЯ КУЛЬТОВЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ КАМЕННЫХ ИЗВЯНИЙ

Ключевые слова: музейное дело, атрибуция, культовые камни, каменные кресты, археология, этнография

Как известно, музейная атрибуция – это комплексное научно-исследовательское определение названия, назначения, авторства, времени и места создания, материала, конструкции, размеров, техники изготовления и других характеристик музеиного предмета. Правильная работа в этом направлении – одна из главных задач музеиного работника.

Тем не менее, для музееведов и сотрудников музеев не секрет, что правила и приёмы музейной атрибуции формировались параллельно с развитием музеиного дела, и зачастую мы сталкиваемся с ситуациями, когда музеиный предмет, необходимый нам для исследования, не имеет чёткой атрибуции в фондовых документах.

В данной статье, исходя из опыта изучения культовых и исторических каменных изваяний, хранящихся в музеях страны, мы попытаемся обозначить наиболее важные аспекты музейной атрибуции круга данных артефактов, необходимые для должного научного описания.

К культовым и историческим каменным изваяниям мы относим комплекс памятников, которые имеют некие общие особенности, в первую очередь сакральные. Несмотря на различную функциональность, все подобные объекты характеризуются общими признаками – присутствием поклонений, обожествлений, мемориализации либо иных религиозных ритуалов. К культовым и историческим каменным изваяниям также относят надгробные памятники различных типов.

Ниже на конкретных примерах мы поговорим о ныне существующей ситуации с музейной атрибуцией культовых камней.

В межвоенный период были сделаны первые шаги к настоящей музеефикации культовых и исторических каменных изваяний. Так, в исследовании М. Мелешко «Камень у вераваннях і паданнях беларусаў», изданном в 1928 году, уже упоминаются культовые валуны и каменные кресты как музейные экспонаты [2, с. 113].

Автор описывает некоторые музейные предметы, полной атрибуции их не даёт: «На Беларуси есть несколько каменных баб. Каменная баба, довольно грубо обработанная, имеется в Витебском государственном музее. Лицо ее невыразительно. Руки сложены на животе. На руках обозначаются браслеты. Ноги бесформенные. С плеч на голову поднимается какое-то убранство. Величиной в рост небольшого человека. Каменная баба была и на Бобруйщине в местечке Любоничи, сейчас она перевезена в Беларуский госмузей ...

...Каменная баба имеется и в Минском государственном музее, привезенная с Оршанщины, из поместья Смоляны, куда ее привезли из поместья Дедилово» [5, с. 161].

В наше время в музеях страны экспонируется и находится в фондах учреждений ряд памятников, выявленных и доставленных туда в советское и постсоветское время. Как правило, атрибуция, а скорее её комплексность, оставляет желать лучшего.

Так, к примеру, в экспозиции УК «Могилёвский областной краеведческий музей им. Е.Р. Романова» расположены «Медведь-камень» и каменный крест. Оба памятника практически не описаны в фондовых документах, и атрибутировать их должным образом уже практически невозможно. О «Медведь-камне» (каменное изваяние, при осмотре его с определённых ракурсов действительно напоминает зооморфный силуэт медведя) известно только то, что в прошлом он располагался недалеко от деревни Медвёдовка в Чаусском районе Могилёвской области.

Каменный крест, находящийся в экспозиции, датируется «первой половиной II тыс. н.э.», по фондовым книгам проходит как «надмагільны крыж». Информация о месте бытования памятника, процессе его включения в фонды и другие данные, связанные с атрибуцией и датировкой объекта, в музее отсутствуют. Посему вышеизложенная дата, несмотря на довольно широкий диапазон, вызывает сомнения [2, с. 114].

В ГУ «Круглянский историко-краеведческий музей» экспонируется каменный крест, описанный в фондовой документации как «межевой крест Рюриковичей» и датируемый X веком. Крест представляет собой грубо обработанное каменное изваяние с изображением трезубца. Памятник был обнаружен в 1995 году на территории Круглянского района в лесном массиве между деревней Гоенка и озером Хотомье. Поскольку место его обнаружения не зафиксировано должным образом и не исследовано археологически, следует ставить под сомнение как атрибуцию, так и датировку памятника.

Вместе с тем есть и примерыальной атрибуции подобного типа памятников в музейной документации.

Так, во дворе УК «Кличевский краеведческий музей» находится каменный крест – единственный памятник, сохранившийся на старом кладбище города Кличев. Артефакт был перенесен на музейное подворье в 1980-е годы [4, с. 106].

У входа в УК «Чериковский историко-краеведческий музей» расположен надмогильный камень, принятый в фонды музея по акту N 439 от 23.01.2006 года за номером КП 007169. Камень обнаружен в 2005 году в городской черте во время строительных работ на территории Вепринского лесничества по ул. К. Маркса, на глубине 1,5 м. Надмогильный камень неправильной прямоугольной формы, с высеченным крестом на подставке и надписью: «ЗДЕ ЛЕЖИТ РАБ БОЖИ ПИЛИП В [или] Б (?)...AXMS», размеры: 77 x 42 x 40 см. Памятник ввёден в научный оборот А.В. Колосовым, датирован 1646 годом [3].

Несмотря на то, что хранение подобных памятников вне помещения мы считаем варварством, данные памятники описаны и атрибутированы должным образом.

Замечательным образом описаны памятники из собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника.

Каменный крест, хранящийся в экспозиции музея (КП 000130), четырёхконечный, материал – гранит (гнейс) красного цвета, размеры – 105 x 75 см. Согласно научному паспорту, составленному в декабре 1977 года, он «обнаружен Зайцевой Я.А. в районе д. Экимань, метрах в 100 от памятника воинам. Предположительно для обозначения волокового пути. Крест высечен из валуна и несколько воспроизводит фигуру человека, нижняя часть обработке не подвергалась. Наружная сторона стёсана и на ней высечена непонятная надпись Х в.?».

Каменный крест, расположенный на территории, прилегающей к музею (КП 000225), четырёхконечный, материал – гранит (гнейс) серого цвета, размеры – 115 x 75 см. С наружной стороны выше средокрестия выбит четырёхугольный крест. Согласно научному паспорту, составленному 29.12.1978 года, он «найден в районе д. Ропно Полоцкого р-на, возле ж/д полотна. Место обследовалось археологом В.А. Булкиным. Крест, видимо, был поставлен на месте стыка Орловской и Рижской ж/дорожных путей. На нём нечитаемые знаки, возможно, 186... год (год открытия магистрали Орёл – Рига)». В фондах музея также хранится фотография места находки креста.

Такая информация о данных объектах зафиксирована в фондовых описях музея. Немало на то, сомнительна как привязка одного из крестов к волоковым, так и второго к мемориальным памятникам XIX века, описание артефактов и сопутствующая информация даны довольно подробно. Более точные датировка и атрибуция данных каменных крестов возможна лишь при проведении детального археологического исследования места их обнаружения [1, с. 25].

На день сегодняшний, при атрибуции музеиного предмета и составлении научного паспорта, сотрудники музеев Республики Беларусь пользуются стандартной программой «автоматизированная музейная учетно-фондовая система АМС-5». В данном приложении есть возможность создать несколько типов паспортов на музейный предмет, от стандартного, где необходимо заполнить 33 поля, до расширенного, где таких полей – 51. Вместе с тем, наименования полей типовые, например: «описание внешнего вида», «история», «содержание» или «примечания», что позволяет сотруднику как расширить диапазон атрибуции, так и подойти к этому формально.

В контексте этой вариативности, исходя из опыта исследования рассматриваемых памятников, и работы с фоновой документацией, хочется предложить следующие особенности атрибуции, которые помогут исследователям в будущем не зайди в тупик при изучении культовых камней:

Фотофиксация. В современном мире с цифровизацией фотографии не является большой проблемой сфотографировать и приложить к паспорту не только изображения самого предмета с различных ракурсов и детальной фиксацией его графических либо иных особенностей, но и фотоснимки места обнаружения памятника. Данные фотографии необходимо делать с привязкой к статичным объектам местности, т.е. дорогам, строениям и т.д. Так же на данных изображениях необходимо зафиксировать ориентацию памятника относительно сторон света.

Археология. Если на этапе выявления памятника нет возможности произвести на месте обнаружения объекта раскопки или археологические разведки, в паспорте необходимо указать близлежащие археологические памятники, т.к. есть возможность что со временем они будут утрачены, и данный контекст будет потерян. Аналогичным образом необходимо исследовать и зафиксировать в документации наличие рядом погребальных и сакральных объектов – кладбищ, одиночных захоронений, церквей, урочищ, родников и т.д.

Картография. К паспорту необходимо приложить схему (выкопировку с топографической карты) с расположением памятника и топографической ситуацией на местности в целом. Также информацию о месторасположении нужно дополнить GPS координатами, не только относительно самого памятника, но и сопутствующих ему объектов.

Топонимика. Записываются топонимические особенности микрорегиона, названия и легенды о них. Необходима фиксация не только названий близлежащих населенных пунктов, но и иных региональных объектов: рек, озёр, уроцищ, лесов, полей и т.д.

Этнография и фольклор. Необходимо собрать и зафиксировать фольклорные традиции, касающихся артефакта – примеры поклонения, тип подношений, особенности ритуалов, устное народное творчество и т.д. Так же, исследуются и отмечаются этнографические материалы и особенности, связанные с культом памятника – повязываемые рушники, ритуальные объекты (к примеру – составляющие тризы) и т.д.

Отдельной проблемой является так же вопрос фиксации первоначального местонахождения памятников данного типа. Поэтому при опросе местного населения, работе с первоисточниками, необходимо зафиксировать в музейной документации и этот факт.

Если информация об описываемом памятнике скучна, то можно применить методику сбора информации об объекте посредством СМИ и сети Интернет (в частности соцсетей, где порой присутствует достаточное количество краеведческих сообществ). Несмотря на явную нарративность этих сведений, возможно, они подтверждают некоторые косвенные факты, касающиеся исследуемого объекта.

Подробное описание – фактически мини-исследование, которое решит многие проблемы с атрибуцией объекта, в первую очередь с определением датировки, этнокультурной принадлежности и роли исследуемого памятника в историко-культурной составляющей региона.

1. Жижин, С. Ф. К вопросу об атрибуции каменных крестов из собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника / С. Ф. Жижин // Тэзісы наўукова-краязнаўчай канферэнцыі да 90-годдзя Краязнаўчага музея Полацка (Полацк, 7–8 снежня 2016 г.) / Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік ; уклад. І. П. Воднева. – Полацк : НПГКМЗ, 2016. – С. 24–25.

2. Жижин, С. Ф. Культовые и исторические каменные изваяния в музеях Могилёвской области / С. Ф. Жижин // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2018. – № 9. – С. 112–116.

3. Лазарава, С. Надпіс расшыфраваны (аб знаходцы ў Чэрыкаве надмагільнага каменю сяр. XVII ст. з надпісам) / С. Лазарава // Веснік Чэрыкаўшчыны (Чэрыкаў). – 2006. – 27 мая. – С. 7.

4. Ляўкоў, Э. А. Маўклівія сведкі мінуўшчыны / Э. А. Ляўкоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 215 с.

5. Мялецька, М. Камены у вераваннях і паданнях беларусаў // Деды: дайджест публікаций о белорусской истории. Вып. 11 / сост., науч. ред. А. Е. Тараса. – Мінск, 2013 – С. 143–168.

6. Раманюк, М. Беларускія народныя крыжы / М. Раманюк. – Вільня : Наша Ніва, 2000. – 221 с.

Иваничева Л.С.

ОБЫЧНЫЕ ТУРИСТЫ – НЕОБЫЧНЫЕ СВИДЕТЕЛИ: ПУТЕШЕСТВИЕ КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ И ОТРАЖЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: историческая память, культурное наследие, туристические нарративы, историография.

Современное источниковедение демонстрируют устойчивую тенденцию к переосмыслению традиционных категорий исторического свидетельства, все чаще обращаясь к источникам личного происхождения – таким как дневники, письма, путевые заметки, мемуары и автобиографии. Эти тексты, как отмечает Е. Милашова, представляют собой уникальные носители исторической информации, в которых «всегда стоит конкретный человек с его восприятием действительности» [7]. В отличие от официальных документов, они фиксируют субъективные реакции, эмоциональные состояния, интуитивные оценки и повседневные наблюдения, что позволяет исследователю проникнуть в глубинные слои исторического сознания эпохи.

Источники личного происхождения обладают рядом специфических свойств: ретроспективностью, документальностью, нарративной структурой и высокой степенью индивидуализации. Именно эти характеристики делают их особенно ценными для реконструкции культурной среды прошлого и анализа механизмов формирования исто-

рической памяти. Как подчёркивается в работах, «актуализация общей памяти возможна только через фокус памяти индивидуальной» [4; 6; 11], что делает личное свидетельство неотъемлемой частью коллективного исторического опыта.

Особую значимость такие источники приобретают в контексте изучения туристического восприятия культурного наследия. Турист, находясь вне привычной среды, оказывается в положении внешнего наблюдателя, воспринимающего чужую культуру через призму собственных ожиданий, визуальных кодов и культурных стереотипов. Его нарративы фиксируют не только объекты наследия, но и способы их презентации, эмоциональные отклики и интерпретации, что позволяет выявить механизмы формирования культуры в разных контекстах. Как отмечает Н. Мысливец, историческая память обладает не только стабилизирующими, но и инновационным потенциалом, способным влиять на формирование жизненных стратегий и идентичностей [8].

Таким образом, туристические тексты становятся важным источником для изучения процессов популяризации культурного наследия. Они позволяют проследить, как визуальные и пространственные элементы: архитектура, ритуалы, символика, воздействуют на восприятие внешнего наблюдателя, формируя устойчивые образы и нарративы, которые затем транслируются в международном контексте. В условиях роста интереса к культурному туризму и исторической реконструкции, обращение к личным свидетельствам открывает новые перспективы для источниковедческого анализа и междисциплинарных исследований.

Анализ туристических нарративов, текстов, созданных в процессе путешествий, представляет особый интерес, поскольку в них субъективное восприятие сочетается с наблюдением за социальной и культурной действительностью. При этом, взгляд туриста может быть поверхностным, но именно в этой поверхностности проявляется важный аспект: фиксация внешних признаков, символов, ритуалов, архитектурных форм, которые составляют визуальный язык периода или целой эпохи.

Подобный подход к изучению туристических текстов активно развивается в современной гуманитарной науке. Так, С.А. Лебедева в работе «Развитие литературного туризма в России и в мире» подчёркивает, что туристические нарративы выполняют функцию передачи культурной информации, формируя устойчивые образы, территории и наследие в восприятии путешественников [5]. В.Н. Сыроев и В. Ханинен в своих исследованиях рассматривают дневниковые записи (туристов) как форму фиксации визуального и эмоционального опыта, позволяющую реконструировать культурную среду через призму личного восприятия [9; 14].

Такие нарративы указывают не только то, что показано, но и то, как это было воспринято. Туристические тексты отражают момент столкновения двух культурных систем, принимающей и наблюдающей, и позволяют выявить механизмы культурной селекции. В это смысле турист становится своеобразным «зеркалом» эпохи, в котором отражаются не только реалии принимающей стороны, но и культурные установки самого наблюдателя. Его впечатления – не просто описание увиденного, а интерпретация, насыщенная личными ассоциациями, эмоциональными реакциями и социальными контекстами.

К тому же, междисциплинарные исследования подчёркивают значимость туристических текстов как эффективного средства культурной коммуникации и популяризации наследия [4; 6; 10; 15]. Эти работы демонстрируют, что туристический нарратив – не просто описание маршрута, а сложная структура, в которой переплетаются личный опыт, визуальные коды и культурные мысли.

Например, в контексте Германии 1930-х годов туристические свидетельства приобретают особую значимость, поскольку представляют восприятие страны в период активной эстетизации и публичной презентации национального образа. Туризм в этот период становится не только формой досуга, но и важным инструментом культурной

политики, направленным на демонстрацию достижений, создание привлекательного имиджа и формирования международного признания. Как отмечает Е. Коэн в исследовании «*Phenomenology of tourist experience*», культурное наследие использовалось как средство придания социальным нормам легитимности через архитектуру, музеи, массовые праздники и визуальные стимулы, формируя у внешнего наблюдателя образ «организованной и возрождающейся» нации [12].

Архитектура, музыкальные события, исторические памятники и музейные экспозиции становились частью визуального языка, направленной на убеждения и эстетическое воздействие. С. Гильман в работе «*The Jew's body*» подчёркивает, что визуальная презентация в Германии того периода была не нейтральной, а концептуализированной: культурные объекты и пространство используются для конструирования «нормативного» национального тела и коллективной идентичности [13]. Таким образом, культурное наследие превращалось в инструмент социальной и политической коммуникации, где эстетика служила не только для демонстрации достижений, но и для исключения «другого». Иностранные путешественники, посещавшие Германию, становились невольными участниками этой репрезентации, а их впечатления – отражением того, как страна стремилась себя показать миру.

Туристические тексты позволяют проследить, каким образом визуальные пространственные элементы: от уличной символики и дворцовых ансамблей до организации массовых мероприятий, воздействовали на восприятие внешнего наблюдателя. Эти элементы не просто демонстрировали культурное богатство, но и транслировали культурные нормы, формируя у туристов определённое представления о национальной идентичности. Как показывает Джуллия Бойд в книге «*Записки из Третьего рейха. Жизнь накануне войны глазами обычных туристов*», многие путешественники описывали Германию как страну «впечатляющей дисциплины и эстетической цельности», но одновременно отмечали «ощущение постановочности и скрытого напряжения» [2].

Вышеупомянутая работа Джуллии Бойд «*Записки из Третьего рейха*», содержит свидетельства иностранных путешественников: письма, дневники, мемуары, повседневные наблюдения, чувственное и эмоциональное восприятие, оказавшихся в культурной среде, формируемой средствами визуального представления и публичной самопрезентации, и позволяет реконструировать атмосферу эпохи глазами внешнего наблюдателя. Так, один из туристов писал: «Берлин производит впечатление города, где все под контролем. Порядок, чистота и дисциплина ощущается буквально на каждом шагу» [2, с. 112]. Другой отмечал: «Немцы кажутся гордыми и уверенными, но за этой уверенностью чувствуется напряжение, которое трудно объяснить» [2, с. 145]. В еще одном письме очевидца говорится: «Нас поразила организованность и вежливость, но все это казалось слишком выверенным, как будто мы стали частью тщательно продуманной сцены» [2, с. 158]. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что визуальные и поведенческие маркеры городской среды формировали у иностранцев образ Германии, как страны порядка и стабильности, однако за этим фасадом эстетизации скрывалась напряженная социальной реальность, которую некоторые путешественники интуитивно ощущали [2, с. 188].

Подобные наблюдения позволяют говорить о феномене «инсценированной повседневности», в которой элементы городской среды, культурные мероприятия, визуальные символы были тщательно выстроенной системой репрезентации. Туристы становились участниками этой сцены, зачастую не осознавая её направленность. Так, один из них писал: «кажется, что все вокруг от приветствия на вокзале до оформления витрин подчинено единой эстетике, и в этом есть что-то пугающее» [2].

Таким образом, туристические свидетельства становятся важным источником для изучения механизмов визуального конструирования культурного наследия и его использования в целях формирования международного имиджа. Они позволяют не только

реконструировать атмосферу эпохи, но и понять, как культурная политика превращала объекты наследия в средства воздействия, где турист выступал как посредник между официальным дискурсом и личным восприятием. Его наблюдения позволяют переосмыслить устоявшиеся представления, выявить границы исторического знания и определить роль индивидуального опыта в формировании коллективной памяти. Туристические нарративы демонстрируют, что восприятие исторической реальности может быть не только социально окрашенным, но эстетическим, эмоциональным, культурным, и именно в этом многообразии проявляется их аналитическая ценность.

Анализ туристических текстов позволяет осуществить реконструкцию социокультурной атмосферы стран с позиции внешнего наблюдателя, выявить механизмы формирования исторической памяти и оценить эффективность визуальных и символических стратегий, применяемых в рамках государственной культурной политики. Несмотря на присущую этим источникам субъективность, фрагментарность и ограниченность перспективы, они представляют собой значимый пласт исторического знания, способный дополнить и усложнить официальные нарративы. Их исследовательская ценность заключается не только в описании материальной среды и культурных практик, но, прежде всего, в фиксации эмоциональных реакций, интуитивных оценок и личностных интерпретаций, которые зачастую остаются вне поля зрения институциональной историографии.

Таким образом, туристические нарративы могут быть рассмотрены как рабочий инструмент анализа процессов репрезентации и популяризации культурного наследия. Они показывают, каким образом визуальные коды, архитектурные формы, ритуализованные действия и символические конструкции становится частью исторической сцены, воспринимаемой и интерпретируемой через призму индивидуального опыта. В этом контексте фигура туриста приобретает значимость: он выступает не только как наблюдатель, но и как носитель альтернативной памяти, способной выявить скрытые слои восприятия и дополнить официальную картину эпохи.

Свидетельства, зафиксированные в туристических текстах, функционируют как элементы культурной коммуникации, отражающие транснациональные процессы восприятия и интерпретации наследия. Их анализ также позволит оценить роль туризма как медиатора между локальной культурной политикой и глобальными представлениями о национальной идентичности. В условиях активного использования наследия в целях имиджевой стратегии государства, подобные источники становятся важным материалом для изучения механизмов убеждения, вовлечения и формирования устойчивых культурных образов в международном контексте.

1. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2011. – 384 с.
2. Бойд, Дж. Записки из Третьего рейха. Жизнь накануне войны глазами обычных туристов / Дж. Бойд. – М. : Альпина нон-фикшн, 2020. – 432 с.
3. Головашина, О. В. Исторический факт как место памяти: П. Нора и исследования локального прошлого / О. В. Головашина // *Tempus et Memoria*. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 6–12.
4. Готлиб, А. С. Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования / А. С. Готлиб // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – № 1(10). – С. 9–14.
5. Лебедева, С. А. Развитие литературного туризма в России и в мире: обзор научных источников / С. А. Лебедева // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 8. – С. 2909–2936.
6. Мегилл, Ал. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
7. Милашова, Е. В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания / Е. В. Милашова // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. 31, №1. – С. 157–173.
8. Мысливец, Н. Историческая память: актуальность исследования и необходимость сохранения / Н. Мысливец // Белорусская думка. – 2022. – № 2. – С. 56–62. – URL: https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_864563.pdf (дата обращения: 17.09.2025).
9. Сыров, В.Н. Нарратив в историческом познании: о перспективах использования нарратологии / В. Н. Сыров // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 113–135.
10. Троцук, И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2004. – № 1(6). – С. 41–53.
11. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
12. Cohen, E. A Phenomenology of Tourist Experiences / E. A. Cohen // Sociology. – 1979. – Vol. 13, № 2. – P. 179–201.
13. Gilman, S. The Jew's Body / S. Gilman. – New York : Routledge, 1994. – 256 p.
14. Hanninen, V. A model of narrative circulation / V. Hanninen // Narrative Inquiry. – 2004 – Vol. 14, № 1. – P. 69–85.
15. Urry, J. The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies / J. Urry . – London : Sage Publications, 1990. – 176 p.

Иванова-Праля Е.С.
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ
ПО АРХЕОЛОГИИ ГОМЕЛЬСКОГО ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО АНСАМБЛЯ
КАК ПРИМЕР ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: музей, археология, Гомель, выставочный проект, квест.

Гомельский дворцово-парковый ансамбль – одно из старейших музеиных учреждений в Республике Беларусь и крупнейшее в Гомельском регионе. На сегодняшний день в фондах музея хранится более 260 тыс. предметов основного фонда, половина из которых относится к коллекции археологии. Ее составляют материалы различных эпох от палеолита до начала XX в., освещающие процесс заселения территории Беларуси человеком, характеризующие жизнь населения различных археологических культур на территории Гомельщины, показывающие развитие ремесла, торговли, военного дела и т. д.

Наличие такого большого массива материалов позволяет проводить различные по тематике и формам взаимодействия занятия, разработанные на основе исследований коллекций. Площадкой для подобных мероприятий выступают две постоянные экспозиции – «Древнейшая история Гомельщины» и «Открытое хранение археологических фондов». Кроме этого, в музее Гомельского дворцово-паркового ансамбля ведется разнообразная работа по популяризации археологического наследия региона через создание ежегодных временных археологических экспозиций с самостоятельной публичной программой и проведение тематических экскурсий. В представленном материале уделено внимание культурно-образовательному аспекту данной работы.

Для структурирования мероприятий обозначенной направленности остановимся на формах их проведения.

Музейный проект «Лето в археологии». У каждого музея есть свой уникальный внешний вид, узнаваемый стиль в оформлении выпускаемой продукции и центральный экспонат. Гомельский дворцово-парковый ансамбль не является исключением, однако, кроме вышеперечисленного, у него есть еще один бренд – оригинальный музейный историко-археологический проект «Лето в археологии». Он имеет образовательно-просветительскую функцию и направлен на популяризацию археологического наследия Беларуси и формирование у молодежи ценностного отношения к историко-культурным объектам [1, с. 225–227]. Его целевая аудитория – учащиеся 6–14 лет.

Проект существует с 2016 г., и за это время сформировались определенные принципы его работы.

Время работы. Проект предполагает активную работу с учащимися только в первый месяц лета, что связано с музейным циклом «наука–культура–образование», согласно которому лето – это археологический полевой сезон и активная работа на раскопках, осень и зима – камеральная обработка материала, а весна – время введения в научный оборот новых данных. Таким образом, июнь – это оптимальное время для учащихся и для музейщиков [1, с. 229].

Местный материал. Тематика занятий тесно связана с материалами, хранящимися и поступающими в фонды музея, что делает проект краеведческим. Это позволяет формировать у участников понимание важности изучения местной истории в контексте мировой.

Структура занятия. Для поддержания интереса и закрепления полученных знаний каждая встреча с ребятами разделена на теоретический и практический блоки, где вторая часть играет важную роль, поскольку позволяет участникам попробовать свои силы в освоении ручной лепки, упаковке музейных предметов и их атрибуции, реставрации керамики и т. п.

Трогательный компонент. Усиливает момент погруженности в историю и формирование ценностного отношения к предметам. На каждой новой тематической встрече участникам предоставляется возможность прикоснуться к оригинальным артефактам изучаемого периода. Это позволяет им составить свое мнение о характере жизни человека в различные исторические эпохи.

Эмоциональная составляющая. Неосязаемый, но обязательный фактор в работе данного проекта. Благодаря адаптации сложного материала в доступный для уровня восприятия школьников, формированию доверительных отношений «курантор– участник», вниманию к мнению и вопросам каждого на занятиях формируется благоприятная обстановка для лучшего освоения программы.

Таким образом, «Лето в археологии» способствует всестороннему развитию учащихся, формированию у них ценностного отношения к артефактам прошлого и проявлению активного интереса к истории страны в общем и археологическому наследию в частности. Подтверждением успешной работы проекта можно считать победу в республиканском конкурсе культурных проектов патриотической тематики в номинации «Лучший интерактивный музейный проект культурно-просветительской деятельности» (2022 г.).

Серия открытых лекций. В рамках выставочного проекта «Старше 1142» (сентябрь 2022 г. – декабрь 2024 г.), который рассказывал о долетописной истории Гомеля и раскрывал тему возникновения города, была подготовлена обширная публичная программа. Ее целью было знакомство гостей с различными аспектами выставки: историей собирания материалов, результатами археологических раскопок и кабинетных исследований по данной тематике, а также рассказ историй отдельных предметов и показ особенностей музейной работы. Программа включала в себя мероприятия различных форм проведения, и одной из них стал цикл лекций, который читался в течение учебного года. Студенты составили одну из основных категорий заинтересованных посетителей. Цикл лекций имел весеннюю (март–апрель 2023 г.) и осеннюю (октябрь–декабрь 2023 г.) сессии, где первые четыре встречи были посвящены общему знакомству с выставкой и рассказу в хронологическом порядке о четырех основных блоках проекта, а вторая серия встреч предусматривала повествование об отдельных аспектах ранней истории города: жилищах, погребальном обряде и занятиях людей, проживавших на территории исторического центра Гомеля. Одним из основных отличий данных лекций от классических стала интерактивная форма взаимодействия с гостями. Каждая тематическая встреча давала возможность не только услышать и внимательно посмотреть на предметы со всех сторон, но и прикоснуться к аналогичным артефактам, а также узнать, как и из чего они сделаны.

Регулярность проведения, оригинальная тематика и интерактивная составляющая данных лекций позволили сформировать устойчивый круг посетителей и вызвали интерес у гостей разного возраста.

«Кабинетный пленэр». При подготовке археологических выставок следует учитывать важный фактор – состояние экспонируемых предметов. Часто это небольшие, не всегда целые и не сразу понятные по способу ношения или принципу использования артефакты. Поэтому культурно-образовательные программы нацелены на то, чтобы выставочное пространство сделать понятным, а результаты научно-исследовательской работы представить и адаптировать для посетителей любого возраста.

В процессе работы выставочного проекта «Первое слово» (август 2023 г. – май 2024 г.), где была рассказана история начала исследований курганного могильника X–XI вв. у д. Мохов Лоевского района, пришла идея по-новому построить взаимодействие с публикой. Центральное место на выставке занимала реконструкция расположения «*in situ*» женского погребального инвентаря из кургана 1 Моховского некрополя, где основную часть предметного ряда составляли 525 бусин [2, с. 149–150]. Для визуализации образа женщины XI в. были приглашены студенты Гомельского государственного ху-

дожественного колледжа и учащиеся музыкальной школы по классу «изобразительное искусство». Каждому участнику предлагалось написать портрет девушки, которой могли принадлежать представленные в витрине украшения (Рис. 1).

Важным этапом этих пленэров стал рассказ о результатах исследований погребального инвентаря и останков усопшей, что дало знание о возрасте и социальном статусе девушки, а знакомство с археологическими реконструкциями женского костюма позволило сформировать более полное представление об одежде в частности и культуре XI в. в общем.

Интерактивные занятия. Сегодня одним из приоритетных направлений в развитии музея является работа по формированию его имиджа как современной площадки для получения новых знаний и интересного времяпрепровождения. В последнее время особой популярностью пользуются интерактивные головоломки и квесты.

За последние годы в музее Гомельского дворцово-паркового ансамбля разработан целый блок подобных мероприятий археологической направленности. Например, в рамках работы выставки «Старше 1142» и постоянной экспозиции «Древнейшая история Гомельщины» была разработана тематическая экскурсия в форме эрудит-исследования «Путь в вечность». Целью данной программы являлось изучение предметов погребального инвентаря разного времени, которые выявлены на территории Гомельской области. Участникам было предложено пройти серию испытаний по атрибуции предметов, решению сканвордных заданий, выстраиванию хронологической шкалы из керамики и «сдаче зачета» по итогу полученных знаний (Рис. 2).

Рисунок 1. «Кабинетный пленэр». Выставка «Первое слово» (август 2023 г. – май 2024 г.).

Рисунок 2. Участники эрудит-исследования «Путь в вечность» (май 2023 г.; фото П. Антонов).

Этот интерактив был апробирован в период культурно-просветительского мероприятия «Ночь музеев-2023» [3, с. 75]. Все это позволило посетителям получить не только позитивные эмоции, но и новые знания, сформировав мнение о том, что музей – это активная площадка для познания и времяпрепровождения.

Такой же путь, от «Ночи музеев» до самостоятельного мероприятия, прошел квест-исследование «Археологическое приключение», где участникам предлагалось внимательно изучить аннотации в постоянной экспозиции и дать ответы на серию заданий. Такие активные формы взаимодействия позволили посетителям под другим углом взглянуть на постоянные экспозиции, обогатиться новыми знаниями по археологии и составить положительное мнение о музее.

Онлайн-проекты. В последние годы стратегически важным направлением деятельности музеев является работа в социальных сетях. Музейный маркетинг имеет ряд

специфических, присущих только ему функций. Особенностями работы в музейных социальных сетях являются презентация знаний и исследований учреждения, распространение информации о его фондах и проводимых мероприятиях. Если анонсы выставок – это общие данные, то тематические посты о работающих временных экспозициях – это результат исследовательской работы.

Каждая выставка – это отдельная «экосистема» со своими целями и культурными кодами, которыми авторы стремятся поделиться не только в экспозиционных залах, но и в интернет-пространстве. Через художественные фото, оригинальные тексты и видеоряд, которые создаются специально, можно познакомиться с отдельными экспонатами, получить дополнительные сведения о них: увидеть фактуру, орнамент, клейма и т.д. Например, во время работы выставочного проекта «Шведская гора. Памятник археологии в городской среде» (август 2021 г. – май 2022 г.) еженедельно в сети интернет публиковались материалы, основанные на результатах раскопок Любенского городища в 1976–1979 гг. Такой подход позволил в доступной форме популяризовать знания о памятнике и его роли в контексте региональной истории для широкого круга людей. А также имел и практическое значение – способствовал взаимодействию музейных работников с заинтересованными представителями из сфер науки, образования, ремесленного творчества [4].

Совсем другой подход был применен в работе над выставочным проектом «Старше 1142». Здесь в центре внимания были отдельные предметы и возможность продемонстрировать их функционал с помощью света, проекций и использования специальных приспособлений. Например, кресало, которое в XI в. являлось средством для получения огня, было показано высекающим пламя, а фибула – скрепляющей ткань, так же, как и тысячу лет назад (Рис. 3).

В работе над выставкой «Первое слово» акцент был сделан на кропотливой работе археологов и ценности даже самых маленьких предметов. В тематических публикациях каждая категория погребального инвентаря была представлена как самостоятельная единица с обширным информационным потенциалом (Рис.4).

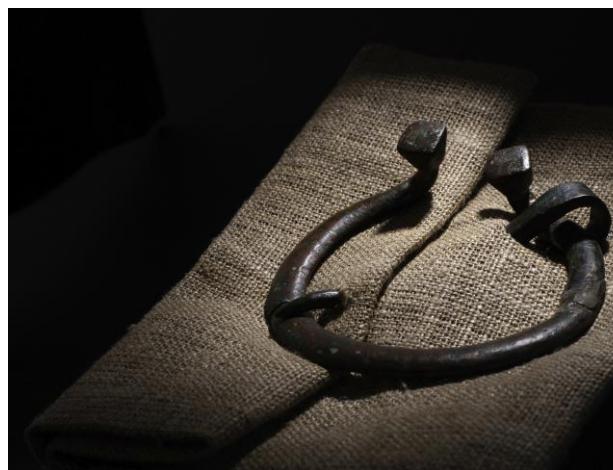

Рис 3. Подковообразная фибула (застежка для одежды). Бронза, литье. Сер. X – нач. XI вв. Гомель, посад. Раскопки А. И. Штеменко, 1997 г. (фото П. Антонова, подготовлены для тематических публикаций в социальных сетях музея в рамках работы выставки «Старше 1142»).

Рис 4. Бусина ребристая цилиндрическая синяя полупрозрачная. Стекло. XI в. Мохов, курганный могильник. Раскопки О. А. Макушникова, 2003 г. ((фото П. Антонова, подготовлены для тематических публикаций в социальных сетях музея в рамках работы выставки «Первое слово»)).

Такая стратегия позволила продемонстрировать важность каждого предмета, который находят во время раскопок.

Таким образом, в музее Гомельского дворцово-паркового ансамбля ведется активная работа по популяризации археологического наследия на основе местного материала. Различные формы взаимодействия охватывают все возрастные группы посетителей, а продуманная программа публикаций в социальных сетях позволяет привлечь новых. Такая работа вызывает неподдельный интерес, и люди становятся постоянными гостями археологических мероприятий. Формирование «своей» публики – это залог дальнейшего развития деятельности в данном направлении.

1. Иванова-Праля, Е. С. Музейный проект «Лето в археологии». Опыт работы Гомельского дворцово-паркового ансамбля по популяризации археологического наследия / Е. С. Иванова-Праля // Музеи как центры сохранения исторической памяти: материалы науч.-практ. конф. – Несвіж : Национальный историко-культурный музей-заповедник «Несвіж», 2023. – С. 225–233.

2. Иванова-Праля, Е. С. Научно-исследовательская работа – основа культурно-образовательных программ по археологии / Е. С. Иванова-Праля // Музейные инициативы на пространстве СНГ: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск – Несвіж, 9–10 ноября 2023 г.) / сост. А. В. Блинец, Д. Л. Ященко. – Несвіж : Национальный историко-культурный музей-заповедник «Несвіж», 2023. – С. 141–152.

3. Иванова-Праля, Е. С. Публичная программа выставочного проекта «Старше 1142» как способ по популяризации археологического наследия / Е. С. Иванова-Праля // Захаванне культурнай спадчыны: вопыт, праблемы, перспектывы : матэрыялы наўкува-практычнай канферэнцыі (Мірскі замак, 17 лістапада 2023 г.). – Мір : Музей «Замкавы комплекс "Мір"», 2024. – С. 72–78.

4. Ивановой-Праля, Е. С. Электронная трансформация коллекции археологии на примере выставки Шведская гора. Памятник археологии в городской среде / X Международная научно-практическая конференция «Электронная культура», г. Минск // Национальная библиотека Беларусь : [сайт] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HbctmCnHW1c> (дата обращения: 19.09.2025).

**Ивашкевич Е.Ф.
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

Ключевые слова: социокультурная сфера, историко-культурное наследие, культурные права и обязанности.

Государственное управление в сфере культуры на конституционном уровне заключается в создании условий для ее свободного развития на благо как общих интересов, так и всех национальных общностей, проживающих на территории Беларуси, сохранения историко-культурного и духовного наследия (ст. 15 Конституции Республики Беларусь), в защите научных, культурных, художественных ценностей как духовного народного достояния (ст. 65 Конституции Хорватии), демократизации учреждений культуры, принятия мер для возвращения находящихся за пределами государства культурных ценностей народа, финансовой поддержке учреждений культуры (введение налоговых льгот, предоставлении кредитов), обеспечении сотрудничества и углубления международных культурных связей (Конституции Таджикистана, Португалии, Грузии), в особой защите молодежи в реализации прав в культурной сфере (Конституции Республики Беларусь, Испании, Португалии). Во многих конституциях признано, что учреждения культуры не должны быть только частными, значительная их доля призвана оставаться объектом заботы со стороны государства и общественных объединений.

Конституции большинства государств гарантируют каждому члену общества право на участие в культурной жизни. В частности, это может быть право «пользоваться национальными и общечеловеческими культурными ценностями и развивать свою культуру в соответствии со своей этнической принадлежностью» (ст. 54 Конституции Болгарии), свобода пользования благами культуры (ст. 73 Конституции Польши), «на пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» (ст. 44 Конституции Российской Федерации). В Республике Беларусь в ст. 51 «это право обеспечивается общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах, развитием сети культурно-просветительских учреждений». По Консти-

туции Словакии (ст. 43), Чехии (ст. 34), Испании (ст. 44) гражданам гарантирован доступ к культуре и культурным богатствам на условиях, установленных законом. Статья 23 Конституции Бельгии декларирует право на культурное процветание.

Искусство и творчество, несущие в себе духовную память поколений, являются важнейшей составной частью культуры и служат основой процветающего будущего каждой страны. В этом плане каждое демократическое государство, упоминающее в Конституции об искусстве и творчестве, провозглашает для них свободу. Так, Конституция Северной Македонии в ст. 47 гарантирует свободу искусства и других видов творчества, Конституция Российской Федерации в ст. 44 провозглашает свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания (аналогичное положение содержится в ст. 51 Конституции Республики Беларусь, ст. 59 Конституции Словении, ст. 68 Хорватии, ст. 54 Украины, ст. 5 ФРГ, ст. 33 Италии, ст. 17а Конституции Австрии, ст. 73 Конституции Польши). Конституция Словакии в ст. 43 закрепляет свободу научных исследований и искусства (в Конституции Сербии – свобода создания и опубликования научных и художественных произведений), не только содействует развитию науки, но и способствует установлению научных связей с мировым сообществом. Однако, только в постсоциалистической Венгрии закрепляется положение о том, «что только деятели науки имеют право принимать решения по вопросам научных истин, устанавливающих научную ценность исследований» (§ 70/ж, абз. 2).

Наряду с предоставляемой свободой в сфере науки, искусства и художественного творчества, многие конституции гарантируют защиту моральных и материальных прав, возникающих в связи со всеми видами творческой деятельности (Конституции Хорватии, Словении, Сербии, Словакии), прав на результаты творческой умственной деятельности (Конституция Чехии), защиту интеллектуальной собственности, когда никто не может использовать без согласия авторов результаты их творческой деятельности, за исключениями, установленными законом (ст. 51 Конституции Республики Беларусь, ст. 40 Конституции Таджикистана).

В условиях демократических реформ бесспорно, что право на качественное образование является неотъемлемым условием успешного развития и процветания любого государства. В связи с этим основополагающие акты государств и текущее законодательство подробно регламентируют права граждан в сфере образования. Конституции большинства государств строят свою образовательную систему на принципах, изложенных в таких международных правовых актах, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ст. 26), Конвенции о правах ребенка 1989 г. (ст. 28) и др., так как, являясь основным естественным правом человека, право на образование имеет целью удовлетворение потребности лица в информации, средством гармоничного формирования личности. Так, в соответствии с ФЗ «Об образовании» гражданам Российской Федерации гарантируется возможность получения образования независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям, возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, наличия судимости, а ограничения прав граждан на образование по признакам пола, возраста, состояния здоровья, наличия судимости могут быть установлены только законом. Аналогичные положения содержатся в ст. 3 Кодекса Республики Беларусь об образовании.

Таким образом, одной из государственных прав граждан в области образования в большинстве государств является его общедоступность (ст. 49 Конституции Республики Беларусь, ст. 43 Конституции Российской Федерации, ст. 44 Конституции Северной Македонии, ст. 70 Конституции Польши, ст. 65 Конституции Хорватии, ст. 34 Конституции Италии, ст. 70 Конституции Венгрии и др.), обязательность и бесплатность основного обучения, возможность получения бесплатного начального образования (Конституции Дании, Ирландии, Македонии, Хорватии, Словении), основного

общего (базового) образования (Конституции России, Финляндии, Швейцарии, Швеции, Монако), общего школьного (Конституции Республики Беларусь, Лихтенштейна, Венгрии), высшего бесплатного образования каждого в соответствии со способностями на конкурсной основе – в Республики Беларусь, Российской Федерации, Чехии и др. По Конституциям Португалии (ст. 74) и Греции (ст. 16) декларируется равенство возможностей при поступлении в школу. Право выбора родителями сферы обучения детей закреплено в Конституциях Кипра (ст. 20), Андорры (ст. 20), Бельгии (ст. 24), Эстонии (ст. 37), Ирландии (ст. 42) и других странах. Нередко в конституциях говорится об академической (университетской) автономии высших учебных заведений. Интересна ст. 52 Конституции Узбекистана, где «труд учителя признаётся основой развития общества и государства, формирования здорового и гармоничного поколения, сохранения и приумножения духовного и культурного потенциала народа». Таким образом, основными конституционными правами в сфере образования являются общедоступность, обеспечение качества образования, возможность его получения на родном языке, право на свободный выбор образования родителями для своих детей, его светскость и возможность факультативного религиозного обучения, поддержка одаренных детей, помочь учащимся, нуждающимся в специальном обучении, и другие.

В ряде случаев конституции регламентируют общие вопросы языковой политики в области образования. Согласно п. 2 ст. 26 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, а п. 3 ст. 68 Основного закона гарантирует всем народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Уникальным в европейской практике является положение португальской Конституции о защите и ценности национального языка жестов как проявления культуры и средства доступа к образованию и обеспечения равных возможностей для каждого. Нормы об образовании относительно граждан с отклонениями в развитии закреплены конституционно в Португалии, Греции и др.

Помимо широкого спектра культурных прав, государственных гарантий в сфере культуры, на высшем юридическом – конституционном – уровне закрепляются и обязанности граждан заботится о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ст. 37 Конституции Казахстана, ст. 54 Республики Беларусь, ст. 44 Российской Федерации и др.).

Таким образом, социокультурная сфера является, несомненно, важным объектом конституционного регулирования, которому в последнее время в результате конституционного реформирования во многих странах уделяется всё большее внимание, что является залогом сохранения самобытности и национальных традиций наряду с интеграционными процессами в мировое культурное пространство.

Ключарева А.В.

**ЗНАЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНОГО КЛИМАТА
ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Л.Н. ТОЛСТОГО «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»)**

Ключевые слова: музейный климат, температурный режим, воздушно-тепловой режим, сохранность, реставрация, Ясная Поляна, Дом Л.Н. Толстого.

Современные музеи являются площадками, на которых реализуются самые разнообразные формы деятельности, их целью является приобщение человека к культуре в самом широком смысле. В центре музейной деятельности лежит понятие музейной коммуникации, то есть взаимодействие музейного сотрудника и посетителя, который приходит в музей в первую очередь для того, чтобы познакомиться с музейной экспозицией.

Однако для того, чтобы эта коммуникация случилась, необходимо изучать, сохранять и правильно представлять музейные предметы, составляющие музейные фонды. Таким образом, основным направлением музейной работы является хранение музейных коллекций, а также их презентация посетителю. Однако ежедневно музейные предметы встречаются с агрессивными факторами средами, которые влияют на их сохранность, поэтому важнейшей задачей музейных сотрудников является создание благоприятного музейного климата.

Культурное наследие музеев и архивов представляет собой неоценимое богатство, которое требует особой заботы и бережного обращения. Защита произведений искусства, книг и ценных документов не ограничивается лишь состоянием их физической целостности, но и требует строгого контроля микроклимата в помещениях, где эти ценности хранятся. Влажность воздуха является одним из важнейших параметров микроклимата, напрямую влияющим на сохранность экспонатов и архивных документов.

Каждый музейный предмет лучше сохраняется в комфортных благоприятных условиях окружающей среды, даже незначительные колебания температуры и относительной влажности могут привести к ухудшению сохранности музейных экспонатов. Таким образом, обеспечение сотрудниками благоприятного музейного микроклимата является важной составляющей деятельности сотрудников музейных фондов и хранителей.

Музейный микроклимат – совокупность основных факторов, влияющих на сохранность экспонатов: температуры и относительной влажности воздуха, его чистоты, а также освещения. Обеспечение правильного сочетания этих факторов обеспечивает необходимые условия для хранения экспонатов и является в некоторой степени превентивной мерой, предупреждающей консервацию и реставрацию предметов.

Цель данной статьи – рассмотреть, как осуществлялось изучение температурного и влажностного режима в Доме Л.Н. Толстого, представляющего собой главный экскурсионный объект в «Музее-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна».

Дом Л.Н. Толстого является элементом большого архитектурного ансамбля, построенного князем Н.С. Волконским в начале XIX века в стиле русского классицизма. Данный архитектурный ансамбль состоял из двух флигелей (правого и левого) и большого трехэтажного дома, впоследствии проданного Л.Н. Толстым в 1854 г.

Сразу после смерти писателя 7 ноября 1910 г. С.А. Толстая приняла решение о сохранении в неприкосновенном виде обстановки в спальне и кабинете Л.Н. Толстого. В 1919 г. младшая дочь писателя Александра Львовна была назначена комиссаром-хранителем Ясной Поляны. После национализации усадьбы 10 июня 1921 г. она возглавила созданный музей.

Фонды Дома Толстого составляют более 40 тысяч подлинных экспонатов, среди которых вещи писателя и членов его семьи. Обстановка Мемориального Дома сохраняется по последнему году жизни Л.Н. Толстого. Большая часть предметов находится в открытом хранении. Коллекция Дома включает в себя предметы живописи, скульптуру, предметы мебели, ткани, а также более 22 тысяч книг.

Интересно, что еще при жизни в доме семьи Толстых там поддерживался особый температурный режим (14–16 – 18–19 градусов С), который на сегодняшний день признается специалистами как наиболее комфортный для сохранности вещей.

Дом Л.Н. Толстого отапливается с помощью шести печей – голландских начала XIX в., а также калориферных печей, расположенных в пристройках 70-х гг. и 90-х гг. XIX в. По свидетельству С.А. Толстой в комнате для приезжающих в 70-х гг. XIX в. был камин, который впоследствии был разобран. На кухне расположена традиционная русская печь с лежанкой, которую использовали для приготовления пищи. В доме писателя в зимний период температура не превышала 18–19 градусов С. Печи топили через день, и только в тех комнатах, в которых жили.

В музейный период реставрация и ремонт печей проводились неоднократно. В 1929 г. был произведен ремонт печей [2]. Во время Великой Отечественной войны в 1941–1942 годах был проведен ремонт всех печей и дымоходов [1].

В 1953 г. были разобраны, исправлены, очищены от накопившейся сажи и переложены печи: центральная, в ремингтонной, в комнате под сводами, на площадке перед комнатой С.А. Толстой и в девичьей.

Масштабные ремонтно-реставрационные работы были проведены в 1957 г.: в существующих голландской и калориферной пеках установлены отопительные приборы системы «Регистр». При установке в печах отопительных приборов было произведено вскрытие шести печей, в отверстия которых были вставлены приборы с удалением заполнителя печи. Производилась разборка изразцов, изразцы были пронумерованы, а затем восстановлены на прежние места. Однако, в результате ремонтных работ печные дымоходы оказались полностью изолированы от печей, тем самым в здании отсутствовала даже естественная вентиляция помещений.

В 1977 г. был произведен новый ремонт системы отопления и вентиляции, разбирались и восстанавливались изразцовые печи. Несмотря на перекладку в советское время для устройства отопления, в настоящее время печи дома Л.Н. Толстого сохранили мемориальный облик.

В 1975 г. Государственным комитетом по гражданскому строительству и архитектуре при госстрое СССР и Центральным научно-исследовательским и проектным институтом типового и экспериментального проектирования жилища проводились натурные исследования теплового и воздушного режима дома Л.Н. Толстого.

На основании изученного опыта различных мемориальных музеев для Дома-музея Л.Н. Толстого рекомендованы следующие оптимальные значения температуры и влажности воздуха: в зимнее время – $t = 16\text{--}18$ С, относительная влажность – 50–60 %. В летнее время – $t = 18\text{--}20$ С. Относительная влажность – 50–60 %.

Основная роль натурных теплофизических исследований помещений мемориального дома Л.Н. Толстого сводилась к выявлению динамики изменения главных факторов, характеризующих воздушно-тепловой режим помещений: температуры и относительной влажности внутреннего воздуха и соответствующих им температуре и относительной влажности наружного воздуха.

В основу работы был положен принцип измерения параметров воздушной среды в течение 1 года. Детальные наблюдения проводились в зимний, летний, весенний и осенний сезоны, совпадающие с периодами наибольшей посещаемости музея (выходные и праздничные дни, школьные каникулы), а также с учетом метеорологической обстановки.

При выборе помещений для регулярных наблюдений особое внимание обращалось на ориентацию их по сторонам света. Это было необходимо для определения влияния солнечной радиации на воздушно-тепловой режим помещения. Также, значение при проведении исследований имел режим проветривания в опытных помещениях. При проведении летних наблюдений использовались максимальные средства солнцезащиты.

Для проведения измерений в выбранных комнатах были установлены комплекты термогигрометров и созданы вертикали с термометрами сопротивления. Показания фиксировались полуавтоматическим измерительным комплексом.

Наблюдения за воздушно-тепловым режимом зафиксировали недопустимо высокий уровень относительной влажности воздуха. Объяснялось это отсутствием дренажной системы и канализации.

Характерной являлась зависимость состояния воздушной среды музея от наружных климатических воздействий и пониженная температура воздуха, особенно в комнатах 1 этажа. Основной причиной этого является неэффективная работа системы

отопления и отсутствие компенсации теплопотерь входа. Неудачно организован маршрут входа и выхода посетителей.

На основании исследований 1974–1975 годов были сделаны следующие выводы:

1. Воздушно-тепловой режим всех помещений дома Л.Н. Толстого неудовлетворительный круглогодично, так как здание не имело системы вентиляции, существующая система отопления не обеспечивала необходимой теплоотдачи, а посещаемость носит спорадический характер. 2. Для нормализации теплового режима было рекомендовано оборудовать здание музея системой отопления с индивидуальным автоматическим регулированием теплоподачи в каждое помещение. Для обеспечения воздушного режима рекомендовано оборудовать здание установкой круглогодичного кондиционирования воздуха. 3. Оптимальные параметры воздушной среды помещения: летом – $t = 18\text{--}20^\circ\text{C}$; $\gamma = 50\text{--}60\%$; зимой – $t = 16\text{--}18^\circ\text{C}$; $\gamma = 50\text{--}60\%$.

В 1995 г. сотрудники Проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» проводили техническое обследование существующей системы отопления дома Л.Н. Толстого. В результате обследования было предложено 3 варианта по реконструкции системы отопления Дома. Однако, ни один из предложенных вариантов не был реализован.

Тогда же в 1995 г. проводилось комплексное обследование состояния самого здания. Удалось выяснить, что кирпич кладки цоколя и фундамента сильно поврежден деструкцией и биоразрушителями, из-за переувлажнения материала грунтовыми водами и поверхностным увлажнением. Древесина имеет механические и химико-биологические разрушения. Прочностные свойства штукатурки и кладочного раствора значительно понижены. Мебель, книги (бумага) и ткани имеют микробиологические поражения.

Было предложено провести мероприятия по нормализации влажностного режима – уничтожение очагов биоповреждения, гидрофобизация специальными составами материалов. Осушение стен, восстановление прочностных характеристик материалов, химическими и механическими путями. Защита материалов от механического износа, истирания. Защита от атмосферных воздействий, посредством влагозадерживающих покрытий. Оснащение здания автоматическими приборами по осуществлению нормальных температурно-влажностных условий в помещениях здания (для мебели, живописи и книг). Оснащение специальными приборами охранной и противопожарной сигнализации.

Для нормализации влажности и сохранения дома писателя было предложено провести Электроосмотическое осушение. Цель – нормализация влажности каменных конструкций в памятнике архитектуры, осушение стен здания предусматривает снижение весовой влажности до нормального значения 3–3,5%. Осушение стен производилось методом зарядной компенсации (электроосмос), а также посредством химических реакций специальных составов в конструктивных материалах стен. Проведение электроосмотического осушения имело чрезвычайное значение, поскольку смогло остановить неминуемое разрушение здания.

На современном этапе первостепенным условием сохранности произведений искусства и конструктивных элементов дома является создание необходимого и постоянного температурно-влажностного режима. В этом деле важную роль должен играть тщательный контроль над воздушной средой в помещениях с экспозицией и фондами. Для наблюдения за температурно-влажностным режимом в помещениях использовать способы измерения влажности. Так как здание не имеет установок кондиционирования воздуха и отсутствует система принудительной вентиляции, то в связи с этим необходима организация воздухообмена посредством проветривания.

Проведенные исследования показали, что самым оптимальным температурным режимом для помещений дома 17–19 С. При этом относительная влажность должна составлять 60%.

Для достижения оптимальных характеристик необходим ежедневный мониторинг показателей музейного микроклимата. Осуществляя постоянный контроль данных температуры и влажности можно наблюдать за изменениями тех или иных параметров, а также анализировать причины, по которым это происходит, следовательно, принимать своевременно меры по изменению ситуации.

1. Архив МУЯП. – Ф.1. Д. 20.
2. Архив МУЯП. – Ф.1. Д. 589.

3. Колмакова, Е. А. Музейный климат: старые и новые проблемы консервации культурного наследия / Е. А. Колмакова, // Исследования в консервации культурного наследия. – М., 2008. – Вып. 2. – С. 126–139.

4. Томсон, Г. Музейный климат / Г. Томсон ; пер. с англ. А. Варсонко. – СПб., 2005. – 288 с.

Колужёнок А.О.

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛОЦКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Ключевые слова: музей, экспозиция, музейный предмет, экспонат, научный сотрудник, историко-культурная ценность, икона.

Ряд музейных предметов, находящихся в коллекции Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (далее – НПИКМЗ), включен в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь (далее – Госсписок) с присвоением «2 категории»: коллекция археологических находок, коллекция произведений искусства и другие [3]. Историко-культурные ценности – культурные ценности, имеющие особую духовную, художественную и (или) документальную ценность и которым присвоен статус историко-культурной ценности [5]. В фондах НПИКМЗ представлены движимые историко-культурные ценности, перемещение которых в пространстве не приводит к утрате ими исторического, художественного, научного или иного значения. Коллекциям, о которых идёт речь, присвоена «2 категория» – это объекты историко-культурного наследия республиканского значения.

В современном мире актуальным является изучение, сохранение и популяризация историко-культурного наследия. Музей – это ворота в другой мир, который хранит в своих залах бесценные объекты, рассказывающие историю человечества – от древних цивилизаций до современного искусства. Каждый экспонат несёт в себе не только эстетическую, но и историческую ценность. Музеи являются носителями культурного наследия, представляющим собой дух своего времени, традиции и обычай народов.

В экспозиции первого этажа Художественной галереи представлены предметы из коллекции археологических находок и коллекции произведений искусства, которым присвоена «2 категория»: иконка «Константин и Елена», икона «Николай Чудотворец», икона «Вознесение Христа», икона «Святая Троица», икона «Сретение», икона «Николай Чудотворец», икона «Чудо Георгия о змее», портрет Эльжбеты Огинской, портрет женский в овале [19].

Иконка «Константин и Елена» относится к середине XII – 20-ым годам XIII в. Иконка нагрудная, односторонняя, прямоугольной формы выполнена в технике резьбы по камню из стеатита. На лицевой стороне изображены святые Равноапостольные Константин и Елена, которые держат перед собой восьмиконечный, с косым подножием, крест [1; 6; 16]. Найдена в 1967 г. на территории Верхнего замка, во время работы археологической экспедиции ИИ АН БССР под руководством Г.В. Штыхова. Иконка свидетельствует о торговых и политических связях Полоцка с Византией в XII–XIII вв. Относится к редким памятникам мелкой пластики, эпиграфики и религиозного культа [3].

Икона «Николай Чудотворец» с фронтальным изображением святого Николая на фоне архитектурных кулис в полный рост [1; 6]. Святитель изображен стоящим в рост, правая рука поднята в благословении, на левой – раскрытая книга с текстом «МИР ВСЕМУ МИРЮ/ С. НИКОЛАЕ», сверху книги – три шара. Лик святителя не иконописно-типовoy, а скорее портретный, без митры на голове [9]. Николай стоит на фоне города: справа здание, которое по архитектуре напоминает ратушу с фасадной трехъярусной башней, слева гражданские постройки, на заднем плане высокая многоярусная колокольня. На фоне иконы – резной орнамент из симметричных растительных побегов с листьями аканта.

Икона «Вознесение Христово» с многофигурной двухъярусной композицией [1; 6; 10]. Широкая гряда облаков полукругом отделяет небесную сферу от земной. Вверху, по центру, – изображение Христа на облаках. В нижней части композиции изображена Матерь Божья и группа апостолов. Внизу – развёрнутое Евангелие [3]. На иконе обнаружена надпись с датой, которая гласит: «Сия икона Вознесения Господня... для церкви Экиманьской... 1743» [2, с. 7]. Как свидетельствует надпись, икона предназначалась для церкви в деревне Экимань, Полоцкого района [4, с. 33]. Экимань принадлежала Полоцким иезуитам. Согласно инвентарю 1789–1790 гг. в ней была деревянная церковь св. Георгия, в которой стоял двухрядный иконостас и алтари.

Икона «Святая Троица» со сценой трапезы трёх ангелов [1; 6; 8]. Имеется много изображений Святой Троицы очень различных по своей иконографии. Прообразом было явление Святой Троицы в образе трех Ангелов-путников Аврааму и Сарре у дубравы Мамре. «Ветхозаветная троица» (или «Гостеприимство Авраама») – пока что одна из двух известных в белорусской иконописи икон с размещением Авраама у подножия стола и потому в буквальном смысле слова уникальна [18, с. 25]. Над головами ангелов размещена надпись в одну строчку: «Святая Троица». На обратной стороне – надпись чёрной краской: «1738» [3].

Икона «Сретение» с развёрнутой многофигурной композицией [1; 6; 11]. В центре – изображение Симеона Богоприимца, в полный рост, на его голове двурогая митра первосвященника. Слева, на ступеньках храма изображение Девы Марии с младенцем Иисусом на вытянутых руках [3]. За спиной женщины – молодая служанка, которая левой рукой держит корзинку с жертвенными голубями. Внизу, на ступеньках, изображена коленопреклонённая Анна Пророчица. На заднем плане, через арочное окно, просматривается архитектурный пейзаж [4, с. 33]. «Сретение» можно без преувеличения назвать одной из самых своеобразных трактовок этого сюжета во всей белорусской иконописи – с развитой композицией, множеством действующих лиц, трогательными деталями.

Икона «Николай Чудотворец» с изображением святого Николая [1; 6; 7]. Святой Николай изображен фронтально в рост. Лик аскетичный, с широким лбом, белой окладистой бородой и усами, ярко-красными губами. На голове – малиновая митра, уши открыты. Коричневый подризник, вишневая фелонь, бледно-голубая епитрахиль. Зеленый омофор с охристым краем исчерчен белым арабесковым орнаментом. Правая рука Николая приподнята в жесте благословления. В левой – Евангелие, на котором, в овале, изображение четырёхконечного креста [3]. Икона является самобытным произведением местной иконописной школы [2, с. 13].

Икона «Чудо Георгия о змие» с изображением святого Георгия верхом на коне [1; 6; 12; 13]. Всадник, в золочёном шлеме и доспехах, копьём в правой руке пробивает пасть змею, в левой руке – овальный щит. На щите – рельефный крест и крупная надпись красной краской: «S. GLORIOS» [18, с. 15]. Георгий на белом коне, почти взлетевшем над чудовищем, написан очень экспрессивно; очень выразительно и по рисунку умело изображен конь, что свидетельствует о почти академической школе. Живопись выполнена на высоком слое левкаса. Фон украшен резным растительным орнаментом. Крупные рельефные ростки и цветы прописаны охристой краской, со следами золоче-

ния [3]. Икону отличает более профессиональный рисунок, живопись по высокому левкасу, фон с резным растительным орнаментом, напоминающий могилевские.

Свообразие иконописи Подвinya отметил еще в 1930-е годы основоположник белорусского искусствознания Н.Н. Щекотихин, и полоцкие иконы являются впечатляющим подтверждением этой оценки.

Портрет Эльжбеты Огинской Пузыны датирован 1760 годом и является одним из четырёх известных нам портретов [1; 6; 14]. На обратной стороне полотна надпись в одиннадцать строк, чёрной краской: «Эльжбета из князей Огинских, жена мстиславского каштеляна Пузыны, дочь великого литовского гетмана Григория Огинского, старосты TRYSKA Y IODANSKA, пани наследная LUEZAGA [18, с. 29]. Рождённая от княжны Теофилии, матери Чарторыйской. Год господен 1760.». Оригинальное изображение, характерное для «сарматского портрета» [3]. На портрете Э. Пузыны, переданном из костела в д. Лучай в Полоцк в 1971 году, изображена женщина в ярко-красном чепце с кружевами, завязанными бантом под подбородком. Портрет написан маслом на холсте. В 1992 году был отреставрирован в Минских реставрационных мастерских художником-реставратором В. Лукашевичем.

«Портрет неизвестной» с погрудным изображением женщины в годах [1; 6; 15]. Одета в белую блузку с воротником-стойкой, с нашитой чёрной бархаткой, которая завязывается спереди бантом. На плечах – полуупрозрачная пелерина с бантом. На голове – охристый чепец с кружевами и большим бантом вверху. Лицо одутловатое, розовое, с круглыми глазами, маленькими губами и румянцем на щеках [3].

Сохранение историко-культурных ценностей включает в себя систему организационных, правовых, экономических, материально-технических, научных, информационных и (или) иных мер, направленных на предотвращение уничтожения, утраты, исчезновения, порчи, ухудшения технического состояния, а также научно необоснованных изменений, ухудшения условий восприятия историко-культурных ценностей (среды в пределах зон охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей) [5].

В целях обеспечения сохранности движимых материальных историко-культурных ценностей запрещается:

- уничтожение, повреждение, ухудшение технического состояния, а также научно необоснованное изменение движимых материальных историко-культурных ценностей;
- демонтаж коллекции движимых материальных историко-культурных ценностей.

Основными способами популяризации историко-культурного наследия в Художественной галерее являются экспонирование предметов в постоянной экспозиции, экскурсии и музейно-педагогические занятия, которые проводят научные сотрудники музея [19].

Двойная роль музея, как в сохранении, так и в обеспечении доступности материалов прошлого всегда была в определенной степени напряженной. Наиболее успешным методом сохранения было бы хранение материала в хранилищах с контролируемым климатом и ограниченный доступ к нему или его полное отсутствие; в то время как полный доступ к материалу в большинстве случаев привел бы к ухудшению их сохранности. Это напряжение отражает две временные ориентации музея. Одна из них касается будущих поколений, для которых материал должен быть сохранен. Другая рассчитана на нынешнее поколение, которое следует поощрять к использованию материала и знаний, содержащихся в нем, для своего образования и удовольствия.

Как было отмечено ранее, предметы представлены в постоянной экспозиции первого этажа Художественной галереи. Для обеспечения сохранности, в залах поддерживаются необходимые влажность и температура с помощью специального оборудования. Хранителями коллекций живописи и археологии совместно с реставраторами НПИКМЗ проводятся плановые осмотры экспонатов, а также ремонтные, реставрационные и иные работы, производимые с материальными историко-культурными ценностями (по необходимости).

Ремонтно-реставрационные работы, выполняемые с материальными историко-культурными ценностями, включают в себя:

1. Реставрация – комплекс работ и мероприятий, направленных на научно обоснованное полное или частичное воссоздание материальных историко-культурных ценностей.
2. Консервация – комплекс работ и мероприятий, обеспечивающих временное или долгосрочное сохранение технического состояния материальных историко-культурных ценностей.
3. Раскрытие – комплекс работ и мероприятий по освобождению материальных историко-культурных ценностей от позднейших диссонансных наслойений.
4. Реставрация (реставрационно-восстановительные работы) – комплекс работ и мероприятий по восстановлению нарушенного первоначального вида материальных историко-культурных ценностей. [5]

Каждый посетитель, приходящий в Художественную галерею, имеет возможность получить достоверную информацию об историко-культурных ценностях, находящихся в экспозиции по средствам этикеток и экспликаций, содержащих основную информацию о предметах и коллекциях. В Художественной галерее также используются современные информационные технологии, такие как QR-коды, отсканировав которые посетитель перейдёт на интернет-страницу экспоната. Кроме того, любой желающий может приобрести аудио-гид или экскурсионный билет. На экскурсии квалифицированные специалисты расскажут об истории экспонатов, их ценности и особенностях.

Для посетителей младшего школьного возраста проводятся музейно-педагогические и тематические занятия «О чём рассказывают иконы» [17]. Издавна считается, что икона «разговаривает» с нами, и мы читаем её, словно книгу. Иконопись, как искусство с двухтысячелетней историей, хранит в себе много секретов, древних тайн и смыслов, и с большим интересом эти секреты раскрывают учащиеся 3-х классов школ в Художественной галерее.

Живая история иконописи — так звучит тема музейного занятия, главной целью которого стоит знакомство с понятием культовое искусство. На занятии дети учатся читать и понимать икону, знакомятся с историей появления икон, усваивают отличительные особенности иконы и светской картины. Прикоснувшись к тайнам иконописи, могут ощутить себя подмастерьями и попытаться с помощью цвета оживить библейский сюжет [17].

В ходе многолетней работы и тщательного изучения музеиных предметов, являющихся историко-культурными ценностями, из коллекций археологических находок и произведений искусства, которым присвоена «2 категория», сотрудниками НПИКМЗ, ОАО «Белреставрация» и белорусскими историками был издан ряд каталогов и статей, описывающих данные предметы с точки зрения истории, искусствоведения и реставрации.

Таким образом, сохранение и популяризация историко-культурного наследия в Художественной галерее осуществляется посредством экспонирования и хранения предметов при соблюдении необходимых параметров температуры и влажности, доступности экспонатов к осмотру посетителям, экскурсионным обслуживанием, проведением музейно-педагогических занятий, а также изданием информационных каталогов и другой печатной и цифровой продукции.

1. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. – URL: <http://gospisok.gov.by/Home/Index> (дата обращения: 10.09.2025).
2. Иконы XVII–XIX вв. из коллекций Национального художественного музея Республики Беларусь и Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника : каталог / Национальный художественный музей, Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник ; сост.: Л. М. Лысенко, Л. Л. Сысоева, А. А. Ярошевич ; науч. ред. А. В. Карпенко, Н. М. Усова. – Минск : Рифтур, 2012. – 48 с.
3. Историко-культурные ценности. – URL: <https://polotsk.museum.by/node/33201> (дата обращения: 10.09.2025).
4. Соловьев, А. А. К вопросу о реконструкции исторической топографии Экимани / А. А. Соловьев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки: научно-теоретический журнал. – Новополоцк, 2013. – № 9. – С. 29–39.
5. Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры 20 ліпеня 2016 г. № 413-3 (в ред. Закона Республики Беларусь от 21.07.2022 № 201-3) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk1600413> (дата обращения: 12.09.2025).

6. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (далее НПИКМЗ) – Ф. КП-1.
7. НПИКМЗ КП 000001.
8. НПИКМЗ КП 000002.
9. НПИКМЗ КП 000003.
10. НПИКМЗ КП 000005.
11. НПИКМЗ КП 000006.
12. НПИКМЗ КП 000007/А.
13. НПИКМЗ КП 000007/Б.
14. НПИКМЗ КП 000024.
15. НПИКМЗ КП 000066.
16. НПИКМЗ КП 002720/001.
17. О чём рассказывают иконы. Музейные занятия для учащихся 3-х классов. – URL: <http://gallery.polotsk.museum.by/node/48727> (дата обращения: 12.09.2025).
18. Художественная галерея в Полоцке / Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник ; сост. : Л. М. Лысенко. – Минск : Рифтур, 2009. – 126 с.
19. Художественная галерея : [сайт]. – URL: <http://gallery.polotsk.museum.by/> (дата обращения: 08.09.2025).

Канапацкі А.В.
ЗАСЛАЎЕ Ў ЧАС ВАЙНЫ 1812 ГОДА:
МАГЧЫМЫЯ СПОСАБЫ АДЛЮСТРАВАННЯ Ў МУЗЕЙНАЙ ЭКСПАЗІЦЫ

Ключавыя слова: Заслаўе, вайна 1812 года, ваенны канфлікт, рэгіянальны анализ, музейная экспазіцыя

Вайна 1812 года, якая стала адным з ключавых канфліктаў у гісторыі Еўропы XIX стагоддзя, аказала значны ўплыў на тэрыторыю сучаснай Беларусі, у тым ліку на Заслаўе – старажытны горад з багатай гістарычнай спадчынай. Хоць асноўныя баявыя дзеянні вяліся ў іншых рэгіёнах, уключэнне Заслаўя ў ваенна-стратэгічны кантэкст таго часу адкрывае магчымасці для глыбокага рэгіянальнага аналізу. Улічваючы геапалітычнае становішча горада, яго сацыяльную структуру і культурныя асаблівасці, даследаванне мясцовых аспектаў вайны 1812 года дазваляе выявіць новыя грані ў разуменні тых падзеяў.

Гісторыка-культурны Музей-запаведнік “Заслаўе” як інстытуцыя, што займаецца захаваннем і інтэрпрэтацыяй матэрыяльной і нематэрыяльной спадчыны рэгіёна, мае патэнцыял стаць платформай для адлюстравання вайсковай гісторыі праз экспазіцыйныя, адукацыйныя і мемарыяльныя практикі. У гэтым кантэксьце актуальным становіщам пытанне: якім чынам можна рэпрэзентаваць падзеі вайны 1812 года на тэрыторыі Заслаўя ў музейнай прасторы, каб забяспечыць навуковую дакладнасць, культурную значнасць і грамадскую зацікаўленасць?

Для таго каб вызначыць магчымыя напрамкі музейнай рэпрэзентацыі вайны 1812 года, неабходна звярнуцца да канкрэтных гістарычных падзеяў, якія мелі месца на тэрыторыі Заслаўя і наваколля.

Так, у кантэксьце падрыхтоўкі да ваеных дзеянняў супраць напалеонаўскай Францыі, 4 красавіка 1812 года імператар Расійскай імперыі Аляксандр I апублікаваў Маніфест, у якім абвясціў аб павелічэнні рэакруцскага набору. Гэты крок быў абумоўлены неабходнасцю мабілізацыі дадатковых чалавечых рэурсаў для забеспечэння баяздольнасці арміі ва ўмовах маштабнага ваенна-канфлікту. Указаныя меры закрунулі шырокія тэрыторыі імперыі, у тым ліку і беларускія землі, дзе адбывалася актыўная рэакрутацыя. Заслаўе, як адзін з адміністрацыйных і сацыяльна значных цэнтраў рэгіёна, таксама трапіла ў сферу дзеяння маніфеста [3]. Ва ўмовах ваеных дзеянняў 1812 года Заслаўе выконвала важную лагістычную функцыю ў сістэме забеспечэння арміі: на тэрыторыі горада быў размешчаны адзін з ключавых правіянцкіх магазінаў, які забяспечваў харчовымі запасамі ваенныя падраздзяленні. Гэта сведчыць пра стратэгічную значнасць населенага пункта ў агульнай

інфраструктуры тылу і падкрэслівае яго ролю ў арганізацыі матэрыяльна-тэхнічнага забеспечэння войска [4, с. 135].

Паводле даных, у Заслаўі на красавік 1812 года захоўвалася больш за 27 тысяч чвэрцяў муکі, каля 2,6 тысячи чвэрцяў крупы і звыш 24 тысяч чвэрцяў аўса. Такі аб'ём харчовых рэсурсаў сведчыць не толькі пра здольнасць горада забяспечваць значную колькасць ваенных падраздзяленняў, але і пра яго важную ролю ў агульной сістэме тылавога забеспечэння. Наяўнасць розных відаў прадуктаў – ад асноўных зерневых да круп – паказвае на старанна прадуманую структуру харчовага рэзерву, якая ўлічвала патрэбы арміі ў розных відах ежы [5, с. 415].

У адпаведнасці з ваеннымі патрэбамі, пры такіх магазінах арганізоўваліся спецыялізаваныя вытворчыя аб'екты – хлебапякарні і сушыльні сухароў, прызначаныя для аператыўнага забеспечэння войска харчовымі рэсурсамі працяглага захоўвання.

У Заслаўі хутчэй за ўсё функцыянувалі пякарні двух канструктыўных тыпаў: традыцыйныя рускага ўзору і так званыя тавастгусцкія печы, якія адрозніваліся павышанай прадукцыйнасцю. Паводле ваенных нарматываў, 20 рускіх печаў пры трохразовым штодзённым распальванні забяспечвалі выпечку неабходнай колькасці хлеба для адной дывізіі. У сваю чаргу, тавастгусцкія печы, дзякуючы тэхналагічным асаблівасцям, дазвалялі дасягнуць аналагічнага аб'ёму вытворчасці пры выкарыстанні ўсяго шасці агрэгатаў [1, с. 23].

У перыяд падрыхтоўкі да ваенных дзеянняў супраць напалеонаўскай Францыі Заслаўе было ўключана ў агульна імперскую сістэму мабілізацыі, што пацвярджаецца ўдзелам у рэкруцкім наборы, абвешчаным Маніфестам імператара Аляксандра I ад 4 красавіка 1812 года. Горад выконваў важную тылавую функцыю ў сістэме матэрыяльна-тэхнічнага забеспечэння арміі: на яго тэрыторыі быў размешчаны адзін з ключавых правінцкіх магазінаў. У сукупнасці гэтыя фактары сведчаць пра стратэгічную значнасць Заслаўя як тылавога лагістычнага цэнтра, які адыгрываў важную ролю ў забеспечэнні расійскай арміі падчас ваенай кампаніі 1812 года.

Улічваючы значнасць Заслаўя ў кантэксце ваенных падзеяў 1812 года, а таксама яго ролю як тылавога лагістычнага цэнтра, узнікае неабходнасць асэнсаванага і шмат аспектнага адлюстравання гэтих фактав у экспазіцыйнай прасторы Гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе”.

Такая рэпрэзентацыя не толькі ўзбагаціць агульную канцепцыю музея, але і дазволіць наведвалінкам глыбей зразумець гістарычнае значэнне горада ў падзеях Напалеонаўскіх войнаў.

З улікам гістарычнай ролі Заслаўя як лагістычнага і правінцкага цэнтра падчас ваенай кампаніі 1812 года, мэтазгодным уяўляеца стварэнне асобнай музейнай экспазіцыі, якая б адлюстроўвала функцыянуванне горада ў ваенна-адміністрацыйнай сістэме Расійскай імперыі. Канцептуальная такая экспазіцыя можа быць выканана ў фармаце тэматычнага аб'екта, аналагічнага «Гандлёвай лаўцы», але прысвечанага выключна ваенна-лагістычнаму аспекту.

Асноўнай ідэяй экспазіцыі павінна стаць рэканструкцыя правінцкага магазіна пачатку XIX стагоддзя, які дзейнічаў у Заслаўі. У межах гэтай прасторы магчыма адлюстраванне матэрыяльных сведчанняў ваеннага забеспечэння: макеты складскіх памяшканняў, мяшкі з мукоў, бочкі з крупамі, скрыні з аўсом, а таксама інструменты і прылады, што выкарыстоўваліся для захоўвання і перапрацоўкі прадуктаў. Асобны сегмент экспазіцыі можа быць прысвечаны хлебапякарным тэхналогіям, у тым ліку тавастгусцкім печам, з тлумачэннем іх канструктыўных асаблівасцей і прадукцыйнасці ў параўнанні з традыцыйнымі рускімі печамі.

Інфармацыйнае напаўненне павінна ўключаць документальныя матэрыялы: копіі маніфеста Аляксандра I, рэкруцкія спісы, лагістычныя схемы, а таксама

вытрымкі з справаздач аб стане запасаў у Заслаўі на красавік 1812 года. У якасці дадатковых элементаў могуць быць выкарыстаны карты ваенных шляхоў, якія праходзілі праз рэгіён, і дыяграмы, што ілюструюць аб'ёмы паставак і спажывання харчовых рэсурсаў. Такі музейны аб'ект будзе спрыяць фарміраванню цэласнага ўяўлення аб ролі Заслаўя ў ваеннаі гісторыі Беларусі, падкрэсліваючы не толькі яго адміністрацыйнае значэнне, але і ўдзел у забеспячэнні арміі ў перыяд аднаго з найважнейшых канфліктаў XIX стагоддзя. Экспазіцыя можа стаць асновай для адукацыйных праграм, навуковых даследаванняў і культурна-асветнай дзейнасці [2].

Такім чынам, аналіз ваенна-гістарычнага кантэксту Заслаўя ў перыяд вайны 1812 года дазваляе сцвярджаць, што горад выконваў важную функцыю ў сістэме тылавога забеспячэння расійскай арміі, спалучаючы адміністрацыйны, лагістычны і вытворчы патэнцыял. Наяўнасць значных харчовых рэсурсаў, арганізацыя спецыялізаваных пякарных аб'ектаў і ўдзел у рэкламнай кампаніі сведчаць пра яго інтэграванасць у агульнаімперскія ваенна-стратэгічныя механізмы. Улічваючы адсутнасць баявых дзеянняў на тэрыторыі Заслаўя, горад захаваў сваю інфраструктуру і здольнасць выконваць пастаўленыя функцыі, што падкрэслівае яго значнасць у тылавым забеспячэнні.

У гэтым кантэксьце стварэнне асобнай музейнай экспазіцыі, прысвечанай ролі Заслаўя ў вайне 1812 года, у межах Гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе” з’яўляецца навукова абурнаваным і культурна актуальным крокам. Такая экспазіцыя здольная не толькі ўзбагаціць рэгіональны гістарычны наратыв, але і стаць платформай для міждысцыплінарнага дыялогу, адукацыйных ініцыятыў і далейшага даследавання мясцовага ўкладу ў агульнаеўрапейскія ваенна-палітычныя працэсы XIX стагоддзя.

1. Вещиков, П. И. Военное хозяйство русской армии в Отечественной войне 1812 года / П. И. Вещиков // Пространство и Время. – 2012. – № 3. – С. 20–31.
2. Гісторыка-культурны музей-запаведнік “Заслаўе” : [сайт]. – URL: <https://zaslaue.by/> (дата звароту: 01.09.2025).
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 588. Вол. 1. Спр. 213. Арк. 9.
4. Отечественная война и русское общество : в 3 т. – Т. 3 / ред. совет: А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета. – М. : Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. – 275 с.
5. Скалон, Д. А. Столетие военного министерства. 1802–1902 – Главное Интенданское управление. Исторический очерк / Д. А. Скалон. – СПб. : Тип. «Бережливость», 1903. – 542 с.

**Крумплеўская Г.А.
ЭТНАГРАФІЧНЫЯ ЭКСПЕДЫЦІІ НА ТЭРЫТОРЫІ ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ
Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХХ СТАГОДДЗЯ (ПА МАТЭРЫЯЛАХ АРХІВА
ІНСТИТУТА МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФII I ФАЛЬКЛORA
ІМЯ КАНДРАТА КРАПІВЫ НАН БЕЛАРУСІ)⁵**

Ключавыя слова: этнографічныя экспедыцыі, Віцебская вобласць, матэрыяльная і духоўная культура, матэрыялы архіва Інстытута мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклора імя Кандрата Крапівы.

Найважнейшым цэнтрам даследавання і захавання этнографічнай спадчыны беларусаў на працягу многіх дзесяцігоддзяў з’яўляецца Акадэмія навук БССР/НАН Беларусі. Збіральніцкая і даследчыцкая дзейнасць у галіне этнографіі і фальклора праводзілася навуковымі супрацоўнікамі спачатку ў сектары этнографіі і фальклора Інстытута гісторыі, а з 1957 г. – у Інстытуце мастацтвазнаўства,

⁵ Дадзены артыкул падрыхтаваны ў рамках праекта БРФФД Г25М-035 «Полевые этнографические исследования на территории Витебской области во 2-й пол. XX в. (по материалам архива Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси): комплексное изучение» (дзяржрэгістрацыя №20250912 ад 18.06.2025 г.)

этнографії і фальклору імя Кандрата Крапівы (ІМЭФ). Стварэнне ІМЭФ садзейнічала не толькі актывізацыі палявых этнографічных і фальклорных даследаванняў, але таксама і падрыхтоўцы прафесійных кадраў па розных галінах этнографічнай науки [1, с. 361].

Мэта артыкула – прасачыць дынаміку палявых этнографічных даследаванняў на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў другой палове XX ст. па матэрыялах архіва ІМЭФ імя Кандрата Крапівы. Пры падрыхтоўцы артыкула за аснову ўзяты рукапісныя кнігі вопісаў архіўных матэрыялаў (Ф. 6, Воп. 1–7, 11–14; Ф. 7, Воп. 1, 2, 12), з якіх былі вылучаны матэрыялы, што датычацца тэрыторыі Віцебскай вобласці акрэсленага перыяду.

Адным з прыярытэтных накірункаў даследчыцкай дзейнасці ў айчыннай пасляваеннай этнографії з'яўлялася вывучэнне традыцыйнай матэрыяльнай культуры беларусаў. У архіве ІМЭФ імя Кандрата Крапівы захоўваюцца ўнікальныя этнографічныя матэрыялы: палявые запісы, фотаздымкі, малюнкі і справаздачы, што адлюстроўваюць змены ў метадалогіі і тэматыцы экспедыцый другой паловы XX ст. Даследаванне этнографічных матэрыялаў архіва Інстытута мастацтвазнаўства, этнографії і фальклора імя Кандрата Крапівы (Ф. 6; 7), сабраных пад час палявых этнографічных экспедыцый на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў другой палове XX ст., абумоўлена неабходнасцю захавання самабытных элементаў народнай культуры, абрадавых практык, многія з якіх у сучасных умовах знаходзяцца пад пагрозай знікнення. Збор, сістэматызацыя, класіфікацыя архіўных матэрыялаў па рэгіёнах, тэматыцы, аўтарам і храналогіі дазваляюць выявіць рэгіянальныя асаблівасці матэрыяльнай і духоўнай культуры, гаспадарчага быту і мастацкіх традыцый беларусаў асобна ўзятых гісторыка-этнографічных рэгіёнаў, што садзейнічае фарміраванню ўсяго этнакультурнага ландшафту Беларусі. Распрацаваныя тэматычная класіфікацыя і вылучэнне храналогіі ствараюць метадалагічную аснову для будучага міждысцыплінарнага вывучэння. Акрамя таго, вынікі работы маюць практычную каштоўнасць для далейшых навуковых даследаванняў (увядзенне ў навуковы зварот новых, раней невядомых этнографічных дадзеных), распрацоўкі адукатыўных праграм, розных ініцыятыў па захаванні нематэрыяльнай культурнай спадчыны, гістарычных рэканструкцый і г.д.

Архіў ІМЭФ імя Кандрата Крапівы мае свае адметныя асаблівасці, якія заключаюцца ў наступным: характеристар фарміравання фондаў – усе фонды, як правіла, з'яўляюцца адлюстрраваннем вынікаў палявых этнографічных экспедыцый; разнастайнасць формаў дакументаў, сабраных пад час экспедыцый (дзённікі з запісамі інтэрв'ю і апісаннямі назіраных з'яў і аб'ектаў, фотаздымкі, бланкі стандартызаваных справаздач, а таксама разнастайныя палявые справаздачы, малюнкі, карты, схемы і інш.); розная маштабнасць экспедыцый (этнографічныя матэрыялы як адзінкавага індывідуальнага выезду, так і вынікі дзейнасці шматгадовых комплексных экспедыцый, якія праводзіліся ў супрацоўніцтве з прадстаўнікамі сумежных наукаў).

Комплекс этнографічных архіўных матэрыялаў, што былі сабраны на тэрыторыі Віцебскай вобласці, ахоплівае палявые даследаванні, праведзеныя ў 1954–2003 гг. на тэрыторыі дадзенага рэгіёна. Па аб'ёме і тэматыцы ён адлюстроўвае шматгадовую працу Інстытута мастацтвазнаўства, этнографії і фальклору імя Кандрата Крапівы і ўключае больш за 600 адзінак захавання (Табл. 1). Пры складанні табліцы былі вылучаны перыяды, у якія праходзілі палявые экспедыцыі непасрэдна на тэрыторыі Віцебскай вобласці.

Табліца 1. Дынаміка этнаграфічных даследаванняў на тэрыторыі Віцебскай вобласці з 1954 па 2003 гг. (па матэрыялах фондаў 6, 7 архіва ІМЭФ імя Кандрата Крапівы)

Перыяд	Колькасць адзінак захавання	Асноўныя тэмы	Ключавыя аўтары
1954–1956	95	Жыллё, планіроўка вёсак, быт, народная медыцына, адзенне	Малчанава Л.А., Грынблат М.Я.
1959–1960	32	Запісы ўспамінаў, адзенне, жыллё, сельскагаспадарчыя прылады	Залескі А.І., Іваноў В.М., Міцкевіч А.М., Камсюк Н.І.
1966–1969	239	Жыллё, сельскагаспадарчыя прылады, адзенне	Гуркоў В.С., Дулеба А.І., Малчанава Л.А., Бялявіна В.М., Мінько Л.І.
1970–1974	169	Сямейная абрааднасць, этнічныя працэсы	Лобач М.С., Курыловіч А.Н., Каспяровіч Г.І., Іваноў В.М., Сабаленка Э.Р.
1976–1980	53	Ганчарства, ткацтва, матэрыялы для музея народнай архітэктуры і быта	Мілючэнкаў С.А., Курыловіч А.Н., Каспяровіч Г.І., Сабаленка Э.Р., Ракава Л.В., Бялявіна В.М.
1984–1990	11	Сямейная абрааднасць і быт, вясковая культура	Ліпень Я.П., Кухаронак Т.І., Курыловіч А.Н.
1993–2003	25	Народная кулінарыя, педагогіка, календарная абрааднасць, святочныя традыцыі	Навагродскі Т.А., Ракава Л.В., Бялявіна В.Н., Каспяровіч Г.І., Кухаронак Т.І., Курыловіч А.Н.

Першая пасляваенная экспедыцыя (Гродзенска-Полацкая), якая закранула тэрыторыю сучаснай Віцебскай вобласці, праходзіла ў 1954 г. на беларуска-літоўскай мяжы (Браслаўскі, Пастаўскі, Відзаўскі раёны). У 1955 г. у складзе Віцебска-Магілёўскай экспедыцыі праводзіліся даследаванні ў Гарадоцкім, Лёзненскім, Дубровенскім раёнах Віцебскай вобласці, 1956 г. – у Расонскім і Докшыцкім раёнах. У 1959–1960 гг. матэрыяльная культура Віцебшчыны стала аб'ектам вывучэння ў рамках Клічаўска-Суражскай, Паўночна-беларускай і Паўночна-заходній экспедыцый у Багушэўскім (скасаваны ў 1960 г.), Суражскім (скасаваны ў 1960 г.), Бешанковіцкім, Чашніцкім, Глыбоцкім, Пастаўскім раёнах Віцебскай вобласці.

Паводле матэрыялаў архіва, маштабнае этнаграфічнае даследаванне тэрыторыі Віцебскай вобласці навуковымі супрацоўнікамі Інстытута мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклора імя Кандрата Крапівы пачалося з 1966 г. Этнаграфічная экспедыцыя ахапіла значную тэрыторыю сучаснай Віцебшчыны – Гарадоцкі, Лёзненскі, Віцебскі, Аршанскі, Докшыцкі, Дубровенскі, Бешанковіцкі, Полацкі, Глыбоцкі, Чашніцкі, Пастаўскі, Браслаўскі, Талачынскі, Сенненскі раёны. За перыяд з 1966 да 1969 гг. былі собраны ўнікальныя этнаграфічныя матэрыялы па народнай культуре беларусаў Віцебшчыны – матэрыялы па жыллю, сельскагаспадарчых прыладах і тэхніцы, народным адзенні. Удзельнікамі этнаграфічных экспедыцый з'яўляліся Гуркоў В.С., Дулеба А.І., Малчанава Л.А., Бялявіна В.М., Мінько Л.І. і інш.

У 1970-я гг. працягнулася этнографічнае вывучэнне Віцебшчыны. Менавіта ў гэты перыяд былі распачаты этнасацыялагічныя даследаванні па вывучэнні культуры і побыту насельніцтва Беларусі ў цэлым і Віцебскай вобласці ў прыватнасці. Супастаўленне атрыманых вынікаў дало магчымасць усебакова падысці да разгляду асноўных тэндэнций і заканамернасцей этнакультурнага развіцця беларусаў. Матэрыялы збіраліся шляхам анкетнага даследавання з далейшай апрацоўкай на ЭВМ [2, с. 548]. На Віцебшчыне з 1970 па 1974 г. быў сабраны каштоўныя палявыя матэрыялы па сямейнай абрааднасці беларусаў і этнічным працэсам. Сярод даследчыкаў, што займаліся этнографічным вывучэннем дадзенага рэгіёна можна вылучыць наступных: Лобач М.С., Курыловіч А.Н., Каспяровіч Г.І., Іваноў В.М., Сабаленка Э.Р. і інш. У гэты перыяд былі апублікованы значныя работы па этнагенезе беларусаў, матэрыяльной і духоўнай культуры сельскага і гарадскога насельніцтва рэспублікі, а таксама гісторыі этнографічнага вывучэння на Беларусі і інш.

У 1980-я гг. былі ажыщёўлены этнографічныя экспедыцыі на тэрыторыю заходніяй часткі Віцебшчыны – Браслаўскі (1980), Пастаўскі (1984, 1985), Глыбоцкі (1987) раёны. У гэты час актыўна збіраліся этнографічныя матэрыялы па народных рамёствах: ганчарству (Мілючэнкаў С.А.), ткацтву (Курыловіч А.Н.). Сярод актуальных тэм, якія працягвалі распрацоўваць этнографы, вылучаецца вывучэнне сямейнай абрааднасці беларусаў (Кухаронак Т.І., Ліпень Я.П., Курыловіч А.Н.).

У канцы XX – пачатку XXI ст., абавіраючыся на матэрыялы архіва ІМЭФ, можна меркаваць, што пад час правядзення палявых экспедыцый, асноўная ўвага канцэнтравалася на зборы этнографічных матэрыялаў, якія ў далейшым ляглі ў аснову навуковых распрацовак, прысвежаных тэме народнай народнай кулінарыі, календарнай абрааднасці, вывучэнню святочных традыцый. Фіксацыю і збор этнографічных матэрыялаў ажыщяўлялі Навагродскі Т.А., Ракава Л.В., Бялявіна В.Н., Каспяровіч Г.І., Кухаронак Т.І., Курыловіч А.Н. і інш.

Такім чынам, палявыя даследаванні, што праводзіліся з 1954 па 2003 г., адлюстроўваюць змяненні прыярытэтных накірункаў у этнографічным вывучэнні тэрыторыі Беларусі ў цэлым і Віцебшчыны ў прыватнасці. Матэрыялы архіва Інстытута мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклора імя Кандрата Крапівы дэманструюць пастаяннае пашырэнне геаграфіі палявых даследаванняў на тэрыторыі Віцебшчыны: ад лакальных экспедыцый 1954 г. да масавых комплексных выездаў, пачынаючы з 1966 г. Па матэрыялах, якія захоўваюцца ў архіве, можна прасачыць, як на працягу разглядаемага перыяду ў этнографічным даследаванні адбыўся тэматычны пераход: ад вывучэння элементаў матэрыяльнай культуры да сацыяльных структур, народнай педагогікі і рытуальных практик.

Прыкладная каштоўнасць сабранных матэрыялаў заключаецца ў магчымасці захавання і рэканструкцыі асобных элементаў традыцыйнага побыту беларусаў, выяўленні этнакультурных асаблівасцей, правядзенні комплекснага аналізу рэгіональных адрозненняў і міждысцыплінарных супастаўленняў. Сістэматызаваныя архіўныя матэрыялы ствараюць трывалую аснову для далейшых даследаванняў па этнографіі, фальклоры, гісторыі, этналінгвістыцы і інш. Архіў ІМЭФ імя Кандрата Крапівы дэманструе сістэмнае развіццё этнографічных даследаванняў на тэрыторыі Віцебскай вобласці, якое праходзіла на працягу паўстагоддзя (выяўлена перыядызацыя праведзеных экспедыцый, пазначаны тэрытарыяльны ахоп, выкананы тэматычны аналіз архіўных матэрыялаў). Для максімальнага выкарыстання патэнцыялу матэрыялаў архіва ІМЭФ імя Кандрата Крапівы неабходна іх алічбоўка, стварэнне электроннай базы дадзеных, што адкрые новыя магчымасці іх захоўвання і далейшага выкарыстання навукоўцамі.

1. Беларусы: У 8 т. Т. 3: Гісторыя этнаграфічнага вывучэння / В. К. Бандарчык ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклору ; рэдкал.: В. К. Бандарчык, М. Ф. Піліпенка, А. І. Лакотка. – Мінск : Беларуская навука, 1999. – 365 с.

2. Этнографія Беларусі: Энцыкл. (Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 575 с.

Лагуновская Е.А.

**РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ
О ЦЕННОСТЯХ ТРАДИЦИОННЫХ КОНФЕССИЙ
В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ⁶**

Ключевые слова: ценности, традиционные конфессии, молодежь, православие, католицизм, протестантизм.

Систематизированные знания и представления о ценностях традиционных конфессий, об особенностях их вероучений и культовой практики различных религиозных организаций могут быть получены молодыми людьми из разных источников. В то же время для системы образования проблема формирования духовных ценностей, в том числе и представлений о ценностях традиционных конфессий как части мирового культурного опыта, является актуальной. Данная статья нацелена на выявление роли образования в формировании представлений молодежи пограничного региона о ценностях традиционных конфессий как части процесса укрепления национальной идентичности и культуры в контексте Брестской области.

Брестская область является уникальным регионом с мощным историко-культурным христианским наследием, где переплелись православная, католическая, протестантская и униатская традиции (Брестская уния 1596 г.). Большое влияние на развитие Брестского региона в историческом контексте также оказал иудаизм. Данный региональный контекст накладывает особый отпечаток на образовательный процесс. Во внеклассной и внеаудиторной работе педагогу предоставляется возможность организации экскурсий с посещением православных и католических храмов (например, знаменитого Брестского Свято-Симеоновского собора или Костела Воздвижения Святого Креста), музеев (Спасенных ценностей, где значительная часть экспонатов связана с христианским наследием, Брестской крепости, где есть Свято-Николаевский гарнизонный собор), участия в праздниках (Коляды, Дожинки), которые сочетают языческие и христианские религиозные элементы. Данная региональная специфика в образовательной деятельности педагога способствует систематизации знаний учащихся в историческом контексте, помогая молодежи воспринимать традиционные конфессии как актуальную фундаментальную часть своей национальной и региональной идентичности. В системе высшего образования Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина осуществляет подготовку будущих учителей истории, мировой культуры и обществоведения, формируя основы их религиоведческой компетентности. От уровня подготовки педагогов, их толерантности, знаний и профессиональной культуры зависит в будущем формирование представлений учащихся о ценностях традиционных конфессий в региональном контексте.

Формированию представлений молодежи о ценностях традиционных конфессий также способствует возможность проведения исследований, написания курсовых и дипломных работ на тему религиозной истории, архитектуры и культуры Брестчины, что углубляет понимание местного контекста.

Кафедра всеобщей истории и политологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина на протяжении последних четырех лет последовательно исследует отношение молодёжи пограничного региона к ценностям традиционных конфессий. Новизна представленных материалов статьи определяется тем, что в научный оборот впервые вводятся некоторые данные проведенных нашей кафедрой социологических исследований по проблеме духовно-ценостных ориентаций молодежи. В 2022 г. в Брестской области

⁶ Исследование выполнено в рамках НИР «Ценности традиционных конфессий в сознании современной белорусской молодежи», № госрегистрации 20211331.

был проведен социологический опрос «Конфессиональные ценности в сознании современной белорусской молодёжи». Большинство молодых людей в возрасте от 16 до 31 года заявили о своей принадлежности к различным конфессиям: православие – 64,2 % респондентов, католицизм – 8,6 %, протестантизм – 15,7 %, а 10,4 % не имеют конфессиональной принадлежности [1, с. 121]. На вопрос: «Скажите, пожалуйста, оказали ли на Вас влияние в выборе религиозной принадлежности или атеизма?» – респондентам можно было выбирать несколько ответов из следующих позиций: «1. Семья. 2. Литература. 3. Интернет. 4. Друзья, знакомые. 5. Личный опыт. 6. Пресса. 7. Телевидение, радио. 8. Деятельность служителей религиозных организаций. 8. Что еще? (можно было предложить свой вариант ответа). 9. Ничего не оказалось влияния». В рейтинге позиций значимости внешних факторов, повлиявших на выбор религиозной принадлежности или атеизма, ответы молодых людей пограничного региона распределились следующим образом: семья – 68,3%, личный опыт – 35,4%, литература – 11,9%, друзья, знакомые – 9,7%, деятельность служителей религиозных организаций – 8,2%, а 11,2% респондентов выбрали позицию: «Ничего не оказалось влияния» [1, с. 122].

Как показали результаты проведенного социологического опроса, в настоящее время большинство молодых людей пограничного региона выбирают определенную конфессию под влиянием семьи, по силе воздействия превосходящую все остальные внешние факторы в условиях современной цивилизации и глобализационных процессов. Институт образования играет важную роль в формировании нравственной культуры и способен оказать действенное влияние на закрепление нравственных форм сознания, отношений и поведения на основе ценностей традиционных конфессий, чтобы актуализировать конструктивный потенциал современной белорусской семьи. Взаимодействие института образования с ценностями традиционных конфессий может быть крайне плодотворным, хотя и требует взвешенного подхода.

На основании результатов, полученных по итогам проведенного социологического опроса, можно утверждать, что в современных условиях представляется нецелесообразным введение в системе образования обязательных спецкурсов по информированию о религиях и их ценностях, так как это может вызвать отрицательную реакцию молодого поколения. С учётом современных вызовов в условиях светского государства важно избежать пропаганды религии, актуализируя ее ценности в культурном и региональном контексте, стремясь к достижению баланса между уважением к традициям национальной культуры и критическим мышлением.

Мнение опрошенных молодых людей о введении специальных курсов по информированию о ценностях мировых религий (христианство, ислам, буддизм) в школах, сузах, вузах таково: более половины респондентов (52,6%) согласны с введением специальных курсов, но эти курсы должны быть по выбору; каждый пятый опрашиваемый (19,8%) против введения этих курсов; около девяти процентов (8,6%) согласны с этим, но, чтобы курсы были общеобязательные и 19,0% молодых людей затруднились ответить на данный вопрос, что составляет потенциальную аудиторию, которой он впоследствии может быть интересен. С учетом преобладания в Брестской области молодежи-приверженцев конфессий именно они показали наибольшую заинтересованность в необходимости знакомства с религиозными ценностями как частью мировой культуры на общеобязательных предметах в школах, сузах, вузах. Если рассматривать с точки зрения конфессиональной принадлежности, то в большей степени с этим согласны протестанты (61,9%) и православные (55,2%). В меньшей степени согласны молодые люди, не имеющие конфессиональной принадлежности (39,3%), и католики (26,1%). Это говорит об эффективности осуществляющей работы по информированию о ценностях своей конфессии Католической церковью и показывает, насколько доступно и приоритетно доносится информация и транслируются ценности.

Выявленная тенденция была подтверждена в последующем опросе. В июне 2025 г. среди молодых людей пограничного региона был проведен социологический опрос на тему: «Нетрадиционная религиозность в сознании современной белорусской молодежи», в котором респондентам при ответе на вопрос: «Есть ли у Вас рекомендации для улучшения конфессиональной ситуации в Брестской области?» предоставлялась возможность в свободной форме высказать свои пожелания. Принципиальную важность имеет тот факт, что около 30% молодых людей такой возможностью воспользовались, высказали свои рекомендации и связали их именно со сферой образования, так как указали в своих пожеланиях необходимость информирования о ценностях традиционных конфессий Республики Беларусь в средних, средних специальных и высших учебных заведениях как фактор, способный улучшить конфессиональную ситуацию в Брестской области. Данная заявленная позиция значительной части респондентов пограничного региона говорит об осознании ими важной роли образования в формировании представлений молодых людей о ценностях традиционных конфессий. Другой значимой тенденцией, выявленной по итогам сравнения результатов опросов 2022 и 2025 гг., является количественное возрастание молодежи, являющейся сторонниками православной конфессии, и, соответственно, уменьшение социальной группы молодежи, не имеющей конфессиональной принадлежности.

Таким образом, преодолению недостаточной информированности молодежи о ценностях традиционных конфессий, в том числе и доминирующих в нашей стране христианских, призван способствовать факультативный курс по выбору «Основы религиозной культуры» («Религия и культура», «Религия в контексте культуры») или «Религиоведение». Данный курс, нацеленный на изучение истории мировых религий, их ценностей, в том числе и ценностей традиционных христианских конфессий, содержания и специфики их проявления во всех сферах жизни белорусского народа, способен актуализировать формирование нравственной культуры белорусской молодежи, осмысление на данном фундаменте встающих перед нею проблем и задач. В содержании и методике занятий в качестве ключевых аспектов, в русле которых открываются большие возможности осуществления идеально-воспитательной работы, могут быть выделены социокультурный и региональный контексты преподаваемого курса с учетом действия эмоционального и рационального каналов восприятия.

В высших учебных заведениях, в которых может преподаваться курс «Религиоведение» как спецкурс по выбору, он призван обобщить и систематизировать знания о ценностях традиционных конфессий, их вероучении и культовой практике, а также роли религиозных организаций как в истории мировой цивилизации, так и в истории региона. Курс также призван активизировать критическое мышление молодых людей, так как постоянно существует угроза насилиственного воздействия на молодежь со стороны деструктивной религиозности неокультов. Однако, возможно, самым важным аспектом выполняемой им роли является воспитание уважительного отношения к религиозным традициям и ценностям. Такой подход позволит обеспечить дальнейшее мирное сосуществование разных конфессий на территории Республики Беларусь.

С другой стороны, более чем в 70% учреждений общего среднего образования Республики Беларусь изучается факультативный курс воспитательной направленности «Основы духовно-нравственной культуры и патриотизма» [2, с. 322]. Центральными для данного курса понятиями являются «духовно-нравственная культура» и «патриотизм». Важную роль в проведении данных факультативных занятий играет также информирование учащихся, нацеленное на восприятие, понимание и усвоение ими гуманистических ценностей традиционных религий, являющихся частью общечеловеческого духовно-нравственного опыта, выработанного в рамках мировой культуры. Представляется целесообразным продолжение данной идеально-нравственной работы среди учащихся в старшем звене обучения (в 10–11 классах) и с учетом региональных иссле-

дований – в высшей школе. В связи с особой значимостью и актуальностью дальнейшей разработки научно-методического сопровождения факультативного курса «Основы духовно-нравственной культуры и патриотизма» представляется целесообразным продолжение проведения социологических исследований по данной теме на республиканском уровне, и преемственность в проведении идеально-нравственной работы через преподавание данного курса от средней школы к высшей. Следуя логике изложения, можно сделать вывод о потенциально важной роли данного факультативного курса в образовательном процессе в формировании представлений молодежи о ценностях традиционных конфессий в региональном контексте, что открывает перспективу для проведения дальнейших исследований на республиканском уровне при формировании учебно-методического комплекса для проведения занятий названного курса.

1. Лагуновская, Е. А. Место и роль семьи в формировании у молодежи представлений о ценностях христианских конфессий / Е. А. Лагуновская, Е. В. Скаун // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 120–129.
2. Николаенко, Г. И. Ключевые для построения факультативного курса «Основы духовно-нравственной культуры и патриотизма» дефиниции и их соотношение / Г. И. Николаенко // Зб. навуковых прац Акадэміі паслядипломнай адукацыі. – 2023. – Вып. 21. – С. 322–334.

Лапкова Т.А.

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПУТЬ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ ТУРИЗМА ВИТЕБЩИНЫ

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, развитие туризма, Витебщина.

В последние десятилетия всё большее значение приобретает понятие нематериального культурного наследия (НКН). Изначально на международном уровне утвердилась западная идея культурного наследия, где оно рассматривалось как вещественное, воплощённое в материальных артефактах (архитектуре, произведениях искусства, памятниках, археологии и т.д.). Такое понимание наследия препятствовало тому, чтобы нематериальная часть культуры стала представлять интерес для сферы международного права [6, с. 2].

Понятие НКН уже более 20 лет используется учёными, исследователями, музеиними работниками. В 2003 году была принята Конвенция ЮНЕСКО “Об охране нематериального культурного наследия”, Республика Беларусь была в числе первых 10 стран-участников, которые ратифицировали данную Конвенцию.

Нематериальное культурное наследие означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признаваемые сообществами, группами и в некоторых случаях отдельными людьми в качестве их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое из поколения к поколению, постоянно воспроизводится сообществами и группами в пределах существующего, во взаимодействии с природной и исторической окружающими средами, формирует у них чувство самобытности и преемственности, тем самым содействует сохранению культурного разнообразия и творчества человека [5, с. 2].

В Кодексе Республики Беларусь о культуре приводится следующее понятие нематериального культурного наследия:

“Нематериальные культурные ценности – это культурные ценности, форма существования (проявления) которых не оказывает существенного воздействия на их содержание.

Нематериальные культурные ценности имеют материальную или нематериальную форму существования (проявления).

К материальным культурным ценностям относятся обычаи, традиции, обряды, фольклор (устное народное творчество), белорусский язык (устный и письменный), другие языки, именословные традиции и традиционные национальные формы обращения к людям, содержание геральдических объектов, собственных географических названий (топонимов) и изделий народных художественных ремёсел, другие нематериальные проявления творчества человека” [2, с. 50].

В социальном и экономическом значении развитие традиционной культуры и туризма способствует созданию новых рабочих мест.

Создание туристического продукта на основе НКН является очень сложным, многоуровневым процессом. “Живое” наследие необходимо умело преподнести туристам, показать его отличительные особенности, нематериальный характер. Для включения НКН в индустрию туризма его необходимо соответствующим образом интерпретировать.

Интерпретаторы должны заботится о качестве и количестве предоставляемой информации. Концентрированная, хорошо обоснованная, сфокусированная на чём-то одном интерпретация более эффективна, чем долгий экскурс ни о чём.

Существует риск изменения элементов НКН в угоду туризму. Это может проявляться в искусственной театрализации элементов, введения несвойственных атрибутов или, наоборот, в упрощении наследия [6, с. 29].

Можно выделить следующие принципы для построения развития туризма на основе НКН:

- аутентичность (сохранение);
- наличие сценария (наличие сценария прибывания туристов (от приезда и до отъезда));
- предельно допустимая нагрузка (определение ПДН во время пребывания туристов (количество участников и степень вовлечённости в действия));
- финансовая справедливость (соблюдение условий, при которых доходы от пребывания туристов идут местному сообществу и остаются в местном бюджете);
- общественное мнение (учёт мнения местного населения относительно присутствия туристов);
- наличие навыков гостеприимства (необходимо обучение местного населения основам гостеприимства);
- преемственность (обеспечение преемственности элементов НКН путём привлечения к участию в обрядах молодых людей из местного сообщества);
- информирование общественности (популяризация турпродукта на основе НКН в СМИ для повышения осведомлённости о нём, роста национального самосознания и самоидентификации белорусов);
- наличие квалифицированного куратора (эксперт в области НКН должен обеспечивать и контролировать применение всех вышеуказанных принципов [1, с. 219].

Для подготовки качественных программ необходимо большое внимание уделять подготовке специалистов, которые работают с турпродуктом на основе НКН (семинары, мастер-классы, обучающие мероприятия и пр.)

Восстановленный (воспроизведённый актёрами) обряд – не равно живое наследие, фото\видео фиксация – не равно живое наследие.

Любое НКН имеет свою специфику – именно её необходимо учитывать при подготовке турпродукта. Координацию работы по сохранению элементов НКН Витебской области осуществляет ГУ “Витебский областной методический центр народного творчества”. Количество элементов НКН на территории области – 25. Комплексных объектов 5, индивидуальных – 20. Классификация элементов по видам: устные

традиции и формы выражения – 3, традиционные церемонии – 3, традиционная еда – 4, исполнительские искусства – 6, традиционные ремёсла – 9 [4, с. 19].

Устные традиции и формы выражения: это традиционные игры, сказки, народная поэзия и пр. Для интеграции такой формы необходима строгая регламентация участия туристов (введение туристов в исторический контекст, присутствие туристов в качестве зрителей, если участие – то небольшими группами). Например, элемент “Традыція вяселля са звычаямі” Дубровенского района в живой форме доносит смыслы свадьбы и практикуется многими жителями района во время проведения реальных свадеб, не театрализации. Участие в реальных свадьбах туристов может привести к деконтекстуализации и утрате первоначального значения традиции, здесь более оптимально популяризация посредством информационных блоков.

Традиционные церемонии: это обычай, праздники, обряды. Здесь важно участие туристов (даже как зрителей) согласовать с носителями традиции, категорически неприемлемо проведение обрядов в угоду туристам вне культурного контекста и актуального времени. Например, обряд “Розгары” в аг. Лукомоль Чашникского района проводится только на восьмой день после празднования Троицы в понедельник и до захода солнца. Масленичная обрядовая игра “Пахаванне дзеда” Городокского района проводится раз в год в первый понедельник Масленицы. Как качественный пример: в Житковичском районе Гомельской области разработан “Этнічны кодэкс стасункаў з носьбітамі нематэрыяльных культурных каштоўнасцей”, который регламентирует поведение туристов при посещении обряда “Юраўскі карагод”.

Многие обряды проводятся только один раз в году. Ограничение по количеству этих мероприятий может стать актуальной почвой для создания событийного туризма. Для включения таких форм в турпродукт лучше использовать музейные экспозиции, печатные материалы.

Традиционная еда: одна из областей, которая может быть использована в сфере туризма наилучшим образом – всевозможные дегустации, обеды, посещение аутентичных кухонь с акцентом на НКН. Например, элемент “Стравы з таркаванай бульбы”. Включая вид “традиционная еда” необходимо учитывать то, что многие блюда готовились только по особым случаям. К примеру, традиционное блюдо “Клёцкі з душамі” Витебской области считается поминальной едой. В случае организации питания для туристов программа может быть дополнена мастер-классами по приготовлению традиционных блюд. Актуальной может стать организация гастрономических фестивалей.

Исполнительские искусства: пение, музыка, танец, театр. Участие туристов возможно без угрозы изменения элементов НКН, предварительно необходимо информационно ознакомить туристов с особенностью исполнения. Важно избегать сценических переработок и понимать, что, например, обрядовые песни и танцы могут исполняться только в соответствующих временных условиях, как, к примеру, “Спейная традыція купальських і жніўных песень “у перахлест”.

Традиционные ремёсла: использование в сфере туризма этого вида НКН учитывая вещественную форму изделий, возможно самым удачным образом и без рисков к изменению – выставка, демонстрации, мастер-классы, обучающие практикумы. При создании программ для туристов необходимо учитывать характерные для данной местности элементы НКН, избегать простой демонстрации и использовать интерактивные формы работы, выполнять изделия из соответствующих материалов (при популяризации “Традыцыйнай тэхналогіі спіральнага пляцення” необходимо создавать изделия из соломы и лозы, недопустимо плетение из бумажных трубочек, салфеток и пр.; при работе с элементом “Традыцыйныя вобразы гліняных народных цацак” необходимо использовать глину (не тесто и пр.) [6, с. 4–46].

Для устойчивого развития туризма на Витебщине через НКН необходимо выделить несколько вариантов включения НКН в экскурсионные туры:

- 1) разработка экскурсионных маршрутов, главной темой которых является нематериальное наследие;
- 2) включение в уже разработанные экскурсионные маршруты посещения объектов (музеев, домов и центров ремёсел, домов культуры, агроусадеб и т.д.), которые представляют нематериальное наследие;
- 3) включение в уже разработанные маршруты информационных блоков об НКН. [6, с. 44].

При работе с популяризацией НКН важно помнить, что все элементы равнозначны в плане ценности.

Включение информационных блоков об НКН в экскурсионные маршруты может дополняться аудио и видео материалами, документальными фильмами. Это особенно уместно на маршрутах, которые предусматривают продолжительные переезды на транспорте.

Усложняющим фактором включения элементов НКН становится то, что турфирмы знакомят своих клиентов, в основном, с крупными городами, при том, что большинство элементов Национального инвентаря представляет сельскую народную культуру. При этом, существуют и комплексные элементы НКН, которые характерны и для крупных городов (в первую очередь это ремёсла): “Традыцыйнае мастацтва маляваных дываноў Віцебскага Паазер’я”, “Мастацкія практикі саломапляцення Віцебскай вобласці”, “Традыцыі інсітнага (наіўнага) мастацтва Віцебшчыны” и др.

В условиях глобализации сохранение НКН становится важной задачей для формирования уникального культурного пространства в области поддержания национальной идентичности и развития туризма.

Угрозы и вызовы. Глобализация и урбанизация приводят к утрате традиционной народной культуры. Молодежь всё реже продолжает традиционные ремёсла и обряды. Одной из явных угроз для развития турпродукта на основе НКН является старение носителей, что в общем влияет на жизнеспособность элемента. Необходимо вовлечение молодого поколения путём создания клубов и объединений, преимущественно для молодёжи – клубы этнографов, исторической реконструкции и т.п.

Плюсом станет наличие большого количества конкурсов, фестивалей для детей и молодёжи, всевозможные проекты и гранты.

В ряд причин, затрудняющих развитие турпродукта на основе НКН, входит не заинтересованность в работе с культурным наследием турфирм. Одна из причин в том, что оказание туристических услуг на основе НКН требует большого количества коммуникаций и взаимодействий со специалистами на различных уровнях.

Еще одной из причин можно назвать малую осведомлённость сотрудников турфирм о наличии такого понятия как НКН. Необходимо постоянное сотрудничество турфирм и учреждений из сферы культуры, проведение различных обучающих мероприятий. Важным инструментом для повышения уровня информирования населения о НКН может стать создание сообществ и групп в социальных сетях.

Необходимо максимально активно использовать современные технологии: виртуальные туры, видеодокументальные фильмы; создание интерактивных сайтов и приложений, позволяющих познакомиться с наследием дистанционно; создание мультимедиа проектов, объединяющих фольклор и современные технологии.

Отсутствие ресурсов – материальных и человеческих, так же является актуальной проблемой. Поэтому важно, чтобы часть дохода от турпродукта, созданного на основе НКН, поступала в пользу носителей НКН, что способствует устойчивому развитию и повышению жизнеспособности определённого элемента НКН.

При работе с НКН необходимо избегать искажения аутентичных традиций, изменения смысла и ценности наследия для его носителей. Проведение обрядов календарного цикла в несоответствующий период, десакрализация пространств, упрощение ремесленных изделий, чрезмерная коммерциализация – это риски и угрозы, которые необходимо минимизировать при работе с материальным наследием [6, с. 59].

Сохранение и популяризация НКН является важнейшей составляющей стратегии развития туризма и обеспечения его устойчивого развития. Нематериальное наследие Витебщины при грамотной работе может стать туристическим ресурсом, который укрепит национальную идентичность, расширит туристический потенциал, создаст новые рабочие места и привлечёт инвестиции в местные бюджеты. Для достижения этих целей необходимо системное взаимодействие органов власти, туристического бизнеса и научных институтов. А так же использование современных технологий и международного опыта.

1. Клицуно娃, В. Интерпретация наследия в туризме. Новые подходы в эпоху экономики впечатлений / В. Клицунова. – Минск : Четыре четверти, 2021. – 219 с.
2. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры 20 ліпеня 2016 г. № 413-3 (в ред. Закона Республики Беларусь от 21.07.2022 № 201-3) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk1600413> (дата обращения: 15.09.2025).
3. Рэзкіна, Л. П. Васільковая спадчына продкаў. Каталог элементаў нематэрыяльнай культурнай спадчыны Віцебскай вобласці / Л. П. Рэзкіна (уклад.). – Вітебск: ГУ “Вітебскі областной методіческі цэнтр народнага творчества”, 2023.
4. Сохранение нематериального историко-культурного наследия Беларуси: Международный и национальный опыт / ГУ “Гомельский областной центр народного творчества”. – Гомель, 2024.
5. Сашкевіч, А. Жывая спадчына Беларусі / А. Сашкевіч – РУП “Інформаційна-вычислітельны цэнтр Міністэрства фінансаў Республікі Беларусь, 2017.
6. Филипчик, Д. В. Материалы по использованию нематериального культурного наследия для развития туризма в Республике Беларусь / Д. В.Филипчик. – Минск, 2022.

Лембовіч Д.Ц.

РЭВІТАЛІЗАЦЫЯ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ ДЗЯРЖЫНСКАГА РЭГІЁНА: СТАНІ ПЕРСПЕКТЫВЫ

Ключавыя слова: рэвіталізацыя, гісторыка-культурная спадчына, Дзяржынскі раён, захаванне помнікаў, турыстычны патэнцыял.

Актуальнасць тэмы артыкула абумоўлена неабходнасцю захавання і адаптацыі гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі ва ўмовах сучасных урбаністычных і сацыяльных трансфармацый. Рэвіталізацыя аў'ектаў гісторыі і культуры ўяўляе сабой не толькі іх рэстаўрацыю, але і інтэграцыю ў сучаснае жыццё, што дазваляе захаваць сацыякультурную ідэнтычнасць насельніцтва асобных рэгіёнаў, заснаваную на багатай матэрыяльнай і духоўнай спадчыне. Аднаўленне помнікаў і прыстасаванне старых пабудоў пад сучасныя патрэбы грамадства садзейнічае развіццю туризму, што ўпłyвае на эканоміку рэгіёна, а прыцягненне ўвагі да гісторыі і культуры – павышэнню ўзроўня адукацыі і патрыятызму сярод жыхароў пэўнай мясцовасці.

Дзяржынскі раён, размешчаны ў цэнтральнай частцы Мінскага рэгіёна, мае значны гісторыка-культурны патэнцыял. На яго тэрыторыі размешчаны 13 аў'ектаў уключаных у Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь: помнікі гісторыі (магіла святой блажэнай Валянціны Мінскай (1966 г.), магіла Марата Казея (1944 г.), брацкая могілка), помнікі археалогіі (гарадзішча, курганныя могільнікі), помнікі архітэктуры (“Фрагменты сядзібна-паркавага комплексу “Капыліншчына”, “Комплекс былой сядзібы XIX ст.”, “Ансамбль былой сядзібы XIX ст.”). Сярод найбольш каштоўных можна вызначыць комплекс былой сядзібы XIX ст. у аг. Волма (2 катэгорыя) і ансамбль былой сядзібы XIX ст. ў в. Станькава (3 катэгорыя).

Рэвіталізацыя гісторыка-культурнай спадчыны ў Дзяржынскім раёне ўключае ў сябе некалькі асноўных напрамкаў. Перш за ёсё, гэта рэстаўрацыя і рэканструкцыя помнікаў архітэктуры, якія валодаюць гістарычнай каштоўнасцю, з мэтаю вяртання іх першапачатковага выгляду і, адначасова, прыстасавання для сучаснага выкарыстання. Падругое, актыўнае стварэнне новых музеіных прастор і экспазіцый, якія распавядаюць пра гісторыю рэгіёна, вядомых жыхароў і важныя дасягненні. Па-трэцяе, развіццё турыстычнай інфраструктуры, стварэнне камфорктных умоў для гасцей раёна з дапамогай уладкавання пешаходных зон, усталявання інфармацыйных стэндаў, распрацоўкі новых турыстычных маршрутаў, што спрыяе папулярызацыі Дзяржынскага рэгіёна.

Сярод прыкладаў паспяховай рэвіталізацыі з дапамогай дзяржаўных інвестыцый можна адзначыць аднаўленне сядзібы Ваньковічаў у аг. Волма, якая, згодна крыніцам, вядома з XV ст., як уладанне віленскага старасты Манівіда. З цягам часу сядзіба перайшла ў гаспадаранне Альбрэхта Гаштольда, потым – Радзівілаў, у XVII ст. стала вотчынай Валадковічаў, пазней – Філіповічаў, а ў пачатку XIX ст. – Ваньковічаў. Новая сядзіба фарміравалася апошнімі на беразе р. Волма ў стылі класіцызму. У яе склад уваходзілі: сядзібны дом, флігель-кухня, дом з мансардай, службовы корпус, капліца-пахавальня, шраг гаспадарчых пабудоў, невялікі парк [1, с. 115].

Сядзібны дом размешчаны ў цэнтральнай частцы сядзібы, двухпавярховы, простакутны ў плане, меў калідорную планіроўку. Сярод цікавых канструктыўных вырашэнняў – сцены, якія мелі таўшчыню каля аднаго метра. Знешніе аздабленне будынка даволі складнае, прамавугольныя ваконныя праёмы з руставанымі перамычкамі і сандрыкамі. Калісці цэнтральны фасад сядзібнага дома быў вылучаны чатырохкалонным порцікам, але ён не захваўся. У падмурках будынка размяшчаліся скляпенчатыя сутарэнні, якія выкарыстоўваліся для захавання ежы. Апошні ўладальнік сядзібы Леон Ваньковіч пабудаваў пабач з сядзібным домам аднапавярховы дом з мансардай і жыў у ім апошнія гады, а двухпавярховы будынак быў прыстасаваны пад маслазавод. Па гэтай прычыне ў паўднёвым фасадзе з'явіліся дадатковыя дзвёры. Побач з сядзібным домам размешчана кухня-флігель, на супрацьлеглым беразе ракі – капліца-пахавальня.

Да нашых часоў будынкі сядзібы захаваліся. Зараз у ей размяшчаецца філіял установы адукацыі “Рэспубліканскі інстытут прафесійной адукацыі” Эка-Тэхна-Парк “Волма”. Побач з сядзібай былі пабудаваны новыя карпусы, у якіх размясціліся навуковыя лабараторыі і іншыя тэхнічныя кабінеты, а на будынках былога сядзібы пачаліся рэмонтна-рэстаўрацыйныя работы, якія фінансаваліся па Дзяржаўнай інвестыцыйнай праграме.

У 2020 г. былі завершаны работы па аднаўленню флігеля-кухні. Згодна праекту, у будынку размешчана зала для правядзення святаў, побач абсталявана кухня, для прыгатавання святочных страў. У сваю чаргу, у 2022 г. скончаны работы па рэстаўрацыі двухпавярховага сядзібнага дома. На першым паверсе будынка размясцілася канферэнц-зала для правязення сходаў і дзелавых сустрэч, невялікая малельня. Другі паверх цалкам адведзены пад гасцініцу, разлічаную на 50 месцаў [2]. На астатніх будынках, якія ўваходзяць у склад сязібы, працягваюцца рэстаўрацыйныя работы.

Наступным прыкладам рэвіталізацыі з'яўляецца сядзіба ў в. Станькава, якая вядома з XIV ст. і належыла Дарагастайскім, пазней – Радзівілам. Апошнімі ўладальнікамі маёнтка сталі Гутэн-Чапскія, якія збудавалі тут сваю радавую рэзідэнцыю. У склад сядзібы ўваходзілі: палац, кухонны флігель, павільён “Скарбніца”, Свята-Мікалаеўская царква, дом для прыслугі, свіран, кароўнік і чатыры ўяздныя брамы. Да нашых часоў дайшлі амаль усе пабудовы былога сядзібы, акрамя будынка палаца [5, с. 218].

Дамінантай ансамбля з'яўляецца Свята-Мікалаеўская царква, пабудаваная ў 1858 г. па праекту знакамітага архітэктара Канстанціна Тона ў руска-візантыйскім стылі на сродкі Эмерыка Гутэн-Чапскага. Гэта крыжова-купальны храм з убудаванай у асноўны аб'ём званіцай над бабінцам і вялікай паўкруглай апсідай. Тры арачныя

ўваходы аформлены манументальнымі парталамі, арачныя вокны аздоблены ліштвамі. У архітэктуры выкарыстаны какошнікавы парапет, закамары, аркатуры [3, с. 88].

У 1930-я гг. царква была зачынена і выкарыстоўвалася ў якасці збожжасховішча. З дапамогай ваенай тэхнікі вясной 1961 г. храм разбурылі, а цэглу будынка выкарысталі для збудавання новай плаціны. Больш за 40 год толькі рэшткі святыні нагадвалі мясцовым жыхарам аб мінульым. У 2007 г. на сродкі грамадскасці пачаліся рэстаўрацыйна-аднаўленчыя работы. Праект, аўтарам якога стаў мясцовы жыхар Алег Масліеў, выкананы па эскізных рашэннях і комплексных навуковых пошуках, зацверджаных Міністэрствам культуры Рэспублікі Беларусь у 2007 г. На сёняшні дзень гістарычны воблік храма поўнасцю адноўлены і ў ім праводзяцца набажэнствы.

Будынак павільёна “Скарбніца” закладзены ў XVIII ст., а стыль нэаготыкі набыў пасля перабудовы ў сярэдзіне XIX ст. Унутры будынка размяшчаліся дзве аднолькавыя па памеры залы і былі прызначаны для графскай бібліятэкі, якая налічала каля 20 тысяч тамоў кніг. На другім паверху вяла спіральная лесвіца, якая была ўсталявана ў адной з веж [4, с. 286].

У 1972 г. у будынку размясціўся музей Героя Савецкага Саюза Марата Іванавіча Казея, што дзейнічаў да 1994 г., пасля чаго павільён не выкарыстоўваўся пад грамадскія патрэбы. На аснове праведзеных даследаванняў выяўлена, што павільён мае шматлікія фасадныя і канструктыўныя дэканструкцыі як вынік безгаспадарнага існавання, і патрабуе рэстаўрацыі. У 2023 г. мясцовымі ўладамі быў знайдзены прыватны інвестар, які згадзіўся ўкладзіць гроши ў аднаўленне “Скарбніцы” і стварэння ў будынку нумізматычнага музея. Нельга не пагадзіцца, што гэта добрая магчымасць надаецца новае жыщце гістарычнай прасторы, якая будзе прывабліваць шырокасць кола наведвальнікаў.

Такім чынам, рэвіталізацыя гісторыка-культурнай спадчыны мае важнае значэнне для ўстойлівага развіцця Дзяржынскага рэгіёна, з'яўляеца магутным інструментам для павышэння якасці жыцця, умацавання эканамічнага дабрабыту і фарміравання ўстойлівай будучыні для рэгіёна, заснаванай на павазе да мінулага і імкненні да інавацый. Гэты працэс не проста аднаўляе аблічча старадаўніх будынкаў і помнікаў, а натхніе новае жыщце ў гістарычныя прасторы, робіць іх актуальнымі і запатрабаванымі ў сучасным свеце. Разам з тым, рэстаўрацыя помнікаў гісторыка-культурнай спадчыны – складаны працэс, які патрабуе істотных фінансавых укладанняў.

Аналіз вопыту Дзяржынскага рэгіёна дэманструе што акрамя дзяржаўнай падтрымкі, для аднаўлення гістарычных аб'ектаў, мэтазгодна выкарыстоўваць пазабюджэтныя крыніцы – прыватныя інвестыцыі і краудфандывавыя ініцыятывы, заснаваныя на падтрымцы грамадскасці. Напрыклад, рэалізацыя праекта рэканструкцыі сядзібы у аг. Волма наглядна дэманструе паспяховую практыку адаптациі гістарычнага аб'екта для патрэб адучыць і адпачынку. У выніку праведзеных работ, фінансуемых у рамках Дзяржаўнай інвестыцыйнай праграмы, сядзіба не толькі захавала сваю гістарычную каштоўнасць, але і атрымала новае функцыянальнае прызначэнне. У сваю чаргу, аднаўленне Свята-Мікалаеўскай царквы, ініцыяванае і прафінансаванае грамадскасцю, з'яўляеца яркім прыкладам эфектыўнага ўдзелу насельніцтва ў захаванні культурнай спадчыны, спрыяла адраджэнню духоўнага жыцця ў рэгіёне. У той жа час, прыцягненне прыватнага інвестара для рэстаўрацыі павільёна “Скарбніца” і стварэння там нумізматычнага музея стварае спрыяльнае асяроддзе для развіцця турызму, бізнесу і крэатыўных індустрый.

1. Валаханович, А. И. Дзержинщина: прошлое и настоящее / А. И. Валаханович, А.Н. Кулагин. – Минск : Наука и техника, 1986. – 197, [2] с.

2. Гісторыка-культурны патэнцыял // Экатэхнапарк Волма. – URL: <https://etp-volma.by/istoriko-kulturnyj-potenczial> (дата звароту: 01.04.2025).

3. Масліев, О. И. Архитектурные памятники Станьково – реставрация и восстановление / О. И. Масліев // Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі прысвечанай 180-годдзю з дня нараджэння Эмерыка фон Гутэн-Чапскага, Мінск, 16–18 сакавіка, 2009. – Мінск, 2009. – С. 88–123.

4. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Минского края / А. Т. Федорук. – Минск : Поліфакт, 2000. – 416 с.

5. Якімовіч, Ю. Кайданаўскія сядзібы / Ю. Якімовіч // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. – Мінск : БелСЭ, 1986. – Т. 3. – 463 с.

Лицкевич О.В.
РЕЕСТР ДВИНСКИХ БРОДОВ И ПЕРЕВОЗОВ 1557 Г.:
ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Ключевые слова: Западная Двина, Даугава, Великое Княжество Литовское, Витовт, Довмонт, Герцике, Куценойс.

В 37-й книге Литовской Метрики находится запись под названием «Реестр пописанья бродов и перевозов на реце Двине через пана воеводу полоцкого». Этот акт 11 декабря 1557 г. полоцкий воевода Станислав Довойна прислал в Варшаву королю Сигизмунду Августу [12, р. 182].

Впервые, с некоторыми неточностями (например, «Невчинны» вместо «Невгинни»), запись была опубликована в 1863 г. [1, с. 140–141]. В 2011 г. ее заново издал Д. Баронас в составе 37-й книги Литовской Метрики по копии из Российского государственного архива древних актов [12, р. 182]. Запись вкратце пересказал А.П. Сапунов в монографии о реке Западной Двине [8, с. 182–183]. Недавно реестр 1557 г. в части, касающейся великого князя литовского Витовта, привлек внимание исследователей, изучающих древние известия о монументальных каменных крестах [6]. Этот же фрагмент про Витовта вкратце рассматривается в работах Т. Челкиса о древних дорогах ВКЛ [10, р. 70; 11, р. 61–61, 100].

Не вызывает сомнения, что реестр был составлен в военных целях – в преддверии начавшейся вскоре Ливонской войны. Сведения о двинских бродах и перевозах предназначались для более эффективной организации перемещения войск. В реестре также сообщается о том, как было наложено водоснабжение ливонского замка Цесис («Кесь») и насколько исправными были дороги, которые следовали по направлению к Риге вдоль левого и правого берегов Западной Двины. Военное назначение этого источника позволяет предполагать, что он был составлен добросовестно и что данные в нем точны.

Описание начинается от «рубежа полоцкого», который в XV–XVI вв. проходил по р. Индрица, правому притоку Западной Двины [2, с. 103]. Отсюда, если двигаться в западном направлении, на Западной Двине не было брода вплоть «до самое Невгинии», то есть до латгальского городища Новене, где первоначально, с XIII в., располагался ливонский замок Динабург, впоследствии перенесенный на другое место ниже по течению. Близ городища Новене через Западную Двину пролегал древний торговый путь из Литвы (*Korpwech*) [5, с. 21] – соответственно, здесь был и брод. Согласно промерам второй половины XIX в. он мог находиться ниже порога Нижний Кривец, где глубина фарватера реки составляла 0,37 сажени [8, с. 200, карта после с. 202].

«От Невгинни в трех милях на Лучосне ест перевоз, але броду нет, и туды Витолт ходил до Великого Новгорода и Москве, где и теперь там еще крыжы ест». Из источников известно о двух походах Витовта на Великий Новгород – в 1401 и 1428 гг. (реальность первого похода некоторыми исследователями отрицается) [6, с. 293–294, 297–300]. Упоминаемые в реестре «крыжы», тем более первой трети XV в., на берегах Западной Двины ниже Динабурга не обнаружены [6, с. 300–301]. «Лучосной» в реестре названа р. Ликснянка, как предполагал еще А.П. Сапунов. Поход войск ВКЛ на Великий Новгород через эту местность вряд ли мог состояться ранее 1403 г., когда Витовт захватил и разрушил Динабург [13, с. 266].

Хотя Т. Челкис переводит слово «перевоз» на литовский язык как *brasta* («брод»), совершенно ясно, что реестр 1557 г. проводит четкое различие между собственно «брodom» и «перевозом». «Перевоз» в данном случае – это паромная переправа.

Дальше в двух милях от «Лучосны» вниз по реке был брод «Бероза», «березский». А.П. Сапунов относительно «Берозы» лаконично замечает: «Ныне остров» [8, с. 182].

На топографической карте Генштаба Вооруженных Сил СССР 1981 г. обозначена река Березовка – левый приток Западной Двины (лист О-35-137, квадрат 14:58). Близ ее устья в XIX в. располагался населенный пункт Берзень (см. трехверстовую карту 1877 г., ряд X, лист 5). Рядом с устьем Березовки находится населенный пункт Глаудани (*Glaudāni*) Двиетской волости Аугшдаугавского края Латвии. Прямо напротив него расположен довольно крупный остров. Согласно Латвийской государственной базе данных *Vietvārdi Datubāze* (<https://vietvardi.lgia.gov.lv/lv/search?objectID=77551>) этот остров у местного населения назывался *Glaudu sola*. В различных редакциях жития благоверного князя Тимофея Довмонта Псковского рассказывается о том, как псковичи в XIII в. разбили литовское войско, перешедшее вброд («пребродившиеся») через Западную Двину недалеко от острова «Гоидов». При этом остров находился ниже по течению относительно брода, поскольку оставшихся в живых литовцев «Двина изверже 70 на остров Гоидов» [7, с. 17]. Есть основания отождествлять этот остров «Гоидов» с островом *Glaudu sola*, а расположенный выше по течению брод – с бродом у устья р. Березовка, который в реестре 1557 г. назван «Бероза».

Следующий брод в реестре описан так: «От Невгини у восми милях, понижеи Бобра острова, над Ивановою рекою ест брод мелькии». В километре к северу от д. Ницгале – центра Ницгальской волости Аугшдаугавского края Латвии – находится устье р. Янупе, правого притока Западной Двины. Янупе – это, по сути, перевод названия «Иванова река» на латышский язык (*ire* – «река»). «Ивановой» река называлась еще в XIX в. [8, карта после с. 202]. На трехверстовой карте 1877 г. (ряд X, лист 5) ближайший к Ивановой реке крупный двинский остров указан напротив населенного пункта Самаголе, и есть еще один крошечный островок напротив Ницгале. Однако на топографической карте Генштаба Вооруженных Сил СССР 1981 г. (лист О-35-137, квадрат 22:58) острова напротив Самаголе уже нет, а остров напротив Ницгале сохранился, но стал крупнее в размерах. Это свидетельствует об изменчивости русла Западной Двины из-за природных факторов и деятельности человека. Можно предполагать, что «Бобр остров» в старину находился напротив Ницгале. К 1893 г. мелкого брода в районе устья Ивановой реки уже, по-видимому, не было: глубины здесь составляли от 1,04 до 1,91 сажени [8, с. 200].

Далее вниз по течению Западной Двины еще один брод находился «в мили от Иваново реки, а от Невгини в десети милях ув Островъца». Под «Островцами» здесь следует понимать группу мелких двинских островов возле устья р. Эглайнэ, левого притока Западной Двины (лист О-35-137, квадраты 32:52 и 34:48). Это непосредственно к югу от городища Герцике.

Следующий брод: «От того Островъца в польпеты [4,5] мили, а от Невгини в четырнадцати милях под Светым островом над клавками, вельми мелькии, а от Круибарку замъку в трох милях». В обеих публикациях реестра, сделанных в 1863 и 2011 гг., слово «клавками» дано со строчной буквы, и это затрудняет понимание текста. Между тем «Клавки» – это имя собственное: на Западной Двине, напротив нынешней д. Трепмуйжа Кукусской волости Екабпилсского края Латвии, находились пороги Верхняя Клавка и Нижняя Клавка [8, с. 154, карта после с. 202]. Причем выше по течению от Верхней Клавки к 1893 г. глубина фарватера реки составляла всего 0,67 сажени [8, с. 200].

Отсюда бродов не было вплоть до замков Крейцбург («Круибарк»), Зельбург («Земьборк»), Кокенхузен («Куконос»; ныне Кокнесе) и Ашераден («Сковоротно»; ныне Айзкраукле). По археологическим данным, в XII в. в Куkenойсе могла находиться паромная речная переправа [9, с. 288]. Это косвенно подтверждает известия реестра 1557 г. о том, что здесь не было брода.

Остается неясным, существовал ли брод в Ашерадене. В реестре прямо об этом не говорится, но из построения фразы можно заключить, что в Ашерадене мог быть первый брод после Крейцбурга: «...до Сковоротна города, то нигде брода нет». К 1893 г.

глубина фарватера возле порогов Серебряница и Железница в районе Ашерадена составляла соответственно 0,85 и 0,74 сажени [8, с. 201].

Еще три броды находились в районе замков Ленневарден («Лелеверт»; ныне Лиелварде) и Икскуль («Лышков»; ныне Икшкиле), а также в полукилометре от Риги «на плесе Рызском над островами».

Сведения реестра 1557 г. чрезвычайно важны для изучения более древней истории Подвилья. Некоторые броды и перевозы, например возле городища Новене, возле устья рек Ликснянка и Березовка, вполне могут претендовать на статус международных объектов историко-культурного наследия, имеющих значение не только для Латвии, но и для Беларуси, Литвы, России. И дело далеко не ограничивается некоторыми аспектами военной деятельности Довмонта и Витовта, о которых говорилось выше. Броды и перевозы влияли на формирование военных и торговых путей, возникновение опорных пунктов, складывание крупных исторических областей.

Расположение ряда бродов и перевозов на Западной Двине четко соответствует расположению крупнейших средневековых городищ и замков – Новене (Динабург), Герцике, Кукенойс, Ленневарден, Икскуль, Рига. Рассуждая шире, от расположения бродов и перевозов непосредственно зависели и границы областей, сформировавшихся вокруг этих центров на правобережье Западной Двины в XII–XIII вв. Так, в Полоцкой земле самый западный двинский брод находился, по-видимому, в районе Друи: к 1893 г. возле устья р. Друйка глубина фарватера Западной Двины составляла всего 0,68 сажени [8, с. 199]. За р. Индрица начиналась область Восточной Латгалии, южная оконечность которой сложилась вокруг городища Новене и проходившего близ него торгового пути с бродом на Западной Двине. Река Ликснянка, где существовал перевоз, представляла собой восточную границу Герцкского княжества [5, с. 18–19]. Князь Герцике в начале XIII в. держал под контролем четыре брода: Березу, над Ивановой рекой, в Островцах и над порогами Клавки. Расположение Кукенойса определялось прежде всего географией двинских порогов и потребностями торговой логистики [4, с. 185–186]; однако и возле Кукенойса в древности существовал перевоз, который к моменту составления реестра 1557 г. уже не функционировал. Область двинских ливов тоже сформировалась вокруг бродов: в Ленневардене, Икскуле, Риге и, возможно, Ашерадене [3].

Стоит упомянуть и еще один аспект. Реестр 1557 г. завершается характеристикой дорог вдоль Западной Двины: «А от Друи дорога добрая по литовъской стороне, аж до Березы брода все мосты, а по рускои стороне, почоньши от Земъбаръка города аж до Риги, самое по обапол Двины дорога добрая, атькольвек ест реки, але ест везде мосты на них, а теж речки и ручай невеликие». Мы видим, что составитель реестра, чиновник из канцелярии полоцкого воеводы, считает «Литовской стороной» территорию на левобережье Западной Двины, в частности от Друи до брода Береза. А «Русской стороной» он именует территорию на правобережье Западной Двины – от Зельбурга до Риги, не смущаясь тем, что эта область давным-давно уже называлась Ливонией и принадлежала немцам. Старейшие гидронимы и топонимы с корнем «Рус-» выявляются на придвинских территориях Ливонии уже в источниках XIV в.; они, очевидно, восходят к еще более древним временам, то есть к XII – началу XIII в., когда область двинских ливов, княжества Герцике и Кукенойс и Восточная Латгалия находились в определенной зависимости от Полоцкого княжества [3, с. 173; 4, с. 187]. Архаичное определение «Русская сторона» по отношению к правобережным двинским областям, думаю, имеет такое же и столь же древнее происхождение.

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. – Т. 1. 1361–1598. – СПб. : В тип. Эд. Праца, 1863. – 2, 301, 15 с.

2. Лицкевич, О. В. Древнейшие участки белорусско-латвийской границы как историко-культурная ценность (к постановке проблемы) / О. В. Лицкевич // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт. Материалы международной научно-практической конференции. Витебск, 22–23 октября 2021 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 102–108.

3. Лицкевич, О. В. Зависимая от Полоцка область двинских ливов и ее пределы в начале XIII в. / О. В. Лицкевич // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. – Вып. XXXIV. Межэтнические контакты в социокультурном контексте / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М., 2022. – С. 171–175.

4. Лицкевич, О. В. Княжества Куkenойс и Герцике и их отношение к Полоцку в начале XIII в.: некоторые наблюдения и данные / О. В. Лицкевич // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Полацк, 1–2 лістапада 2022 г.) / уклад. Т. У. Явіч. – Полацк : Полацкае кніжнае выдавецтва, 2022. – С. 181–195.
5. Лицкевич, О. В. Область Восточной Латгалии, уступленная Тевтонскому ордену полоцким князем Константином в 50-х – начале 60-х гг. XIII века / О. В. Лицкевич // Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 14. – Минск : РИВШ, 2021. – С. 15–27.
6. Потравнов, А. Л. Каменные кресты на берегах Западной Двины и походы Витовта / А. Л. Потравнов, Т. Ю. Хмельник // Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. – Вып. 38. Материалы 68-го заседания (18–20 апреля 2023 г.). – Москва – Псков : ИА РАН, 2023. – С. 292–305.
7. Псковские летописи / под ред. А. Н. Насонова. – Вып. 2. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 364 с.
8. Сапунов, А. П. Река Западная Двина / А. П. Сапунов. – Вітебск : Типо-Літографія Г. А. Малкіна, 1893. – IV, 512, LXIX с.
9. Стубавс, А. Археологические раскопки в замке Кокнессе / А. Стубавс // Археологические открытия 1966 года. – Москва : Наука, 1967. – С. 287–288.
10. Čelkis, T. Keliai po viduramžių Lietuvą. I: XIII–XV a. pirmosios pusės sausumos kelių samprata / T. Čelkis // Lituanistica. – 2013. – T. 59. – Nr. 2 (92). – P. 61–76.
11. Čelkis, T. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kelių evoliucija. Sausumos užvaldymas / T. Čelkis. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2021. – 464 p.
12. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 37 (1552–1561): Užrašymų knyga 37 / parengė D. Baronas. – Vilnius : LII leidykla, 2011. – 632 p.
13. Scriptores rerum Prussicarum. – Bd. 3. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1866. – VI, 730 s.

Лю Цзин ПАРКОВОЕ ИСКУССТВО КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛАНДШАФТА В КИТАЕ

Ключевые слова: парковое искусство, ландшафт, художественный образ, композиция, выразительные средства.

Парковое искусство – это искусство создания озеленяемых территорий, в котором природа занимает главенствующее положение, так как для организации пространства используется растительность – живой, изменчивый материал, переживающий смену времён года и объединяющий природу с художественным творчеством. Парковое искусство состоит из планировки и разбивки парков; подбора растений для различного климата и почв, а также ухода за ними; размещения и группировки растений, которые должны сочетаться с архитектурой, дорогами, водоёмами, скульптурой и т.д. [3, с. 107].

Природа – уникальный образец красоты и миропорядка. Все виды искусства начинались с подражания ей. Ландшафт вдохновил на создание первых пространственных композиций, которые впоследствии вошли в парковое искусство. Художественный ландшафтный дизайн заключается в обустройстве территории деревесными и травянистыми декоративными растениями, улучшающими эстетический облик среды, в сочетании с малыми архитектурными формами, а также другими приемами ландшафтного проектирования. Основные композиционные элементы садово-паркового комплекса, формирующие его неповторимый художественный образ, воспроизводятся в парках всех типов, стилей и эпох (рис. 1).

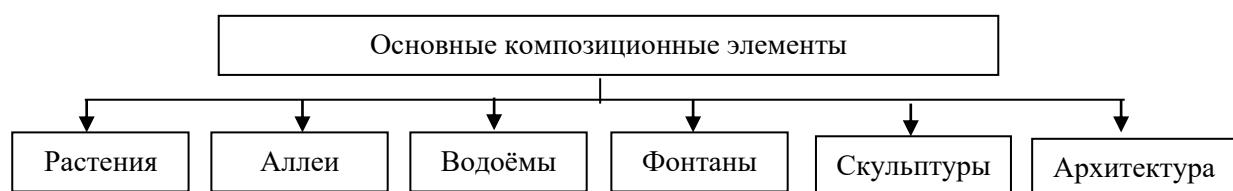

Рисунок 1

Современные парки характеризуются свободными ландшафтами и регулярными пространствами с архитектурой, основанной на художественной интерпретации природного ландшафта, включая регулярно планируемые территории. Принципы пространственной организации, климата и топографии обеспечивают уникальность и

определяют художественно-образную систему ландшафта, которая, в свою очередь, является постоянно меняющейся системой [2, с. 120]. Садово-парковые комплексы раскрывают эстетические возможности природной среды, которые включают необходимые элементы благоустройства, чтобы не нарушать существующие экологические законы и при этом придать им максимальную художественную выразительность.

Колорит ландшафтных композиций садово-паркового комплекса является важным компонентом его художественного образа. Он имеет сезонный характер и напрямую зависит от времени года. Композиции, рассчитанные на колористический эффект, преимущественно создаются путём цветочного оформления, т.е. использования травянистых декоративных растений; цветовые эффекты создаются в основном на горизонтальной поверхности территории. Вечнозеленые деревья и кустарники составляют основу колорита на протяжении всего года. Для правильного подбора цветовой гаммы ландшафтных композиций необходимо знать биологию развития и динамику растений в течение всего года.

Применяют различные приёмы колористического оформления ландшафтных композиций: использование разнообразных цветочных насаждений; оформление пространства древесными растениями различной окраски и форм композиции; окраска коры, веток и стволов деревьев; управление специальным освещением (искусственным и естественным) насаждений и различных элементов геопластики (холмов, альпийских горок, подпорных стенок, лестниц) и т.д. Освещение имеет большое значение. Плотные навесы деревьев освещаются с одной или двух сторон, чтобы подчеркнуть их объем, прозрачные навесы освещаются снизу, а кустарники подсвечиваются изнутри для декоративного эффекта. Хроматический свет используется в смешанных посадках и для усиления сезонного цвета. Ртутные лампы используются для придания летней листве изумрудно-зеленого оттенка, а в зимнем пейзаже заснеженные деревья могут быть освещены «холодными» оттенками света, а их стволы – «теплыми» оттенками.

Выразительным средством садово-паркового искусства является синтез различных видов искусств: скульптуры, архитектуры, дизайна, цветомузыки, декоративно-прикладного искусства, живописи и т.д. Примером художественной интерпретации ландшафта в садово-парковом искусстве являются парки Китая.

«Парк века» – крупный городской экологический парк в Шанхае площадью более 140 га, созданный как символ рубежа XX–XXI вв. Данный объект интегрирует в себе не только традиционные элементы восточного и западного садоводства, но также и абсолютно новые приемы обустройства зеленых территорий. Главная идея парка заключается в демонстрировании гармонии природы и человека [1, с. 29]. Преобладают именно искусственные ландшафты: водные, луговые и лесные; созданы также зоны аттракционов и необходимые условия для катания на велосипедах и лодках, ловли рыбы (рис. 2).

Новый городской парк Шанхая, сочетающий в себе приемы китайского и европейского садово-паркового дизайна, был построен в начале XXI в. Он расположен между крупными транспортными магистралями. Этот парк имеет треугольную форму, ограниченную магистралями, с каждой из сторон расположен вход. В центре расположен водоём, вокруг которого равномерно распределена разветвлённая сеть дорог. Обширные площади парка покрыты газонами, а входные группы украшены насаждениями цветов. На территории присутствует множество объектов гротескной парковой скульптуры, а на полянах можно встретить гигантские фигуры лошади, утки, чайки, собаки, скамью в форме дельфина, выныривающего из воды, бронзового игрока в бадминтон (в европейском стиле), миниатюрных девушек-спортсменок, шаолиньских монахов и множество других неожиданных персонажей. В контрасте с разнообразными садовыми фигурами, на берегу водоема растут плакучие ивы, видны изящно изогнутые мосты, ручей с каменистыми берегами, вытекающий из зарослей бамбука [1, с. 29]. Повсюду можно встретить изящно проработанные, контрастные по форме и цвету пейзажные

группы. Хотя в парке сочетаются европейские и азиатские стилистические черты, он все же выдержан в китайском стиле, с обширным центральным водоемом и разнообразной флорой долины реки Янцзы (рис. 3).

Рисунок 2. «Парк века», г. Шанхай

Рисунок 3. Новый городской парк, г. Шанхай

Парк «Хэхуачи» (Лотосовый пруд) был построен ещё в 1990-х гг. на основе водоема, через который проходит один из городских каналов древнего города Янчжоу. Водные поверхности занимают более двух третей всей площади парка. Объект расположен в центре города, непосредственно к берегам примыкают кварталы городской застройки, и он активно используется как место отдыха населения. Парк украшают каменные выгнутые зигзагообразные деревянные мости, а также традиционные китайские павильоны и беседки с видом на воду, из которых летом можно любоваться цветущим лотосом. Здесь много замощенных площадей для многочисленной публики. Основу насаждений составляют плакучие ивы и тополя, молодые кедры, сосны, саговники в кадках, есть большие заросли бамбука. Много цветущих деревьев и кустарников: сливы, камелии, рододендроны, форзиции [1, с. 30]. Камни из низовий реки Янцзы широко использованы в композициях или как самостоятельная садовая скульптура. Одна из достопримечательностей парка – живущая там большая стая белых голубей, придающих особый колорит всему пространству (рис. 4).

Рисунок 4. Парк «Хэхуачи», г. Янчжоу

Таким образом, садово-парковое искусство – это особый комплекс идейно-художественных концепций, приемов архитектуры, садоводства и т.д. Выделяют раз-

личные виды ландшафтов садово-парковых комплексов; их художественное оформление состоит в обустройстве территории декоративными растениями, улучшающими общий эстетический облик окружающей среды, в сочетании с малыми архитектурными формами и другими приёмами ландшафтного дизайна. Элементами, формирующими художественный образ, являются: растения, аллеи, водоёмы, фонтаны, скульптуры и т.д. Колорит ландшафтных композиций также является важным компонентом художественного образа парка. Примером художественной интерпретации ландшафта в садово-парковом искусстве являются парки Китая: «Парк Века» в Шанхае, Новый городской парк Шанхая, Парк «Хэхуачи» в Янчжоу. В них задействованы различные виды искусства, а их художественные образы уникальны и определяются архитектурой, скульптурой, предметами декоративно-прикладного искусства и растительностью.

1. Голосова, Е. А. Современные городские парки Китая / Е. А. Голосова // Цветоводство. – № 1. – 2011. – С. 28–31.
2. Валиуллина, А. А. Художественные средства садово-паркового искусства / А. А. Валиуллина // Мир искусства. – № 3 (03). – 2013. – С. 120–123.
3. Коляда, Е. М. Исторические и современные сады и парки: проблемы искусствоведческой терминологии / Е. М. Коляда // Вестник СПбГУКИ. – № 4 (29). – 2016. – С. 107–111.

Малашонок С.М.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА УЧАЩИХСЯ ЧЕРЕЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЬНОЙ МУЗЕЙНОЙ КОМНАТЫ

Ключевые слова: музейная комната, экспозиция, экскурсия, выставка, экспонат.

Одной из важных задач современной школы является патриотическое воспитание учащихся, формирование достойного гражданина своей Родины. Реализации этой задачи способствует школьная музейная комната, которая обладает высоким образовательным и воспитательным потенциалом, является центром духовно-нравственного и патриотического воспитания учащихся. Формирование любви к Родине начинается с раннего детства, с того места, где мы живем, растём и учимся. Воспитательное воздействие на учащегося начинается с первых минут пребывания в музейной комнате, все увиденное вызывает интерес и потребность к получению новых знаний, побуждает учащихся к исследовательской деятельности.

Основной целью создания школьной музейной комнаты является содействие формированию интереса к истории иуважительного отношения к нравственным ценностям прошлых поколений, развитие навыков исследовательской работы, поддержка творческих способностей учащихся, воспитание гражданственности и патриотизма, приобщение к изучению истории родного края и школы, сохранение и поддержание традиций образовательного учреждения, овладение учащимися практическими навыками поисковой и исследовательской деятельности. Направления деятельности школьной музейной комнаты: проектно-исследовательская, экскурсионная работа, организация работы с архивными фондами, культурно-просветительская деятельность, участие в конкурсах исторической и краеведческой направленности [3, с. 28].

Музейная комната «История школы» в учреждении образования «Средняя школа № 30 г. Витебска имени М.И. Маценко» была открыта в 1996 году. Открытие музейной комнаты было приурочено к 30-летию школы. За эти годы немало важных событий вписано в страницы летописи школы. 1 сентября 1966 года средняя школа № 30 открыла свои двери для учащихся, и первый звонок в стенах школы оповестил начале учебных занятий в новой школе микрорайона улицы Гагарина г. Витебска, так и началась история школы.

В создании музейной комнаты приняли активное участие учащиеся и учителя школы. Среди экспонатов школьные альбомы, фотографии, дневники учащихся, грамоты,

благодарственные письма, школьные тематические газеты 1970-х гг., письма выпускников 1980–1990-х гг., дневники, летописи школы, которые ведутся с 1966 года и другое. Работая с фондом музейной комнаты, учащиеся на практике соприкасаются с подлинными документами и предметами, что вызывает большой интерес к изучению истории школы и родного края. Музейная тематика школьной музейной комнаты отображает историю создания и развития школы с 1966 года. В экспозиции «Школа вчера, сегодня, завтра» собран уникальный материал об истории школы и ее традициях, представлены сведения о директорах школы, педагогах, учащихся, освещаются самые значимые события школьных лет с 1966 года. Экспозиция «Маценко М.И. – человек, эпоха, легенда...» знакомит учащихся с деятельностью Героя Социалистического Труда, Почетного гражданина г. Витебска Марии Ильиничны Маценко. Экспозиция «Сергей Спелов – воин-интернационалист», освещает события войны в Афганистане, в которых участвовал выпускник школы Сергей Спелов, все материалы к данной экспозиции были собраны по инициативе учащихся. Также в музейной комнате представлены экспозиции: «Ветераны педагогического труда», «Учителя – ветераны Великой Отечественной войны», «Гордость школы в ее выпускниках», также создана тематическая витрина «Эхо войны», которая посвящена геноциду белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Деятельность школьной музейной комнаты способствует формированию исторической памяти и патриотическому воспитанию учащихся. Великая Отечественная война – это одна из самых трагических и героических страниц в истории нашей страны. Миллионы людей стали свидетелями ужасов войны, отдали свои жизни за свободу и независимость нашей Родины. Память о тех событиях должна передаваться из поколения в поколение. Актив музейной комнаты проводит большую экспозиционную, поисковую и исследовательскую деятельность. Школьная музейная комната – это не просто место, где хранятся экспонаты. Это пространство, где учащиеся могут узнать о событиях войны, о героизме своих предков, о том, как важна память о прошлом. В нашей музейной комнате собраны документы, фотографии, воспоминания ветеранов, предметы, связанные с военными действиями. Каждое из этих свидетельств помогает нам лучше понять, что пережили люди в те страшные годы. Ни один учебник истории не сравняется с рассказом о войне, описанным в фронтовых письмах, документах, событиях, запечатленных в фотографиях. Именно подлинные экспонаты позволяют нам проникнуться духом того времени, воспитать чувство патриотизма и гордости за свою Родину и её граждан.

В рамках подготовки к празднованию 80-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне в школе была проведена акция «Подари музею экспонат». В результате с помощью учащихся школы, их родителей были собраны экспонаты, найденные на месте боев на территории г. Витебска и Витебского района. Так в школьной музейной комнате появилась выставка «Эхо войны», посвященная событиям Великой Отечественной войны. На выставке представлены каски советских бойцов, предметы быта бойца на фронте, награды, письма с фронта, фотографии и др. Выставка погружает учащихся в атмосферу военных действий, заставляет серьезно задуматься о событиях военных лет, о подвигах наших солдат, способствует формированию личности патриота. Выставка «Эхо войны», помогает понять, насколько страшна и безжалостна война, учащиеся, посетив выставку, начинают осознавать еще больше, как важно сохранить мир.

Важным направлением в работе школьной музейной комнаты является поисковая деятельность. Учащиеся ведут поиск информации об учителях нашей школы – ветеранах Великой Отечественной войны, осуществляют поиск экспонатов, собирают воспоминания. Собранный материал заложен в основу проведения экскурсии «Они сражались за Родину», также оформлен уголок «В строю всегда, в памяти навечно», в котором размещена информация по каждому учителю-ветерану. Побывав в школьной музейной комнате, многие учащиеся начинают собирать информацию о своих родных,

которые участвовали в Великой Отечественной войне, приносят в школьную музейную комнату фотографии, документы, чтобы создать свою летопись Великой Отечественной войны. Так постепенно и возникает чувство гордости за подвиги своих родных и за героическое прошлое своего народа. Учащиеся начинают понимать, что история родной страны неотделима от него самого, от истории его семьи, его малой родины.

Интересен опыт проведения интерактивной экскурсии «Музей в чемодане». Чемодан вмещает небольшое количество экспонатов: личные вещи участницы партизанского движения Горчаковой Таисии Антоновны, ее ордена и медали, фотографии. В содержимое чемодана входит также армейский котелок и кружка, солдатская ложка и фляжка, письмо с фронта, газета 1944 года. Эта интерактивная форма работы может проводиться с различными возрастными группами учащихся не только в музейной комнате, но и в классе. Учащиеся-экскурсоводы рассказывают о каждом из предметов, которые находятся в чемодане. Во время экскурсии учащимся предлагается изготовить фронтовой треугольник и написать письмо ветерану.

Музейная комната школы стала образовательным центром. В течение года проводятся встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, ветеранами войны в Афганистане, выпускниками школы. Ежегодно 7 октября, в день гибели Сергея Спелова, выпускника школы 1971 года, погибшего в Афганистане, проводится митинг Памяти, уроки мужества, посвященные воину-интернационалисту. Посещая школу, однокурсники Сергея, выпускники Сызранского военного училища подарили музейной комнате Книгу памяти и диски о выпускниках своего училища, погибших в Афганистане, которая дополняет сведения о Сергее Спелове.

При работе с учащимися активно используется технология социального творчества, которая предполагает сотрудничество и сотворчество ученика и учителя; колективную деятельность, позволяющую создать творческое поле деятельности; сочетание разнообразных методов коллективной творческой работы (мозговая атака, игра, свободная дискуссия). При использовании технологии социального творчества повышается общий уровень культуры, учащиеся учатся планировать предстоящую деятельность, работать в команде, анализировать достигнутые результаты. Примером коллективного творческого дела стала исследовательская работа о деятельности М.И. Маценко – Героя Социалистического Труда, Почетного гражданина г. Витебска. Исследуя жизненный путь Марии Ильиничны, учащиеся посетили музей фабрики «Знамя индустриализации», изучили документы, предоставленные Витебским областным краеведческим музеем, проанализировали документы и фотографии из личного архива родственников М.И. Маценко. Результатом творческого дела явилось участие в торжественном мероприятии, посвященном присвоению учреждению образования имени М.И. Маценко [1]. Также была создана новая экспозиция в музейной комнате, подготовлена экскурсия для учащихся. Опыт работы музейной комнаты по данному направлению был представлен в сентябре 2024 года в проекте «Победители» Витебской телерадиокомпании [2].

В музейной комнате в течение года группа экскурсоводов проводит тематические экскурсии: «Боль Афганистана», «Они защищали Родину» о деятельности учителей школы, которые, являлись участниками Великой Отечественной войны, «Маценко М.И. – человек, эпоха, легенда», обзорная экскурсия «История школы» (об истории создания и развития школы), «Известные выпускники школы». Экскурсии проводятся не только учителем, но и старшеклассниками, которые проявляют особый интерес к истории как к предмету и к работе школьного музея. При выборе экскурсовода учитывается желание самого учащегося, его дикция, умение быстро отвечать на вопросы, коммуникабельность.

Используются интерактивные формы проведения экскурсий. Особый интерес вызывают квест-экскурсии, при которых происходит комбинация классической экскурсии и игры с применением загадок, ребусов, головоломок. Смысл такой экскурсии заклю-

чается в ознакомлении с объектами через решение логических задач. В музейной деятельности применяются игровые методы проведения занятий краеведческой направленности. Игра способствует развитию познавательного интереса, формированию прочных знаний, развивает интеллектуальную и эмоциональную сферу учащихся. Дети легко общаются, дружат в параллели, сотрудничают в команде, учатся быть экскурсоводами, возникает желание заниматься проектной деятельностью. С увлечением прошла игра брейн-ринг «История Витебска», игра «История города Витебска в названиях улиц» и др. В музейной комнате проводятся лекции краеведческой направленности, уроки истории, посвященные Великой Отечественной войне.

Таким образом, работа школьной музейной комнаты является очень важным и значимым компонентом в процессе гражданско-патриотического воспитания. Она является центром гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания учащихся. Краеведческая деятельность позволяет воспитывать патриота и гражданина на конкретных примерах из истории школы, истории родного города. Учащиеся получают возможность развивать свои творческие способности через исторический поиск и исследование. Активная поисковая, экспозиционная и образовательно-воспитательная деятельность позволяет формировать у учащихся историческое сознание, воспитывать патриотизм, уважение к прошлому своей страны и понимание ценности мира.

1. Леонькина, А. Имя, которым гордимся / А. Леонькина // Вечерний Витебск. – 2024. – № 11. – С. 2.
2. Победители. Мария Маценко. – URL: <https://youtu.be/BCasG6lc3xQ?si=Xqy4qW1fH47NZnv> (дата обращения: 09.09.2025).
3. Соколова, Л. В. Организация деятельности школьного музея : учеб.-метод. пособие / Л. В. Соколова, А. В. Молчанова. – М. : ГОУ Педагогическая академия, 2012. – 108 с.

**Міхайлець М.А.
ІНСІТНАЕ МАСТАЦТВА ПАСТАЎШЧЫНЫ
НА ПРЫКЛАДЗЕ ТВОРЧАСЦІ ІОСІФА ГАРБУНОВА**

Інсітнае (наіўнае) мастацтва Пастаўшчыны – непрафесійная форма мастацкай культуры рэгіёна з глыбокімі народнымі каранямі і традыцыямі. Мэта артыкула – выявіць асаблівасці інсітнага мастацтва Пастаўскага рэгіёна на прыкладзе творчасці Іосіфа Іосіфавіча Гарбунова. Асноўная крыніца – інтэрв’ю з майстрам, узятае ў ліпені 2024 г. падчас этнографічнай практикі студэнтаў гітарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Дапамогу ў інтэрв’юіраванні і апрацоўцы матэрыялаў аказалі Алюніна І., Голуб А., Доўнер М. і Раманенка Ю.

Інтэрв’ю з Іосіфам Іосіфавічам было ўзята на яго сядзібе ў вёсцы Жуперкі Пастаўскага раёна. Мясціны тут надзвычай маляўнічыя – вёска знаходзіцца на беразе адразу чатырох азёр, а хата і сядзіба І.І. Гарбунова ўпрыгожаны творамі аўтара: фігурамі птушак, лясных звяроў, барэльефамі.

Карані творчасці Іосіфа Гарбунова – у ягоным дзяцінстве. Яго маці, як і сам Іосіф Іосіфавіч, паходзіла з вёскі Пруднікі, што як і Жуперкі знаходзіцца недалёка ад Варапаева. Маці І. Гарбунова здзяйсняла размалёўкай дываноў: “Маліванкі, ну тыпу, роспіс ёсць такой – маліванка. На чорным фоне. Яны в Вільню з’ездзілі, краскі покупалі, самі рабілі. І вот яна відокі, як тады звалі, на сцякле ружы, такое. Яна рісавала. Малы я быў тады. Яна з 1924 года. Яна малівала – мяне яшчэ на свецце не было. Яна пры Польшчы ў школу хадзіла. Яна малівала теж з детства. Раныша ж было, маліванкі такія: рэчка, гусь які. Ну не жівапісь, маліванкі” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

У Іосіфа Іосіфавіча, як і ў многіх дзяцей пасялявеннай пары, было цяжкае дзяцінства: “Іх (сям’ю маці – заўв. аўтара) во время войны хацелі растраліць, сажглі, голых выкінулі. Бацька з фронту інвалід. Іх бамбілі, ён ляжаў, мароз – лёгкія застудзіў. Сейчас далі вторую групу, а тады трэцью. Там плячо перабіла яму. Увязалі туга. [...]”

Бацьку далі 3 групу, яго чуць вецирком хваціць – васпалені лёгкіх. Тады была трэцяя група, мо 17 рублей плацілі. Трудна было тады. Ніякіх красак. Пра гэта разгавора не было. “Куда ты, – кажуць, – сваім рылам лезешь. У калхоз!”. Хоць бы адзін цюбік прыслалі” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

Пачаў маляваць І.І. Гарбуноў яшчэ ў дзяцінстве: “Я яшчэ да арміі рісавал, на сцекле пісал. Я ж у школе, патом да арміі... Вот сядзіць бацька – я нарісую яго, матку. [...] Партрэт маткі. Пачтальёнка прідзёт, гаваріт, штоўбы я каталог выпісаў. А не было ў налічі. Тады хацеў паступаць. Мне пріслалі саветы: “Нам художники не нужны, нам нужны трактористы-механізаторы і работнікі сельскага хо́зяйства”. І паспарт тагда не давалі. І мне не далі. Я паспарт выбіл, я запісался на страцельства Лукомльскай ГРЭС. А тады не паехаў, забраў паспарт. А тады не знаў пра вучылішчы художэственныя, тады іх нідзе не пячаталі. І проста як хоббі якое, увлеченіе” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

Усё ж такі сярэднюю мастацкую адукцыю Іосіф Гарбуноў атрымаў у Маскве: “Масква, Баумунскі раён, Армянскі перавулак. І там туды іспалком адправіў. Мы там 5 лет вучыліся. У мяне дыплом не з высшим абра́зованіем. У вучылішчы я вучыўся 5 лет. Сначала трывалі, а патом павышэнны курс” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым). Там Іосіф Іосіфавіч атрымаў спецыяльнасць: “Я-та художнік-дэкаратар, графік. Толькі плакатная жывапіс. В савецкае время пад кабінеты, актавыя залы афарміцельскія работы гэтыя, вот. Графік-художнік, шрыфты” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

Пазней, калі працаваў афарміцелем, Іосіф Гарбуноў самастойна авалодаў іншымі тэхнікамі: “А гэта ўсё: жывапіс, лепка, чаканка, разьба – усё сам. [...] У мяне вісіць адна, відзелі? Гэта я дзелаў усё. І чаканкі вязлі май на атэстацыю. Маркса, Энгельса, Леніна дзелал. В Савецкае время было. Плакаты метр на два, пісаніна, шрыфты гэтыя. Я тады дзелаў пяром, лессіровачнымі краскамі специальная, там лёгкі пігмент” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

Адной з проблем, з якімі сутыкнуўся правінцыйны мастак, былі цяжкасці з набыццём фарбаў: “Пры Савецкім Саюзе я рісавал страцельнымі краскамі, як пападзе. Яна (прадаўшчыца ў мясцовай краме – заўв. аўтара) мне сказала выпісаць художэственных красак, дала мне гэты каталог. Ну, думаю, сейчас я начну рисовать. Тады пасылаю туда. Ответ – нет в наличии. Тады работаў у завозде. Я тады ў адзеле кадраў гавару, каб мне выписали направление для приобретения худматериалов на производство. Прихожу в магазин, говорю, что на производстве работаю. Дык там у іх кісці па 10 штук, яны ў іх капейкі стояць. Краскі – какіх хочаш. І я тады красак панаўраўся. У мене гэтыя краскі і шчас ёсць. Толькі беліла дакупліваю. А я іх насабіраў гэтых красак – і цяпер ёсць. Многа ў мене было. Яшчэ і кісці тыя ёсць...” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

Сёння майстар карыстаецца алейнымі фарбами: “Масляными красками художэственными. [...] Работаю маслом с натуры, по памяти. [...] Я яшчэ пішу, можна пяром пісаць маслянымі, звёздачкай, для плакатаў. Я, значыць, у аптэке пакупаю скіпідар. Я тады браў яго цэлымі пачкамі. І тады, значыць, разгаджу гэтым масляную краску, но краскі лессіровачные толька: ультрамарін, краплак, сажа. Гэта можна для пісьма іспользаваць. Я, значыць, карандашом рісунак нанашу. А потом все последовательно” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

Вось што адказаў Іосіф Іосіфавіч на пытанне, якія палотны ён выкарыстоўвае: “Ёсць халсты натуральныя, ёсць холст, што ўматываюць усякія цюкі. Я яго распраўляю, потом клей ПВА і мел разгаджу. І тады пакрываю. Потом бялілам. Ну яшчэ можно пакрываць лакам перад пісьмом” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

Вобразы і сюжэты для свіх твораў І.І. Гарбуноў знаходзіць у навакольным прыродным і сацыяльным асяроддзі: жывёлы, лес, кветкі, сяляне, партрэты блізкіх і г.д. Часцей за ўсё малюе па памяці: “Ну, я ўсё рісую по памяці. Мне захацелася гразу нарісаваць, што вот яна ўвечар, парыў ветра... (наказвае карціну – заўв. аўтара) Воласы

троху тожа падправіць. Вось, яна з сабачкам гдзе-та ідзець па дароге дамой, і граза. Там яшчэ дзярэўня. [...] Вот такая кампазіцыя па памяці. Нідзе такай нету карціны. Проста вот такое. [...] А гэта вось волкі ідуць. Там яшчэ козы і дзіч, а яны з лесу. А што ж яшчэ? А, вось яшчэ сюжет дзярэўні. [...] Тут, значыць, у калодца саседкі встрецілісь, сплетні, паследнія новасці расказываюць. Гэта ўлыбаецца, а гэта нешта такое сур'ёзнае. Ну тут дама. [...] Яны як-та, значыць, забор там, ўсё. Куры там ходзяць. Цень адгэтуль падае там троху. Тут нада отразіць цену, там, вунь, троху ёсць. Нада, чтобы свет падал чуць. І на лошадзь нада. Ну, дзеравенскій сюжет. Вунь мужык ідзе. А гэта, вось, паследнюю новасць расказывает, ну тыпу сплетнія. Гэта па памяці работа. Што прыдумаў, то... (*паказвае далей карціны – заўв. аўтара*). Нацюроморт, во, чаепіціе. Гэта па памяці. Гэта поле чудес глядзеў. Вода, пряніки, торт там, кое-как цветы сообразил. Падстаўка, там троху отраженіе, прянікі, вада, заварка і тарелачкі – вот эта нацюроморт. А гэта з натуры партрэт унучкі. Цяпер ужо дачка ўнучку замуж выдаецца. Яна врачом работает у Барысаве, анколог она. (*Паказвае наступную карціну – заўв. аўтара*). Гэта з натуры, кот Сіма такі быў. Вот, она держала кота. Цяпер дочка за яе старэй. А ей можа было лет 12. [...] Вось тут нейкія коцкі. Усяго гэтага нідзе няма, гэта з галавы проста. Вось унучкі партрэт, калі яна маленъская была. Гэта з натуры работа. Тут, ну гэта кветка” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

Пры стварэнні скульптур жывёл і карцін з імі Іосіф Іосіфавіч карыстаецца звесткамі, што пададзены ў Чырвонай кнізе: “Вось сава, ёсць Красная кніга, і там указаны размеры, дліна, там ўсё. [...] Вот саколік, гэта з Краснай кнігі” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

Хаця да разьбы і пластыкі Гарбуноў звярнуўся адносна нядаўна, яго творы, асабліва разьба па дрэве, вельмі ўражваюць. Сапраўдным шэдэўрам з’яўляецца выразаная майстрам з цэльнага кавалка дрэва ваза. На панадворку стаяць зробленыя аўтарам фігуры жывёл: “Ну вось, гэта казлы. Яны, значыць, каркас з провалакі там, унутры там бутэляк пустых, ўсё там сдзелана. Вось гэта львы, значыць. Там з дзёрева, там з гліны леплена, сабрана ўсё ў кучу. Гэты дом, значыць, я адзін ўсё. Адзін год заліў фундамент, аблажыў, і ўсё. Ніхто ні кірпічы не падаў, ні раствору. Я ўсё сам делаў тут. Во і гараж. Дзелаў адзін. Вось гэты мяждзедзь, ён с камянёў вылажаны. (*Інфармант паказвае скульптуру мяждзедзя насупраць уваходу ў сваю хату, каля плоту - заўв. аўтара*). Вот, ён мёд любіць гэты. Штукатурка, провалака, каркас. Ну вот забор, значыць, гэты я дзелаў, дабіраў камні, каб па цвету што красівей было. Гэта я абкладываў ўсё, карнізы – гэта я ўсё сам. Рісавал, вырезал копіі з іх. Эту хату я адзін аблажыў. Касцёл рэманціравал Дуніловскій, мрамар лажыл. Ну і вся гэта работа. Ну ў мяне прафесія техніческая, строітельная і творческая. Ну гэта, так сказаць, дэкаратыўна-прыкладное іскуства” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

Частка твораў захоўваецца ў аўтара, тым больш, што ён вельмі патрабавальны да сваёй творчасці і часта правіць свае карціны. Яшчэ іх можна пабачыць у Паставах: “30 карцін я падарыў у Паставскую раённую бальніцу. Чаканак можа штуки 4. Дарственную аформілі і ўсё. Паразвешаны паўсяоль” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

Часам майстар працуе на замову: “Бываець, бываець. Вот, я яшчэ партрэты пад заказ дзелаю, з фатаграфіі. Бываець яшчэ такое: дзярэўню снясуць, а памяць засталася, на фатаграфіі там жыллё. Вот, значыць, прыносіў мне вастанавіць яго. Там была адна фатаграфія: значыць, дом стаіць і там чалавечак. Ну я яго пріаброл, патом яны нашлі дзе-та на фатаграфіі голаву. Ну я дадзелаў яго. Яны гаварылі, што пахож. Ну вот так вот вастанавіваю. Еслі хочацца ўнукам, ці што там, ну фатаграфія ёсць, а там ужэ вастановіш неба жывапісна. Такіе бываюць случаі. Один батюшка церкви, которую сожгли, по архівах, по чертежу восстанавлівали. И я рисовал. Там скажут: “Ах, крыльце было не так”. Там тое, вазіўся з імі тады” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым).

Інсітнае мастацтва Пастаўшчыны з'яўляецца часткай нематэрыяльнай гісторыка-культурнай каштоўнасці “Інсітнае (наіўнае) мастацтва Віцебшчыны”, якая 20 лютага 2020 г. Была ўнесена ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь (шыфр 23БК000140) [1], аднак такая ўвага з боку дзяржавы амаль не закранула Гарбунова. Іосіф Іосіфавіч з'яўляецца тыповым прыкладам майстра-самавука, які не патрабуе знешніх стымулаў для творчасці, ён творыць таму, што не можа не тварыць, таму ў выставах удзельчае неахвотна: “Не-не. Я выстаўляўся, а так времені нету і не знаю, дзе можна”. На пытанне, ці запрашаюць яго з Пастаўскага дома рамёстваў, ён адказаў: “Быў я ў іх, яны мне пабілі вазу, я яе чуць вастанавіл” (інтэрв’ю з І.І. Гарбуновым). На жаль, пераемнікаў мастак не мае, хаця адзначае, што яго дачка “трокі малюе”.

Такім чынам, І.І. Гарбуной з'яўляецца тыповым інсітным мастаком, для якога галоўнай матывацый для творчасці выступае ўнутраны творчы парыў, а крыніцай натхнення з'яўляецца навакольны свет, і які не зацікаўлены ў камерцыялізмы сваёй творчасці. З боку дзяржавы карысным было б ствараць такім творцам спрыяльныя ўмовы для перадачы сваіх ведаў і навыкаў будучым пакаленням.

1. Традыцыйны інсітнага (наіўнага) мастацтва Віцебшчыны // Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь. – URL: <https://heritage.gov.by/catalog/tradytciyi-insitnaga-naiunaga-mastatctva-vitcebshchyny> (дата звароту: 19.09.2025).

Михалик О.М.
НАСЛЕДИЕ, ХРАНИМОЕ БИБЛИОТЕКОЙ:
РЕДКИЕ СМОЛЕНСКИЕ ИЗДАНИЯ XIX – НАЧАЛА XX В.
(КНИЖНЫЕ ПАМЯТНИКИ)

Ключевые слова: книжные памятники, редкий фонд, Смоленская областная универсальная научная библиотека имени А.Т. Твардовского.

Редкий фонд Смоленской областной универсальной научной библиотеки имени Александра Трифоновича Твардовского составляет более 19 000 единиц хранения. Среди них – 1958 книжных памятника, зарегистрированных в государственном реестре, из них 151 изданы в Смоленске и представляют для нас особенную ценность.

Прежде всего – это четыре книги, признанные книжными памятниками по хронологическому признаку. Все они были изданы до 1830 г.

Это «Воинский устав о полевой пехотной службе» (1797). Он был напечатан в Губернской типографии «в следствии повеления Его высокопревосходительства господина генерала от инфантерии смоленского военного губернатора... Михаила Михайловича Философова». Цензор подтверждает, что он «слово в слово, кроме некоторых погрешностей» повторяет Устав, изданный в Санкт-Петербурге при Государственной военной коллегии в 1797 г.» [1, с. [2]]. В Уставе рассматриваются различные военные вопросы: о составе военных подразделений, правила построения, обучение рекрутов и мн. др. В книге также с отдельным шмуцтитулом помещены «Инструкции караульному офицеру» (12 с.).

Иван Яковлевич Сытин (1765–1835), выступил в роли издателя еще двух книг – это «Созерцание природы» Шарля Бонне (1804) в 2 частях, работа, посвященная естествознанию. В книге посвящение издателя «его превосходительству Степану Степановичу Апраксину, господину, генералу от кавалерии, Смоленскому военному губернатору....с истинным высокопочтанием усерднейше подносит издатель Иван Сытин» [2, с. 5–6].

Сытин основал свою типографию в Смоленске в 1795 г., переехав в провинцию из-за правительственной цензуры и закрытия независимых типографий. Изначально он управлял типографией Приказа общественного призрения, но с 1802 г. она перешла в его личную собственность.

На титульном листе книги «Прогулки, или Приключения мис Эвелин» (1801), которую перевел с французского студент Московского Императорского университета Матвей Алексеев указано уже имя Сытина как издателя.

К началу Отечественной войны 1812 г. смоленская типография Сытина выпустила 96 изданий, что было выдающимся достижением для провинциальной типографии того времени.

В 1804 г. был издан переведенный с латинского языка философский труд «Монархическое правление из самой природы вещей изтекающее и утверждающееся на здравом разуме, в пользу просвещенных россиян, и против неразумных охотников до новостей» (1804). Автор указан инициалами К. А.

147 смоленских изданий признаны книжными памятниками по другим критериям, социально-ценностным – это экземпляры первых печатных изданий региональных типографий России, исторически и культурно значимых для субъектов Российской Федерации; экземпляры изданий, представляющих важные этапы истории книги; экземпляры печатных изданий с автографами, добавлениями, записями, пометами, рисунками выдающихся общественных и государственных деятелей, деятелей науки и культуры.

«Общий каталог историко-этнографического музея княгини М.К. Тенишевой в Смоленске» (1909) содержит исчерпывающую информацию о 6940 предметах, пополнивших музейную коллекцию за первые десять лет его существования. Музей был основан по инициативе и на средства княгини Марии Клавдиевны Тенишевой (1858–1928), известной общественной деятельницы, мецената и коллекционера. Музейные экспонаты из каталога охватывают такие области, как церковная старина, археология, народный быт, оружие, музыкальные инструменты, старопечатные книги и др. Наш экземпляр особенный – на титульном листе дарственная запись княгини: «В Память счастливого дня! Княгиня Мария Тенишева 2 октября 1910 г. Роману Федоровичу Брандту». 1 октября в Смоленске состоялось торжественное открытие Отделения Московского археологического института. Мария Клавдиевна способствовала его созданию – она участвовала в финансировании смоленского отделения, передала книги для библиотеки, устанавливала стипендии и сама была слушательницей института. Роман Федорович Брандт (1853–1920), которому была подарен каталог, – российский славист, заслуженный профессор Московского университета, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Кроме своей постоянной работы в университете, Брандт читал лекции по славянскому языкознанию, литературоведению и славяно-русской палеографии в Московском археологическом институте и его отделениях, в т.ч. и в Смоленске.

На хуторе Фленово, недалеко от своего имения Талашкино М.К. Тенишева организовала в 1894 г. низшую сельскохозяйственную школу 1-го разряда с целью дать ее ученикам не только среднее образование, но и подготовить их для самостоятельного ведения своего хозяйства, научить ремеслам и дать уроки эстетики, художественного воспитания. Это было уникальное учебное заведение, по формату организации учебного процесса намного опережавшее свое время. В ней нашли воплощение самые смелые и прогрессивные педагогические идеи и тенденции начала XX века. Обучение в школе гармонично сочеталось с физическим трудом учеников. В редком фонде хранится Устав этой школы и несколько отчетов.

В 2020 году в реестр был занесен следующий книжный памятник – «История города Смоленска» Никифора Адриановича Мурзакевича. Это юбилейное издание 1903 г. Книга священника, смоленского историка Мурзакевича (1769–1834) стала первым печатным трудом, посвященным истории города Смоленска. Впервые она была напечатана в 1803 г. тиражом 767 экземпляров, который быстро разошелся, и уже в 1804 г. появилось второе издание. Наша книга вышла к 100-летнему юбилею первого издания – это особый «знак признательности «первому историку», показатель значения его труда

в краевой историографии». Она дополнена дневником Мурзакевича, а также статьями и комментариями смоленского историка и краеведа Ивана Ивановича Орловского (1869–1909). Наличие некоторых неточностей по истории Смоленска с позиции современных исторических знаний не умаляет значение этого труда. По словам Орловского, «История города Смоленска» имеет «значение первоисточника наподобие того, как утрата некоторых документов, которыми пользовался Карамзин, сделало его историю России первоисточником по многим вопросам общерусской старины» [3, с. 27].

Еще один известный смоленский историк и археолог – Семен Петрович Писарев (1846–1904). Он автор «Памятной книги г. Смоленска» (1898). Это историко-современный очерк, указатель и путеводитель, содержащий обширные сведения об улицах города, церквях, учреждениях, учебных заведениях, воинских частях, клубах, садах, парках и т.д. Путеводитель представляет ценность также и как исследование по истории города, в котором автор использовал новые документальные материалы. В предисловии отмечается, что в книге впервые «введено изображение доисторической поры Смоленска в связи с теорией о развитии первичных городков города: выясняется отношение смольян к кривичам, определяется вечевое устройство и расположение Смоленска» [4, с. III].

Писарев вместе с другим смоленским историком и краеведом Василием Ивановичем Грачевым заложил основу городского музея, который был открыт в 1888 г. при Городской думе. Грачев Василий Иванович (1865–1932) – историк-краевед, музейный работник, автор многих книг и статей по истории Смоленска и губернии. Он участвовал в работе Смоленской ученой архивной комиссии, состоял членом Комиссии по охране крепостной стены, сыграл ключевую роль в сохранении смоленских архивов и памятников истории и культуры после 1917 года. Книжными памятниками признаны 8 его изданий. Они посвящены обороне Смоленска в 1609–1611 гг., Отечественной войне 1812 г., крестьянской реформе 1861 г., описывают посещение Николаем II Смоленска, и т.д.

«Иллюстрированный путеводитель по г. Смоленску» В.И. Грачева (1908) содержит обширные, тщательно выверенные сведения о достопримечательностях города, его улицах и площадях, учебных заведениях и мн. др. В рецензии на путеводитель смоленский археолог и этнограф Екатерина Николаевна Клетнова отмечает, что иллюстрации в книге дают «понятие о лучших видах, важнейших памятниках и зданиях Смоленска» [5, с. 1087].

На титульном листе путеводителя хорошо видна запись, написанная каллиграфическим почерком: «21–24 ноября 1910 г. Смоленск Гост. Благородного Собрания № 3. Сидели с Владимиром Константиновичем Трутовским, пили чай и беседовали о разных вещах и о прочем, кроме всего остального». Владимир Константинович Трутовский (1862–1932) – русский историк, востоковед, нумизмат, музейный работник. Читал лекции по нумизматике в Московском археологическом институте.

На л. [1] вклейки еле заметный штемпель «Из книг Л.М. Савелова». Савелов Леонид Михайлович (1868–1947) – русский генеалог, историк-архивист. Можно с уверенностью сказать, что автор записи именно Савелов. И Савелов и Трутовский приезжали в Смоленск читать лекции в Смоленском отделении Московского археологического института, жили в гостинице Благородного собрания и вечерами пили чай и беседовали, о чем и была сделана запись на книге.

Автором еще семи книжных памятников является Дмитрий Николаевич Жбанков (1853–1932), русский врач, деятель земской медицины и этнограф. Одним из главных его трудов является «Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии» в 2 выпусках (1894–1895 гг.).

В рамках обследования промышленных предприятий губернии Д.Н. Жбанков представил эмпирические данные о реальном санитарном состоянии фабрик и заводов, а также научно обосновал влияние вредных условий труда на здоровье работников. Значительная часть публикации посвящена систематизации результатов исследований

отдельных производств, анализу профессиональных рисков, оценке состояния здоровья и условий жизни рабочих. Исследование включает детальную характеристику профессионального состава работников, включая несовершеннолетних, демографические и социальные параметры (возраст, пол, семейное положение, стаж работы, сословная принадлежность). В издании также приводится перечень заболеваний, выявленных в ходе наружного медицинского осмотра.

В работе Жбанкова изложены основы системы социально-гигиенического мониторинга. Это исследование, помимо исторической ценности для специалистов санитарно-эпидемиологической службы начала третьего тысячелетия, является так же примером масштабного и комплексного подхода к решению проблем в этой области.

В Смоленске действовало несколько общественных организаций, чьи отчеты и другие документы также признаны книжными памятниками.

Первое такое общество было открыто на основании Устава от 2 мая в 1858 года – это Смоленское общество сельского хозяйства, которое находилось в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ. Целью его было распространение и усовершенствование сельской промышленности и хозяйства в отраслях, наиболее распространенных в Смоленской губернии. Членами общества были в основном дворянепомещики. В 4 отчетах Общества, которые числятся в редком фонде, приводятся списки личного состава, описывается деятельность Общества за отчетный период, данные по сельскохозяйственному складу и др.

Членом Общества сельского хозяйства была и княгиня Мария Александровна Урусова, основавшая в своем сельце Мальцево в Сычевском уезде Смоленской губернии кустарно-ткацкий промысел и школу прядения. Ее небольшая книжка, посвященная этому промыслу, была напечатана в 1887 г. Она так и называется «Производство ткацкого кустарного промысла под руководством княгини М.А. Урусовой в сельце Мальцеве Сычевского уезда Смоленской губернии».

Сычевский уезд к концу XIX века был центром российского льноводства, занимая первое место по посевам и производству льна. Княгиня Урусова внесла значительный вклад в развитие местного ткачества. Она лично изучила ткацкое дело, подготавливала художественные образцы, вдохновлявшие крестьянок на изготовление высококачественных полотенец, кружев и вышивок. Эти изделия экспонировались на многих выставках, пользовались популярностью в столице и за рубежом. В своей работе княгиня Урусова подробно описывает организацию ткацкого промысла в своем сельце, анализирует его проблемы, предлагает пути его совершенствования и приводит статистические данные о работе ткачих и обороте промысла за 1886–1887 гг.

Смоленское благотворительное общество, основанное в 1872 г. благодаря усилиям губернатора А.Г. Лопатина, занималось развитием и поддержкой местных благотворительных учреждений. Финансирование общества поступало от частных лиц, а также от проведения платных концертов, любительских спектаклей и лотерей. Среди его ключевых инициатив – открытие бесплатной лечебницы, которая ежегодно оказывала помощь тысячам людей. Общество также обеспечивало содержание богадельни для престарелых женщин, организовывало бесплатную чайную для народа и предоставляло питание и одежду инвалидам, сиротам и вдовам солдат. В редком фонде хранятся 14 отчетов, отражающих работу этого общества.

В 1908 г. было учреждено Общество изучения Смоленской губернии с целью исследования природных условий, экономики и сельского хозяйства губернии. В редком фонде хранятся несколько ежегодных отчетов, в которых публиковались доклады членов общества, в том числе известных ученых и краеведов К.Д. Глинки, П.С. Коссовича, В.В. Станчинского, Е.Н. Клетновой и др.

Еще один книжный памятник – «Чрезвычайный съезд духовенства, мирян, представителей духовно-учебных заведений и монашествующих Смоленской епархии 16–19-го мая 1917 года» (1917).

Этот съезд представляет собой значимое событие в жизни Смоленской епархии. На съезде обсуждались задачи, выдвигаемые революционными событиями перед духовенством, отрицательные явления в церковной жизни и необходимость неотложных реформ.

Все описанные смоленские книжные памятники представляют, несомненно, большой интерес для современных исследователей, являясь ценными источниками для истории Смоленской губернии.

В целях обеспечения сохранности и расширения доступа к этим памятникам проведена их оцифровка. Электронные версии указанных материалов размещены на сайте Смоленской областной универсальной научной библиотеки имени А.Т. Твардовского, а также доступны в Национальной электронной библиотеке в разделе «Книжные памятники». Деятельность по выявлению и описанию книжных памятников в составе редкого фонда нашей библиотеки продолжается.

1. Воинский устав о полевой пехотной службе. – Смоленск : В Типографии Губернского Правления, 1797. – [2], I-V, IV, 332, [1], 12 с., 10 л. план.
2. Бонне Ш. Созерцание природы : перевод с французского : [в 6 кн.] / сочинение г. Боннета, члена Императорской Леопольдинской и Императорской Санктпетербургской академий наук [...]. – Новое издание, с последнего издания исправленного и многими примечаниями и объяснениями самим сочинителем снабженного. – Смоленск : При Губернском Правлении, 1804. – Ч. 1-2, – [30], 207, [9], [4], 248 с.
3. Орловский И. И. Об «Истории Смоленска» Мурзакевича / И. Орловский // Мурзакевич Н. А. История города Смоленска / св. Н. А. Мурзакевич ; под ред. И. И. Орловского ; Смоленский губ. стат. комитет. – Юбилейное изд. – Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1903. – С. 20–29.
4. Писарев С. П. Памятная книга г. Смоленска : историко-современный очерк, указатель и путеводитель / С. П. Писарев. – Смоленск : Изд. кн. маг. С. А. Клестова, 1898. – IV, 202, [2] с.
5. Клетнова Е. Н. [Рецензия] / Е. Клетнова // Исторический вестник. – 1909. – № 9. – С. 1087.

Некрашевич А.Т. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ТУРИЗМЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛИДСКОГО ЗАМКА)

Ключевые слова: Лидский замок, музей, работа с аудиторией, популяризация культурного наследия, использование культурного наследия в туризме.

Историко-культурное наследие является основой культуры общества, ее фундаментом и, что особенно важно, несет в себе память предков. Это важный информационный потенциал, запечатленный в материальных и духовных ценностях, необходим обществу для дальнейшего развития.

Наследие оказывает влияние на многие сферы жизни общества, но наиболее значимо оно проявляется в туризме. Ведь именно туризм помогает увидеть, познакомиться и оценить историко-культурные достопримечательности, уникальные природные объекты, что способствует духовному обогащению человека, расширению кругозора и его самосовершенствованию.

Рассуждая о культурно-историческом наследии, следует исходить из того, что любой объект культурного наследия, созданный в определенный период эпохи, всегда носит конкретно-исторический характер. Ни один автор материальных или духовных ценностей не может предугадать судьбу своего творения, насколько это творение будет востребовано в будущем потомками.

Поэтому неслучайно термины «культурное наследие» и «культурно-историческое наследие» очень тесно переплетены, взаимосвязаны и пересекаются в трактовках. Помимо того, что культурное наследие всегда носит исторический характер, следует учитывать и то, что оно содержит в себе мощный ресурс для достижения образовательных

целей того поколения, которое живет сегодня. Человеком создано множество строений, статуй, предметов быта, рисунков, надписей. Культура всегда оставляла в истории след в виде объектов, произведений искусства, идей – всего того, что в самом общем виде можно обозначить как культурное наследие [4].

К культурно-историческому наследию относятся архитектурные памятники, которые «живут» по особым законам. В их появлении проявляется прообраз породившей их культуры, отношение современного человека к исторической традиции. Судьба памятников сложилась по-разному: на протяжении длительного времени они старели, меняли владельцев, разрушались.

Популяризация и музеефикация Лидского замка является важной частью культурного развития города и свидетельствует о повышенном интересе общества к культурному наследию.

Лидский замок – уникальный архитектурный памятник Беларуси, внесен в список историко-культурных ценностей Республики Беларусь и имеет первую категорию ценности. Возник в те тревожные времена, когда натиск крестоносцев достиг наибольшей силы. Чтобы закрыть рыцарям дорогу вглубь земель Великого Княжества Литовского, великий князь литовский Гедимин (княжил в 1316–1341 гг.) в 1323 г. распорядился заложить в Лиде каменный замок. Этот форпост принеманских земель строили около 5–8 лет, он вошел в общую систему укреплений государства, образованную цитаделями в Вильно, Троках, Медниках, Крево, Новогрудке, Гродно.

Как свидетельствуют литературные источники, семь неполных веков Лидский замок играл значительную роль в истории. В 1387 г. польский король и великий князь литовский Ягайло принимал в замке присягу от своего брата Скиргайлы, полоцкого князя, в 1422 г. в замке проходил пир короля Ягайло с 17-летней Софией Гольшанской, в виду их венчания, в июле 1506 г. в стенах замка причастился и подписал завещание смертельно больной король польский и великий князь литовский Александр [5, с. 38–40].

Лидский замок – это не только уникальный памятник архитектуры, привлекающий из года в год всё большее количество туристов. Это: выставки, концерты, игры, интерактивные занятия и фотозоны, экскурсии и квесты, а также самые разнообразные проекты. Сотрудники музея постоянно находятся в поисках инновационных и нетрадиционных форм работы.

В башнях Лидского замка открыты экспозиции: выставочная экспозиция «Лидский замок. Исторические события и личности» (открыта 22 декабря 2017 г.) и постоянная экспозиция «Страницы истории... От XIV века» (открыта 3 июля 2020 г.), в которых представлены уникальные аутентичные находки, обнаруженные во время археологических исследований, ставшие фундаментом для научно-исследовательской работы сотрудников музея.

Выставочная экспозиция «Лидский замок Исторические события и личности»
и постоянная экспозиция «Страницы истории... От XIV века» [7]

Разработаны музейные занятия и квесты, которые привлекают аудиторию школьников и направлены на развитие у учащихся умений и навыков научно-исследовательской деятельности, такие как: квест «Арт и Факт» (знакомит с историей археологических исследований в Лидском замке, профессией археолога); музейно-педагогическое занятие «Раніца пачынаецца не з кавы, або гігіена Сярэднявечча»; настольная игра «Мемо – замок Гедимина» (в процессе игры можно познакомиться с историей Лидского замка), театрализованная экскурсия «Путешествие в прошлое».

Для семейного посетителя разработана анимационная программа «Крок у мінулае» (проводится по субботам и воскресеньям). В программу входит работа интерактивных площадок на замковом дворе, участие в которых поможет окунуться в жизнь Средневековья.

В выставочных залах проводятся различные выставки из частных коллекций и международные выставочные проекты.

Для повышения туристического потенциала организована интерактивная площадка «Цікавыя рэчы Сярэднявечча», идея которой заключается в создании «живого музея – руками можно трогать».

На территории замкового двора оформлена тематическая площадка «Ваярскі быт», отражающая суровые будни воинов ВКЛ (представлены две зоны: казарма и конюшня).

Большой интерес у жителей и гостей города вызывает культурно-туристический проект «Замкавы гасцінец», который проводится традиционно с мая по август. По субботам и воскресеньям на протяжении всего дня около стен Лидского замка горожане и гости города могут посетить культурно-развлекательные и анимационные мероприятия, «город мастеров». Своим творчеством их радуют ремесленники, художники, музыканты.

В рамках Международного дня музеев проводится фестиваль огня «Магия огня и света» – это масштабные выступления театров огня и сольных артистов, зрелищные номера с живым огнем и световыми эффектами, неповторимая атмосфера средневекового замка и яркое финальное пиротехническое шоу.

Традиционно на праздник города в Лидском замке проводится «День средневековой культуры в Лидском замке». В этот день работают тематические и развлекательные площадки (оружейная мастерская, средневековая кузница, рыцарский лагерь, средневековая кухня, средневековые игры и забавы); мастер-классы по разучиванию средневековых танцев; катание на лошадях; показательные конные поединки; выступление музыкальных групп; выступление рыцарей [6].

«День средневековой культуры в Лидском замке» [6]

В конференц-зале проводятся научно-практические конференции совместно с Институтом истории Национальной академии наук, темы ученых которого связаны с историей Лидчины; различные семинары, организуемые профсоюзовыми организациями Лиды, БРСМ, отделом идеологической работы и по делам молодежи Лидского райисполкома, Лидской епархией и др.

ГУ «Лидский историко-художественный музей» сотрудничает с Белорусским государственным академическим музыкальным театром и Большим театром Беларуси, которые организовывают в Лидском замке театральные встречи.

Большой популярностью у молодых людей пользуется проект «Семейный портрет на фоне истории», который включает регистрацию брака в стиле Средневековья «Меч и роза» с анимационной программой для гостей.

В рамках международного сотрудничества ГУ «Лидский историко-художественный музей» совместно с государственным музеем «Смоленская крепость» реализует программу взаимодействия и культурного обмена, направленную на укрепление межрегиональных культурных связей и повышение туристической привлекательности регионов.

С каждым годом Лидский замок посещает все больше туристов из разных стран, среди которых и туристы с ограниченными возможностями. Для этой категории посетителей разработан инклюзивный проект «Лидский замок для всех и каждого», который направлен на создание социокультурной среды, с целью приобщения людей с ограниченными возможностями здоровья к изучению истории Лидского замка. Мероприятия проекта проводятся на специально оборудованных площадках Лидского замка, что позволяет расширить социальную адаптацию людей с ограниченными возможностями.

Мероприятия в рамках инклюзивного проекта
«Лидский замок для всех и каждого» [7].

Разработан персональный аудиогид (белорусская, русская и английская версии) совместно с Объединенным институтом проблем информатики Национальной академии наук Беларуси (АППИ НАН Беларуси)

Работает сувенирная лавка, где свою продукцию, выполненную из различных природных материалов и выдержанную в стиле Средневековья, представляют ремесленники из всех регионов Беларуси.

Для популяризации Лидского замка и привлечения туристов проходят разовые рекламные мероприятия для туроператоров Республики Беларусь и других государств. Организована работа более чем с 50 турфирмами. Сотрудники музея ежегодно участвуют в Международной выставке-ярмарке туристических услуг «Отдых».

В современный период туризм рассматривается как наиболее эффективный способ воздействия культурного наследия в социокультурном развитии, что становится причиной амбивалентного характера влияния туризма на состояние памятников культурного наследия. Использование их в туристских целях способствует привлечению средств для поддержания и сохранения объектов [5].

Государственное учреждение «Лидский историко-художественный музей» особое внимание уделяет популяризации и сохранении Лидского замка – памятника архитектуры XIV ст.

1. Ткачёв, М. А. Лидский замок / М. А. Ткачёв // Памятники истории и культуры Беларуси. – 1971. – № 2. – С. 13–18.
2. Трусов, О. А. Старадаўніх муроў адраджэнне = Древних стен возрождение: Прошлое и современность Лидского замка / О. А. Трусов. – Минск: Пламя, 1990. – 79 с.
3. Сливкин, В. В. Лидский замок. Выдумки и мифы / В. В. Сливкин // Лідскі летапісец – Ліда, 2008. – № 43–44. – С. 38–48.
4. Историко-культурное наследие как фактор привлекательности туристических территорий // Полесский государственный университет : [сайт]. – URL: <https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/10756/1/1.pdf> (дата обращения: 17.09.2025).
5. Историко-культурный потенциал Республики Беларусь – условие развития туризма // Библиофонд. – URL: <https://www.bibliofond.ru/start/> (дата обращения: 11.09.2025).
6. Старт праздничным мероприятиям, посвященный Дню города Лиды дан. Лидский замок первый распахнул свои двери // Лидская газета. – URL: <https://lidanews.by/news/life/36614news.html> (дата обращения: 11.09.2025).
7. Фотоматериалы с социальных сетей Лидского историко-художественного музея. – URL: https://vk.com/lixmuseum_zamak?from=groups (дата обращения: 16. 09. 2025); https://www.instagram.com/accounts/login/?next=%2Flixmuseum%2F&source=omni_redirect(дата обращения: 15. 09. 2025).

Николаева Л.В.

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Ключевые слова: историко-культурное наследие, историко-культурные ценности, историческая память.

Для всестороннего развития любого общества необходимо задумываться над вопросами сохранения и передачи будущим поколениям пережитого опыта, накопленных ценностей, моделей поведения, элементов национально-культурного наследия. Историко-культурное наследие Беларуси находит свое выражение во всей совокупности наиболее отличительных результатов и свидетельств исторического, культурного и духовного развития белорусского народа, воплощенных в историко-культурных ценностях (ИКЦ) [9, с. 10]. Историко-культурное наследие страны во всем его многообразии находит прямую корреляцию с феноменом исторической памяти, для которой ИКЦ являются одними из основных источников.

В исторической науке нет единой дефиниции понятия «историческая память». На наш взгляд, ее можно рассматривать как особый, постоянно развивающийся социально-культурный феномен, содержащий в себе совокупность знаний, мнений, оценок, убеждений и представлений о событиях, явлениях и процессах прошлого, формирующийся посредством специфических социально-культурных действий и практик. В данной связи представляет интерес концепция П. Нора, раскрывающая механизм формирования мест памяти и привязки к ним ритуальных практик. Исследователь считал, что воспоминания современников, участников пережитого ими события, создают память, а последующие поколения конструируют историю о нем. Когда событие утрачивает свое влияние на общество, «внутренне уже им не переживается», оно переформатируется в «место памяти», превращаясь в некий «символический ритуал», зависимый от внешней

поддержки со стороны государства [1, с. 9]. По мнению историка, каждый этап трансформации от «памяти» к «истории», а затем к «месту памяти» сопровождается кризисом национальной идентичности, который вытесняет одно событие и возводит на пьедестал другое [6, с. 17–50]. Потому политика памяти ориентирована не на знание, а на выработку специфического эмоционального отношения к событиям прошлого как базовым (позитивным или негативным) ценностям актуальной политической культуры.

Взаимосвязь и взаимозависимость понятий «историко-культурное наследие» и «историческая память» нашло свое отражение в Конституции Республики Беларусь, которая признает их факторами развития белорусского государства. Так, согласно статье 15 Основного закона, «государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь. Государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» [4, с. 7]. В соответствии со статьей 54, «каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности. Сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь» [4, с. 17]. Таким образом, официальная концепция исторической памяти о Великой Отечественной войне признается в Республике Беларусь фактором укрепления национально-государственной идентичности. Следует отметить, что необходимость сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны и подвиге белорусского народа в Республике Беларусь закреплена и на законодательном уровне. Так, 14 мая 2021 г. был принят Закон Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» [8], 5 января 2022 г. – Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» [7].

Классическими источниками исторической памяти являются многочисленные ИКЦ, нашедшие воплощение в письменных и устных повествованиях, монументальных памятниках и живописных полотнах, различных способах сохранения в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого: памятниках, связанных с историческими событиями праздниках, ритуалах и церемониях. Традиции, обычаи, обряды, народные ремесла, уходящие корнями во времена появления славянского населения на белорусской территории, также являются важными элементами белорусской культуры и основой национальной идентичности. Однако стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), появление новых платформ, мессенджеров и видеохостингов привело к включению в число источников исторической памяти, наряду с традиционными средствами массовой информации, ресурсов Интернет. В связи с чем одним из актуальных вызовов, связанных с сохранением исторической памяти, стало использование ИКТ в информационной войне по дискредитации официальной концепции исторической памяти. Становится очевидным, что такие информационные диверсии обретают в наши дни все большее распространение. Сегодня эта проблема вышла на межгосударственный уровень [2, с. 332].

В силу того, что «образы прошлого», служащие основой для идентичности, не являются статичными, в условиях нестабильности общества обостряется борьба политических субъектов за собственные интерпретации исторического прошлого государства. Так историческая память становится объектом и субъектом исторической политики, борьбы за власть и контроль над обществом.

Искажение истории, в силу своей идеологической направленности, оказывает сокрушительное воздействие на историческое сознание людей, в первую очередь молодежи. Оно размывает чувства патриотизма и гражданственности, разрушает социально-культурную идентификацию подрастающего поколения [2, с. 326, 329].

В данной связи особую значимость обретает охрана объектов историко-культурного наследия как важнейших источников формирования исторической памяти, которая на современном этапе становится обязательным условием устойчивого развития государства. В ситуации современных вызовов материальные и духовные ценности общества, находящиеся под охраной правовых норм, становятся объектами национальной безопасности Беларуси и относятся к приоритетам культурной политики белорусского государства. В рамках данного подхода наследие понимается как один из важнейших социокультурных институтов, который является основанием и формирует национальную и культурную идентичность [9, с. 10].

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о культуре [3], Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года [5], основными направлениями государственной политики в сфере охраны историко-культурного наследия являются:

- содержание и использование ИКЦ с учетом необходимости безусловной сохранности их отличительных духовных, художественных и (или) других уникальных достоинств;
- сохранение и восстановление ИКЦ;
- выявление культурных ценностей и нематериальных проявлений творчества человека, которые могут представлять ИКЦ;
- приданье культурным ценностям и нематериальным проявлениям творчества человека статуса ИКЦ и учет ИКЦ [9, с. 11].

В Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года в подразделе 4.6 «Сохранение культурного наследия и рост национального самосознания» в рамках работы по реализации направления по сохранению и популяризации историко-культурного наследия констатируется, что «будет продолжена целенаправленная работа по сохранению историко-культурных ценностей и исторической памяти народа, национально-культурной самобытности и традиций» [5].

Белорусским государством на системной основе осуществляются многочисленные правовые, организационные, финансовые, материально-технические, научные, информационные и иные мероприятия с целью учета, изучения объектов историко-культурного наследия и их последующей охраны, предотвращения их разрушения или причинения им вреда, проведения контроля их сохранения и использования. За нарушение норм, установленных законодательством об охране историко-культурного наследия, предусмотрены уголовная и административная ответственность [9, с. 11].

Таким образом, в Республике Беларусь организована системная работа по сохранению и приумножению объектов и элементов историко-культурного наследия. Она проводится в условиях, когда процесс сохранения, трансляции и актуализации исторической памяти становится важным компонентом политики государства. При этом действенными инструментами формирования и актуализации исторических символов выступают ИКЦ, играющие значительную роль в становлении гражданственности и патриотизма личности, являясь важным фактором в обретении национальной идентичности и развитии белорусской государственности.

1. Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / под ред. О. С. Поршневой (отв. ред.), Н. Н. Баранова, В. Н. Земцова. – М. : Политическая энциклопедия, 2021. – 576 с.
2. Коваленя, А. А. Учебная литература как источник разоблачения фальсификаций истории Великой Отечественной войны / А. А. Коваленя // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. – М. : РГГУ, 2023. – Вып. 6: Белорусоведение / Редкол.: Е. И. Пивовар, Н. В. Вологина, А. В. Гущин, А. С. Левченков, А. Ю. Наумова, О. В. Соловьева. – 2023. – С. 326–352.
3. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры 20 ліпеня 2016 г. № 413-3 (в ред. Закона Республики Беларусь от 21.07.2022 № 201-З) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk1600413> (дата обращения: 18.09.2025).
4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на resp. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 80 с.

5. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года // Министерство экономики Республики Беларусь [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf> (дата обращения: 18.09.2025).
6. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Нора, П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб. : Изд-во СПб ун-та, 1999. – С. 17–50.
7. О геноциде белорусского народа : Закон Республики Беларусь, 5 января 2022 г., № 146-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&pr0=H12200146&p1=1&p5=0> (дата обращения: 18.09.2025).
8. О недопущении реабилитации нацизма : Закон Республики Беларусь, 14 мая 2021 г., № 103-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&pr0=H12100103&p1=1> (дата обращения: 18.09.2025).
9. Сборник информационно-методических материалов по охране историко-культурного наследия Республики Беларусь / сост. Г. Н. Ходор. – Гомель : КПУП «Колор» г. Мозырь, 2023. – 204 с.

Нячаева Г.Р. КОДЫ НАШАГА ТКАЦТВА. АРХЕАЛОГІЯ І ЭТНАГРАФІЯ. АЎТАРСКІ ПРАЕКТ ВЕТКАЎСКАГА МУЗЕЯ

Ключавыя слова: Веткаўскі музей, археалогія, этнаграфія, геаметрычны арнамент, код ткацтва, комплексныя доследы, семіотыка

Яшчэ ў пачатку стварэння нашага музея, у 1979 годзе, падчас экспедыцыі на паездкі ў Неглюбку, мы ўбачылі на ручніках і народным строем адзення знакі з узорстамі каля 3–4 тысяч год [3, каталог ручнікоў, іл. 230–238; 11, іл. 60–83]. Нашы тканіны ў гэтых адносінах ніхто не даследаваў, але ў старажытных культурах спецыялісты адзначалі падобныя фігуры як раннеземляробчыя культавыя сімвалы [2], г.зн., адносілі іх да пачатку асваення земляробства і менавіта нашымі продкамі індаеўрапейцамі.

Другім імпульсам нашай цікавасці і актыўных пошукаў з'явілася археалагічнае багацце рэгіёна. Сімвалы, якія ляжаць у аснове арнаментальных кампазіцый наших ткацкіх традыцый, належаць геаметрычнаму чыну. Яны ўзыходзяць да эпохі бронзы, як і знакамітая Стрэліца, буйны магільнік (95 пахаванняў), помнік індаеўрапейскай культуры, які даследавалі археолагі на тэрыторыі Веткаўскага раёна ў 1963 годзе [4; 5].

Зразумела, на кераміцы эпохі бронзы не ўбачыш прымых аналагу ромбакрыжавага арнаменту “Неглюбкі”, што і зразумела. Аднак першыя ромбы і крыжы знайшліся на нашай тэрыторыі менавіта ў стрэліцкіх матэрывах (3, мал. 93).

Гэтае адкрыццё ўласных традыцый як нашчадкаў старажытных сістэм сімвалу сталася праграмай шматгадовых доследаў.

Знакі лічацца індаеўрапейскімі па паходжанні і ставяцца да геаметрычнага чыну, які склаўся, як мяркуюць, у II–I тыс. да н.э. У старажытнасці, верагодна, сістэма ромбаў звязвалася з вобразам зямлі, а розныя канфігурацыі ромба – з множнасцю “стадыяльных” образаў яе бóstваў. Так, ромб з кручкамі “быў сімвалам Маці-Зямлі пладаноснай, знакам пладаноснага поля” [3, с. 22]. Варыянты касога крыжа, у тым ліку і з кручкамі на канцах, магчыма, нясуць “мужчынскі пачатак” у магіі ўрадлівасці. Нам вядомыя і беларускія “ромбы з кручкамі” і “круki” на прасліцах ранняга жалезнага веку (3, мал. 94).

Экспедыцыя “Выратаванне старажытных знакаў”, распачатая 45 год таму, доўжыцца і сёння. Колькасць сабраных тканін з узорамі, пераважная частка з якіх маюць геаметрычныя фігуры, перавысіла 3600 экспанатаў. Сёння Веткаўскі музей – адзін з аўтарытэтных цэнтраў у паўнаце рэгіянальнага сабрання ткацтва, якое расце, і ў галіне доследаў семантыкі арнамента.

Нашай мэтаю на працягу многіх гадоў было не толькі высвятленне знешняга падабенства археалагічных і этнографічных арнаментаў, і не столькі пошук аналагу тыпалагічнага паходжання, хоць і такія паралелі вельмі каштоўныя. У сумесных праектах этнографаў, культуролагаў і археолагаў мы імкнуліся высветліць генэтычна магчымыя сувязі паміж этнографічнымі традыцыямі і археалагічнымі культурамі.

Менавіта тымі, якія удзельнічалі ў працэсах культурнага этнагенэзу Верхняга Падняпроўя. Мы выбралі асноўным код геаметрычных сімвалу і іх спалучэнняў.

Першыя спробы прасачыць фармальнае падабенства і семантычныя паралелі ў мясцовых археалагічных матэрыялах і этнаграфічных рэчах, тэкстах і рытуалах – былі заяўлены ўжо ў прынцыпах семіятычнага пабудавання нашай экспазіцыі ў 1987 годзе. Далейшы збор і сістэматызацыя ўзорных тканін дазволілі прадставіць ткацкія традыцыі рэгіёна у асобных вітрынах, у суправаджэнні абрадавых матэрыялаў. Праграмную ролю адыграла стварэнне якасна новага экспазіцыйнага комплекса ў 1994-м г.: у пяці ‘семантычных’ вітрынах ручнікі розных мясцовых традыций былі зведзены па наядунасці ў іх агульных асобных знакаў з верагоднай семантыкай архаічнага паходжання [19]. У выніку настойлівых доследаў у сістэматызацыі ткацкіх традыций і ў маладаследаванай тэме народных назваў арнаментальных элементаў [13] удалося ажыццяўіць шэраг экспедыцый ўздоўж старажытных шляхоў славянскіх родаў, у тым ліку, тысячакіламетровое падарожжа “Уздоўж Бесядзі” (1998). Атрымала магчымасць выхада 606-старонковая калектывная манаграфія “Арнаменты Падняпроўя” [3]. Яе зместам сталі гістарычны агляд этнагенетычных працэсаў і абагульненне тысяч назіранняў за тэхнікамі і арнаментальнымі кампазіцыямі сотняў знайдзеных экспанатаў. Удасканалілася вызначэнне сапраўдных мясцовых лакальных традыций ткацтва, прадстаўленых у этнагеаграфіі. У каталог ўвайшлі больш за 450 ручнікоў. Упершыню прадстаўлены “Алфавіт мясцовых назваў арнаментальных элементаў”, колькасць адзінак слоўніка, экспедыцыйна сабраных намі на працягу гадоў, перавысіла 600 назваў [3, с. 73–163; 13]. Сістэмна прыведзены семіятычныя доследы кампазіцый арнамента як мадэляў культурнай прасторы, што прыцягвала нашу ўвагу доўгі час [12; 18; 3, с. 163–334]. Картаграфіраваны і лакалізаваны з’явы мясцовых абрадаў “Свячы”, “Стралы”, выкліканы дажджу ды іншыя дадзенныя этнагеаграфіі, фальклору і міфалогіі [3, мал. 82–91]. Урэшце, праведзена супастаўленне ‘тэкстаў’ арнаменту і фальклорных тэкстаў замоў па асобных традыцыях з выяўленнем падабенства іх сінтаксіса, што вызвала ўвагу і маскоўскіх вучоных [3, с. 339–393; 10]. Пры тым у дадзенай манаграфіі матэрыялы сталіся базаю разгляду выключна ручніком. Агляд і сістэматызацыя калекцыі знакаў і іх мясцовых назваў на адзенні і абрусах склалі аснову працягу доследаў [1; 21]. Геаметрычныя сімвалы яўна дэманстравалі рэшткі адзінай сістэмы для ўсяго комплекса рытуальных тканін, ад адзення чалавека ў яго жыцці і смерці, да адзення дома і адзення Покуці ў іх каляндарных пераменах і ўзаемасувязі. Назіралася ‘прывязка’ асобных сімвалу да асобных ‘зон’ у кроі і шыцці рубах, у іх полазроставых пераменах [21; 22; 24; 27]. Адзінныя чыны геаметрычных знакаў фіксаваліся і для галаўных платкоў-намітак, і ў вырабе абрадавых абрусаў [21; 22].

Сур’ёзнасць наших намераў па семантычнаму даследванню багацейшай спадчыны ‘у ткацкім кодзе’ ажыццяўляеца ў шэрагу выстаў і публікаций, з прыцягненнем збору мясцовай народнай тэрміналогіі і наогул тэрмінаў ткацтва. Вынікі назіранняў адлюстравалі унікальную сістэму з архаічнымі каранямі, што паглыблялася ў сістэмы семантычных апазіцый старажытнай славянскай культуры [13; 15; 16].

Сумесныя экспедыцыі і даследванні мясцовых матэрыялаў этнаграфіі і археалогіі паказалі перспектыву насыць падыходу. Так, вывучэнне ‘тэзауруса’ рамбічных фігур у арнаменце лакальных традыций, фіксацыя іх назваў і ўдзелу ў ‘сінтаксісе’ кампазіцый былі спачатку семіятычнай задачай у частцы этнаграфічных набыткаў [23]. Аднак доследы перайшлі на другі ўзровень з прыцягненнем археалагічных дадзеных па рамбічных фігурах на археалагічных артэфактах, што мы распачалі супастаўляць яшчэ ў першай экспазіцыі 1987 г., а затым і ў галоўной нашай манаграфії [3, мал. 93–101].

На новых этапах нашай працы мы ўгледзеліся ў канкрэтныя прыклады з канкрэтнымі знакамі, у паслядоўнасці нанясення якіх на археалагічныя артэфакты мы

бачылі аналагі пабудавання кампазіцыйных ‘сінтагм’ арнаменту на ручніках. Такія знакі паходзілі з Падзісення, блізкага нам геаграфічна, гістарычна і дагістарычна. Геаметрычныя знакі на познезарубінецкай кераміцы I-II ст. н.э. з раскопак Ф.М. Заверняева, па меркаванню аўтара археалагічных даследванняў, з’яўляліся сімваламі і “мелі дачыненне да ідэалогіі” [9]. Параўнанне з падобнымі знакамі ды іх паслядоўнасцямі на ручніках суседніх традыцый дало надзеіныя супадзенні ў кантэксле культурнага этнагенезу [14]. Акрамя почапскіх і сінькоўскіх матэрыялаў разгледзелі беларускія “ромбы з кручкамі” і “касыя крыжы з кручкамі” на прасліцах ранняга жалезнага веку, сінхронных верхнедзяснінскім знаходкам (3, мал. 94; 14, мал. 1). Размяшчэнне даследаваных груп знакаў на археалагічных артэфактах, як мы заўважылі, не носіць арнаментальнага харктару, нагадваючы, хутчэй, магічнае нанясненне сімвалаў. Можна было адзначыць не толькі іх занальнае размяшчэнне, маючае ‘касмалагічную прывязку’ у мікракосме самога прадмета, што ў культурным кодзе керамікі надзвычай інфарматыўна. Было выяўлена і асиметрычнае групаванне знакаў, якое нагадвае прэдыкатыўныя адзінкі, запісы ‘выказванняў’.

Праз пэўны час мы падоўжылі археалагічна-этнаграфічныя назіранні. Цяпер аб’ектамі стала кераміка больш ранняга часу, эпохі позняй бронзы, бандарыхінскай культуры з Северскага Данца – і зноў нашы этнаграфічныя знаходкі. Носьбіты бандарыхінскай культуры паўдзельнічалі ў нашых этнакультурных працэсах [7]. Для VIII–IX ст. да н.э. апазіцыі знакаў зноў былі прадстаўленыя ў сінтаксічных злучэннях. Мы прыцягнулі да параўнання і назірання матэрыялы, апублікованыя Ю.В. Буйновым [6]. Сярод удзельнікаў ‘сінтагм сімвалаў’ галоўнымі, зноў-такі, з’яўляліся ромбы і касыя крыжы. Ромбы знайшліся як ‘зерневыя’, якія былі ў Стрэліцы за некалькі стагоддзяў да таго, так і косаштырхаваныя, якія будуць актуальныя для почапской керамікі праз некалькі стагоддзяў. Апошняя – ў парах з раскрэсленымі ‘нівамі’ (7, мал. 8 – 11). Гарызантальныя спалучэнні сцвярджалі тыя ж пары, што і пазней у артэфактах рубяжа нашай эры. Раскрыжаваныя культурныя знакі амаль сучаснага ўзору, якія бачым ў этнаграфічных тканінах (мал. Негл. паласа).

Сярод прыкладаў у нашых археолага-этнаграфічных артыкулах [14] была разгледжана адна са знакавых кампазіцый з Дзясны – вертыкальны ланцуг розных ромбаў на вертыкальным борціку місі (3, мал. 8-1; 7, мал 4; 14, мал. 3). У ланцуго чаргаваліся ромбы без выступаў – і ромбы з гарызантальнымі кручкамі (як памятаем, апошняя – варыянт “раннеземляробчага кульставага сімвалу – ромба з кручкамі”). Знайшлі аналагі кампазіцыі ў тканых ручніках. Адным з найбольш выразных аказаўся ручнік з в. Некрасава Веткаўскага р-на (прав. р. Беседзі) (3, каталог, іл. 28). Мы вылучылі вертыкальны тып арнаментальнай кампазіцыі на ручніках як адзін з асноўных [18]. Першапачаткова выяўлены ў веткаўскім раёне, тып гэты дэманстуе архаічнае паходжанне і абразуе гlosы распаўсюджання па правых берагах рэк, уздымаючысь да полацкіх, віцебскіх ды іншых традыцый. Тут мы адзначым толькі, што ў нашым мікрарэгіёне такія кампазіцыі ‘прывязаны’ да правых берагоў Сожа, Беседзі. Рад населеных пунктаў з дадзенай традыцыяй, экспедыцыйна вылучанай, адзначаны ў гістарычных краінцах з XVI ст. Такім чынам, з нашай кропкі адліку ўдалося паглыбіцца ў верагоднасці існавання вертыкальнага тыпу ручнікоў на паўтысячы год.

Сёння мы маём магчымасці вяртацца да разгледжаных раней матэрыялаў у сувязі з новымі дадзенымі. Яны з’яўляюцца ў выніку доследаў і апублікованых матэрыялаў, а таксама, што найбольш уражвае, у выніку новых археалагічных і этнаграфічных знаходак, выяўленых падчас актыўнай даследніцкай дзейнасці музея.

Так, параўноўваючы сінькоўскую міску і ручнік вертыкальнага тыпу мы ўбачылі, што ў абодвух выпадках ромбы з кручкамі маюць разкрыжаваную (клятчастую) сярэдзіну, што з’яўляецца даўней піктаграмай ўзоранага поля, нівы (у даўніну аралі

крыж-накрыж). Малыя ж ромбы культурнай адзнакі не маюць. Але тэма ‘няўзоранага поля’, ‘цаліны’, ‘стыхійнага пачатку’ вырашаецца па-рознаму. На зарубінецкім артэфакце ромбы коса заштырхаваныя. На ручнику – канцэнтрычныя. Тэма канцэнтрычна пабудаваных ромбаў, што нагадвае гадавыя колы дрэва, намі даследуеца даўно. Банк дадзеных грунтоўны і паказвае магчымыя вобразныя сувязі паміж некранутай зямлёй-цаліной – і дзявоцтвам. У розных рамбічных знаках могуць быць адлюстраваны ініцыяцыйныя сімвалы.

Істотная розніца в структуры малых ромбаў ручніка і археалагічнай знаходкі дазваляе зразумець значнасць касой штыроўкі для сістэмы Сінькова. Мабыць, яна магла пазначаць якраз ту ў “стыхійную іпастась” зямлі, якая часта і ў этнографічнай традыцыі, у прыватнасці, на ручніках, уяўляеца нерасчлененым (цёмным, глухім) ромбам. Гэтая неапрацаванасць зямлі і патаемнасць яе ‘неабуджанага стану’ у народных традыцыях суправаджаеца адпаведнымі варыянтамі мясцовых назваў глухога ромба: *глухоўка, глушка, глухая, глухая-сяляя* [3, с. 73–163]. З іншага боку, археалагічны артэфакт, міска з Сінькова, з яе косаштырхаванымі ромбамі, растлумачвае этнографічны звычай, запісаны намі: абвязваць аборкі лапцей вакол нагі дзяўчатам – па касой, замужнім – крыжападобна. Прызнак касога і няпоўнага – адзін з асноўных архетыпаў вобразнай сістэмы традыцыйнай культуры. Аднак канцэнтрычных ромбаў на археалагічных артэфактах мясцовага паходжання мы на той час не ведалі.

У выкананні геаметрычных знакаў прымыя лініі перавагаюць. Яны праходзяць праз тысячагоддзі і маюць надзейную аснову ў формах самога земляробчага працэсу. Іншы імпульс – схільнасць да касых рысаў. Такія – ромбы, касыя крыжы ды іх мадыфікацыі. Аморфная гліна, што прымае на сябе любыя ‘інфармацыйныя сістэмы знакаў і тэхнік’, такім чынам, верагодна, перадае харектар выконвання знакаў на нейкім іншым цвёрдым носьбіце. Стыль знаёмы нам па тканінах. Дзівіць ўстойлівасць формаў геаметрычных знакаў.

Як мы працуем з дадзенымі? Прывядзем адзін прыклад, непазбежна скарочаны.

На днях да нас трапіў падарунак – выпадкова знайдзенае пасля летней навальніцы, вымытае з-пад адкоса прасліца, грузік для верацяна. Яно з гліны. Упершыню за ўсе гады вывучэння знакаў у гэтым сезоне мы атрымалі артэфакт з эпохі бронзы, важны ў цэлым шэрагу значэнняў.

Па-першае, гэта новая сведка і ‘маркёр’ ткацкай тэмы.

Па-другое, арнаментаваны геаметрычным арнаментам предмет паходзіць з трохтысячагадовай даўніны і з нашых мясцін.

Па-трэцяе, аздабленне альбо магічнае выкананне знакаў на прасліцы – трохтысячагадовае пацверджанне ўстойлівай традыцыі. Раней мы зразумелі, што менавіта гліняныя прасліцы застаюцца апошнім разрадам арнаментаваных керамічных аб'ектаў, бо яны бліжэй за ўсё датыкаюцца да новага (?) носьбіта магічнай інфармацыі – ніткі. Яе роля сходная з лініяй (лінія, эты малагічна, і азначае ільнянную нітку). Нітка – выкананіца знакаў у самім ткацтве. Арнаментаваныя прасліцы – амаль апошнія носьбіты знакаў у зарубінецкай культуре, добра вядомай нам. Аднак прасліца з эпохі бронзы сцвярджае свой уздел ў інфармацыйным полі раней, больш за тысячагодзе да н.э. Такім чынам, атрымліваюць новы сэнс і радкі з паэмы Аўдзія, сучасніка зарубінецкай культуры на рубяжы н.э. Вершы прысвячаліся ведзьме таго часу і змяшчалі яе харектарыстыку. Вось яны:

Магию знает она, заклинанья восточные знает...

Ведает свойства и трав,

и льна на стволе веретённом...)

[Овидий, 1983, с. 35].

Па-чацвёртае, ў знаках пацвердзілася наяўнасць і супастаўленне ‘стыхійных’ і ‘культурных’ сімвалу зямлі-жанчыны.

Па-пятае, урэшце з'явілася рэч-тэкст, у якім фармальна выражаная апазіцыя канцэнтрычнага і раскрыжаванага тыпу штрыхоўкі геаметрычных фігур. Менавіта тая, якую ўжываюць арнаменты нашых тканін. Гэта першая на сёння і амаль рэвалюцыйная для нас інфармацыя. Апазіцыя стыхійнага/культурнага у дачыненні да ромбаў (і трохкунтнікаў як варыянту жаночага знака) выразілася ў чатырох паўромбах (трохкунтніках), два з якіх маюць канцэнтрычную штрыхоўку, два – раскрэсленыя ‘у клетачку’.

Шостым пунктам атрымання новай інфармацыі з'яўляецца прымяненне формы ўласна трохкунтнікаў. Хаця ж гэтая форма найбольш папулярная ў кераміцы эпохі бронзы і раней, неаліту, мы можам вылучыць асаблівасць прымянення трохкунтнікаў на прасліцы. Яны рытмічна размешчаны па верхній частцы біканічнага прасліца, кранаючыся яго гарызантальнага рабра, нават абапіраючыся на яго. Г.зн., фігуры бачныя для ткалі зверху, як былі б бачныя ромбы, калі б яны сканчаліся на ніжнім, ‘нябачным’ баку прасліца, за яго рабром. Акрамя таго, што эканомнасць сродкаў выразнасці характэрны для старых культур і наогул для этнографіі, можна заўважыць магчымае супрацьстаўленне верхній паловы прасліца – і нябачнай ніжнай. Знакі нанесенныя на бачную верхнюю паверхню, робяць яе тэкстам культуры. Ніжняя частка, не кранутая знакамі, сама робіцца выразнікам стыхійнасці і хтанічнасці. Канічная форма верха і нізу лаканічна выражает найважнейшую ідэю ромба ў “3-D”.

Па-сёмае, вядома, якімі важнымі для лёсу дзяўчынкі-дзяўчыны-жанчыны з'яўляюцца працэс прадзення і ткання, а таксама яго прылады. І сёння яны поўныя сімвалічнага, магічнага, міфічнага зместу. Для пралі з вераценцам трохтысячагадовай дауніны можна зразумець сувязь кампазіцыі знакаў і самога прасліца з уласным лёсам той дзяўчыны. Абстрактныя для нас чаргаванні ‘дзяячоўх’ і ‘жаноцкіх’ (альбо ‘стыхійных’ і ‘культурных’) знакаў былі для яе праграмай жыцця. Мы не ведаем, хто рабіў прасліца. Калі яна сама, то так адзначылася яе мара. Калі бацька альбо жаніх, што найчасцей мы бачым ў этнографічнай традыцыі, то знакі – пажаданне ўдалага шлюбу.

Па-восьмае, як працяг папярэдняга разважання, патрэбна адзначыць памежную ролю пралі, знаходжанне яе паміж светамі, дакрананне да хтанічнага і нават міфічнага. У такіх умовах пагроза для самой творцы новага ўзрастаете, і павышаецца роля і неабходнасць рэчы-абярэга. У бытавым сэнсе, для дзяўчыны, уключанай у працэс стварэння тканіны. У міфалагічнай прасторы робіцца верагодным з'яўленне духа прадзення. У апошнія вякі хрысціянская Параскева, раней праславянская Мокаш... Яны дасюль жывуць у беларускіх былічках, прыкметах, загадках, забаронах і прадпісаннях – у календары і ў жыцці. І тады ‘наш тэкст’ на прасліцы – тэкст для бóstва прадзення.

1. Алфавіты арнаментальных элементаў на ткацкіх вырабах. Мяццовыя назвы Неглубскай традыцыі. Кашуля, платок, абрус // Навуковыя запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці. – Гомель, 2004.
2. Амбраз, А. К. Раннеземледельческий культовый символ (“ромб с крючками”) / А. К. Амбраз // Советская археология. – 1965. – № 3. – С. 11–22.
3. Ариаменты Падняпроўя / аўт. тэкстаў Г.Р. Нячаева і інш.) – Мінск : Бел. навука, 2004. – 606 с.
4. Артёменко, И. И. Могильник среднеднепровской культуры в урочище Стрелица / И. И. Артёменко // Энеолит и бронзовый век Украины. – Киев, 1976. – С. 69–96.
5. Артёменко, И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы / И. И. Артёменко. – М. : Наука, 1967. – 138 с.
6. Буйнов, Ю. В. К вопросу об исторических судьбах племён бондарихинской культуры / Ю. В. Буйнов // Российская археология. – 2006. – № 2. – С. 39–50.
7. Дробушевский, А. И. Ромбы "целинные" и "засеянные". Геометрический чин знаков в археологических и этнографических памятниках / А. И. Дробушевский, Г. Г. Нечаева // Деснинские древности. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. – Вып. 5. – Брянск, 2008. – С. 24–33.
8. Дробушевский, А. И. «Иранский компонент» у северян и особенности этнографических тканей междуречья Сожа – Ипуть / А. И. Дробушевский, Г. Г. Нечаева // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы : материалы международной научно-практической конференции. – Брянск : ООО «Ладомир», 2008. – С. 57–62.
9. Заверняев, Ф. М. Почепское селище // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье / Ф. М. Заверняев // МИА. – М., 1969. – № 160. – С. 88–118.

10. Кляус, В. Л. Заговоры и рушники Ветковского района: опыт сопоставления и выявления фольклорной «модели мира» / В. Л. Кляус, Г. И. Лопатин, Г. Г. Нечаева // Заговорный текст. Генезис и структура. – М., 2005. – С. 452–466.
11. Навуковыя записікі Веткаўскага музея народнай творчасці. – Гомель : Выд-ва УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2004. – 303 с.
12. Нечаева, Г. Г. Симметрия пространства и времени в рушнике. Семантика формы рушника / Г. Г. Нечаева // Матэрыялы абласной навукова-практычнай канферэнцыі “Ручнік як увасабленне традыцыйнай культуры беларусаў” (Віцебск, 29–31 кастрычніка 1996 г.). – Віцебск, 1998. – С. 20–23.
13. Нечаева, Г. Г. Региональная терминология орнамента / Г. Г. Нечаева // Проблемы восточно-славянской этнолингвистики. Материалы первой этнолингвистической международной конференции, посв. памяти ученого, филолога-слависта, академика РАН Никиты Толстого (Минск, 25–27 апреля 2003 г.). – Минск, 2003.
14. Нечаева, Г. Г. Судьба одного знака. Археология Почепа и современная этнография / Г. Г. Нечаева // Сб. научных статей «Десинские древности». – Брянск, 2006. – С. 362–372.
15. Нечаева, Г. Г. Тексты текстилия и мифологические мотивы / Г. Г. Нечаева // Славянская мифология и этнолингвистика : сборник научных статей / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]; М-во образования Респ. Беларусь, Гом. гос. ун-т. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 197–202.
16. Нечаева, Г. Г. Сляпня вядзымедзі і зоркія веряб'і: арханка в терминологии орнамента деревни Неглюбки / Г. Г. Нечаева // Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В. И. Ковала : сборник научных статей / редкол.: Е. В. Нечипорчик (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 216–222.
17. Нячаева, Г. Р. Праявы стыхій ды хтанічнай энергіі ва ўзорных тканінах / Г. Р. Нячаева // Этнографія Падняпроўя. Матэрыялы навуковай канферэнцыі. – Магілёў, 1999.
18. Нячаева, Г. Р. Арынментальны кампазіцыі канцоў ручнікоў як мадэлі культурнай прасторы / Г. Р. Нячаева // Ткацтва. Зборнік матэрыялаў па беларускаму народнаму ткацтву. – Мінск, 1999.
19. Нячаева, Г. Р. “Агонь – сонца – зямля – чалавек – ураджай” (з гісторыі “семантычных” экспазіцый) / Г. Р. Нячаева // Музейныя спыткі. Веткаўскі музей народнай творчасці. Навукова-метадычны зборнік. – Мінск, 2001.
20. Нячаева, Г. Г. Архаічны імпульсы узорнага ткацтва на памежжы Беларусі-Украіны-Расіі / Г. Г. Нячаева, І. В. Штанкіна // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гомель, 20–21 мая 2004 г.). – Частка I. – Гомель, 2004.
21. Нячаева, Г. Р. Арнамент: прастора рэчы і мова традыцыі. Кашулі, галаўныя жаночыя “платкі” і абрусы / Г. Р. Нячаева // Навуковыя записікі Веткаўскага музея народнай творчасці. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2004. – С. 111–139.
22. Новікова, Л. А. Частата ўжывання арынментальных элементаў на ткацкіх вырабах. Статыстычны звод / Л. А. Новікова, Г. Р. Нячаева // Навуковыя записікі Веткаўскага музея народнай творчасці. – Гомель, 2004.
23. Нячаева, Г. Р. Арынментальны знак “ромб” і яго асацыятыўныя мясцовыя назвы / Г. Р. Нячаева // VIII Навуковыя чытанні, прысвечаныя С. Некрашвічу. Зборнік навуковых артыкуулаў на 2-х частках. – Ч. 2. – Гомель, 2007. – С. 229–234.
24. Нячаева, Г. Р. Вопыт вывучэння арынменту на адлізні ў сувязі з мясцовай традыцыйнай тэрміналогіяй / Г. Р. Нячаева // Сб. Нацыянальныя касцюм у сучаснай сацыякультурнай прасторы. – Мінск, 2008.
25. Нячаева, Г. Сімволіка геаметрычнага арынменту ткацкіх традыцый паднёвага усходу Беларусі / Г. Нячаева // Беларускі гістарычны часопіс. – 2024. – № 7. – С. 60–65.
26. Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. – М. : Худ. Літерат., 1983. – 512 с.
27. Смирнова, И. Ю. Возрастная дифференциация женской одежды неглобского строя / И. Ю. Смирнова // Навуковыя записікі Веткаўскага музея народнай творчасці. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2004. – С. 107–111.

Отнюкова М.С., Черевичко Т.В. МУЗЕЙНЫЙ ТУРИЗМ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: инновации, музей, культурное наследие, туризм, экскурсии

Современное общество демонстрирует растущий интерес к уникальным формам туризма, способным объединить культурные, образовательные и развлекательные аспекты. В этом контексте музейный туризм занимает особое место, позволяя путешественникам погружаться в атмосферу эпохи, открывать новые грани культурного наследия и знакомиться с жизнью выдающихся личностей и исторических событий посредством музейной экспозиции, и территории, к которой они примыкают.

В Саратовской области насчитывается 26 государственных и муниципальных музеев [4]. Среди уникальных культурных объектов стоит выделить Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева и музей-усадьбу Н.Г. Чернышевского. Для исследования спроса на музейный туризм был проведен опрос. В опросе участвовали 143 человека, из них женщины – 72 человека, мужчины – 71 человек, все опрошенные в возрасте от 18 до 60 лет. Респондентам предлагалось ответить заинтересованы ли они в познании истории и культуры города Саратова, знакомы ли они с музеями и культурным наследием города.

По результатам опроса выяснилось, что большая часть респондентов (85%) интересуются музейным туризмом в Саратовской области. Также 79% респондентов отме-

тили важность музеев, памятников и других объектов, связанных с культурным наследием региона. Это имеет огромное значение для сохранения и продвижения культурного наследия и способствует обогащению культурной жизни общества. 83% респондентов выразили желание участвовать в фестивалях, выставках и других мероприятиях, тем или иным образом связанных с музейной тематикой.

На вопрос «Какие музеи в Саратовской области Вы знаете?» 40% опрошенных отметили Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева, 25% – Саратовский областной музей краеведения, 20% – музей-усадьба Н.Г. Чернышевского. 15% отметили литературный музей К.А. Федина. Также по результатам опроса удалось выяснить, что 63% респондентов хотя бы раз посещали музеи Саратова, но лишь 22% посещают их регулярно, чтобы расширить свой кругозор, приобрести новые знания, узнать что-то интересное, тогда как 15% не посещают вовсе. Большинство опрошенных (70%) хотели бы узнавать дополнительную информацию о музеях в Саратовской области, например, об организованных экскурсиях, а 30% респондентов сетовали на недостаточное количество интересных программ для граждан. Опрос показал, что 78% респондентов предпочитает разнообразные форматы музейных экскурсий, такие как квесты, мастер-классы, виртуальные экскурсии, тем не менее 22% опрошенных предпочитают более традиционные формы музейного обслуживания.

Таким образом, опираясь на результаты проведенного исследования, отметим, что музейный туризм в Саратовской области обладает потенциалом для привлечения внимания молодежи. В ходе исследования, были выявлена проблема, которую можно учитывать при анализе содержания музейных туров в регионе – это недостаточное внимание к местным музеям и культурному наследию области, а также недостаточное развитие туристской инфраструктуры. На наш, взгляд еще одна проблема заключается в ограниченном числе мероприятий и инициатив, направленных на привлечение туристов.

Проведенное исследование выявило наибольший ресурсный потенциал у музея Н.Г. Чернышевского. Этот музейный комплекс, расположенный на территории городской усадьбы первой половины XIX века, уникален тем, что сохраняет культуру разночинного сословия. Живописная усадьба с постройками XIX века, уютный дом, предметы, хранящие память о его обитателях, уникальные мемориальные объекты и высокий уровень экскурсионного обслуживания создают неповторимую атмосферу старого Саратова. Музей не только сохраняет историческую память, но и активно участвует в культурной жизни города, проводя выставки, лекции и мастер-классы, что делает его важным центром культурного и образовательного пространства региона [2].

В современном мире музеи играют важную роль в сохранении и продвижении культурного наследия, а также в образовательной и просветительской деятельности. В условиях меняющейся социальной и технологической среды инновационные подходы становятся неотъемлемой частью музейной практики, позволяя не только привлекать новых посетителей, но и улучшать качество взаимодействия с аудиторией. Музеи сегодня стремятся внедрять инновационные подходы для продвижения и повышения своей привлекательности и эффективности.

Изучение инновационной деятельности музея позволяет оценить эффективность применяемых методов и их влияние на восприятие культурного наследия современным обществом. Нами был проведен анализ инновационной деятельности музея Н.Г. Чернышевского и выделены следующие виды инноваций [1]:

Технические инновации. Внедрение современных технологий позволяет музеям создавать более интерактивные и доступные экспозиции. Так, в музее Н.Г. Чернышевского посетители могут сканировать QR-коды, размещенные рядом с экспонатами, чтобы получить дополнительную информацию или прослушать аудиогид. Программа «Артефакт», инициированная Министерством культуры России, предлагает использовать

QR-коды для получения подробной информации о музейных экспонатах [3]. Музей Н.Г. Чернышевского активно участвует в этой инициативе, что позволяет посетителям не только ознакомиться с историей и особенностями экспонатов, но и получить доступ к уникальным мультимедийным материалам. Данная программа также способствует привлечению новой аудитории и повышению интереса к культурному наследию, что является важным аспектом в условиях современного общества.

Музей Н.Г. Чернышевского успешно использует дополненную реальность. Проект «Мелодия усадьбы» представляет собой инициативу по созданию креативного культурно-исторического пространства на территории музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского. В рамках данного проекта была воссоздана атмосфера купеческой усадьбы: высажены растения, которые ранее росли на приусадебных участках купеческих домов, а также установлены элементы благоустройства.

Виртуальный аудиогид представляет собой современное цифровое решение, которое предоставляет посетителям музея возможность самостоятельно выбирать маршрут и темп экскурсии. Данная технология основывается на использовании мобильных приложений или специализированных устройств, которые синхронизируются с экспозицией музея. Введение виртуальных аудиогидов в музее Н.Г. Чернышевского стало важным шагом в модернизации музейной практики. Он предоставляет аудиоинформацию о каждом экспонате, а также фотографии этих объектов, что позволяет посетителям глубже понять представленные материалы, создавая более интерактивный и увлекательный опыт. Аудиогид помогает не только в восприятии информации, но и в создании атмосферы, позволяя слушателям погрузиться в контекст времени и жизни самого Чернышевского. Анализируя текущую ситуацию, можно отметить, что использование аудиогидов в музеях становится стандартом, однако внедрение видеоформатов может стать важным шагом к улучшению образовательного аспекта выставок.

Продуктовые инновации. Создание новых музейных продуктов и услуг способствует расширению аудитории и удовлетворению разнообразных интересов посетителей. Современные формы экскурсий, такие как квесты и квизы, становятся все более популярными в музейной практике благодаря их интерактивному характеру. Они вовлекают посетителей в активное участие, позволяя им не только получать информацию об экспонатах, но и самостоятельно исследовать музейное пространство, решая задачи и выполняя задания. Например, квест-игра «Дешифровщик» позволяет участникам не только ознакомиться с черновиками Чернышевского, но и попробовать себя в роли дешифровщиков, что создает уникальный опыт взаимодействия с историческими документами.

Также с 2021 г. по 2024 г. в музее проводился квест «Освободите Ч», предлагающий игрокам погрузиться в биографию Н.Г. Чернышевского, играя роль детективов, что не только развлекает, но и образовывает, позволяя глубже понять личность писателя и его вклад в литературу. В 2023 году проводилась квест-игра «По усадьбе тихо бродят сказки», ориентированная на детей и их приключения, что подчеркивает стремление музея привлекать молодую аудиторию и развивать у них интерес к литературе и культуре. В 2024 году завершился квест «В поисках потерянной рукописи», который был посвящен поиску утраченной рукописи, привлекающей искателей сокровищ. В музее также проводятся квизы, такие как «Библиофаг», дополняют квесты, предоставляя возможность проверить свои знания о литературе и писателях XIX века. Это создает разнообразие в формате мероприятий и позволяет посетителям выбирать наиболее интересные для них способы взаимодействия с музейным контентом [2].

Мастер-классы играют важную роль в деятельности музеев, способствуя активному вовлечению посетителей и созданию интерактивного опыта. Они помогают музеям адаптироваться к современным запросам, внедряя новые методы обучения и взаимодействия с аудиторией, что способствует развитию культурно-образовательной деятельности. Одним из таких мероприятий является интерактивное занятие «Как учились в XIX веке», которое

погружает школьников в атмосферу старинного учебного заведения. В ходе занятия участники имеют возможность писать гусиным пером и читать книги XIX века.

Программа «Павлины на усадьбе» включает мастер-класс по созданию открытки с изображением павлина. В рамках мастер-класса «Цветы» дети могут экспериментировать с яркими красками, используя технику «монотипия» на чистом листе бумаги. Мастер-класс «Мастерская Веры Павловны» направлен на освоение традиционных ремесел, таких как бисероплетение, создание традиционных кукол и декупаж. Также предлагается мастер-класс по созданию свечей из восцины и новогодний мастер-класс по изготовлению елочной игрушки из фетра. В рамках мастер-класса «Новогодний Снеговик» участники с помощью цветного бархатного картона, блесток, ваты и своего воображения могут создать очаровательного снеговика. Дополнительно предлагаются мастер-классы по изготовлению ватной игрушки, вышивке, рисованию натюрморта под руководством члена Союза художников России Ирины Львовны Шин, а также по созданию книжной закладки и открытки в технике аппликации [2]. Таким образом, музей-усадьба предоставляет уникальную возможность для детей и взрослых погрузиться в мир искусства и традиций, развивая творческие навыки и обогащая культурный опыт.

Маркетинговые инновации. Эффективное продвижение музея и его мероприятий играет ключевую роль в привлечении посетителей и повышении его узнаваемости. В музее осуществляется активное ведение социальных сетей, где публикуются новости, анонсы мероприятий и интересные факты о музее, что позволяет установить прямой контакт с аудиторией и привлекать новых посетителей.

Образовательные программы для молодежи играют ключевую роль в привлечении новой аудитории в музей. В 2022 году музей Н.Г. Чернышевского провел более 20 мероприятий для школьников и студентов, направленных на повышение их интереса к культурному наследию. Эти инициативы способствуют формированию у молодого поколения уважения к истории и культуре, а также способствуют увеличению посещаемости музея.

Музей Н.Г. Чернышевского активно внедряет инновационные подходы в свою деятельность, что позволяет ему не только сохранять культурное наследие, но и привлекать внимание молодежи. Одним из ярких примеров такой деятельности стал проект по созданию анимационного фильма, реализованный в 2021 году по созданию анимационного фильма, автором которого стали юные участники школы детской мультипликации «LavRushka». Данный проект был осуществлен в сотрудничестве с Управлением по охране объектов культурного наследия Правительства Саратовской области и Средневолжским филиалом ФГБУК «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры». Анимационный фильм задумывался как способ представить исторические события и ключевые моменты биографии писателя в доступной и увлекательной форме, что способствовало привлечению новых посетителей в музей. А в 2022 году на платформе rutube.ru был представлен мультфильм студии «LavRushka» под названием «Чернышевский», который посвящен раннему детству и юности Н. Г. Чернышевского [2].

Проекты, реализуемые в сотрудничестве с различными учреждениями, не только способствуют популяризации исторического и культурного наследия, но и развиваются творческие способности у молодежи. Таким образом, музей становится не только хранилищем истории, но и активным участником культурного диалога, что делает его значимым центром для изучения и осмысливания культурных ценностей.

1. Агарков, С. А. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика. / С. А. Агарков, Е. С. Кузнецова, М. О. Грязнова. - М.: Академия Естествознания, 2011. – URL: <https://monographies.ru/en/book/section?id=3767> – (дата обращения: 12.09.2025).

2. Муниципальное учреждение культуры «Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского». – URL: <https://sarusadba.ru/> (дата обращения: 09.09.2025).

3. Платформа «Артефакт» – проект Минкультуры России, входит в Федеральный проект «Цифровая культура» Нацпроекта «Культура». – URL: <https://ar.culture.ru/> (дата обращения: 23.08.2025).

4. Что посмотреть в Саратове за 1 день. – URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/saratov/tips/7910> (дата обращения: 23.08.2025).

Паўлава А.Я.
ІЛЮСТРАВАНЫЯ ПАШТОЎКІ ЯК СРОДАК ВЫВУЧЭННЯ
І ПАПУЛЯРЫЗАЦЫ ГІСТАРЫЧНАЙ
І КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ БЕЛАРУСІ

Ключавыя слова: ілюстраваныя паштоўкі, культурная спадчына, выстаўкі, музеі, прыватныя калекцыі, сувеніры

Пад культурнай спадчынай прынята разумець матэрыяльную і нематэрыяльную частку культуры, створаную мінулымі пакаленнямі і ўспрымаемую грамадствам як нешта каштоўнае і шануемае, крыніцу ведаў і каштоўнасцяў для будучых пакаленняў. Адпаведна, вынікаюць два аспекты культурнай спадчыны: творчы – жывая культура, і гістарычны, які прадугледжвае вывучэнне і захаванне аб'ектаў і твораў. Гісторыя выдання паштавак на тэрыторыі Беларусі набліжаецца да 150 гадоў, а самі карткі спалучаюць у сабе абодва аспекты культурнай спадчыны і па слушнай заўваге акадэміка Д.С. Ліхачова з'яўляюцца “візітнымі карткамі часу”.

Політэматычнасць і поліфункцыянальнасць паштоўкі, разам з фактарам паўсюднага бесперапыннага бытавання, судзейнічалі заняццю адкрытымі лістамі асаблівага месца ў шэрагу рэпрэзентатыўных візуальных артэфактаў канца новай і ўсяго перыяду найноўшай гісторыі. У кантэксце вывучэння азначанай тэмы асаблівую цікавасць уяўляюць ілюстраваныя паштоўкі. Гэта паштовыя карткі, на адным або двух баках якіх размешчаны выявы – фатаграфіі відаў населеных пунктаў і людзей, рэпрадукцыі карцін, малюнкі або іншыя мастацкія творы. Яны могуць быць як мастацкімі (з творамі мастацтва), так і дакументальными. Пад тэрмінам "дакументальная паштоўка" або "фотапаштоўка" або "краявідная паштоўка" маецца на ўвазе разнавіднасць паштовых картак, у аснову выяў на якіх пакладзены фатаграфіі. Усе ілюстраваныя паштоўкі могуць выконваць функцыю сувеніраў, форм культурно-адукацыйных матэрыялаў, віншаванняў і г.д. [6].

Паштоўкі служаць магутным інструментам прасоўвання і захавання культурнай спадчыны: яны дазваляюць папулярызаваць гістарычныя помнікі, мастацтва, традыцыі і звычаі, робячы іх даступнымі і зразумелымі для шырокай аудыторыі. Паштовыя карткі не проста спрыяюць пазнаванню славутасцяў, іх папулярнасці, але і замацаванню ў сведомасці, што менавіта гэтыя будынкі або аб'екты з'яўляюцца найбольш выбітнымі сярод іншых падобных.

Значныя зборы філакартыі знаходзяцца ў музейных установах. Большасць паштавак у музеях – краявідныя [2; 3]. З 9.5 тысяч паштавак у Нацыянальным гістарычным музеі Беларусі у кантэксце тэмы спадчыны цікавасць выклікаюць паштоўкі пачатку XX ст. з відамі гарадоў і мястэчак і фотакарткі У. Суцягіна. З 10 тысяч прадметаў філакартыі ў фондах Віцебскага краязнаўчага музея каля 300 складаюць ілюстраваныя карткі з відамі Віцебска пачатку XX ст. [8]. Калекцыя філакартыі ў Гродзенскім дзяржаўным музеі гісторыі рэлігіі начала фарміравацца ў 1976 г. і на сёняшні дзень складае больш за 8 тысяч прадметаў асноўнага фонду [3]. Музейная калекцыя паштавак у Лідскім гісторыка-мастацкім музее перавышае 1000 адзінак, з якіх 230 – гэта краявідныя паштоўкі г. Ліды у першай палове XX ст. [21]. У фондах Музея гісторыі г. Мінска з 672 паштавак маюць значэнне да культурнай і гістарычнай спадчыны толькі 66 краявідных паштавак і 2 паштоўкі – рэпрадукцыі карцін М. Савіцкага.

Прыватныя калекцынеры Беларусі маюць велізарную колькасць рэдкіх артэфактаў мінулага, патэнцыял якіх неабходна выкарыстоўваць у поўнай меры ў кантэксце дзяржаўна-прыватнага партнёрства. Варта адзначыць, што паштоўкі з музейных збораў і прыватных збораў не ўключаны ў склад Дзяржаўнага спісу гісторыка-культурных каштоўнасцяў Рэспублікі Беларусь. У сувязі з гэтым асабліва

важным становіщца ўзаемадзеянне музейных устаноў з прыватнымі калекцыянерамі ў сферы арганізацыі выстаў паштовак на базе музеяў.

Каля 500 паштовак з рэпрадукцыямі работ Марка Шагала сабраў віцебскі краязнаўца А.М. Падліпскі [1]. Улічаючы заўвагу самога мастака, што на ўсіх карцінах прысутнічаюць фрагменты Пакроўскай вуліцы, кожная паштоўка з рэпрадукцыяй палотнаў майстра набывае падвойную значнасць у кантэксле вывучае тэмы. Убачыць паштоўкі магчыма падчас выстаў, якія арганізуецца Віцебскім абласным краязнаўчым музеем сумесна з калекцыянерамі.

Збор У.А. Ліхадзедава ўтрымлівае больш за 50.000 філакартычных рарытэтаў, з якіх 35.000 паштовак і фота прысвеченых Беларусі. Гісторыка-асветніцкі праект «У пошуках страчанага» нарадзіўся ў 2004 годзе на старонках газеты «СБ. Беларусь сёгдня». За ажыццяўленне праекта ўжо ў 2006 годзе У.А. Ліхадзедаў стаў лаўрэатам прэмii Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «За духоўнае адраджэнне» за 2006 год. На працягу 20 гадоў У.А. Ліхадзедавым былі праведзены каля 100 тэматычных выстаў у Беларусі і за мяжой. Паспяховым стала выданне 50 фотаальбомаў паштовак (прект “Бацькаўшчына. У пошуках страчанага”, серыя “Падарожжа ў часе”) [7; 12]. У рамках праекта выдадзены камплекты “Прывітанні” пад заклікам “Збірай паштоўкі і выучай гісторыю разам с праектам “У пошуках страчанага”, якія ўзнаўляюць паштоўкі пачатку XX стагоддзя – краявіды Мінска, Слоніма і Гродна. У 2023 г. адбылася презентацыя сумеснага гісторыка-асветніцкага пректа Міністэрства інфармацыі і У. Ліхадзедава «Бацькаўшчына. У пошуках страчанага». Сімвалам праекта стала "стужка часу Бацькаўшчыны", упрыгожаная традыцыйнымі ўзорамі беларускага арнаменту, размешчаная на кожнай паштоўцы [16]. Асаблівым складнікам праекта стаў набор з 30 паштовак “Нястрачаная спадчына”, дзе пад адной вокладкай аб’яднаны карткі са знакавымі помнікамі архітэктуры Беларусі, тэатры, музеі, а таксама сучасныя адукатыўныя установы сферы культуры.

У 2022 г. у музейнай прасторы Музея гісторыі горада Мінска з фондаў і Літаратурнага музея М.Багдановіча і прыватных калекцый паспяхова зладзілі выстаўку “Гарадскі праменад. Мінск на старых паштоўках” [9]. У Нацыянальным гістарычным музеі Рэспублікі Беларусь каля года дзейнічае выставачны прект “1000 рарытэтаў Беларусі “Я Вам пішу…”, створаны на аснове калекцыі У.А. Ліхадзедава.

Некалькі электронных праектаў серыі “Mip паштоўкі” презентаваны ў рамках супрацоўніцтва паміж ДУ “Прэзідэнцкая бібліятэка Рэспублікі Беларусь” і ДУ “Нацыянальны мастацкі музей Рэспублікі Беларусь” на сایце Презідэнцкай бібліятэкі. Прект “Маршрутамі Беларусі”, створаны на аснове паштовак з фонда бібліятэкі, у 2022 г. пазнаёміў наведвальнікаў сайта з гістарычнымі славутасцямі г. Магілёва. Да Дня горада Мінска размесцілі презентацыю пра сталіцу на аснове калекцыі паштовак серыі выдавецтва У. Шаркова “З Мінска з любоўю” [17].

Безумоўным фаварытам малюнкаў на ілюстраваных паштоўках на мяжы XIX–XX стагоддзяў і ў цяперашні час з’яўляюцца помнікі архітэктуры. Іх папулярызацыі спрыяла развіццё турызму і патрэба падарожнікаў адпраўляць краявідныя паштоўкі сваім сябрам і блізкім ці набываць краявідныя паштоўкі ў якасці сувеніра або прыемных успамінах. Краявідныя карткі “залатога перыяды” выкарыстання паштовак шырока прадстаўлены ў выданнях, падрыхтаваных А.М. Вялічка, У.А. Ліхадзедавым і А.М. Падліпскім.

Сярод набораў паштовак звязтае на сябе ўвагу камплект пра помнікі архітэктуры Беларусі, створаны па малюнках мастака-графіка І.В.Мядзведзевым. Першае выданне гэтага набору ў 1957 г. захавалася ў фондзе пісьменніка У.С. Караткевіча [14]. У прыватных калекцыях захаваўся ў 1992 г. выдавецтвам “Беларусь” набор мастацкіх паштовак пра помнікі архітэктуры Беларусі, створаных дэканам мастацкага факультэта Беларускай акадэміі мастацтваў і старшынёй Саюза мастакоў Беларусі В.С. Басалыгам.

У сучаснай Беларусі выдадзены камплекты фотапаштовак з помнікамі архітэктуры Беларусі, сярод якіх можна адзначыць “Архітэктура Беларусі” (фатографы У. Суцягін і В. Шуба); “Мірскі замак” (фатограф А. Фралоў, прадмова – А. Трусаў), “Беларусь турыстычная. Золатая калекцыя” (фатограф і аўтар прадмовы К. Сакалоў) [18]. У кантэксце тэмы актуалізацыі спадчыны варта прыгадаць камплект “Старажытныя гарады Беларусі. Палацк”. Фотаздымкі С.М. Плыткевіча знаёмяць гасцей самага старажытнага беларускага горада з гісторычным цэнтрам Палацка [19]. Серыю працягнуў набор паштовак пра Гродна. На паштоўках павялічанага фармату на адваротным баку прадстаўлены апісанне і гісторыя стварэння помнікаў, разам з шэдэўрамі сакральнай архітэктуры, на паштоўках прадстаўлены Стары і Новы замкі ў Гродна, Тэатр Тызенгаўза і музей Э. Ажэшкі ў Гродне, а таксама – помнікі князю Усяславу Брачыславічу, Еўфрасінні Палацкай, Сімёну Палацкаму, Палацкім купцам, літары “Ў”.

Гаворачы аб першых мастацкіх паштоўках з беларускімі краявідамі, варта прыгадаць карткі, створаныя ў 1860-я гг. па рэпрадукцыях “Беларускіх малюнкаў” М. Мікешына. Сёння гэта традыцыя працягваецца – яскравым прыкладам можна назваць мастацкую картку Р. Федасенка з выявай уключанага ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурнай спадчыны маёнтка Бішэўскіх у Лынтупах.

Адной з разнавіднасцяў ілюстраваных паштовак сталі «Прывітанні», на якіх часцей за ўсё размяшчалі выявы вакзалаў, гісторычных помнікаў і храмаў, цэнтральных вуліц, набярэжных і мастоў. У 2010-х гадах для турыстычнага посткросінгу у Беларусі адрадзілі традыцыю выдання паштовак-прывітанняў з размяшчэннем на іх выключна помнікаў архітэктурнай спадчыны (адзін або адразу некалькі аб'ектаў). Зараз у нас у краіне выдаецца 2 віды такіх графічных паштовак – уласна “Прывітанне з Беларусі!” з выявамі славутасцяў канкрэтнага горада, ці “Запрашаем!” з наступным удакладненнем абласнога цэнтра [10]. Вялікую калекцыю маляваных у тэхніцы акварэлі прывітанняў са сталіцы Беларусі, на якіх намаляваны асноўныя славутасці, падрыхтавала выдавецтва У. Шаркова ў серыі “Краявіды”.

Наборы паштовак-рэпрадукций твораў беларускіх мастакоў актыўна выдаюцца з савецкіх часоў. А ў 1986 г. выдавецтва “Беларусь” выпустіла камплект паштовак з фотаздымкамі твораў дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва з фондаў Музея беларускага народнага мастацтва ў Раубічах [15, с. 68–73]. У сувенірнай краме Нацыянальнага мастацкага музея Беларусі наведвальнікамі прапануюцца паштоўкі з рэпрадукцыямі твораў Ф. Рушчыца, Я. Драздовіча, В. Цвіркі, М. Данцыга, У. Кудрэвіча, П. Масленікава, Ю. Пэна.

У кантэксце папулярызацыі літаратурнай спадчыны звязтае на сябе ўвагу выпушччаны ў 1962 г. набор паштовак, дзе творы Я. Купалы праілюстраваны працамі беларускага графіка А. Кашкурэвіча [14]. У наш час Аршанскім музеем У.С. Караткевіча выданы камплект паштовак “Мясціны Уладзіміра Караткевіча ў Оршы”. У Барысаўскай бібліятэцы імя І.Х. Каладзеева пад грыфам “Культурная сталіца Беларусі” у 2021 г. мастаком бібліятэкі А. Мірзаянам была створана лімітаваная “літаратурная серыя” аўтарскіх паштовак [20]. Традыцыю папулярызацыі этнографічнай спадчыны на паштоўках сёння працягваюць карткі фотографа Дз. Раманюка. У перыяд правядзення выставы “Анталогія прыгажосці. Традыцыйны беларускі касцюм” Нацыянальны мастацкі музей падрыхтаваў сувенірныя паштоўкі мастацкія і паштоўкі на аснове экспедыцыйных фатаграфій М.Ф. Раманюка з выявамі строяў рэгіёнаў рэспублікі, а таксама прыклады ўзору вышыўкі.

Для Беларусі тэма мемарыялізацыі гераічнай барацьбы працягвае заставацца актуальнай. Яшчэ у савецкі час з’явіліся першыя камплекты паштовак “Брэсцкая крэпасць-герой”, у калекцыі У. Ліхадзедава захаваліся паштоўкі з тэкстамі песень У. Алоунікава “Лясная песня” і “Песня пра Заслонава”. Увасабленне тэмы мемарыялізацыі падзей вайны, мемарыяльны комплекс “Курган Славы”, стаў сэнсавым цэнтрам карціны П.В. Масленікава “Зямля беларуская”. Да 80-годдзя вызвалення

Беларусі былі выдадзены наборы фотапаштавак С. Плыткевіча “Мы памятаем! Вялікая Айчынная вайна. 1941–1945” [11].

На мяжы ХХ–XXI стагоддзяў паштоўкі сталі мініяцюрнымі арт-аб’ектамі, але засталіся адным з запатрабаваных відаў турыстычнага сувеніра. Сёння мастацкая графічная паштоўка, якая распавядае аб гісторычнай і культурнай спадчыне, павінна адпавядаць некалькім крытэрыям: захаваць пазнавальнасць архітэктурнага вобраза, адпаведнасць формаў, колераў і графічных элементаў вобраза і ўдала ўпісацца ў сучасную прастору [5]. Гэтым крытэрам адпавядаюць беларускія паштоўкі, створаныя выдавецтвам адукацыйнага цэнтра “Лекторыум” (серыя “Гарады і вёскі Беларусі” з выявамі і згадваннямі асноўных гісторычных і сучасных славутасцяў кожнага краю) [4], а таксама па заказу кампаніі OZ, “Офістон маркет” і прыватных выдавецтваў (паштоўкі з выявамі Траецкага прадмесця, Нацыянальнага мастацкага музея), на якіх прэзентаваны помнікі архітэктуры і іншыя артэфакты, уключаючы мастацтва выщінанкі і аб’екты сусветнай спадчыны на тэрыторыі Беларусі (замкавы комплекс ў Міры, палацавы комплекс ў Нясвіжы, дуга Струве) [13].

Захоўваючы, ствараючы і прэзентуючы паштоўкі з выявамі значных месцаў і твораў культуры, мы распаўсюджваєм інфармацыю аб культурнай спадчыне Беларусі, фарміруем у людзей пачуццё датычнасці і выхоўваєм цікавасць да гісторыі і спадчыны сваёй краіны.

1. Богачева, О. Около 500 открыток сrepidukcijami rabot Marka Shagala sobral vitebskij kraeved. – URL: <https://belta.by/culture/view/okolo-500-otkrytok-s-reproduktsijami-rabot-marka-shagala-sobral-vitebskij-kraeved-84880-2012/> (дата обращения: 04.09.2025).
2. Гаськова, А. В. Маладзечна на фотаздымках і паштоўках першай трэці ХХ стагоддзя [выяўленчы матэрыял] : [Камплект паштовак] / А. В. Гаськова. – Рыфтур прынт, 2014. – 13 л.
3. Гродзенскі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі : [сайт]. – URL: <https://muzej.by/?p=945&lang=be> (дата звароту: 12.09.2025).
4. Дэрр, А. Гарады і вёскі Беларусі. Гомель. [выяўленчы матэрыял] : [паштоўка] / А.Дэрр. – Мінск : Адукац. цэнтр «Лекторыум», 2021. – 1 л.
5. Зингер, А. А. Анализ графических приемов, способных привлечь к проблеме историко-культурного наследия / А. А. Зингер // Культурное наследие и актуальные культурные практики: презентации, трансформации, перспективы: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–18 марта 2022 г.). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. – С 175–181.
6. Ларина, А. Н. Почтовая открытка в руках историка / А. Н. Ларина // Историк и художник. – 2004. – № 2. – С. 109–121.
7. Ліхадзедаў, У. А. Ад Віцебска да Полацка. Падарожжа ў часе [выяўленчы матэрыял] / У. А. Ліхадзедаў. – Мінск : Звязда, 2023. – 319 с. (У пошуках страчанага).
8. Малащенко, Л. И. Витебск на почтовых открытках ХХ в. из собрания Витебского областного краеведческого музея / Л. И. Малащенко // Віцебскі край : матэрыялы VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай Году гісторычнай памяці, 24 лістапада 2022 г., Віцебск / склад. Л. І. Рагачова ; рэдкал.: Т. М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Нациянальная бібліятэка Беларусі, 2023. – Т. 8. – С. 358–362.
9. Минск на старых открытках можно увидеть на выставке в столичной ратуше. – URL: <https://belta.by/culture/view/minsk-na-staryh-otkrytkah-mozhno-uvidet-na-vystavke-v-stolichnoj-ratushe-519976-2022/> (дата обращения: 10.09.2025).
10. Морева, А. Запрашаем у Віцебск. [Выяўленчы матэрыял] : [паштоўка] / А. Морева. – Мінск : Адукац. цэнтр «Лекторыум», 2021. – 1 л.
11. Мы памятаем. Вялікая Айчынная вайна. 1941–1945 [выяўленчы матэрыял] : [Камплект паштовак]. – Рыфтур прынт, 2024. – 13 л.
12. На Дне письменности представили альбом «Ад Віцебска да Полацка. Падарожжа ў часе» Владимира Лиходедова // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/na-dne-pismennosti-predstavili-albom-ad-vitsbska-da-polatska-padarozhzhachase-vladimira-likhodedov.html> (дата обращения: 14.09.2025).
13. Падвербы, Ю. Дуга Струвэ [выяўленчы матэрыял] : [паштоўка] / Ю. Падвербы. – Мінск : Адукац. цэнтр «Лекторыум», 2023. – 1 л.
14. Паўлава, А. Я. Паштоўкі ў асабістых зборах дзеячаў культуры Беларусі / А. Я. Паўлава // Веснік БДУКМ. Вып. 2(56). – Мінск : БДУКМ, 2025. – С. 115–126.
15. Подліпскій, А. М. Беларуссия на почтовых открытках / А. М. Подліпскій. – Мінск : Полымя, 1988. – 108 с.
16. Проект «Бацькаўшчына» презентавали сегодня на XXIX Минской международной книжной выставке-ярмарке. // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/proekt-batska-shchyna-prezentovali-segodnya-na-xxix-minskoy-mezhdunarodnoy-knizhnoy-vystavke-yarmark.html> (дата обращения: 11.09.2025).
17. Прэзідэнцкая бібліятэка Рэспублікі Беларусь : [сайт]. – URL: <https://preslib.org.by/proekty> (дата звароту: 23.08.2025).
18. Сакалоў, К. Е. Беларусь турыстычна [выяўленчы матэрыял] : [Камплект паштовак] / К. Е. Сакалоў. – Поліграфт, 2025. – 12 л.
19. Старажытныя гарады Беларусі. Полацк [выяўленчы матэрыял] : [Камплект паштовак]. – Рыфтур, 2018. – 13 л.
20. Уникальную «литаратуруную коллекцию» формируют в бібліотеке Борисова: авторские открытки, посвящённые известным белорусским писателям // ОНТ : [сайт]. – URL: <https://ont.by/news/unikalnuyu-literaturnuyu-kollekciyu-formiruyut-v-kolodeevskoj-biblioteke-v-borisove-eto-avtorskie-otkrytki-posvyashyonnye-izvestnym-belorusskim-pisatelyam> (дата обращения: 19.09.2025).
21. Хотянович, Н. А. Использование коллекции «Филокартия» в краеведческой деятельности: (из опыта работы ГУ «Лідскі историко-художественный музей») / Н. А. Хотянович, // Краеведение: проблемы и перспективы развития в ХХI веке : материали научно-практической конференции с международным участием, посвященной 95-летию краеведческого музея Полоцка (Полоцк, 2–3 декабря 2021 г.) / [составитель И. П. Воднева]. – Полоцк, 2022. – С. 300–306.

Петров М.М.
ИНФОРМАЦИОННЫЕ НАДПИСИ И ОБОЗНАЧЕНИЯ
НА ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Ключевые слова: историко-культурное наследие, охранная доска, информационные надписи и обозначения, памятник, законодательство в сфере охраны объектов культурного наследия.

Целью статьи является сравнительный анализ правил установки и изготовления информационных надписей и обозначений на объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в российском законодательстве и тождественных правил в белорусском законодательстве по установлению охранных досок историко-культурных ценностей.

Важность таких надписей и обозначений состоит в том, что они являются непосредственным способом актуализации недвижимого историко-культурного наследия. Они позволяет повысить информативность объекта для посетителей, при этом должны как можно меньше влиять на восприятие самого памятника (разумеется, являясь при этом заметными).

Следует оговорить некоторые особенности в законодательствах Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере охраны историко-культурного наследия, которые, хотя и является преемственными общему советскому законодательству и основываются на международно-правовых актах в этой сфере, тем не менее, имеют заметные различия.

Так, основное понятие в области охраны культурного наследия – само культурное наследие, в соответствии со ст. 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 26.12.2024), представляет собой: «...объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры», на которые распространяются общие требования по охране, с некоторыми особенностями в зависимости от категории (федерального, регионального, местного значения) и вида (памятник, ансамбль, достопримечательное место) [3].

Отдельно выделяют статус особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации, решение о признании которого таковым принимает Правительство Российской Федерации. В первоочередном порядке статус присваивается объектам, включенным в список Всемирного наследия. Такого статуса в Беларуси нет. Но в отличие от России, предусмотрена четвертая категория для объектов культурного наследия, в которую входят включённые в список Всемирного наследия или предложенные на включение в него объекты [3].

Более широкое определение культурного наследия дает белорусское законодательство, где под культурным наследием понимают совокупность культурных ценностей, а под культурными ценностями понимают созданные (преобразованные) человеком или тесно связанные с его деятельностью материальные объекты и нематериальные проявления творчества, имеющие историческое, художественное, научное или иное значение. В соответствии с этим определением культурное наследие в Беларуси можно поделить на: историко-культурные ценности; культурные ценности, составляющие библиотечный фонд Республики Беларусь, Национальный архивный фонд Республики Беларусь или включенные в Музейный фонд Республики Беларусь, за исключением историко-культурных ценностей; куль-

турные ценности, предлагаемые в установленном порядке для придания им статуса историко-культурной ценности; другие культурные ценности [5, с. 204].

Объекты культурного наследия (нематериальные и недвижимые), требующие охранных обязательств, паспорта, обозначения, – в Беларуси относятся только к числу историко-культурных ценностей. Остальная часть культурного наследия не имеет таких требований. Под самими же пластинами с информационными надписями и обозначениями в Беларуси понимаются охранные доски [1, с. 136].

Положение о содержании, форме и установке охранной доски в Беларуси устанавливается ст. 104 п. 5 Кодекса о культуре: «На недвижимой материальной историко-культурной ценности устанавливается охранная доска, на которой содержится информация о принадлежности этой историко-культурной ценности к историко-культурному наследию, изображение Государственного герба Республики Беларусь, название и датирование недвижимой материальной историко-культурной ценности согласно Государственному списку историко-культурных ценностей Республики Беларусь, указание на ответственность за причинение ей вреда или ее уничтожение» [2].

Форма охранной доски определяется постановлением Министерства культуры Республики Беларусь от 28 декабря 2016 г. № 89 «Об установлении форм паспорта материальной историко-культурной ценности и охранной доски», в приложении 2 которого имеется готовый образец охранной доски, в который необходимо вписать информацию об объекте в соответствии с указанными выше требованиями.

Установка оговаривается в том же пункте: «Охранная доска на недвижимой материальной историко-культурной ценности, за исключением памятников археологии и мест захоронения, устанавливается на главном фасаде, как правило, на одном из углов ниже аншлагов с названием улицы и номером дома. Охранная доска на памятнике археологии или месте захоронения устанавливается на расстоянии до пяти метров от их территории со стороны наилучшего восприятия этого памятника археологии или места захоронения» [2].

В Российской Федерации форма «охранной доски», её содержание и установка определяется постановлением Правительства РФ от 10 сентября 2019 г. № 1178. Пластина должна содержать: категорию историко-культурного значения объекта культурного наследия; наименование объекта культурного наследия в соответствии с наименованием в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации; сведения о времени возникновения объекта культурного наследия или дата его создания, даты основных изменений (перестроек) объекта культурного наследия и (или) даты связанных с ним исторических событий, сведения об авторстве (при наличии); слова «Охраняется государством»; регистрационный номер в соответствии с единым государственным реестром объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации; пообъектный состав (для ансамблей). Указывается, что пластина с информационными надписями и обозначениями должна быть изготовлена из подходящего материала, иметь надёжное крепление [4].

Необходимо отметить, что в Российской Федерации общие сведения об объекте культурного наследия на пластинах представлены шире, добавлены: категория историко-культурного значения объекта культурного наследия, даты основных изменений (перестроек) объекта культурного наследия и (или) даты связанных с ним исторических событий, сведения об авторстве (при наличии), регистрационный номер в соответствии с единым государственным реестром объектов культурного наследия, – что может облегчить поиск информации об объекте. Об установке говорится лишь, что она: «...осуществляется в доступном для обозрения гражданами месте».

В постановлении указывается, что: на информационную надпись могут быть дополнительно установлены графические идентификаторы – QR-коды. В отличие от Беларуси, где QR-код на охранную доску не предусмотрен по форме и может быть вынесен лишь на отдельной табличке.

Все эти характеристики: содержание «охранной доски», материал, методы крепления, установка – указываются в проекте, который рассматривают уполномоченные органы исполнительной власти, осуществляющие функции в области государственной охраны объектов культурного наследия.

Можно заметить, что в Российской Федерации изготовление и установка «охранной доски» более ресурсоемка, чем в Республике Беларусь. В Республике Беларусь охранные доски изготавливаются по установленной Министерством культуры форме, где необходимо лишь указать содержание, соответствующее историко-культурной ценности, на которой она устанавливается. Установка же осуществляется в соответствии с Кодексом о культуре и не требует никакого документа, подтверждающего правильность установки. В Российской Федерации необходимо составить проект доски, не просто вписав в форму необходимое содержание, а с учетом многих факторов, которые могут повлиять на её сохранность, на восприятие пластины на объекте.

В то же время на охранные доски в Республике Беларусь не предусмотрено нанесение QR-кодов, которые могли бы значительно повысить информативность доски, что особенно актуально для историко-культурных ценностей местного значения, где владельцы затруднены в средствах, чтобы снабдить объекты информационными баннерами, дополнительными таблицами с QR-кодом. Возможность же, при согласовании с уполномоченными органами исполнительной власти, прикрепить на уже существующие доски небольшие влагозащитные наклейки с QR-кодом кажется наименее затратным способом повысить информативность объекта для посетителей. Тем не менее, на установленных по общей форме табличках может не оказаться доступного места для наклейки, а на объектах археологии доступа к интернету, чтобы этот QR-код можно было считать.

Таким образом, закреплённые в законодательстве Российской Федерации правила установки информационных обозначений на объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) кажутся более подходящими для создания более информативных охранных досок, а сами доски проверяются уполномоченными органами исполнительной власти на предмет их лучшего варианта изготовления, правильности установки и корректности содержания еще на стадии проекта.

В Республике Беларусь охранные доски более удобны в установке и изготовлении для владельца, так как не требуют проекта, но для повышения информированности об объекте, удобства посетителей, необходима установка дополнительной таблички с QR-кодом либо информационного баннера.

1. Гоголев, Д. А. Информационные надписи и обозначения на объектах культурного наследия федерального значения в городе Тюмени / Д. А. Гоголев, Е. О. Макарова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2020. – Т. 6, № 2(22). – С. 135–155.

2. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электрон. ресурс]: 20 ліпеня 2016 г., № 413-З: Приняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 г.: адабраны Саветам Рэспублікі 30 чэрвеня 2016 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 18.09.2025).

3. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ : в ред. от 26 дек. 2024 г.№ 485-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 18.09.2025).

4. Об утверждении Правил установки информационных надписей и обозначений на объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, содержания этих информационных надписей и обозначений, а также требований к составу проектов установки и содержания информационных надписей и обозначений, на основании которых осуществляется такая установка : Постановление Правительства Рос. Федерации от 10.09.2019 № 1178 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 18.09.2025).

5. Юрчак, Д. В. Содержание понятия «культурное наследие» в законодательстве Республики Беларусь / Д. В. Юрчак // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 22–23 октября 2021 г. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – С. 203–208.

Пивовар Н.В.

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О СОЖЖЕННЫХ ДЕРЕВНЯХ ВИТЕБЩИНЫ: МИРОВОЙ, ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЛОКАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Ключевые слова: мемориализация, увековечение памяти о событиях Великой Отечественной войны, сожженные деревни, геноцид, памятники.

В 1969 году в Белорусской ССР был создан мемориальный комплекс «Хатынь», посвящённый сожжённым деревням страны и их жителям. В 2014 году Национальный архив Республики Беларусь разработал и передал в открытый доступ базу данных «Сожжённые деревни Беларуси». Исследования по данной теме продолжаются в контексте расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа. Количество деревень, повторивших судьбу Хатыни, в связи с проводимыми следственными мероприятиями увеличилось с 189 в 1969 г. до 216 в 2025 г. [2].

Анализ имеющихся источников показывает, что случаи уничтожения населенных пунктов вместе с жителями в Центральной и Западной Европе единичны, носили частный характер и были реакцией на действия сил Сопротивления. В Чехии уничтожена одна деревня – Лидице. Все 172 мужчины-жители деревни были расстреляны. Все 195 женщин отправлены в концлагерь Равенсбрюк (из них 52 там и погибли), 85 детей (вместе с детьми из д. Лежаки) были убиты в газовой камере в лагере смерти близ Хелмно. Все строения посёлка были сожжены и сравнены с землёй.). После окончания войны, на месте деревни был создан мемориал и грандиозный розарий из цветов, доставленных из 35 стран мира.

Во Франции 10 июня 1944 г. у д. Орадур партизаны напали на группу фашистов и убили несколько солдат. В отместку, нацисты истребили 642 жителя деревни, включая женщин и детей, а сам населенный пункт разрушили. Руины первоначальной деревни остаются памятником погибшим. В 1999 г. в Деревне мучеников был открыт мемориальный музей «Центр памяти Орадура».

Летом и осенью 1941 года немецко-итальянские войска провели несколько крупных карательных операций, пытаясь разгромить партизанские силы, в ходе которых они сожгли дотла сотни деревень в Западной Боснии, Герцеговине, Лике и Кордуне. В 1941 г. в ответ на действия югославских партизан немцы полностью уничтожили мужское население населенного пункта Кралево. В ответ на гибель своих 10 солдат немцы расстреляли без суда и следствия 2323 жителей г. Крагуевац.

В Литовской ССР после войны были созданы мемориалы на месте сожжённых деревень в Пирчюписе и Аблинге [6], которые получили широкую известность. Наиболее известен мемориал Пирчюписе, где в июне 1944 г. были сожжены 119 ее жителей.

Уничтожения населенных пунктов в Латвии во время войны практически не проводилось [3]. Некоторые случаи носят характер исключения. Так, в д. Аудрини Резекненского уезда 2–4 января 1942 г. были расстреляны 30 мужчин (староверов). В 1973 г. в память о жертвах трагедии на месте их захоронения в Анчупанских холмах был воздвигнут памятник

Мемориализация памяти в БССР. Наиболее значимым мемориальным комплексом на территории БССР, который был посвящен всем сожжённым деревням Беларуси, стал комплекс «Хатынь». Решение о его строительстве было принято в 1966 г. Торжественное открытие мемориального комплекса «Хатынь» состоялось 5 июля 1969 года.

В 1960-е и последующие годы были увековечены также и несколько других мест массовой гибели белорусского народа. При ЦК КПБ создали специальную комиссию по увековечению событий войны. Для выработки предложений были образованы районные комиссии. На протяжении 1965–1966 гг. ими были выработаны предложения.

Разработанные ими рекомендации легли в основу работы по увековечению памяти о событиях в БССР.

В 1973 г был открыт мемориальный комплекс «Дальва» на месте деревни в Логойском районе, которая была сожжена 19 июня 1944 г. Новый мемориал строился на общественных началах, на средства, собранные общественными организациями. Сейчас м/к «Дальва» является филиалом м/к «Хатынь». В 2009 г. на территории мемориала создана новая экспозиция «Дальва: героизм, трагедия, милосердие».

В 1985 г. в д. Усакино был установлен памятник «Расколотая хата» в память о 3000 жителях 69 деревень Кличевского района, которые были сожжены фашистами в марте 1942 г.

В д. Доры Воложинского района в 1970-е гг. на месте сожженной 22 июля 1943 г. деревни, вместе с 257 жителями был создан мемориал. В 1991 г. фигуры были отлиты из бронзы, и он получил название «Вдовы. Погибших ждут вечно».

В некоторых районах были созданы мемориалы, в которых увековечивалась память о деревнях, уничтоженных во всем районе. Например, на месте деревни Переходы Слуцкого района, которая была сожжена фашистами вместе с 116 ее жителями, в 1979 г. был поставлен памятник – на насыпанном невысоком кургане скульптура скорбящей женщины и 26 могильных плит. В наше время памятник «Скорбящая мать» стал символом сожжённых деревень района [5, с. 191].

В д. Доропеевичи Малоритского района Брестской области в 1983 г. был создан мемориал землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. На нем была увековечена память о сожжённых в районе деревнях, перенесена земля с мест уничтоженных населенных пунктов.

В Докшицком районе в память о 97 сожжённых деревнях и 20 тыс. загубленных за годы войны людей в д. Шуневка в 1983 г. был возведен мемориал «Проклятие фашизму».

Увековечение памяти сожжённых деревень в Республике Беларусь. С обретением суверенитета в 1991 г., в нашей стране продолжилось увековечение памяти о жертвах войны в целом и уничтоженных населенных пунктах в частности. Создание мемориалов продолжалось как на локальном уровне – силами местных властей и отдельных граждан в виде открытия памятников, памятных знаков, обелисков, мемориальных досок, так и на уровне государственном – создания мемориальных комплексов национального масштаба.

Кроме мемориальных ансамблей «Памяти сожжённых деревень Могилевской области» в д. Борки Кировского района и мемориального комплекса «Ола» в Светлогорском районе Гомельской области в стране созданы другие памятники. Среди прочих отметим: мемориал памяти сожжённых деревень в г. Пружаны (2005), м/к “Спаленным” в д. Тонеж Лельчицкого района (1994).

Мемориализация памяти в Витебской области. Витебская область больше всех пострадала от фашистского «нового» порядка – 3521 деревня [1]. Для сравнения, в Минской – 1615, в Могилевской – 1682, Гомельской – 1454, Брестской – 835, Гродненской – 306. В Могилевской и Гомельской областях созданы мемориальные комплексы в память о сожжённых деревнях. Странно, что в самом пострадавшем регионе такого не произошло. Ведь самые большие потери понесла именно Витебщина. В результате геноцида в области погиб каждый третий житель, а в Освейском района – каждый второй. Как же проводится мемориализация памяти о сожжённых населенных пунктах?

Начнем с бывшей Освейщины. Сейчас такого района нет. Большая его часть вошла в состав Верхнедвинского района. В 1977 г. рядом с городом был создан мемориальный комплекс жертвам войны, сожжённым деревням, воинам освободителям и землякам [5, с. 160]. На насыпанном кургане установлена скульптура (высотой 8 м) старика и девушки. Вокруг возвышения вкопаны 6 массивных железобетонных столбов. На их наклонных

торцевых плоскостях нанесена информация о потерях района в годы войны: количество погибших на фронтах, 12 212 убитых жителей района, угнанных в фашистскую неволю жителей, названия 426 сожженных деревень, из которых 869 увековечены в м/к Хатыни (43 на Кладбище деревень). К мемориалу ведет тропинка, выложенная бетонными плитами, в начале ее поставлена стела. Вдоль дорожки, направо от нее – большие камни.

В центральном сквере г.п. Россоны установлен памятник 109 сожженным деревням района. В 2005 г. в этом же районе создан мемориал в память жертв Клястицкого концентрационного лагеря [8].

Мемориал “Вишенки” в Чашникском районе Витебской области был построен в 1984 г. на месте, где 9 марта 1944 г. была полностью сожжена деревня Вишенки (36 домов, 114 мирных жителей). Здесь установлены невысокие серые памятники, памятные надписи на которых гласят о том, что во время войны так же были сожжены и другие деревни. Чуть поодаль от мемориала находится композиция в виде скульптур мужчины, женщины и девочки.

Городокий район сильно пострадал во время войны. Фашистами было уничтожено 33 деревни, 13 из которых были увековечены на м/к Хатынь. В ряде деревень района установлены памятники землякам, в которых также почитается память погибшим мирным жителям: Островляны, Бегуны, Вархи, Веречье, Газьба и другие, всего в 24 деревнях [5, с. 202–222].

В урочище Воробьевые горы на окраине Городка, где фашисты расстреляли более 2000 советских граждан еще в 1965 г. была уставлена высокохудожественная мемориальная стела, с барельефами старика, матери, которая пытается укрыть от гибели девочку. В начале XXI в. руководство района решило на этом месте создать мемориал сожженным деревням Городокского района. Рядом с основным монументом были установлено несколько информационных стендов о сожженных в годы войны деревнях, карта, некоторая сопутствующая информация. На примере этого района мы видим яркий пример сочетания старых советских способов мемориализации и современных приемов малобюджетного продолжения традиций в новых условиях.

Некоторые памятники в память о сожженных деревнях Витебщины устанавливаются по инициативе и часто за средства частных лиц. Так, в 2008 г. на месте уничтоженной в годы войны д. Гутище Ушачского района памятник установила семья Ю. Ничипора [7; 9; 10]. В 2013 г. в д. Иванск Чашникского района мемориальный знак в память о сожженных деревнях и их жителях установлен силами местного энтузиаста при поддержке органов государственного управления [11].

Формы увековечения памяти уничтоженных населенных пунктов и жертв войны часто весьма разные и зависят от имеющихся средств, возможностей и ресурсов. Так, в д. Зароново Витебского района необычным образом увековечили память о исчезнувших деревнях Зароновского сельского совета. На внешней стене здания музея разместили географическую карту сельского совета размером 5 x 1,5 м, на которой обозначили существующие и исчезнувшие деревни, “Тэта толькі частка праекта. Давайце разам аблімакуем, як абуладкаваць месца, каб яно на самой справе стала помнікам вёскам, што зниклі з жыцця, але не з памяці” [4]. Инициатором выступила Л.К. Никитина.

Таким образом, в странах Европы акты уничтожения деревень имели единичные случаи и мемориалов или памятников им практически не возводилось. Единственным мемориалом, посвященным памяти сожженных деревень республиканского уровня в СССР стала только «Хатынь» в БССР. Ни в РСФСР, ни в УССР таких мемориалов построено не было. Памятные знаки устанавливались на местах сожженных деревень устанавливались главным образом на локальном уровне за средства местного бюджета, часто за счет колхозов или других предприятий.

В суверенной Беларуси практика возведения памятников и мемориалов в память сожженных деревень продолжилась и нашла дальнейшее развитие. Стали более разнообразными формы представления, объемы. Вместе с тем следует отметить, что в Витебской области, как самой пострадавшей, пока нет ни памятника ни комплекса посвященного всем сожженным деревням региона. Считаем, что следует начать общественную дискуссию о том, где, как и когда следует создать такой комплекс.

1. Витебская область // Белорусские деревни сожженные в годы Великой Отечественной войны. – URL: <http://db.narb.by/search/?title=&titles=new®ion=4&district=&year=> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Генпрокуратура: судьбу Хатыни повторили не менее 216 населенных пунктов Беларусь. Факты. – URL: https://belarusfacts.by/ru/belarus/belarus_news/b28d91db94e3f85b.html (дата обращения: 12.09.2025).
3. Русские мемориалы в Латвии. – URL: http://voin.russkie.org.lv/vov_pam.php (дата обращения: 12.09.2025).
4. Заронаўская энтузіясты-краязнаўцы Віцебскага раёна стварылі залу беларускай міфалогіі і помнік зніклым вёскам // Жыщцё Прызвіння. – URL: <http://www.pridvinje.be/2014/09/u-zarona%D1%9Eskim-gistoryka-etnografichnym-muzei-vicebskaga-rayona-adkrylasya-zala-belaruskaj-mifalogii-i-pomnika-zniklym-vyoskam/> (дата завароту: 12.09.2025).
5. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусь. Віцебская вобласць . – Мінск : БелСЭ, 1985. – С. 186–200
6. Мемориал. – URL: <https://urokiistorii.ru/articles/den-pobedy-kak-pole-kommemorativnyh> (дата обращения: 12.09.2025).
7. Прудкоўскі, Р. Жыве памяць у мемарыяле / Р. Прудкоўскі // Голос Расоніччыны. – 2005. – 20 верасня. – С. 1.
8. Пашковіч, А. Высакародная справа / А. Пашковіч // Патрыёт (Ушачы). – 2008. – 21 чэрвеня. – С. 2.
9. Оазис памяти и красоты // Народная газета. – 2008. – 9 ліпеня. – С. III.
10. Телятко, Е. Возвращение памяти вечной / Е. Телятко // Віцебскі рабочы. – 2008. – 21 чэрвеня. – С. 7.
11. Торбина, И. Мемориальный знак в Иванске / И. Торбина // Чырвоны прамень (Чашнікі). – 2013. – 16 мая. – С. 2.

Пушкин И.А. АРХИЕРЕЙСКИЙ ДВОРЕЦ В МОГИЛЁВЕ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: Беларусь, Могилёв, православие, архиерейский дворец, Георгий Конисский.

Архитектура городов фиксирует и в присущих ей материальных формах и художественных образах отражает особенности исторического пути, неповторимое богатство культуры народа, несёт исключительную информацию о его прошлом и настоящем. К глубокому сожалению трагические события Великой Отечественной войны, социалистическая реконструкция нанесли неисправимый урон материальным памятникам истории и архитектуры Могилёва – центра белорусского Приднепровья.

Начиная с XVII века в планировке и архитектуре Могилёва отмечается развитие тенденций градостроительной культуры Речи Посполитой. Это использование принципов регулярной планировки, становление стиля барокко в архитектуре, влияние западноевропейского искусства. С XIX века, когда Могилёв входил в состав Российской империи, чувствовалось влияние русского классицизма и ранней эклектики [2, с. 10; 9, с. 5].

В архитектурно-планировочной структуре Могилёва особое место занимает исторический центр. Можно выделить четыре исторические зоны, в которых частично прослеживается планировка средневековых посадов – Нагорского, Шкловского, Покровского и Задубровенского. Сегодня остатки городской жилищной застройки в городе сохранились вдоль улиц Ленинской (историческое название – Большая Садовая), Пожарной, Первомайской (Днепровский проспект). Из общей массы выделяются два здания: бывший дворец католического архиепископа С. Богуша-Сестранцевича и Архиерейский дворец, известный в городе как дворец Георгия Конисского – памятники жилой архитектуры XVIII века [1, с. 54–55; 7, с. 133].

Архиерейский дворец – уникальный памятник архитектуры эпохи барокко. Он был построен по проекту известного архитектора Иогана Глаубица, во времена управления Могилёвской православной епархией Св. Георгием Конисским, назначенным Могилёвским православным епископом в 1755 г. К моменту его назначения в Речи

Посполитой наблюдалась гонения на православных и епархиальное имущество находилось в крайне запущенном состоянии. В своих письмах к знакомым и должностным лицам в Варшаве и Санкт-Петербурге он ярко описывал «скудость» архиерейского имущества. Из писем понятно, что в то время не было отдельного дома для архиереев.

Георгий (Конисский), архиепископ Могилёвский и Белорусский в октябре 1755 г. приехал в Могилёв. Первое, что сделал епископ, – это открыл в городе в 1757 г. духовную семинарию для священников. В том же году создал при архиерейском доме типографию. После присоединения Приднепровья к России Георгий Конисский акцентировал свое внимание на просветительской работе. При церквях открыл школы для обучения детей в Могилёве, Мстиславле, Быхове, Кричеве, Орше, Рогачеве, Черикове и других городах. Свободное время посвящал научным исследованиям. Его перу принадлежат несколько научных работ по истории Беларуси и Малой Руси (Украины). Умер архиепископ 13 февраля 1795 г. и был похоронен в освещенном им самим Спасском кафедральном соборе в Могилёве [6].

Образ Георгия Конисского увековечен в скульптурной композиции на монументе «Тысячелетие Руси», который был возведен в 1862 г. на территории Новгородского кремля. В Могилёве 12 декабря 1992 г. на доме архиепископа установлена мемориальная доска. В его честь названа улица в центре города – Архиерейский вал Георгия Конисского. 5–6 августа 1993 г. в Могилёве произошли канонизация и торжественное прославление святого. В августе 2022 г. в центре города на высоком берегу Днепра открыт памятник Св. Георгию Конисскому.

После присоединения в 1772 году Могилёва к России, императрица Екатерина II потребовала от коллегии экономии (прообраз современного министерства): «выдать из экономической суммы на строение в Могилеве каменного архиерейского дома 10 тыс. руб.».

Анализ исторических источников склоняет меня и некоторых других исследователей к выводу, что время постройки дома для резиденции Могилёвских архиереев можно определить лишь приблизительно. Если принять во внимание энергию, с которой Конисский осуществлял восстановление Могилёвской кафедры, а также довольно тяжелое финансовое положение до 1774 г., то, по мнению искусствоведа Н. Петрович, можно утверждать, что строительство каменного двухэтажного дворца для архиереев началось не ранее 1770 г., причем средства в размере 10 000 руб. были выделены только в 1774 г. Деньги, выделяемые российским правительством в то время, составляли значительную сумму и позволяли осуществлять строительные работы без особых задержек. Кроме того, этому способствовало, по моему мнению, и годовое содержание архиерея в размере шести тысяч рублей. Исходя из этого, есть все основания полагать, что датой окончания строительства архиерейского дворца был примерно 1780 г. В пользу этого говорит и тот факт, что в 1785 г. уже было завершено строительство двухэтажного кирпичного здания семинарии, о чем свидетельствовала надпись на его фронтоне, сделанная по просьбе Конисского [8, с. 40].

В тоже время, исследователи В. Чантuria и Т. Чернявская придерживаются иного мнения и весьма категорично называют время строительства Могилёвского архиерейского дома 1762–1763 гг. или 1762–1785 гг. [10; 11]

Действительно, проект постройки, скорее всего, был разработан Глаубицем ещё во время завершения Спасской церкви или, по крайней мере, до 1767 г. (года смерти архитектора). Получив довольно значительную сумму на достройку Спасской церкви, а также содержание за четыре года, Конисский действительно мог использовать эти деньги, чтобы заказать проект Глаубицу и начать строительство дворца. Однако совершенно не логично выводить такой долгострой второй половины XVIII века или

то, что дворец был построен раньше церкви. Георгий Конисский прожил во дворце около десяти лет.

С Архиерейским дворцом тесно связаны несколько интересных событий из истории Могилёва. 8 (20) июля 1812 г. 80-тысячный корпус французского маршала Даву вошёл в город и занял его окрестности. Маршал принял на себя должность губернатора, назначив своим заместителем польского генерала Пакоша, который «квартировал в архиерейском доме со всем своим экипажем, дворовыми чиновниками и служителями». Французы намеревались передать архиерейский дворец в личную собственность князя Панятовского, а Спасскую церковь сделать его придворным костёлом [4, с. LXXXI; 5, с. 135]. В августе 1812 г. французские солдаты искали спрятанные сокровища в Спасской церкви. В подвалах был вскрыт саркофаг, в котором был погребен Георгий Конисский и осмотрены сохранившиеся мозги архиепископа [4, с. LXXXII; 5, с. 137; 7]. Их же осматривал и император Николай II во время нахождения в Могилёве. Эти факты были учтёны при канонизации в 1993 г. Святителя Георгия (Конисского).

К сожалению, ни печатные, ни архивные исторические источники, которыми мы располагаем, не позволяют проследить, как шло строительство архиерейского дворца и не содержат проекта плана его строительства. Однако исследователями составлена планировка этажей и виды фасадов здания на основе различных рисунков, описаний и фотографий.

Это было трёхэтажное кирпичное здание (третий этаж – мансарда в центральной части), прямоугольное в плане с симметричными двухэтажными ризолитами по бокам, перекрытое высокой скатной крышей. Главный и дворовый фасады (с глубоким горизонтальным рустом стен, рустовыми пилястрами по углам) имеют криволинейные переходы к ризолитам, прямоугольные оконные проёмы с лепниной, филенчатые ниши, тонко профилированные карнизы [7, с. 136; 8, с. 40–41]. Главный вход (со стороны архиерейского двора) отличается арочным порталом с козырьком на металлических колоннах. В интерьере центральное место занимал вестибюль с трёхмаршевой лестницей (частично разрушен после реконструкции 2005 г.). На первом этаже располагался парадный зал для приёмов и служебные помещения, на втором – покой архиепископа: спальня, кабинет, библиотека, на третьем – хозяйственные помещения.

После событий 1917 г. дворец могилёвских архиереев некоторое время использовался по первоначальному назначению, но в конце 1918 г. в нём размещалась Могилёвская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Она просуществовала до марта 1919 г. Есть основания утверждать, что во время ликвидации так называемой «контрреволюционной» организации в городе, в здании был на допросах Могилёвский католический епископ Святополк-Мирский, который затем был расстрелян большевиками [8, с. 41].

Во время войны 1941–1945 гг. крыша здания была значительно повреждена. С 1946 г. архиерейский дворец использовался как обычный жилой дом. С 1982 г. находился в аварийном состоянии.

В 1992 г. на здании появилась памятная доска в честь просветителя Георгия Конисского. Интересное обстоятельство, характеризующее ментальность и толерантность могилевчан, её установкой занимались католик, униат и протестант, а руководил работами Могилёвский православный архиепископ Максим (Кроха). После выселения людей в здании планировалось разместить экспозицию музея истории Могилёва. Однако, дворец изъяли из собственности города и передали Могилёвской православной епархии, где планировалось разместить музей Конисского, библиотеку. Сейчас здесь находится православный центр с экспозицией, посвящённой Св. Георгию Конисскому, гостиница, жилые помещения. В 2005 г. с многочисленными нарушениями правил реставрации осуществлён текущий ремонт здания, была проломлена капитальная стена и в проёме

установлены железные гаражные ворота. Дворец – уникальная постройка конца XVIII века, выполненная в стиле белорусского барокко. И является преступным по отношению к нашей истории и культуре современное покрытие крыши дворца металличерепицей и усиление стен железнобетоном.

Унаследовав в начале прошлого века второго тысячелетия замечательные памятники прошлого, мы по большей части их не сохранили, и поэтому в третьем тысячелетии мы должны старательно сберечь хотя бы те, что остались. Перед нами стоит одна из важнейших задач – сохранение культурно-исторического наследия нашего народа, широкое использование его при разработке туристических маршрутов, патриотического и духовно нравственного воспитания.

1. Агеев, А. Перекрёстки Могилёвской истории / А. Агеев, Я. Климуты, И. Пушкин. – Минск : ООО “Туринфо”, 2004. – 216 с.
2. Агееў, А. Р. Магілёў на скрыжаванні / А. Р. Агееў, І. А. Пушкін. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Магілёў : Абласная друккарня, 2000. – 96 с.
3. Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси. – Вильна, 1867. – Т. 2.
4. Опыт описания Могилевской Губернии / под ред. А. Дембовецкого. – Могилев : Типография губернского правления, 1882. – Т. 1. – 782 с.
5. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Магілёва / Беларус. Энцыкл.; Г. П. Пащкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелЭн, 1998. – 496 с.
6. Пушкин, И. А. Просветительский и мученический подвиг могилёвских Святителей / И. А. Пушкин // Православные страны Восточной Европы: из прошлого в будущее: Материалы международной научно-практической конференции / ФГБОУ ВПО «Воронеж. гос. технол. акад.». – Воронеж: ВГТА, 2011. – С. 165–172.
7. Пушкин, И. А. Архіройскі палац у Магілёве і падзеі вайны 1812 г. / И. А. Пушкин // Война 1812 года: события, судьбы, память : материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 17–18 мая 2012 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Косов (отв. ред.). – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012. – С. 237–241.
8. Пушкин, И. А. Гістарычна і культурная спадчына горада Магілёва / И. А. Пушкин. – Магілёў : УА МДУХ, 2006. – 150 с.
9. Слонькова, И. Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII – середины XIX в. / И. Н. Слонькова. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
10. Чантuria, В. А. История архитектуры Белоруссии / В. А. Чантuria. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – Т. 1. – 296 с.
11. Чарняуская, Т. І. Архітэктура Магілёва / Т. І. Чарняуская. – Мінск : Навука і тэхніка, 1973. – 96 с.

Рубинина З.М. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ФОТОДОКУМЕНТОВ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Ключевые слова: фотография, культурное наследие, историческая память, постановочная фотография, ретушь, Е.А. Халдей, И.В. Сталин.

Историческое источниковедение может представляться дисциплиной, важной для строгой науки, но слабо связанной с актуализацией культурного наследия и проблемами исторической памяти. Несмотря на то, что сохранение, исследование и популяризация культурного наследия – поле деятельности разных наук, не одной только истории, у последней в этом процессе важная роль, связанная как раз с источниковедением.

Фотография является недооцененным и потому недостаточно задействованным в коммеморативных практиках пластом российского культурного наследия. На первый взгляд, это утверждение может показаться абсурдным, учитывая ее широкое использование в различных проектах в качестве иллюстрации. Но недостаточная изученность истории фотографии Российской империи и Советского Союза оставляет ряд сюжетов за рамками научного исследования и социально ориентированных проектов. Например, ожидаемо открытие новых имен и творческих биографий, благодаря как публикации фотодокументов из государственных собраний, так и деятельности частных коллекционеров. Даже творчество известных фотографов в ряде случаев может быть известна широкому зрителю довольно фрагментарно. Так, Б.В. Игнатович – классик советского фотоавангарда 1920–1930-х гг. одновременно был мастером «уличной» съемки и, что более неожиданно, замечательным пейзажистом. А умножение знаний о работе конкретных авторов прямо влияет на общую характеристику фотографии определенного

времени. Некоторые сюжеты не изучены вовсе. Например, ждет своих исследователей история советской ведомственной фотографии. Примеры можно множить.

Иными словами, одна из самых ярких и длительных школ в истории мировой фотографии недостаточно изучена и оценена. Безусловно, такое «белое пятно» обедняет культурное наследие России. Несмотря на то, что возможности нашего времени и интерес к аналоговой фотографии отчасти компенсируют проблему.

История фотографии – традиционное проблемное поле для искусствоведов, а с некоторых пор – культурологов, визуальных антропологов. Для историков оно периферийно. Но ведь фотография – способ создания изображения, ее функции изначально гораздо шире, нежели роль произведения искусства. До сих пор актуально восприятие фотографического изображения как свидетельства и документа. А это уже территория исторической науки, точнее, источниковедения.

Недостаточная изученность и, как следствие, неполноценное использование фотографии в коммеморативных практиках – это одна из проблем. Есть и другая: некорректное восприятие памятников российского фотографического наследия, прямо связанное со слабо исследованными и, соответственно, не популяризованными источниками особенностями фотодокументов.

Парадокс в том, что фотография как полноценный источник осознана историками только в 1960-е гг. Особенностями фотодокументов в рамках гиперсистемы кинофотофонодокументов (КФФД) в течение десятилетий занимались в Историко-архивном институте РГГУ. Особо следует упомянуть многолетнюю работу профессора В.М. Магидова. Его идеи наиболее полно представлены в монографии «Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания», в том числе, некоторые важные источниковые особенности фотографии сформулированы именно В.М. Магидовым (например, значение выбора, границ и композиции кадра) [5]. Проблема заключается в периферийности этой научной школы и большом проблемном поле, где помимо фотографии представлены кино и аудиодокументы, а также, помимо источниковедческих, архивоведческие сюжеты. Поэтому особенности фотодокументов как исторических источников нуждаются в дальнейшем исследовании.

Почему это важно в контексте исторической памяти, наглядно проявляет проблема таких методов создания fotosнимка как постановочная фотография и ретушь. Эти методы многофункциональны, в разные периоды их роль различна и зачастую теснейшим образом связана с техническими возможностями фотографии, что по умолчанию учитывается в специальной литературе, но далеко не всегда известно широкому кругу историков, посвятивших свою профессиональную жизнь XIX и XX векам, не говоря уже об обществе в целом. Более того, эти методы известны, в основном, как средство фальсификации фотодокумента с политическими и коммерческими целями, что к тому же сообщает теме в СМИ сенсационность, а историкам-профессионалам подчас служит иллюстрацией для подкрепления концепций, прежде всего, политической истории.

Чем чревато сохранение этой ситуации? Ярким примером является история создания возможно самой известной в современной России фотографии – «Знамя Победы над Рейхстагом» Е.А. Халдея. То, что один из признанных символов Победы в Великой Отечественной войне – постановочный кадр со случайными героями, задуманный фотографом еще в Москве, широко известно. История создания снимка известна из первых рук [2], детально изложена в литературе по истории фотографии [6] и широко популяризована. Достаточно сказать, что фотодокументу посвящена статья в «Википедии» [3]. Именно в данном и подобных случаях необходимо формирование корректного отношения к методу постановочной фотографии, ставшему к середине XX столетия одним из важнейших художественно-выразительных средств. В том числе, для создания снимков-символов, вроде «Знамя Победы над Рейхстагом». Необходимо осознан-

ние того, что использование метода не является «легким путем» или даже чем-то зазорным. Иными словами, ценность фотографии Халдея не должна становиться меньше из-за того, что на снимке – не то самое Знамя, установленное М.А. Егоровым и М.В. Кантарией, совсем другие люди и кадр придумал и организовал автор. В противном случае остается пространство для, как минимум, некорректных выводов.

Не менее наглядным примером являются ретушированные фотопортреты И.В. Сталина. Этот сюжет, с одной стороны, зачастую проясняет слабое знакомство с историей фотографии, поскольку ретуширование недостатков или даже особенностей кожи клиента профессиональные портретисты практикуют с первых лет существования фотографии по сей день. С другой стороны, здесь важно понимание основных функций ретуши, особенно ее значение для публикации фотографических изображений того времени. Без сильной и достаточно грубой ретуши снимок технически невозможно было опубликовать в печати. Для создания большого тиража фотоотпечатков, что практиковалось Всесоюзным трестом фотографии и фотопромышленности «Союзфото» и «Фотохроникой ТАСС», также нужна была ретушь. Сопоставление ретушированных и безретушных портретов Сталина возможно, в частности, на основании предметов коллекции фотографий отдела собрания фондов музея В.И. Ленина Государственного исторического музея (ФМЛ ГИМ), доступных для просмотра в «Электронном каталоге музейных предметов» на сайте ГИМ [1]. Эта коллекция аккумулирует более 800 отпечатков с неретушированных кинокадров, где запечатлен И.В. Сталин, изготовленных в фотолаборатории Центрального музея В.И. Ленина в 1947–1949 гг. с плёнок, предоставленных музею ЦСДФ. Сопоставление фотографических изображений с отпечатками с кинокадров позволило сделать вывод, что целью ретуши в данном случае вряд ли являлось приукрашивание модели, поскольку отпечатки с кинокадров создают более харизматичный образ Сталина, нежели ретушированные портреты. Художественная ретушь для фотосталинианы – редкость, зато встречаются примеры неудачной ретуши, например, нарушающей пропорции протагониста, в том числе, на уровне «Фотохроники ТАСС». Иными словами, основная цель ретуширования – массовое распространение среди современников через экспонирование, тиражи отпечатков или публикацию в печати. Особняком стоят «парадные» портреты послевоенного времени, где налицо омоложение модели с помощью ретуши. Факт примечательный в контексте начала Холодной войны и роли Советского Союза – победителя фашизма в мире.

Если не выявить и не проанализировать функции ретуши, возможен простор для манипуляций, отчасти обусловленных слабыми знаниями профессиональных историков в этой области. Масла в огонь подлили публикации фальсифицированных фотодокументов сталинской эпохи в печати 1990-2000-х гг. и особенно издание Д. Кинга «Пропавшие комиссары» [4]. Дэвид Кинг, фотограф, дизайнер и деятель британского социалистического движения (по убеждениям троцкист), опубликовал предметы своей частной коллекции и прокомментировал их небезинтересно, но далеким от подходов исторической науки образом. По этому примеру видно, насколько далеки историки от проблем источниковедения фотографии, иначе издание было бы воспринято куда более критично. При этом речь о портретах главы СССР периода Великой Отечественной войны, чья история – поле для современных и весьма важных битв памяти, т.е. проблема выходит за рамки чистоты и полноты научного знания.

Тем более, фотография – участник политической борьбы еще с XIX столетия. Использование т.н. «архивных» фотодокументов для решения текущих задач также не ново. Достаточно вспомнить обнародование и использование портретов В.И. Ленина во время болезни, сделанных в 1923 г. в Горках М.И. Ульяновой. Визуальный образ, формируемый применительно к XIX–XX вв. в значительной степени с помощью фотографических изображений, важен. Следует учитывать способность фотографии вызывать сильные эмоции, творить иллюзию «окна в прошлое» и ее вездесущность. Поэтому она

может быть весьма действенным оружием в войнах памяти вплоть до формирования нужного образа прошлого, для чего достаточно лишь подобрать нужный визуальный ряд и сопроводить желаемым комментарием. Хотя бы поэтому ее особенности как документа и источника должны быть выявлены, проанализированы научным сообществом и в максимальной степени популяризированы.

Таким образом, конечно, не решить всех проблем некорректного использования фотографии и ее соответствующего влияния на историческую память. Так, упомянутый Кинг в качестве «гламурного» портрета И.В. Сталина предлагает работу М.С. Наппельбаума 1931 г. Но зрителю неоткуда знать, что для фотосталинианы портрет нетипичен, что это яркий пример крайне неудачной ретуши. В этой связи примечательно, что автором был действительно великий портретист, у которого, как выясняется, также могли быть неудачи и, возможно, «не его» модели. Т.е. изучение, анализ и публикация памятников российского фотографического наследия в целом – не менее важная и не менее актуальная задача в контексте исторической памяти.

Поэтому исследование как истории, так и источниковых особенностей фотодокументов – не сугубо научная проблема, а необходимость в рамках не только сохранения и осознания культурного наследия во всей его полноте и блеске, но и формирования корректной исторической памяти о прошлом России.

1. Государственный исторический музей: официальный сайт. Электронный каталог музеиных предметов. Собрание фондов музея В.И. Ленина. Фотографии. – URL: [https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ?query=Сталин&fund_iер=647136859_647756769](https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ?query=Сталин&fund_ier=647136859_647756769) (дата обращения: 19.09.2025).
2. Евгений Халдей, фотограф эпохи Сталина: док. фильм. Бельгия, 1997. Реж. М.-А. Вайнберг. – URL: https://vk.com/video-124051663_456239031?ysclid=mfsfllpivt321587836 (дата обращения: 19.09.2025).
3. Знамя Победы над Рейхстагом (фото Халдея). // Википедия. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Знамя_Победы_над_рейхстагом_\(фото_Халдея\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Знамя_Победы_над_рейхстагом_(фото_Халдея)) - Дата публ.: 19.09.2025.
4. Кинг, Д. Пропавшие комиссары / Д. Кинг. – М. : «Издательство Контакт-Культура», 2012. – 208 с.
5. Магидов, В. М. Кинофотодокументы в контексте исторического знания / В. М. Магидов. – М. : РГГУ, 2005. – 394 с.
6. Стигнеев, В. Т. Век фотографии / В. Т. Стигнеев. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 392 с.

**Рудаковская Е.Н.
ДРЕВНЕЙШИЕ ЦЕРКВИ ГРОДНО ХII–XVI ВВ.:
МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ**

Ключевые слова: географическая локализация, древнейшие церкви Гродно, туристический потенциал, картографические источники, Коложская церковь, Княжеская церковь Гродно, Нижняя церковь, Верхняя церковь, Пречистенская церковь, Воскресенская церковь, Малая церковь Гродно, церковь св. Ильи Пророка, церковь св. Спаса, церковь св. Симеона, часовня на Подоле, церковь Честного Креста, церковь св. Николая, церковь св. Троицы, Занеманская церковь, церковь на Подоле, памятники историко-культурного наследия, развитие туристической сферы Республики Беларусь.

По историко-культурному и туристическому потенциалу Гродненщина занимает одну из ведущих позиций в Беларуси. В области сохранилось более 1,5 тысяч памятников истории и культуры. Среди них есть объекты мирового значения. В означенном контексте большое значение приобретает разработка соответствующих тематических экскурсионно-туристических программ и маршрутов для региона, на территории которого имеются памятники, подобные древним православным храмам областного центра – города Гродно.

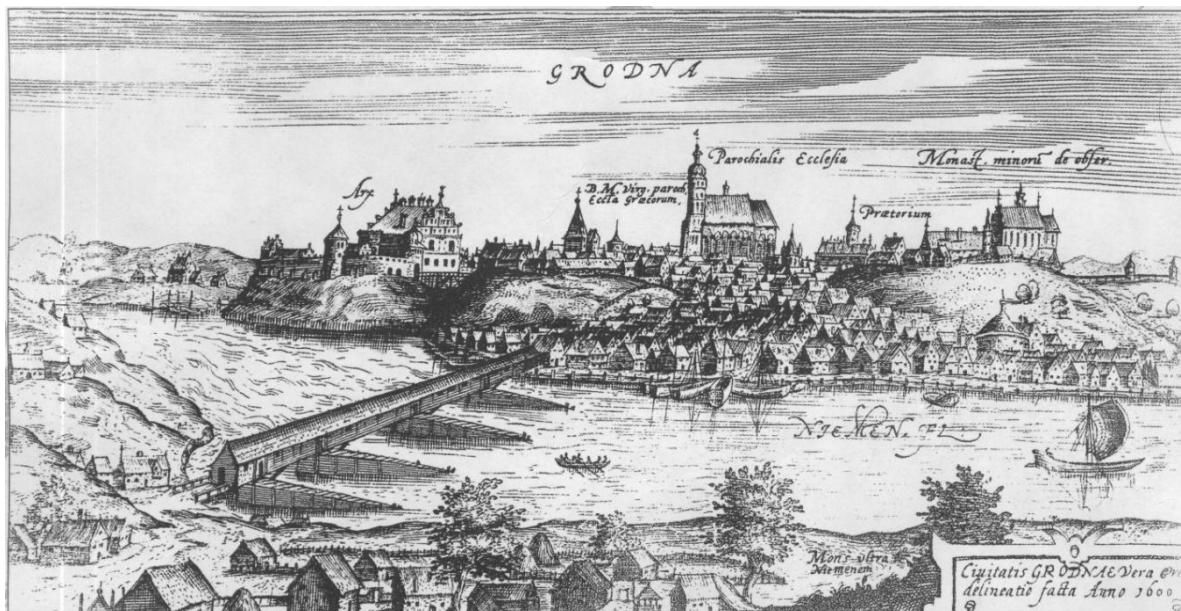
Некоторые из древнейших храмов Гродно дошли до наших дней и даже продолжают действовать, некоторые сохранились частично, некоторые законсервированы под землей после археологических раскопок и т.д. Внешний облик и локализация значительной части древних церквей Гродно известны благодаря архивным данным и картографическим источникам XVI–XVII веков.

*Картографический источник XVI в. –
медерит Цюндта-Адельгаузера 1567 г. с изображением г. Гродно*

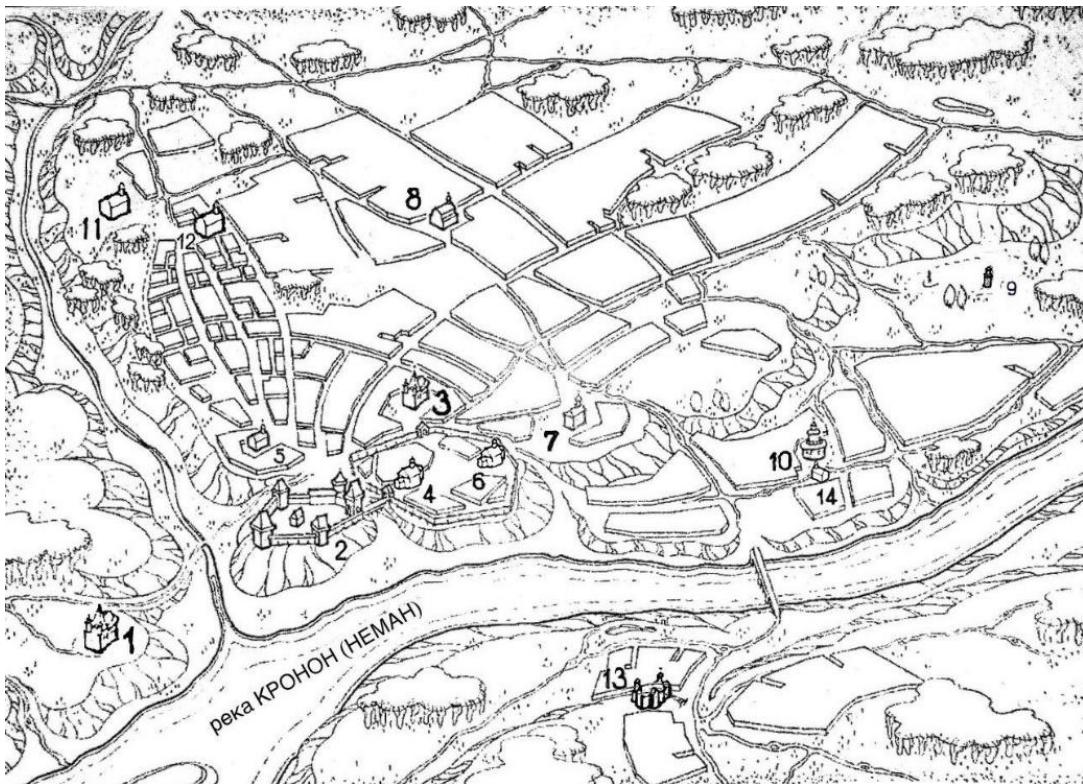
В целом все древнейшие церкви Гродно можно разделить на следующие подгруппы:

- 1) основанные не позже XII в., сохранившиеся в той или иной форме до настоящего времени – это Коложская, Княжеская, Пречистенская и Воскресенская церкви;
- 2) храмы, о локализации которых упоминается в источниках либо они изображены на средневековых картографических медеритах и картах – это Малая, Николаевская, Симеоновская, Занеманская, Честнохрестенская, Часовня Пречистенской церкви, церковь на Подоле;
- 3) местонахождение которых установлено современными исследователями, однако еще требует подтверждения либо отождествления именно с этой церковью – это храмы Ильи Пророка, Троицкий, Святого Спаса.

*Картографический источник XVII в. –
гравюра белорусско-польского картографа Томаша Маковского
"Civitatis GRODNAE Vera delineatio ere[cta] facta Anno 1600"
с изображением г. Гродно*

Наличие в XII веке в Гродно целого ряда каменных строений свидетельствует, что в городе к этому времени уже была и активно действовала высокопрофессиональная архитектурная школа. В пользу этого говорит, прежде всего, наличие в городской застройке первых веков существования Гродно как культурно-религиозного центра самостоятельного княжества древней Руси, а затем ВКЛ, не менее чем 14 православных храмов.

Топография православных храмов Гродно XII–XVI вв.:

в основу реконструкции положены средневековые картографические медериты, аксонометрические карты специалиста по градостроительству, кандидата архитектуры Ю.Н. Кишика [1], а также, помимо авторских, соответствующие наработки кандидата искусствоведения В.И. Кудряшева [2], историка архитектуры, искусствоведа Е.Д. Квитницкой [3] и исследователя урбанонимии г. Гродно историка Ю.Ю. Гордеева [4].

Рост интереса к этим храмам как объектам туризма будет способствовать большему вниманию к решению проблемы сохранения историко-культурного наследия, реставрации памятников архитектуры, создания необходимой инфраструктуры для развития туристической сферы в целом. Отправной точкой для всего этого может стать информация об истории и географии следующих древнейших православных церквей г. Гродно.

1) *Борисоглебская (Коложская) церковь XII в.* Стоит на возвышенности Коложань, значительная часть оригинальной постройки сохранилась до наших дней и является одной из главных историко-культурных и туристических достопримечательностей г. Гродно.

2) *Княжеская церковь XII в. на территории Старого замка.* Сначала на этом месте находилась церковь именуемая археологами Нижней, т.к. после ее разрушения в результате природного катаклизма в 1187 г., в XIII веке на ее месте была построена новая церковь, получившая в связи этим название Верхняя.

3) *Соборная Пречистенская церковь XII в.* Изображена на картографическом медальоне Цюндта-Адельгаузера 1567 г. между дворцом и костелом – под надписью на латыни «церковь, окруженная муроманной стеной». Храм находился на Подзамочье и, вероятно, входил в оборонительную систему центра города. Позднее монахи ордена базилиан построили здесь монастырь – храм Рождества Богородицы и жилые помещения. В настоящее время остатки церкви XII века (раскопанные археологами в 1980 г.) находятся на территории монастырского комплекса XVIII века, возвращенного православным верующим.

4) *Воскресенская церковь XII в.* Изначально считалась храмом для богатых прихожан. Согласно свидетельствам XV века, находилась рядом с королевским домом в Нижнем замке, на месте которого в XVIII веке будет построен Новый замок. В настоящее время остатки церкви находятся на его территории. Они были обнаружены в июле 2018 года во время раскопок, носивших сопроводительный характер, на территории, которая считается зоной первой охранной категории.

5) *Малая церковь XII в.* Имела такой же характер как Воскресенская. Относится к православным храмам города, о локализации которых упоминается в архивно-документальных источниках. Согласно им, Малая церковь стояла неподалеку от Пречистенской на Подзамчище – на восток от Старого замка. Последнее упоминание о храме, на площадке которого была начата строительство королевской канцелярии и конюшн, относится к 1783 г.

6) *Церковь св. Ильи Пророка XII в.* В первой половине XVII в. стала униатской. Согласно универсалу 1633 г. короля Речи Посполитой Владислава IV Вазы ее планировалось вернуть православным. В этом ее история схожа с судьбой Коложского и Воскресенского храмов, которые в том же году также должны были вернуть православным. Однако, не взирая на именной универсал самого монарха, оставили за униатами. Что в свою очередь плачевно отразилось на судьбе храмов уже через пару десятилетий. Причина: враждебное отношение к «папистам»-униатам со стороны как протестантов-шведов, так и православных-русских во время т.н. «Потопа» (шведско-польско-русско-казацкой войны) 1655–1660 гг.

7) *Церковь св. Спаса, построенная не позже XIV в.* Относится к тем православным храмам города, о локализации которых упоминается в архивно-документальных источниках. В бытность великого князя литовского Витовта князем гродненским, т.е. в XIV в., церковь в Гродно уже существовала. Последнее из известных упоминаний церкви относится к середине XVI в.

8) *Церковь св. Симеона (Симеоновская), построенная не позже XV в.* На картографических гравюрах 1567 и 1600 гг. помещена справа от Ратуши – над ней надпись на латыни: «руssкая церковь в городе». Современные специалисты по городской планировке связывают возможное строительство храма вблизи Калючинской или Коложанской улицы с появлением в этом районе росшего города новых заселений.

9) *Часовня соборной Пречистенской церкви на Подоле на православном кладбище XII века.* Судя по соответствующему фрагменту застройки Подола на гравюре 1567 г., эта Часовня являлась Ротондой или «круглым каменным сооружением, увенчанным куполом с балюстрадой». Распространение круглых храмов в Чехии, а затем и в расположенных восточнее землях Польши, Руси и Литвы, объясняется специалистами по архитектуре стремлением придать культовой постройке оборонный характер, многие круглые культовые сооружения были похожи на башни и имели оборонные приспособления в виде зубцов, напоминающие те, что видны на средневековом изображении другого гродненского храма – Честного Креста, располагавшегося неподалеку от рассматриваемой Часовни.

10) *Церковь Честного Креста (Крестовоздвиженская) на Подоле.* Относится к тем православным храмам, о локализации которых упоминается в архивно-

документальных источниках. Принадлежала цеху гродненских кожевников. Находилась на Подоле, неподалеку от берега реки Неман. На гравюре 1567 г. подписана как «деревянная церковь в предместье». Была окружена жилыми и другими строениями, среди которых выгодно выделялась большими размерами и красотой форм. Считается, что первое из известных на данный момент упоминаний о храме относится к 1480 г. Однако специалисты полагают, что есть, как минимум, косвенные основания полагать, что этот храм мог существовать уже в XII в.

11) Церковь св. Николая (Николаевская), построенная не позже XVI в. Относится к тем православным храмам Гродно, о локализации которых упоминается в архивно-документальных источниках. Стояла на невысоком холме при Виленском тракте – у северо-западной границы города. Некоторые исследователи, исходя из данных «Уволовочного измерения города Гродно 1560 года» предполагают, что храм располагался «где-то рядом с королевским двором на Городнице». В 1793 г. на этом месте последний король Речи Посполитой Станислав Август Понятовский построил дворец, подаренный подскарбию надворному литовскому Антонию Дзеконскому, от которого он позже перешел к графскому роду Валицких. Т.н. Дворец Валицких или бывший дворец вице-администратора в настоящее время находится в г. Гродно по адресу ул. Горького, 2 и принадлежит православной церкви.

12) Церковь св. Троицы (Троицкая), построенная не позже XVI в. Относится к храмам, о существовании которых упоминается в документальных источниках. Архивными свидетельствами, известными в настоящее время, являются два документа: привилей короля Сигизмунда I Ягеллона от 1511 г. на дарование церкви св. Троицы грунтов в Сусловщизне под Гродно и конфирмация (документ об утверждении высшей властью судебного решения), выданная королем Речи Посполитой Станиславом Августом Понятовским в 1765 г.

13) Занеманская церковь, построенная не позже XV в. На медерите 1567 г. изображена на посаде, на левой стороне эстампа. Сверху над ней надпись «церковь русская каменная». Зачастую ее ошибочно отождествляют с Коложской церковью. Храм изначально имел выраженные готические черты, т.к. был возведен на месте крепости Ноегартен (Новое Гродно), созданной тевтонами-крестоносцами. Витовт позволил им за помочь в борьбе против Ягайло построить в своих владениях несколько замков-крепостей. Одним из них стал Ноегартен, возведенный на левой стороне р. Неман, напротив «старого» города и замка. Вскоре крепость была отобрана у рыцарей, превратившихся из союзников в злейших врагов Витовта. Тогда же, – около 1407 г., – накануне Великой войны и Грюнвальдской битвы, Ноегартен был переделан в православную церковь-крепость оборонного типа. Храм был разрушен во время войн т.н. «Потопа» в Речи Посполитой XVII в. Место, где он стоял, отошло к территории монастыря католического ордена Францисканцев.

14) Церковь на Подоле. На картографическом медерите 1567 г. православные церкви г. Гродно показаны весьма разнообразными и своеобразными по формам. Обращает на себя внимание, что за единственным исключением ни один из этих храмов не имеет характерных для русских церквей глав-куполов в виде «луковиц». Форма крыш также весьма разнится. Большинство из них визуально напоминают скорее готические храмы. Исключение составляет небольшой храм, увенчанный куполом в виде «луковки», расположенный на Подоле, неподалеку от церкви Честного Креста. К сожалению, об этом храме в настоящий момент ничего неизвестно, т.к. все исследователи просто обошли его вниманием. Хотя храм не просто изображен, но и хорошо виден на медерите 1567 г., некоторые невнимательные авторы советского и более позднего времени пишут, что в Гродно храмов с такими куполами якобы вообще не было! При этом

внешне видимая часть храма напоминает архитектурный облик церквей распространенных в XI–XII вв. в Полоцке, Новгороде и Киеве.

Сегодня требуется тщательная, бережная реставрация гродненских храмов XII–XVI вв. как памятников историко-культурного наследия и христианских святынь. Она не только сохранит подлинность материалов и фактур, но и способствует воссозданию утраченных элементов, и, при возможности, использованию древних храмов по их функциональному значению. Сохранение этого богатого историко-культурного наследия – дело государственной важности, обусловленное многими факторами – от материальных и финансовых до развития туристической сферы Республики Беларусь.

1. Кишик, Ю. Генеральные планы исторических центров городов. Гродно / Ю. Кишик. – Минск : Минстиппроект, 2007. – С. 23–24, 78; Кишик, Ю. Градостроительная культура Гродно / Ю. Кишик. – Минск : Беларуская навука, 2007. – 303 с.; Кишик, Ю. Градостроительное наследие Беларуси. Гродно: атлас архитектурных чертежей и рисунков: учебно-метод. Пособие / Ю. Кишик. – Минск : Выш. школа, 2012. – 287 с.; Кишик, Ю. Силуэт города: развитие системы высотных доминант / Ю. Кишик. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 327 с.

2. Кудряшев, В. Архитектура города Гродно: исследование развития архитектуры города с XII по XX век: дисс. ... кандидата искусствоведения: 17.00.00. – М., 1959. – 247 с.; Кудряшев, В. И. Гродно / В. И. Кудряшев. – М. : Госстройиздат, 1960. – 128 с.

3. Квитницкая, Е. Планировка Гродно в XVI–XVIII веках / Е. Квитницкая // Архитектурное наследство. – М., 1964. – Вып. 17. – С. 22–23; Квитницкая Е. Центры городов Белоруссии в XVI – первой половине XIX века / Е. Квитницкая // Архитектурное наследство. – М., 1983. – Вып. 31. – С. 30–31.

4. Гардзееў, Ю. Гарадзенскія ўрбанонімы 16–18 стст. / Ю. Гардзееў // Гарадзенскі гадавік: навуковы часопіс. – 2013. – № 2. – С. 30–47; Гардзееў, Ю. Магдэбургская Гародня / Ю. Гардзееў. – Гродно-Вроцлав, 2008. – С. 93; Гардзееў, Ю. Тапанімія старажытнай Гародні (XII–XVIII стст.) / Ю. Гардзееў. – Гродно, 2013. – С. 73–93; Гордеев, Ю. Эволюция урбанизации Гродно в XVI–XVIII вв. и семиотика городского пространства / Ю. Гордеев // XVIII amžiaus studijos I Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė: tarp tradicijų ir naujovų sudarytoja Ramunė Šmigelskytėstukienė. – Vilnius : Lietuvos istorijos institutas, 2014. – С. 166–183; Gordziejew, J. Socjotopografia Grodna w XVIII wieku / J. Gordziejew. – Torun : Marszalek, 2002. – 341 s.

Румянцева М.Ф. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: источникование, источникование историографии, система видов исторических источников, компаративное источникование, культурное наследие, историческая культура, ренарративизация, постпостмодерн.

Российский историк-методолог, яркий представитель русской версии неокантианства А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) в 1913 г. писал: «Без обращения к историческим источникам человек во многих случаях не мог бы испытывать на себе благотворного влияния и поддерживать преемство той культуры, в которой он родился и непрерывному развитию которой он служит. Вообще, без постоянного пользования историческими источниками человек не может соучаствовать в полноте культурной жизни человечества» [4, т. 2, с. 392].

Цель доклада – сопряжение проблематики двух традиционных масштабных представительных конференций, проводимых Витебским государственным университетом, «Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт» и «Актуальные проблемы источникования». Реализация этой цели предполагает, во-первых, акцентирование системообразующих оснований их проблематики и, во-вторых, сопряжение проблематики не вообще, а в системе современной исторической культуры, в которой, как мне представляется, значение источникования / источниковедческих навыков для адекватного отношения к культурному наследию возросло многократно.

Соответственно, нам необходимо:

- ограничить, по хронологии, современную историческую культуру и выявить ее специфику;
- охарактеризовать проблематику освоения культурного наследия;

– выбрать адекватную задаче освоения культурного наследия источниковедческую парадигму;

– и, наконец, предложить сопряжение проблематики освоения культурного наследия и источниковедения в системе актуальной исторической культуры.

Современная историческая культура самым непосредственным образом обусловлена переходом от постмодерна к постпостмодерну в самом начале XXI в. Этот переход характеризуется переходом от глобализации к глокализации и от информационного общества к манипуляционному. И оба эти процесса имеют самое непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме.

Переход от глобализации к глокализации актуализирует интерес к культурам / культурному наследию локальных сообществ, при этом масштабы так называемой «локальности» варьируются от культуры малых народов до культуры мировых цивилизаций.

Переход от информационного общества к манипуляционному во многом обуславливает трансформацию исторической культуры – от увлечения микроисторией, характерной для постмодерна, к ренarrативизации, очевидным образом предоставляющей возможность манипуляции исторической памятью в ситуации постпостмодерна. Начало активного процесса ренарративизации можно датировать, вероятно, серединой 2000-х годов.

Ал. Мегилл (р. 1947), американский историк канадского происхождения, в изданной в 2007 г. в США (и в том же году переведенной на русский язык) книге «Историческая эпистемология» утверждает, что в западной историографии мысль о том, что нарратив не обладает собственной познавательной ценностью, вполне утвердились [5, с. 170, 172], что вполне очевидно обусловлено разработанной еще Х. Уайтом (1928–2018) [10], Ф. Анкерсмитом (р. 1945) [1] и другими методологами идеей неверифицируемости нарратива. Но при этом Ал. Мегилл подчеркивает близкую к подходу источниковедения историографии мысль: «Роль историописания в конфигурировании наших способов видения мира и жизни в нем действительно существенна (то, что подпадает под это понятие <...> я называю «интерпретацией»). <...> историописание связано со временем историка и его читателей...» [5, с. 173]. И далее: «...нарратив оценивается по тому способу, которым он передает, облекая в специфические и яркие образы, некоторые важные аспекты нашего совместного бытия в рамках общественного порядка» [5, с. 175].

Для Российской Федерации акцентируем внимание на двух событиях, маркирующих процесс ренарративизации: создание в 2009 г. Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при Президенте РФ (упразднена в 2012 г.); начало в 2013 г. работы над концепцией единой линейки учебников истории России.

При **освоении культурного наследия**, вероятно, можно выделить два подхода – социально ориентированный, базирующийся как раз на нарративной логике историописания, и собственно научный, соответствующий парадигме истории как строгой науке [см. 6, с. 15–16]. Эта проблема через призму концепции Д. Лоуэнтала была мною рассмотрена в докладе на конференции 2021 года [см. 7]. В посмертно изданной в 2008 г. работе «Теория и методология когнитивной истории» О.М. Медушевская (1922–2007) отмечала: «В силу своей адекватности повседневному историзму массового сознания парадигма нарративной логики преобладает в мире» [6, с. 16]. И в этом, вероятно, не было бы большой беды, поскольку нарратив, интерпретируя историю, обеспечивает базовую функцию исторического познания – обеспечение идентичности. Но с момента создания О.М. Медушевской концепции когнитивной истории прошло почти двадцать лет.

Процесс ренарративизации в современной исторической культуре, – при понимании неверифицируемости нарратива, – ведет к борьбе/войне нарративов [5, с. 170–254]. И эта война нарративов в последние годы становится все более ожесточенной и захватывает все более широкие слои населения. Если осознать базовую характеристику нарратива,

то станет очевидным, что вмешиваться в эту борьбу с позиции одной из сторон – контрпродуктивно. Что же делать? – Изучать нарратив извне на основе источниковедения историографии, под которой понимается «предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории» [9, с. 209].

На мой взгляд, именно такой подход во многом определяет професионализм историка. Но профессиональные историки в актуальной социокультурной ситуации обязаны не только сами владеть этим методом, но и позиционировать его в публичной истории / в среде заинтересованных дилетантов, вооружая их инструментарием для критической оценки нарративов.

Это тем более важно при целеполагании перейти от «столкновения» цивилизаций к их синергии [2; подробнее см. 8]. Но синергия цивилизаций невозможна без сопоставительного восприятия их оригинального наследия на основе равного уважения к каждой из них. Источниковедение дает инструментарий для решения и этой задачи. Но здесь нам надо выбрать ту парадигму источниковедения, которая как раз и предоставляет такие возможности освоения культурного наследия.

К выбору адекватной поставленной задаче *источниковедческой парадигмы* можно подойти дихотомично и оттолкнуться от двух распространенных в историографии подходов к определению исторического источника. Первое из них по-прежнему весьма популярно, хотя очевидным образом отсылает нас к классической модели науки, изжившей себя уже к концу XIX века: «Применительно к задачам прикладного источниковедения [оставлю без комментария деление источниковедение на прикладное и теоретическое – М.Р.]» можно ограничиться простой определенностью <...> и признать историческим источником всякое явление, могущее быть использованным для познания прошлого человеческого общества, все, что может источать историческую информацию...» [11, с. 8].

Альтернативное определение опирается на концепцию исторического источника, сформулированную А.С. Лаппо-Данилевским и развиваемую на протяжении XX – начала XXI в. Научно-педагогической школой источниковедения, восходящей к русской версии неокантианства: «объективированный результат творческой активности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной перспективе» [9, с. 205–206]. Мы видим, что понятие культуры / культурного наследия как ее объективации уже «защищено» в данное определение исторического источника.

И здесь важно подчеркнуть: развитие подходов русской версии неокантианства Научно-педагогической школой источниковедения привело к конституированию источниковедения в качестве самостоятельной (суб)дисциплины исторической науки, имеющей автономный объект изучения – систему видов исторических источников, Система видов исторических источников – это фактически проекция соответствующей культуры, дающая основу как для системного освоения культуры, так и для сопоставительного изучения наследия разных культур [9, с. 206–208].

Таким образом, перед профессиональными историками, – и в профессиональной сфере, и в поле публичной истории, – стоит задача *сопряжения освоения культурного наследия с пониманием, во-первых, видовой структуры корпуса исторических источников как проекции соответствующей культуры*, позволяющей безошибочно (а фактически, без постоянной, часто имплицитной, отсылки к западной культуре) сопоставлять разные культуры [о методе компаративного источниковедения см. 9, с. 226].

К сожалению, инструментарием источниковедения историографии, равно как и методом компаративного источниковедения, владеют даже не все так называемые «профессиональные» историки. Но, на мой взгляд, навык источниковедческого отношения к нарративам и иным презентациям культурного наследия необходимо выра-

батывать если не у школьников (система просвещения), то у студентов (система образования), причем не только историков (для них это неотъемлемая составляющая профессионализма), но и в рамках обязательного для всех получающих высшее образование в Российской Федерации курса «История России».

1. Анкерсмит, Ф. Нarrативная логика: семантический анализ языка историков / Франк Анкерсмит. – Москва : Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
2. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 17.09.2025).
3. Казаков, Р. Б. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: эпистемологические основания, институциональное оформление / Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2023. – № 2. – С. 181–192.
4. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории : [в 2 т.] / А. С. Лаппо-Данилевский. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 2. – 631 с.
5. Мегилл, Ал. Историческая эпистемология / Аллан Мегилл. – Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
6. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. – 358 с.
7. Румянцева, М. Ф. Две стратегии освоения культурного наследия / М. Ф. Румянцева // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 22–23 октября 2021 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 155–159.
8. Румянцева, М. Ф. Освоение культурного наследия: стратегии в условиях столкновения/синергии цивилизаций / М. Ф. Румянцева // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной Году мира и созидания. Витебск, 26–27 октября 2023 г. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2023. – С. 218–221.
9. Теория и методология исторической науки : терминол. слов. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аквилон, 2016. – 543 с.
10. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Хейден Уайт. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 527 с.
11. Шмидт, С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. – Ленинград : Наука, 1985. – Вып. XVI. – С. 3–24.

**Сівохін Г.А.
МУЗЕІ-ЗАПАВЕДНІК ЯК СПЕЦЫФІЧНА ФОРМА
ЗАХАВАННЯ СПАДЧЫНЫ. КЕЙС ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА
МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА “ЗАСЛАЎЕ”**

Ключавыя слова: гісторычна-культурныя каштоўнасці, музеі-запаведнікі, Гісторыка-культурны музей-запаведнік “Заслаўе”, горад-музей, гісторычная і культурная спадчына, Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцяў Рэспублікі Беларусь, музефікацыя археалагічнай спадчыны.

Адным з найбольш амбітных праектаў у галіне гісторычнай спадчыны за часамі БССР, які пры гэтым уключай у сябе музейны складнік, было стварэнне ў канцы 1960-х – пачатку 1970-х чатырох гісторычна-археалагічных запаведнікаў, якія ў той ці іншай ступені мусілі быті ўключаны гісторычныя часткі старадаўніх беларускіх гарадоў: Гродна, Пінск, Полацк і Заслаўе. Апошняе не выпадкова трапіла ў пералік такіх гісторычных тэрыторый – Заслаўе было ўключанае ў лік важнейшых гісторычных і археалагічных помнікаў з самых першых спробаў кадыфікацыі спадчыны ў БССР: яшчэ ў 1926 г. помнікі Заслаўя – царква Раства, царква Перамянення (Замковая) і Заслаўскае замчышча, – пастановай Савета Народных Камісараў БССР ад 05.07.1926 “Аб аб’яўленні дзяржаўнай уласнасцю помнікаў старажытнасці, мастацтва, побыту і прыроды” былі ўключаныя ў спіс помнікаў Мінскай акругі [1].

Пастановай Савета Міністраў БССР ад 19.12.1950 зацверджаны пералік археалагічных помнікаў рэспубліканскага значэння на тэрыторыі БССР, куды былі ўключаны і заслаўскія старажытнасці. Ужо існы спіс помнікаў быў пашыраны коштам некалькіх курганных груп [20].

На тэрыторыі гісторычнай часткі г. Заслаўя сёння размешчаныя наступныя гісторыка-культурныя каштоўнасці [9]: гісторычны цэнтр X–XVIII стст., касцёл нараджэння Найсвяцейшай Панны Марыі XVIII ст., музефікаваныя экспазіцыйныя

аб'екты Запаведніка “Кузня” і “Этнографічны комплекс «Млын»”, Кальвінскі збор II п. XVI – п. XVII ст., заслаўскі замак X–XVIII стст., (Гарадзішча «Вал»), а таксама некалькі будынкаў кат. “3” к. XIX – п.п. XX ст.

Значным помнікам, размешчаным на тэрыторыі сучаснага горада, але па-за гістарычнай яго часткай, з'яўляецца гарадзішча “Замачак” др.п. X–XI ст., а таксама парэшткі сядзібы Заслаў. Апрача таго на тэрыторыі Запаведніка як у межах сучаснага горада, так і ў непасрэдна за яго межамі размешчаныя шэраг курганных груп. Усе гэтыя гістарычна-культурныя помнікі былі ўключаныя ў склад Запаведніка пры яго ўтворэнні ў 1967 і/або рэарганізацыі ў 1986–1990.

У адпаведнасці з сумеснай Пастановай Цэнтральнага камітэта Камуністычнай партыі Беларусі і Савета Міністраў Беларускай ССР ад 19 верасня 1967 г. было аб'яўлена аб стварэнні чатырох гісторыка-археалагічных запаведнікаў на тэрыторыі Беларусі [8]. Сярод іншых запаведнікаў згодна з пунктам “г” артыкула 8 дадзенай пастановы быў абвешчаны і запаведнік у Заслаўі, у склад якога ўвайшлі “Старажытнае гарадзішча ў комплексе з Прэабражэнскай цэрквой і магілай Рагнеды” [8, с. 567], г.зн. сучасныя гарадзішча “Вал”, былы кальвінскі збор і гарадзішча “Замачак”.

Згодна з пунктам “г” артыкула 2 дадзенай пастановы неабходна было забяспечыць больш рацыянальнае выкарыстанне будынкаў помнікаў архітэктуры, прыстасаваўшы тыя галоўным чынам пад музеі, бібліятэкі, дамы адпачынку і г.д. [8, с. 566]. Дадаткам 2 да Пастановы былы кальвінскі збор, у якім на той момант быў размешчаны склад райхарчгандлю, быў уключаны ў пералік помнікаў архітэктуры, якія вымагалі змянення харектару іх выкарыстання [16, с. 292].

У адпаведнасці з пунктам 1 палажэння “Об историко-археологических заповедниках”, зацверджаным Міністэрствам культуры БССР 8.10.1968, гістарычно-археалагічныя запаведнікі дзейнічалі ў форме філіялаў музеяў [19, с. 331]. Работа заслаўскага гістарычна-археалагічнага запаведніка была арганізаваная як філіяла Дзяржаўнага музея БССР (цяпер – Нацыянальны гістарычны музей) і ў 1977–1988 гг. у памяшканні былога кальвінскага збору была адкрыта экспазіцыя філіяла Дзяржмузея – “Музей рамёстваў і народных промыслаў”.

Пастановай Савета Міністраў БССР ад 31 снежня 1986 г. было прынятае рашэнне аб стварэнні гістарычна-культурнага запаведніка “Заслаўе” [12]. Запаведнік як комплекс помнікаў гісторыі і культуры горада быў абвешчаны як установа рэспубліканскага значэння, таксама было вызначанае, што ён знаходзіцца ў падпарадкаванні Мінскага абласнога выканавчага камітэта. Гістарычна-культурны запаведнік “Заслаўе” быў утвораны на базе філіяла Дзяржмузея БССР. У адпаведнасці з загадам Міністэрства культуры БССР у склад Запаведніка быў прыняты філіял Дзяржмузея БССР у Заслаўі: новастворанай установе былі перададзеныя памяшканні экспазіцыі “Музей рамёстваў і народных промыслаў”, часткова – матэрыяльная база, а таксама склад супрацоўнікаў быў уключаны ў калектыв Запаведніка [10].

Пастановай Савета Міністраў БССР ад 13 верасня 1990 г. былі вызначаныя пералік аб'ектаў, якія ўваходзілі ў склад Запаведніка, мэты і задачы, функцыі, праваы, паўнамоцтвы і контрольныя функцыі, а таксама, што самае галоўнае, межы Запаведніка, яго зоны аховы і рэжым іх утрымання [17].

У склад Запаведніка былі ўключаныя гарадзішча “Вал”, былы Кальвінскі збор, гарадзішча “Замачак”, курганныя могільнікі X–XI стст., касцёл Нараджэння Найсвяцейшай Панны Марыі, парэшткі сядзібы “Заслаў” XVII–XVIII стст., планіровачная структура вуліц XII–XVIII стст.

Згодна з дадаткам 1 да пастановы таксама былі вызначаныя межы ахоўнай зоны Запаведніка, якая ўключала ў сябе зону гістарычнага цэнтра, гарадзішча “Замачак” і курганных могільнікаў. Згодна з дадаткам 2 да азначанай пастановы былі вызначаныя межы зон рэгулюемай забудовы і ахоўваемага прыроднага ландшафту Запаведніка.

Пастанова Савета Міністраў БССР ад 13 верасня 1990 г. گрунтавалася на распрацоўках, выкананых Беларускім спецыялізаваным інстытутам па распрацоўцы праектнай дакументацыі для рэстаўрацыі помнікаў гісторыі і культуры “Белспецпраектрэстаўрацыя” і Беларускім спецыялізаваным навукова-рэстаўрацыйным вытворчым аб’яднаннем “Белрэстаўрацыя”. Па заказе Заслаўскага гарвыканкама ў 1989 г. быў распрацаваны праект меж зон адмысловага рэжыму рэканструкцыі [21].

У рамках правядзення даследавання быў праведзены аналіз усپрыняцця гарадскога ландшафту і абрэгунтаванне меж і рэгламентацыі далейшай забудовы зон адмысловага рэжыму. У 2011 г. было распрацаванае, зацверджанае навукова-метадычнай радай Запаведніка і ўзгодненая Мінскім раённым выканаўчым камітэтам палажэнне “Аб рэжыме ўтрымання і выкарыстання зон аховы комплексу нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцяў ДУ «Гісторыка-культурны музей-запаведнік «Заслаўе»» [18]. Неабходнасць распрацоўкі дадзенага дакумента, які не проста паўтараў і зводзіў у адно цэлае, але і дэталізаваў і канкрэтызаваў патрабаванні да ўтрымання рэжымаў ахоўных зон Запаведніка, а таксама пропісваў працэдуру ўзгаднення правядзення работ на аб’ектах Запаведніка, было выкліканы адсутнасцю распрацаванага праекта зон аховы (далей – ПЗА) на аб’екты Запаведніка.

Праблемная сітуацыя з межамі і рэжымамі ўтрымання і распрацоўкі ПЗА была выкліканая тым, што беларускае заканадаўства ўтрымлівала і да сённяшняга моманту працягвае ўтрымліваць казус, звязаны з аб’ектамі гістарычна-культурнай спадчыны і іх музеевізацый ў форме стварэння музеяў-запаведнікаў.

Як у музейным заканадаўстве 1990-х – 2000-х гг., так і сёння ў адпаведнасці з дзеючым Кодэкsem Рэспублікі Беларусь “Аб культуре” музеi-запаведнікі маюць уяўляць комплексы і ансамблі нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцяў разам з тэрыторыяй, гістарычна і культурна звязанай з імі [2; 7], альбо, у версii Кодэкса “Аб культуре”, музеi-запаведнікі “размяшчаюцца ў комплексных гісторыка-культурных каштоўнасцях, разам з тэрыторыяй, гістарычна і культурна звязанай з імі” [6].

Аднак згодна з заканадаўствам аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны – і колішнім законам аб яе ахове, і дзеючым на сённяшні момант Кодэкsem, – уключэнне пэўных аб’ектаў і/або прадметаў у Дзяржаўны спіс гісторыка-культурнай спадчыны – самастойная працэдура, якая рэгулюеца выключна законам аб ахове спадчыны (да прыняцця кодэкса), альбо адпаведным раздзелам кодэкса [2, 6].

Такім чынам і паўстае дадзены казус: ці павінныя пасля прыняцця пастановы Саветам Міністраў усе аб’екты, авшечаныя запаведнымі, аўтаматычна ўключаныя ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцяў ці, наадварот, Савет Міністраў мае права абвяшчаць запаведнікамі толькі тыя аб’екты, якія ўжо ўключаныя ў Дзяржспіс? Асобна стаіць і пытанне пра тыя аб’екты, якія ўключаныя ў Дзяржспіс і размешчаныя на тэрыторыі запаведніка, але не авшечаныя Саветам Міністраў яго складовай часткай. У выпадку з Заслаўем шэраг аб’ектаў на тэрыторыі Запаведніка, уключаныя ў Дзяржспіс, у яго не ўваходзілі, яму не належылі і намінальна не былі ўключаныя ў яго склад.

Існаванне такога казусу пацягнула за сабой магчымасць “неадпаведнага” выкарыстання аб’ектаў культурнай спадчыны на тэрыторыі Запаведніка, а таксама магчымасць іх выключэння з Дзяржспісу без кансультаций і ўзгаднення з Запаведнікам, правядзення на іх работ і г.д., хаця ў адпаведнасці з пастановай Савета Міністраў усе работы на тэрыторыі маглі праводзіцца выключна з дазволу Міністэрства культуры пры папярэднім узгадненні з Запаведнікам [17].

У выніку былі пазбаўленыя ахоўнага статусу і выключаныя з Дзяржспіса шэраг аб’ектаў, а таксама былі змененыя ахоўныя зоны гісторыка-культурных каштоўнасцяў.

Так, у розны час пазбаўленыя ахоўнага статусу былі наступныя будынкі канца XIX – I паловы XX ст.: вул. Бялова, д. 22, вул. Паштовая, д. 11, д. 12, д. 14, вул. Вакзальная, д. 6, вул. Вялікая, д. 10, д. 21, вул. Савецкая, д. 34, д. 36, д. 45, д. 47, д. 49.

Таксама з Дзяржспісу былі выключаныя чатыры курганы, размешчаныя непадалёк ад гарадзішча “Замачак” – у сувязі з іх “археалагічнай вывучанасцю” або знішчэннем [3].

Вядома, у шэрагу выпадкаў пытанні магло выклікаць само ўключэнне некаторых з вышэй пазначаных аб’ектаў у Дзяржспіс, аднак юрыдычны казус уключаў іх у шэрую зону ў пэўных аспектах і дазволіў выключыць з Дзяржспісу, не ўлічаючы пазіцыю Запаведніка.

Больш за тое, гэты юрыдычны казус і прывёў да фактычнага знікнення музеяў-запаведнікаў у Беларусі як спецыфічных устаноў, якія з’яўляюцца адначасова і музеймі, і адміністратарамі аб’ектаў гістарычнай і культурнай спадчыны на пэўнай тэрыторыі.

Так, у 2016 г. была прынятая пастанова Савета Міністраў, паводле якой пастанова ад 13 верасня 1990 г. страціла сілу [14]. Гэтай жа пастановай была адмененая і пастанова аб “О Полоцком историко-культурном заповеднике” [13]. Гэты было вынікам таго, што Кодэкс Рэспублікі Беларусь “О земле” разглядае запаведнікі выключна як катэгорыю зямель прыродаахоўнага прызначэння. У выніку гісторыка-культурныя музеі-запаведнікі – Заслаўскі і Палацкі, – у Рэспубліцы Беларусь канчаткова спынілі сваё існаванне (Нясвіжскі спыніў сваё існаванне яшчэ раней, у 2007 г. [11]). Фактычна, на засталося гісторыка-культурных музеяў-запаведнікаў у тым значэнні, у якім іх разумее Кодэкс Рэспублікі Беларусь “Аб культуры” (артыкул 166). Засталіся толькі музейныя ўстановы – юрыдычныя асобы, якія ў сваёй назве ўтрымліваюць тэрмін “гісторыка-культурны музей-запаведнік”.

У рамках выканання даручэння Міністэрства культуры па распрацоўцы прапаноў па ўдакладненню межаў і складу гістарычнага цэнтра г. Заслаўя ў рамках распрацоўкі генеральнага плана горада [15] Запаведнікам былі распрацаваныя перадпраектная документацыя “Межы і склад гістарычнай часткі (гістарычнага цэнтра) г. Заслаўя Х–XX стст.” [22]. Документам аргументаўвалася неабходнасць не толькі захваць межы гістарычнага цэнтра, але і паширыць іх: у сувязі з вышэйпазначаным казусам межы гістарычнага цэнтра горада былі значна меншыя за ахоўваемыя тэрыторыі з запаведнымі статусамі. Фактычна іх, за некаторымі выключэннямі, пропаноўвалася атаясаміць. З мэтай распрацоўкі агульных зон аховы на гісторыка-культурныя каштоўнасці Заслаўя пропаноўвалася змяніць межы Гістарычнага цэнтра, уключаўшы ў іх тэрыторыю загараднай сядзібы Заслаў, у тым ліку будынак былога флігеля палаца Пшаздзецкіх, гісторыка-культурную каштоўнасці – будынкі канца XIX ст., шыфры 613Г000325 і 613Г000326 і інш., а таксама павялічыць тэрыторыю Гістарычнага цэнтра ў паўднёвы бок уздоўж вул. Вялікай, уключаючы Чорную гару (Трусаву гару), будынак сядзібнага дому пачатку XX ст. па вул. Вялікай, д. 31, а таксама гісторыка-культурную каштоўнасць – будынак, шыфр 613Г000327, 1933. Аднак пропановы Запаведніка нават не былі прынятыя да разгляду, а зацверджаныя змяненні ў выніку нават паменшылі тэрыторыю гістарычнага цэнтра [4].

Не менш пытанняў выклікае і зацверджаны праект зон аховы нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцяў, размешчаных у цэнтральнай частцы г. Заслаўе [5]: апрача неўключэння ў ПЗА шэрагу значных аб’ектаў, у тым ліку ахоўнымі статусам, найбольшую занепакoenасць выклікае колішняя тэрыторыя рэгулювання забудовы і ахоўваемага прыроднага ландшафту Запаведніка.

Паўднёва-заходняя зялёная зона Гістарычнага цэнтра “Лугапарк II”, уключаная ў зону ахоўваемага ландшафту Гістарычнага цэнтра, была сфарміраваная як працяг зялёной зоны, які атачае гістарычную частку г. Заслаўя, уключаючы непасрэдна Гістарычны цэнтр, а таксама нерухому матэрыяльную гісторыка-культурную каштоўнасць “Гарадзішча Замэчак”: “У месцах, пазначаных на схеме, фарміруеца закрыты тып ландшафту для стварэння своеасаблівых «куліс» зрокавай сувязі «Замэчак – Замчышча». Кулісамі могуць служыць вялікія курціны альбо насаджэнні з высокага кустоў альбо аднапародных дрэваў” [8, с. 30].

Цяпера жа, згодна з новым генеральным планам горада, гэтая тэрыторыя мае быць аддадзеная пад забудову і пры ўездзе ў горад людзей будзе спатыкаць не малюнічы гістарычны ландшафт, а сучасная забудова жылых кварталаў.

Больш за тое, беспадстаўна выведзеныя з Дзяржспісу будынкі заслаўскай карчмы, крамы і кашараў пагранатраду ў 2025 у рамках “работ па добраўпарадкаванню” тэрыторыі горада пры падрыхтоўцы да мінскага абласнога “Свята працаўнікоў вёскі «Дажынкі-2025»”, былі знішчаныя, а сама тэрыторыя гістарычнага цэнтра падвергнутая значным змяненням.

Такім чынам, можна канстатаваць, што працяглая наяўнасць у беларускім заканадаўстве казуса, які дазваляе дваяка трактаваць пытанні аховы спадчыны ў выніку пэўнага зазору паміж раздзеламі, прысвечанымі музейнай справе, а, менавіта, музеям-запаведнікам, з аднаго боку, і ахове гісторыка-культурнай спадчыны – з другога, прыводзіць да сітуацыі, калі музея-запаведніка фактычна не могуць выконваць у складзеных на іх функцый. Больш за тое, на сённяшні дзень у Беларусі не засталося музеяў-запаведнікаў, а ёсць толькі юрыдычныя асобы, якія ўтрымліваюць у сваёй назве такое словаспалучэнне.

1. Аб аб'яўленні гісторыка-культурнага запаведніка «Заслаўе», Палацкага гісторыка-культурнага запаведніка і Нацыянальнага гісторыка-культурнага запаведніка «Нясвіж» гісторычна-культурнымі музеймі-запаведнікамі : пастанова Савета Міністраў, 22 мая 1997, № 553 // ЭТАЛОН. Заканадаўства Рэспублікі Беларусь / Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2023.
2. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь : Закон Рэсп. Беларусь ад 9 студзеня 2006 г. № 98-3 // ЭТАЛОН : інфарм.-пошукавая сістема (дата звароту: 01.09.2025).
3. Аб гісторыка-культурных каштоўнасцях : пастанова Міністэрства культуры ад 20.08.2021 № 55 // ЭТАЛОН : інфарм.-пошукавая сістема (дата звароту: 01.09.2025).
4. Аб гісторыка-культурных каштоўнасцях : пастанова Міністэрства культуры ад 27.12.2024 № 187 // ЭТАЛОН : інфарм.-пошукавая сістема (дата звароту: 01.09.2025).
5. Аб зацвярджэнні праекта зон аховы нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей, размешчаных у цэнтральнай частцы г. Заслаўе Мінскага раёна Мінскай вобласці : пастанова Міністэрства культуры ад 11.03.2025 № 16 // ЭТАЛОН : інфарм.-пошукавая сістема (дата звароту: 01.09.2025).
6. Аб культуры : кодекс Рэсп. Беларусь ад 20 ліпеня 2016 г. № 413-3 // ЭТАЛОН : інфарм.-пошукавая сістема (дата звароту: 01.09.2025).
7. Аб музеях і Музейным фондзе : Закон Рэсп. Беларусь ад 12 снежня 2005 г. № 70-3 // ЭТАЛОН : інфарм.-пошукавая сістема (дата звароту: 01.09.2025).
8. Аб стаңкі мераш паліпазнанія аховы помінкай гісторыі, мастацтва і архітэктуры ў Беларускай ССР: Пастанова Цэнтральнага камітэта Камуністычнай партыі Беларусі і Савета Міністраў Беларускай ССР ад 19 верасня 1967 № 318/386 // Збор законаў, указаў Прэзідыта Вярхоўнага Савета Беларускай ССР, Пастанова і Распараджэнні Савета Міністраў Беларускай ССР. – 05.10.1967. – № 28. – С. 565–568.
9. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцяў Рэспублікі Беларусь / Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь. – URL: <http://gospisok.gov.by/> (дата звароту: 26.09.2023).
10. Загад па Дзяржаўным гісторыка-культурным запаведніку “Заслаўе” ад 13.10.1988 № 16 // Навуковы архіў Гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе”.
11. О внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 3 июня 1997 г. № 639 и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Беларусь и их отдельных положений : постановление Совета Министров БССР, 14 ноября 2007, № 1511 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2023.
12. О мерах по дальнейшему развитию г. Заславля и создании в нем историко-культурного заповедника : постановление Совета Министров БССР, 31 дек. 1986 г., № 394 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2023.
13. О Полоцком историко-культурном заповеднике : постановление Белорусской ССР, 16 июля 1990, № 158 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2023.
14. О признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов: постановление Совета Министров, 4 февраля 2016, № 98 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2023.
15. О принятии мер реагирования: ліст Міністэрства культуры ад 31.08.2023 № 04-10/7617 // Навуковы архіў Гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе”.
16. О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории, искусства и архитектуры в Белорусском ССР: Постановление ЦК КП Белоруссии и Совета Министров Белорусской ССР от 19 сентября 1967 года № 318 // Советское законодательство о памятниках истории и культуры : Сборник документов и материалов (1917–1972 гг.). – Мінск, 1972. – С. 286–292.
17. Об историко-культурном заповеднике “Заславль” : постановление Совета Министров БССР, 13 сентября 1990, № 234 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2023.
18. Палажэнне аб рэжыме ўтрымання і выкарыстання зон аховы комплексу нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцяў ДУ “Гісторыка-культурны музей-запаведнік “Заслаўе”: [зацверджанае навукова-метадычнай радай ДУ “ГКМЗ “Заслаўе”, пратакол пасяджэння ад 20 кастрычніка 2011 № 2] // Навуковы архіў Гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе”.
19. Положение об историко-археологических заповедниках: Утварэно Міністрам культуры БССР по согласованию с юридической комиссией при Совете Министров БССР и исполнкомами областных Советов депутатов трудащыхся 8 октября 1968 года // Советское законодательство о памятниках истории и культуры: Сборник документов и материалов (1917–1972 гг.). – Мінск, 1972. – С. 331–332.
20. Постановление Совета Министров БССР от 19.12.1950 № 1629 // Советское законодательство о памятниках истории и культуры : Сб. документов и материалов (1917–1972). – Мінск : Польмія, 1972.
21. Проект границ зон особого режима реконструкции / Белреставрация; Белспецпроектреставрация. – Мінск, 1989. – Рэздел 4: Об'ект “Історыко-культурное и инженерное обоснование регенерации исторической застройки г. Заславль” // Навуковы архіў Гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе”.
22. Сівочін, Г. А. Межы і склад гістарычнай часткі (гістарычнага цэнтра) г. Заслаўя X–XX стст.: перадпраектная дакументацыя / Г. А. Сівочін, К. У. Сямашка; Гіст.-культ. муз.-зап. “Заслаўе”. – Заслаўе: ГКМЗ “Заслаўе”, 2023. – 110 с.

Сімакоў А.В.

ЗАХАВАННЕ І ДАСЛЕДАВАННЕ КАНВЕРТАЎ – ЧАСТКА КАНСЕРВАЦЫІ І ВЫВУЧЭННЯ СПАДЧЫНЫ МІЖНАРОДНЫХ СУВЯЗЕЙ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПЕРАПІСКІ ІНДЗЕЯНІСТАЎ ГОМЕЛЯ)

Ключавыя слова: індзейністыка, амерыканістыка, карэспандэнцыя, канверты, алічбоўка, базы даных

З вялікімі масівамі перапіскі звязаныя праблемы ўліку, захоўвання, алічбоўкі, ацэнкі інфарматыўнасці, важнасці інфармацыі. Вопыт асобных даследчыкаў і калекцыянераў можа быць карысны для распрацоўкі рэкамендацый па стварэнні і выкарыстанні даведачнай інфармацыі па асобных кампанентах дакументацыі, атрыманай па пошце. У гэтым паведамленні разглядаюцца ўваходныя канверты, якія захоўваюцца індзейністамі ў Гомелі.

Цяпер намі робіцца падсумаванне некаторых вынікаў практычнай апрацоўкі, тэхнікі алічбоўкі канвертаў, увядзення звестак пра іх у электронныя табліцы (ЭТ).

Крыніцай звестак з'яўляюцца канверты ў арыгіналах або копіях, а таксама запісы, якія знаходзяцца ва ўласна лістах, дзённіковых запісных кніжках, журналах, рэгістрацыйных картатэках і выкарыстоўваюцца для ўзнаўлення дадзеных пры адсутнасці або страце дат атрымання, пастаўленых на канверце, адсутнасці штэмпеляў або іх частковай нечытэльнасці.

У вялікай колькасці выпадкаў у захаванай перапісцы вядомых нам асоб адсутнічаюць канверты, таму навуковае канвертазнаўства можа служыць папярэджаннем аб клопаце пра поўны камплект.

Інфармацыя, атрыманая з канвертаў, значная і ў многіх элементах не паўтараецца ва ўласна лістах і дадатках. Папера, металічныя і пластыковыя элементы, форма і фармат, друкаваная або дададзеная тэкставая інфармацыя і графіка на канвертах, а таксама пашкоджанні могуць быць дэталёва прааналізаваныя.

Карэспандэнцыя адносіцца да найважнейшых груп захоўвання, і яе адпрацоўцы – рэгістрацыі, апісанню, фатаграфаванню або сканіраванню і контролю выкарыстання звестак з яе ў даследчых артыкулаў – складальнікі калекцый мусяць надаваць належную ўвагу. Безумоўна памылковая практыка – не рабіць аператыўна ўсе неабходныя дзеянні па ўліку і забеспечэнні гарантый захавання карэспандэнцыі.

Сканіраванне і фатаграфаванне. Сканіраваліся не адразу два бакі, адваротны – толькі пры наяўнасці зваротнага адреса і іншых важных адзнак адпраўшчыка або паштовых службаў з месца адпраўкі і прамежковых пунктаў фіксацыі руху адпраўлення. Для сканіравання адваротнага боку патрабавалася падрыхтоўка з увядзеннем рукапісных адзнак: код краіны, прозвішча (спачатку ставіліся шыфры для іх) або назва арганізацыі, даты з усіх штэмпеляў, дата атрымання, калі яна не была пастаўленая пры атрыманні.

Важнасць уваходных штэмпеляў разглядалася як меншая, звесткі пра іх уводзіліся ў базы даных і іншыя даведнікі па меры неабходнасці.

Скарачэнні ў імёнах файлаў падлягаюць яшчэ большай аптымізацыі для магчымасці змясціць у імені файла больш інфармацыі.

Фатаграфаванне канвертаў практыкавалася ў выпадках аператыўнай фіксацыі атрыманых адпраўленняў з 2011 г., калі актыўная папяровая перапіска скончылася. Яно патрабавалася таксама для паўторнай алічбоўкі канвертаў і дадаткаў вялікіх фарматоў.

Статыстыка. З 37 краін, з якіх прыйшлі канверты (лісты ў рэспублікі часоў СССР размеркаваныя па сучасных краінах), у Амерыцы знаходзяцца 9, Аўстраліі і Акіяніі – 1, Еўропе – 22, Азіі – 5.

Не ўлічваюцца вернутыя лісты, якія маюць штэмпелі паштовых службаў адпаведных краін, як, напрыклад, у выпадках з Панамай (г. Панама, 1996) і Ірландыяй (Дублін, 1998).

Малая колькасць краін / лістоў з Лацінскай Амерыкі ў Гомелі тлумачыцца спецыялізацыяй, звычкамі і лёсам трох асноўных актыўістаў, якія паўплывалі на дыспрапорцыю на карысць ЗША і Канады.

Адзнакі на канвертах пасля іх атрымання. З дат, што адносяцца да канвертаў, дата атрымання была найважнейшай, асабліва калі яна не фіксавалася ў асобных рэгістратарах або дзённіковых записах. Яна ставілася звычайна ў сярэдзіне адваротнага боку канверта (на ніжній частцы клапана). На канвертах не з СССР і не з іншых сацыялістычных краін дата атрымання ў першы перыяд не ставілася.

Звесткі пра даты і геаграфічныя дадзеныя са штэмпеляў, што адсутнічалі ў той ці іншай форме іх пераліку, узнаўляліся пры апрацоўцы перапіскі. Звесткі пра атрыманне карэспандэнцыі былі ў спісах у канцы дзённіковых блакнотаў і кніг, а таксама ў записах у іх па днях. Пры дапамозе дадатковай праверкі дзённікаў і зарэгістраваных канвертаў, што сканіраваліся, але былі памылкова не ўлічаныя ў спісах, ліквідаваліся пропускі ў рэгістрацыі.

Асобны масіў рэгістрацыйных картак для фіксацыі адпраўлення і атрымання карэспандэнцыі пачаў выбарачна весціся ў 1989 г., павелічэнне колькасці картак і метадычнасці запісаў заўважнае з 1995 г. Гэтая найбольш рацыональная форма фіксацыі перапіскі ўключала некаторыя звесткі пра канверты.

Тыпологія і захоўванне канвертаў. Пад канвертамі маюцца на ўвазе кантэйнеры для адпраўленнях любых тыпаў – пісьмы, бандэролі, пасылкі з рознымі тыпамі ўпакоўкі. Адзінкамі ўзорамі прадстаўленыя цалкам самаробныя канверты (ад Д. К. з Ліды, 1995-07-05, тут і далей у такім фармаце ўказываюцца даты са штэмпеляў), тып «ліст і канверт адным аркушам» (ад даследчыка Рускай Амерыкі з Фэрбанкса (Аляска) Р. Пірса (1990) і этнабатаніка Б. Каваш з Брыджуотэра (Канектыкут) (два ў 1991 г.)). Адна пасылка з кнігамі прыйшла ў скрыні з-пад віскі, прыстасаванай як паштовая скрыня.

Канверты захоўваюцца па фарматах (5 груп), унутры іх па краінах і ў алфавітным парадку па прозвішчах і назвах арганізацый. Змесціва канвертаў было канчаткова вынятае ў працэсе сканіравання.

Нумарацыя. Нумарацыя канвертаў і іншых упаковак ажыццяўлялася не ў працэсе і не ў парадку (г.зн. храналогіі) атрымання. Узнаўленне поўнай храналогіі атрымання лістоў (а не толькі замежных, якія выносіліся ў асобны спіс ужо амаль з самага пачатку замежнай перапіскі) стала задачай пасля драматычнага ўсведамлення на мяжы 2010-х-2020-х гг. асаблівай важнасці перапіскі сярод нашых эксклюзіўных матэрыялаў.

Ідэнтыфікацыйныя нумары карэспандэнтаў адзначаліся на адваротным баку канвертаў (пасля іх пісалі прозвішчы). У асноўным гэта былі нумары для адпраўшчыкаў з краін з дзяржаўнай кірыліцай.

Імя і адрес адпраўшчыка. Прозвішча адпраўшчыка ў многіх выпадках адсутнічае, што можа мець розныя растлумачэнні. Такімі былі лісты ад невядомых асоб, якія прыйшли ў сувязі з індзеянскімі аб'явамі ў газетах.

Змяшчэнне зваротнага адраса не на пярэднім, а на адваротным баку канверта – распаўсюджаная практыка ў шэрагу краін (Польшча, Іспанія), але ёсць выпадкі, калі ён зусім адсутнічае.

Сярод канвертаў з незвычайніх месцаў (адкрытаў ўказаных або «схаваных») – ад У. Лупакова з Ленінска (1988-10-19, 1988-11-30, 1988-02-19, 1989-03-05), на якіх не ўказваецца, што гэта Байканур.

Імя і адрес атрымальніка. Акрамя каардынатара (выканайчага сакратара) Беларуска-індзейскага тававрыства або яго арганізацыйнай групы, атрымальнікамі адпраўленняў, зарэгістраваных як уваходныя ў БІТ, былі і іншыя члены таварыства.

Побач з назвай БІТ можна сустрэць назвы яго праграм і структур, напрыклад, праграма «Адкрыццё Амерыкі і Беларусь» (ад У. Мальцаўа з Мінска 1990-02-21). Адресныя наклейкі, якія адносяцца да атрымальніка або адпраўшчыка, – распаўсюджаная з'ява. Некаторыя адпраўшчыкі прымамоўвалі на канверт (як адзіны або альтэрнатыўны варыянт адреса) нашы выразаныя з канвертаў або лістоў зваротныя адресы (у т.л. з адресным штэмпелем).

Кірылічны або транслітарацыйны варыянт змяшчаўся па ініцыятыве саміх адпраўшчыкаў, а таксама прынамсі ў адным памятным выпадку – нашай: па нашай просьбe да апачаў Белай Гары напісаць наш адрес кірыліцай ён з'явіўся як безальтэрнатыўны на канверце з рэдакцыі газеты (Fort Apache Scout (Whiteriver, AZ 1989-06-30).

Найбольш распаўсюджаныя памылкі адресацыі ў частцы краіны – БССР і СССР пасля 1991 г. і Расія («Беларусь, Расія»). Зафіксаваныя і іншыя казусы, напрыклад, такі «нефармальны» каментарыі наконт адреснай інфармацыі на канверце ад Intertribal Forestry Association of British Columbia (Kelowna, BC) 1992-05-06, на якім надрукавана Byelorussia, папраўлена на Byelorussia (падкрэслены элемент -russia); пасля назвы краіны дапісаны Bolivia, але закрэслена з удакладненнем: «one of the Communist Commonwealth, remember?» Неіснуючы USSR згадваўся больш дасведчанымі як «former».

Штэмпелі. Сярод пытанняў для разгляду – несупадзенне населенага пункта ў адрасе адпраўшчыка і на выходным штэмпелі (для прыкладу: горад Чульман (1988-05-13) – адзіны выпадак, калі канверт (з каля 30) з Якуціі ад капітана рачнога судна А. Баркоўскага мае штэмпель не Якуцка); наяўнасць двух і больш выходных штэмпеляў; адсутнасць штэмпеляў (выходнага, уваходнага або абодвух); нечытэльныя элементаў штэмпеляў Выходныя штэмпелі зредку знаходзяцца на адваротным баку канверта, а ўваходныя дастаткова часта – на пярэднім.

Штэмпелі і ў цэлым канверты набываюць асаблівае значэнне пры даследаванні катэгорыі «адпраўленні без ліста».

Дапаможнае значэнне штэмпеляў вялікае пры адсутнасці дакладных дат лістоў. Пры адсутнасці ў самім лісце даты (дня) напісання (або наяўнасці толькі года і месяца) штэмпель дae магчымасць (разам з улікам зместу) меркаваць пра найбольш верагодную дату. Напрыклад, М. Модлес (M. Modless) з рэзервацыі Сан-Карлас (Арызона) датавала ліст ліпенем 1989 г., наш адрес змешчаны ў выпуску газеты "Форт-Апачы скайт" за 30.06.1989, а на штэмпелі Сан-Карласа – 1989-08-02.

Дадатковыя элементы адпраўшчыка. Указанні на ўлажэнні, дадаткі да лістоў. Робяцца як па стандартнай форме, так і па ініцыятыве адпраўшчыкаў. М. Макіні (Анкарыйдж, Аляска) неаднаразова сам дэталёва пералічваў на саміх канвертах улажэнні ў яго пакетах, бандэролях.

Малюнкі М. Хуча (Аляска) і Б. Каваш размешчаныя ў левай частцы пярэдняга боку канвертаў. Індзейністка Б. Жукоўская (Беласток) змясціла свае малюнкі і надпісы па актуальнай у 1990 г. тэме індзейскага Свяшчэннага бегу (Sacred Run, Święty bieg), якія прайшоў і па тэрыторыі Усходняй Еўропы, на адваротным (Zukowska 1990-09-09) і пярэднім (1990-10-22) баках канвертаў.

Найбольш памятныя паведамленні на саміх канвертах – «P.S.» і нататкі без гэтай адзнакі – на канвертах ад М. Шуканава і С. Вітушкі (без штэмп., атр. 16.06.1990).

Маркіраваныя і мастацкія канверты. Маркі краін Амерыкі – «профільныя» для нас, на іх ёсць і ўласна індзейскія матывы (часам па ініцыятыве адпраўшчыкаў).

Сярод выяў на паліграфічных канвертах амерыканісцкія па тэматыцы сустракаюцца рэдка. На канвертах з індзейскіх арганізацый, рэзервацый ЗША

знаходзім узоры малюнкаў (лагатыпы, гербы, эмблемы), якія можна аднесці да мастацкіх элементаў: Lenni Lenape Historical Society of Pa. 1990-11-13 pm Lehigh Valley, PA #95; Southern Ute Indian Tribe 1991-06-11 pm Ignacio, CO #49; Fort Sill – Chiricahua – Warm Spring – Apache Tribe 1993-07-21pm Apache, OK #75; Mescalero Apache Tribe 1994-04-06 pm Mescalero, NM #12; Colorado Indian Chamber of Commerce 1995-09-27 pm Denver, CO #94; і інш. (з імёнаў сканаў).

Заключэнне. Фарміраванне масіваў лічбавых копій, ЭТ і іншых форм прадстаўлення дадзеных пра канверты і іншыя ўпакоўкі суправаджаеца стварэннем катэгорый, кодавага забеспячэння, адзнак, якія дапамагаюць пры пошуку паводле пэўных крытэрыяў, пошукавых фраз.

Хаця мы забяспечылі доступ праз інтэрнэт да значнай часткі нашай карэспандэнцыі, уключаючы канверты, мы пакуль не выкарыстоўвалі іх як факсіміле ў друкаваных выданнях, хаця і мелі такую магчымасць (змясціўшы ўзоры выяў уласна лістоў у артыкуле, заснаваным у асноўным на карэспандэнцыі [2, с. 27]). Тым не менш, указанні на канверты ёсць у нашых публікацыях, у прыватнасці, у спасылках на лісты без дат, дзе замест іх даюцца даты са штэмпеляў (напрыклад, выпадкі з лістамі ад М. Танка [1, с. 298], Н. Гілевіча [3, с. 325]).

Калі дзвюх з паловай тысяч уваходных канвертаў з'яўляюцца важнай часткай архіва БІТ, сотні знаходзяцца ў калекцыі «Лацінаамерыканскага цэнтра». Гэта своеасаблівая форма дэманстрацыі камунікацыйных практык даследчыкаў і іншых асоб, уцягнутых у беларуска-амерыканскія сувязі, амерыканістыку, і аперацыі, выкананых паштовымі работнікамі.

1. Сімакоў, А. В. Індыёскія ў дзённіках, эпістолярнай і паэтычнай спадчыне Максіма Танка / А. В. Сімакоў // Трынаццатыя танкаўская чытанні : зборнік навуковых артыкуулаў : [матэрыялы Міжнар. навук. канф., 16 верас. 2022 г. / рэдкал. : В. Д. Старычонак (адк. рэд.), І. М. Мішчанчук, Н. В. Заяц]. – Мінск : БДПУ, 2022. – С. 297–300.

2. Сімакоў, А. «Індыёская справа» ў пытаннях і адказах : адлюстраванне тэмы каталіцкіх місій сярод індзейцаў у даследчай перапісцы / А. Сімакоў // Наша вера. – 2022. – № 4. – С. 26–31.

3. Сімакоў, А. В. Індыёская тэма ў неапублікованай перапісцы беларускіх пісьменнікаў (па матэрыялах прыватнага архіва ў Гомелі) / А. В. Сімакоў // Славянскія літаратуры ў кантэксле сусветнай : матэрыялы XIII Міжнар. навук. канф., прысвеч. 100-годдзю БДУ і 90-годдзю з дня нарадж. чл.-кар. НАН Беларусі праф. А. А. Лойкі, Мінск, 28–29 кастр. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал. : С. А. Важнік (гал. рэд.) [і інш.] ; навук. рэд. А. І. Бельскі. – Мінск : БДУ, 2021. – С. 322–327.

Скорина В.Д. РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУХОНЬ В КОНТЕКСТЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ТУРИЗМА

Ключевые слова: гастрономический туризм, национальные кухни, культурное наследие, бренд территории, экономическое развитие.

В динамичном современном мире в туристической сфере происходят значительные изменения. Появляются новые туристические направления, новые виды и формы туризма. Так, если раньше путешественники в первую очередь стремились увидеть знаменитые достопримечательности, то сегодня все большее значение приобретает чувственный опыт, одним из центральных элементов которого становится гастроноmia. Популярность гастрономического туризма растет год от года, и сегодня он фактически превратился в самостоятельную мощную индустрию, где национальные кухни играют ключевую, системообразующую роль. Они являются не просто частью туристического сервиса, а важным стратегическим ресурсом, своеобразным культурным кодом территории, который способен привлекать миллионы путешественников и стимулировать устойчивое экономическое развитие.

Гастрономический туризм – вид туризма, основная цель которого знакомство с той или иной страной через призму национальной гастрономии и кулинарных тради-

ций. Для туриста, выбирающего гастрономический тур, еда – это, в первую очередь, культурный символ, некая категория культуры. С такой позиции традиционная кухня воспринимается в тесной связи с историей, религией, экономикой, политикой, обычаями, легендами и другими факторами, формирующими уникальную идентичность страны или региона [3]. Во многих случаях такие поездки, целью которых является и познакомиться, и отведать блюда, типичные для каждого региона, проводятся парами, хотя не менее популярны гастрономические маршруты для всей семьи. Учитывая универсальность предложений, их, как правило, можно рассматривать как однодневный или двухдневный отдых, чтобы открыть для себя уникальные блюда определенного региона или с целью посещения какого-то гастрофеста. Тем не менее, все больше появляется туристов, которые делают ставку на полноценный гастрономический маршрут, позволяющий не только насладиться едой, но и множеством уникальных мест, ассоциирующихся с определенными продуктами, блюдами или гастрономическими традициями.

Национальная кухня – это совокупность кулинарных традиций, характерных для определенной страны или народа. Она включает в себя типичные для данной местности продукты, блюда и напитки, а также способы их приготовления, которые передаются из поколения в поколение. Еда – одна из самых выразительных форм культуры и истории [6]. Будь то традиционное блюдо, передающееся из поколения в поколение, или что-то, созданное современным шеф-поваром, в каждом блюде, в его ингредиентах, заключены истории множества культур, которые сливаются воедино, образуя нечто совершенно новое [9].

Каждая национальная кухня уникальна и формировалась под влиянием разных исторических событий, особенностей климата и природного ландшафта, географии региона и, конечно, уровня развития сельского хозяйства. Национальная кулинария, блюда национальной кухни также характеризуются преемственностью традиций народа. Из одного и того же продукта разные народы готовят различные блюда, придавая им своеобразный и неповторимый вкус, так как при использовании одного и того же сырья применяются различные технологии и способы тепловой обработки. Кроме того, на технологию, ассортимент блюд и кулинарных изделий разных стран и народов существенное влияние оказывают религиозные обычаи, система культовых запретов, старинные обряды, которые регламентируют образ жизни людей. Предубеждения в пищевых обычаях у многих народов имеют историческое или религиозное основание [5]. Приготовление и употребление блюд, сложившихся под их влиянием, сближает людей, помогает сохранить культурную идентичность. Попробовать кухню какого-либо народа – значит, совершить заочное кругосветное путешествие по миру [1].

Кулинария играет важную роль в объединении людей разных культур. Она позволяет нам узнавать друг друга через вкусы и ароматы, разрушая барьеры и создавая точки соприкосновения. Каждое национальное блюдо рассказывает историю народа, передавая традиции, образ жизни и философию [4]. Ярким примером является традиция чаепития. Чай – любимый и популярный напиток и в Китае, и в Британии, и в России. Однако весь процесс чаепития, чайной церемонии в этих странах абсолютно разный. Здесь сказываются и национальные особенности, и философия, и культура повседневности. Следует отметить, что знакомство с иностранной кухней часто служит тем импульсом, с которого начинается глубокий интерес к другой культуре — ее истории, языку, музыке, литературе. Путешествие вкусов может побудить к реальному путешествию, чтобы узнать страну и ее народ еще ближе. Это доказывает, что еда — это не просто питание, а живая, развивающаяся часть нашего культурного наследия, которая, с одной стороны, хранит традиции, а с другой — постоянно обогащается благодаря взаимному влиянию.

Идея о кулинарии как мосте между культурами находит свое самое прямое и яркое воплощение в феномене гастрономического туризма. С помощью гастрономического

туризма путешественники могут познать культуру и традиции народа через блюда национальной кухни. Туристов привлекает возможность отведать кулинарные изыски в аутентичных местах страны или города. Поэтому в регион, с которым связано происхождение того или иного блюда, приезжают туристы, для которых еда, знакомство с кулинарными и гастрономическими традициями — важная часть путешествия.

Развитие гастрономического туризма положительно сказывается и на экономике региона, побуждает местных жителей и дальше сохранять и продвигать свои кулинарные традиции. Помимо сохранения кулинарных традиций своей местности гастрономический туризм помогает привлечь в регион и рестораны других национальных кухонь. Рестораны зарубежной кухни часто открывают иностранными, которые переезжают в страну работать или учиться. Сохраняя таким образом связь с родиной, с домом, они одновременно привлекают туристов и жителей города отведать новые блюда, познакомиться с новой кулинарной культурой. Такая политика в гастрономической сфере способствует развитию экономики региона и тем самым подчеркивает экономическую значимость ресторанов национальных кухонь и гастрономического туризма в целом. Благодаря им развивается малый и средний бизнес, появляются новые рабочие места. За счет появления ресторанов иностранной кухни развиваются новые течения в гастрономии, используются новые техники и ингредиенты. Регион начинает восприниматься как открытый и «вкусный» город или территория, где можно за один вечер совершить путешествие по всему миру, не покидая его пределов. Это, в свою очередь, делает его еще более привлекательным для туристов следующей волны — тех, кто ищет не только аутентичности, но и разнообразия и инноваций в блюдах. Таким образом, город превращается в перекресток культур, где каждый турист сможет найти то, что ему по душе.

Любое государство, наряду со своими историческими достопримечательностями, получает свою известность благодаря продвижению национальной гастрономии, подготовлению уникальных национальных блюд. Часто они поражают воображение своей необычностью, великолепным вкусом и разнообразием, имеют свою древнюю историю и свои пищевые и вкусовые особенности [7].

В мире сегодня проходят сотни гастрономических фестивалей, посвященных различным продуктам, еде и напиткам. Еда и гастрономия могут сами по себе считаться креативными индустриями, которые стимулируют инновации, вовлекая потребителя в совместное творчество, укрепляя связь между глобальными и локальными культурами и создавая легенды о еде, об отдельных блюдах. Сегодня многие инновационные процессы, происходящие вокруг еды, гастрономии, ресторанных бизнеса и туризма, связаны с креативным туристическим опытом, гастрономическими мероприятиями, гастрономическими маршрутами и знакомством с новыми кухнями [8]. Национальная кухня может стать настоящим брендом территории. Страны активно используют свою кухню для формирования положительного имиджа на международной арене. Яркие примеры — японская суши-культура, итальянская паста, перуанская кухня, ставшая мощным брендом страны, немецкая кухня и знаменитый фестиваль пива «Октоберфест», китайская чайная церемония. Включение национальных кухонь (например, французской, мексиканской, средиземноморской диеты) или конкретных ритуалов (японская трапеза кайсэки, корейская кимчи) в список наследия ЮНЕСКО придает им официальный статус мировой ценности и резко повышает туристический интерес к конкретной территории и региону.

За счет узнаваемости национальных кухонь этих стран формируется уникальный бренд, привлекается больше туристов, и создаются новые гастрономические туры и экскурсии. Создав уникальный территориальный бренд можно сформировать необходимую среду для развития сувенирной индустрии и продвижения территории на внутреннем и международном туристическом рынке. Около 79% туристов выстраивают свой маршрут, изучив календарь гастрономических событий и особенности местной кухни, 39% называют гастрономию основным мотивом путешествия, 25% своего бюджета ту-

ристы тратят на еду и напитки, в том числе кулинарные путешественники тратят в день на 24% больше, чем прочие туристы [2]. Этот факт подтверждает то, что гастрономический туризм и национальная кухня могут выступать основными факторами в создании имиджа территории. При выборе правильных маркетинговых стратегий регион может завоевать свой сегмент на международном рынке гастрономического туризма.

Национальные кухни играют важную роль в развитии гастрономического туризма, они становятся мощным фактором привлечения туристов в регион. Национальная кухня перестала быть просто способом утолить голод. Она стала языком, на котором страна рассказывает о себе самым прямым и чувственным образом. Это стратегический актив, который оживляет культурное наследие, поддерживает экономику и создает прочные мосты взаимопонимания между людьми. Национальные кухни являются воплощением традиций и транслятором ценностей народа, стимулируют развитие экономики региона и формируют уникальный бред региона и повышают его имидж на туристическом рынке.

1. Алькаев, Э. Н. Кулинария для всех / Э. Н. Алькаев. – Нижний Новгород : [б. и.], 2004. – 251 с.
2. Горошко, Н. В. Гастрономический бренд как инструмент развития регионального гастрономического туризма / Н. В. Горошко, С. В. Пацала // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2022. – № 4. – С. 377–400.
3. Гастрономический туризм: что это такое и лучшие направления для ярких впечатлений // www.nur.kz – URL: <https://www.nur.kz/leisure/tourist-routes/2037265-gastronomicheskiy-turizm-chto-eto-takoe-i-luchshie-napravleniya-dlya-yarkih-vprechatleniy/> (дата обращения: 25.09.2025).
4. Как национальные кухни объединяют мир: культурный обмен через гастрономию // madeniportal.kz – URL: <https://madeniportal.kz/ru/news/kak-nacionalnye-kuxni-obiediniaut-mir-kulturmyi-obmen-cerez-gastronomiiu> (дата обращения: 25.09.2025).
5. Кухня народов мира: методические указания / сост.: А. Д. Ташев, Г. Б. Хамраева. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 31 с.
6. Национальная кухня // infourok.ru – URL: <https://infourok.ru/statya-na-temu-nacionalnaya-kuhnja-6831394.html> (дата обращения: 25.09.2025).
7. Проект «Кухни народов мира» // domznaniya.ru – URL: <https://domznaniya.ru/page/proekt-kuhni-narodov-mira-149758123/> (дата обращения: 25.09.2025).
8. Ричардс, Г. Еда и туристский опыт / Г. Ричардс // Global Report on Food Tourism. – 2012. – С. 20–21.
9. The Evolution of Food: How Culture and History Influence Cuisine // <https://newtheory.com/> – Режим доступа: <https://newtheory.com/the-evolution-of-food-how-culture-and-history-influence-cuisine/> (дата обращения: 25.09.2025).

Соколова О.М. МОЗАИЧНЫЕ ПАННО КАК ЦЕННОСТНЫЙ РЕСУРС ТЕРРИТОРИИ

Ключевые слова: мозаика, белорусский город, историко-культурное наследие, сохранение, популяризация, культурный капитал.

Произведения монументально-декоративного искусства (мозаики, витражи, рельефы, монументальные росписи, керамические панно, сграффито и др.) участвуют в создании визуального образа территории, являясь отражением ее культурного капитала. Они присутствуют в повседневной жизни горожан практически ежедневно, например, в дизайне станций столичного метрополитена. Мозаики из мрамора, монументальные бетонные панно, керамика, элементы из цветного стекла, орнаменты и рисунки создают знаковые образы, символизирующие историко-культурные ценности и социальные идеалы прошлого и настоящего. Так, изображения ремесленников (гончаров, кузнецов, зодчих, ткачих и других мастеров народных промыслов) на стилизованных белорусских рушниках, используемые в витражах станции метро «Институт культуры» (1984, худ. В. Чайка, С. Котович), транслируют ценности национальной культуры.

Такие элементы, закрепленные в окружающем человека социокультурном пространстве, – это средовой символический ресурс, позволяющий «прочитать» текст города.

В традиции изучения города как культурного текста, сформированной в научной практике XX в., пешеход, совершающий прогулку по городу, сравнивается с читателем [1; 2; 6]. Визуальные образы, создаваемые при помощи мозаичных панно, передают социально сконструированные идеи, давая возможность погрузиться в историческое прошлое и интерпретировать его в зависимости от своего опыта.

В белорусских городах, как и многих городах постсоветского пространства, распространены мозаики, созданные в советский период (1960–1980-е гг.), когда строятся здания в стиле советского модернизма, планирование городов направлено на создание массового типового жилья, типовых общественных зданий, проектирование новых индустриальных районов. Одним из инструментов индивидуализации городского пространства послужили мозаики.

Мозаики размещены на въезде в город (например, Столбцы, Кировск), на фасадах жилых домов центральных улиц (Бобруйск, худ. Н. Егоров, Г. Борейко; Минск, худ. А. Кищенко, и др.), промышленных предприятий (Могилев, обувная фабрика «Шаговита», мозаика «Дети миру», худ. В. Соколов, 1983–1985; Гомельский кабельный завод; Оршанский льнокомбинат и др.), в интерьерах бассейнов (Минск, гостиница «Беларусь», панно «Отчизна», худ. А. Кищенко, 1987, и др.), кинотеатров (Минск: Дом кино (с 1966 г. по 2005 г. кинотеатр «Партизан») – панно «Партизаны», худ. М. Данциг, Б. Непомнящий, 1968; «Пионер» – панно «Счастливое детство», худ. Е. Зайцев, И. Тихонов, 1968, и др.), в экстерьерах учреждений образования (Брест, спортивный комплекс БрГУ им. А. С. Пушкина, мозаика «Юношество», худ. И. Крупский; Пинск: Полесский государственный университет, мозаика «Ученые», худ. В. Новак, 1980-е гг.; Пинский государственный индустриально-педагогический колледж, мозаики «Полесье сейчас и раньше», худ. В. Самсонов, 1984, и др.), домов и центров культуры (Барановичи, панно «Муз», худ. Б. Милюков, 1976; Новополоцк, панно «Наука», худ. В. Пацевич, 1979; Гомель, панно «Музы», худ. В. Евтухов, 1989, и мн. др.), на остановках общественного транспорта (Новополоцк, изображения гербов Беларуси, худ. В. Пацевич, 1975, и др.), на подъездах жилых домов (Новополоцк, один из худ. В. Лукьянов, середина 1970-х–1980-е гг.) и многих других объектах городской среды.

Отдельные произведения реставрируются, сохраняются при демонтаже и планируются к восстановлению в новых интерьерах (как, например, мозаика в здании бывшего автовокзала «Восточный» в Минске), однако многие мозаики безвозвратно утрачены (Брест: мозаичный триптих в здании вокзала, худ. Г. Дауман, 1973, утрачен в 2020-е гг.; Бобруйск: мозаика с изображением Ленина на здании меховой фабрики, худ. Н. Егоров, 1960-е–1970-е гг., утрачена в 2022 г.; Минск: панно на торце гимназии № 15, 1973–1974, утрачено в 2022 г., и мн. др.) или находятся под угрозой уничтожения (как, например, мозаика с изображением улыбающегося Ленина, 1969–1970, худ. И. Кришеник, на проходной трикотажной фабрики «Алеся» в Минске, корпуса которой планируют снести), что актуализирует проблемы их учета, сохранения и изучения.

В последнее десятилетие прослеживается устойчивый интерес к данной проблематике. Мозаика как вид монументального искусства становится предметом исследования молодых ученых, которые поднимают вопрос о ценности советского монументального наследия и важности его сохранения в современном городском пространстве [3; 4; 7].

В Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь включены 4 объекта: в 2007 г. – созданные А. Кищенко в 1970–1980-е гг. мозаичные панно «Город искусства», «Город-строитель», «Город науки» и «Город-воин» на фасадах высотных жилых домов в Минске по проспекту Независимости (микрорайон Восток-1), мозаика «Партизаны» на фасаде гостиницы «Турист» (1973, худ. А. Кищенко), мозаичное панно «Октябрь» (1975, худ. А. Кищенко, В. Довгало), размещенное на фасаде торгово-административного здания (в 1970-е гг. одно из зданий проектного института пищевой промышленности); в 2019 г. – мозаичный триптих «Земля» в Бресте (1985–1989 гг., худ. В. Кривоблоцкий, Ю. Богушевич), размещенный на фасадах корпусов Брестского электромеханического завода. Остальные многочисленные мозаики не задокументированы в этом статусе, поэтому постепенно разрушаются, закрашиваются, закрываются облицовочными материалами и утрачиваются безвозвратно. Лишь отдельные из них реставрируются.

Атрибуцией и каталогизацией белорусского монументального наследия активно занимаются исследователи и энтузиасты. Огромную роль в этом процессе играет использование цифровых практик. Авторы онлайн-проектов ставят целью переосмысление советских мозаик и их актуализацию в современном социокультурном пространстве. Так, в онлайн-пространстве «Віртуальны музей мазаікі» собраны художественные произведения экsterьеров и интерьеров Бобруйска, в социальной сети Facebook создана страница проекта «Belarusian Soviet Monumental ART». Онлайн-проекты открыты для взаимодействия, взаимообмена информацией об объектах и ее пополнения.

Интерактивная картографическая визуализация мозаик Новополоцка в Google Maps и в целом произведений советского монументально-декоративного искусства на территории Беларуси на сайте Monumental.by позволяет наглядно ориентироваться в локализации объектов, получать информацию об авторстве и времени создания, исторические сведения. Также на интерактивных картах представлена информация об утраченных произведениях, закрытых или демонтированных при ремонтных работах.

Согласно концепции «стратегий и тактик» М. де Серто, французского антрополога, автора книги «Изобретение повседневности» [5], городская система функционирует в соответствии со стратегической моделью, частью которой является картографирование территории. Приведенные выше виртуальные проекты являются тактическими, т. к. в отличие от институциональных стратегий они используются для создания собственного неформального опыта города. Это пример того, как «карта» (стратегия) превращается в «пространство» (тактику), представляющую собой уникальный способ использования пространства, не предусмотренный официальным планированием. Кроме того, подобные проекты открыты для соучастия. Если город-карта (стратегия) – это официальный, структурированный город, который создается властями и планировщиками и представляет собой систему, основанную на правилах и контроле, то город-пространство (тактика) – город, который создается, переживается и интерпретируется его обитателями, наполняется персональными уникальными маршрутами, историями и смыслами. Используя цифровые практики, создатели онлайн-проектов превращают официальные стратегии в собственный игровой процесс.

Как ценностный элемент среды мозаичные панно обладают высокой аттрактивностью для иностранных туристов, испытывающих особый интерес к культурному наследию советского периода. На карте Belarusian Soviet Monumental ART созданы слои с маршрутами для путешествий, что способствует популяризации культурного наследия Беларуси и использования его в туризме.

Таким образом, мозаичные панно, как и знаковые архитектурные сооружения и иные объекты историко-культурного наследия Беларуси, являются визуальным кодом времени, ценностным ресурсом и частью символического пространства территории, достойны бережного отношения, сохранения и защиты как составляющая локальной идентичности и элемент исторической памяти.

1. Барт, Р. От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1994. – С. 413–423.
2. Беньямин, В. Берлинская хроника : пер. с нем. / В. Беньямин // Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама / Е. Павлов. – М., 2005. – С. 165–208.
3. Диченская, Е. А. Роль мозаичного искусства советского периода в организации современной архитектурно-пространственной среды города (на примере мозаичного триптиха «Земля» в г. Бресте) / Е. А. Диченская // Тэарэтычны і прыкладныя аспекты этнагічных даследаванняў : зб. навук. арт. / Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт ; уклад. М. В. Макарыч. – Мінск, 2019. – С. 81–86.
4. Салата, Д. В. Мозаика как семиотический элемент культуры / Д. В. Салата // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – Vol. 4-1 (43). – С. 6–9.
5. Серто, де М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовничай. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с. – (Серия «Прагматический поворот» ; вып. 5).
6. Серто, Мишель де. По городу пешком / Мишель де Серто ; пер. с фр. А. А. Космарского // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7, № 2. – С. 24–38.
7. Студеникин, Н. Советская мозаика в современном российском городе: как монументальное наследие может вновь стать ценностью? / Н. Студеникин // Городские исследования и практики. – 2024. – Т. 9, № 1. – С. 55–79.

Терехина О.В.
СМОЛЕНСК В ФРАНЦУЗСКОЙ БАТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ
И ВИЗУАЛЬНОЙ ПАМЯТИ УЧАСТНИКОВ КАМПАНИИ 1812 ГОДА

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, визуальные образы войны, историческая память, Смоленск, Х.В. Фабер дю Фор, Альбрехт Адам.

Отечественная война 1812 года оказала существенное влияние на развитие художественной культуры как России, так и Франции. Французские художники-баталисты, сопровождавшие армию Наполеона, создали обширное наследие «художественной документации» его кампании. Смоленск, дважды ставший в 1812 году местом важных сражений, был одним из ярких образов в формирующемся художественном наследии.

Главными французскими летописцами смоленского сражения стали непосредственные участники кампании обер-лейтенант и топограф 25-й Вюртембергской дивизии Христиан Вильгельм Фабер дю Фор и баталист Альбрехт Адам, состоявший при штабе вице-короля Италии Евгения Богарне. Их творчество отличается документальной точностью и представляет уникальный источник для реконструкции визуального образа войны 1812 года.

Христиан Вильгельм Фабер дю Фор (1780–1857) на протяжении всей кампании зарисовывал свои впечатления в личный дневник, который представил публике в 1816 г. А в 1831 г. он опубликовал свои литографии под общим названием «Листы из моего портфеля, зарисованные на месте во время кампании в России». Сослуживец художника Фридрих фон Кауслер написал к ним комментарии. Всего было создано около 100 рисунков, из которых более 40 посвящены событиям на Смоленской земле. Альбом неоднократно переиздавался, что свидетельствует о неиссякаемом к нему интересе. Один экземпляр альбома находится в Музее-панораме «Бородинская битва». На его основе в 2011 г. в России был издан альбом «Война 1812 года. Х.В. Фабер дю Фор. Иллюстрированный дневник участника».

Альбрехт Адам как придворный художник неотлучно находился при Евгении де Богарне и не мог быть непосредственным участником многих событий. Всего художником было создано более 300 рисунков – от почти законченных до тех, что создавались под артиллерийским обстрелом быстрыми зарисовками. Поход тяготил Адама и, дойдя до Москвы, он, с позволения Богарне, покинул Россию 5 октября 1812 г. Следовательно, Адам не был свидетелем бесславного возвращения Великой Армии.

Первый альбом с зарисовками Альбрехт Адам создавал по просьбе Евгения де Богарне. Художник отобрал и заново переписал 83 рисунка, где главными действующими лицами были принц, его друзья, их личные встречи. Последним в этом альбоме стал рисунок о событиях триумфального вступления наполеоновских войск в Москву 14 сентября 1812 г. В 1853 г. вдова сына Евгения Богарне Максимилиана великая княгиня Мария Николаевна привезла альбом в Россию. В 1921 г. альбом был подарен Государственному Эрмитажу, где и находится по сей день. В 2016 г. он был впервые издан под названием «Русский Альбом».

Одновременно Адам подготовил к публикации цикл литографий «Живописная картина военного похода от Вилленберга в Пруссии до Москвы в 1812 г.». Это издание, в отличие от почти семейного первого альбома включало военные зарисовки художника с комментариями на основе его дневников и мемуаров участников кампании. Основная коллекция Адама хранится в Мюнхене, однако отдельные листы представлены в российских музеях собраниях.

Открывает смоленскую серию Фабера дю Фора редко экспонируемая работа «Перед Красным. 14 августа 1812 года» из собрания Государственного исторического му-

зяя. Комментарий поясняет, что это первое столкновение Вюртембергской дивизии с войсками Д.П. Неверовского, которые, несмотря на отступление к Смоленску, сохранили боеспособность и организованность, по мнению дю Фора, не только благодаря «бесспорной стойкости его войск», но и просчетам Мюратта, который пошел в атаку, не дожидаясь артиллерии [6, с. 45].

Комментарии содержат подробное описание Смоленска, который буквально через день навсегда изменит свой облик в результате массированных бомбардировок и пожара: «Внутри город выглядит светлым и опрятным. Дома перемежаются плодоносными садами и располагаются на склоне вдоль Днепра, отделяющего город от лежащего ниже по течению обширного предместья» [1, с. 21], – читаем в воспоминаниях А. Адама. «Отличающаяся красивыми зданиями другая часть Смоленска, расположенная на правом берегу, может рассматриваться как предместье. Она протянулась по этому берегу до верхушек противоположных склонов и, за исключением моста, совсем не укреплена» [6, с. 46], – продолжает описание Фабер дю Фор.

Обращает на себя внимание удивительно спорный комментарий Фабера дю Фора к рисунку «Перед Смоленском. 16 августа 1812 года»: «Этот город, расположенный на холмах, которые с двух сторон закрывают узкую долину, образованную Днепром, разделен этой рекой на две примерно равные части, соединенные двумя мостами и несколькими бродами. Та часть, что находится на левом берегу, собственно и есть город. Она укреплена на татарский манер: ее укрепления возвел еще царь Борис Годунов» [6, с. 46]. Нигде далее он не комментирует, почему посчитал стену построенной в татарском (читай, восточном) стиле, позже он еще раз упоминает о стене с поэтическим эпитетом «великолепное творение Бориса Годунова». Однако, если внимательно рассмотреть сам рисунок, то ни изображения города, ни изображения крепостной стены мы не увидим. Более того, рельеф из бесконечных холмов наводит на мысль, что город находится где-то вдалеке и подтвердить или опровергнуть утверждение автора не представляется возможным.

Адам тоже в своих комментариях не оставляет в стороне стену, но татарской архитектуры он в ней не видит. В комментариях к работе «Сражение за Смоленск», которая сегодня находится в Военной галерее Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, он пишет: «Смоленск, украшенный одной большой и множеством маленьких церквей и нарядных зданий, отличается необычным, оригинальным обликом. Его окружает мощная стена с бойницами, укрепленная множеством крепких башен» [1, с. 21].

Серию работ, посвященных августовскому смоленскому сражению, открывает рисунок «Перед Смоленском 17 августа 1812 года, 10 часов вечера». По свидетельству Фабера дю Фора, с утра началась стрельба по всей линии войск, которая усилилась к обеду. По итогам дня количество жертв со стороны наполеоновских войск, оказалось несопоставимо с результатом сражения. По более позднему исследованию М. Богдановича, назвать точное количество потерь ни с русской, ни с французской стороны невозможно «по чрезвычайному разногласию материалов, могущих служить тому основанием... но можно безошибочно заключить, что неприятель, действуянейшей частью наступательно против русских войск, прикрытых строениями и стенами, должен был понести урон не менее нашего» [2, с. 269].

Пожар в Смоленске стал ключевым событием в воспоминаниях всех участников сражения. «Я видел ужаснейшую картину, – восклицает смолянин, поэт и воин Ф.Н. Глинка, – я был свидетелем гибели Смоленска. Погребение Лиссабона не могло быть ужаснее» [3, с. 10].

«Это было ужасное зрелище – жестокое предвестие того, что нам предстояло увидеть в Москве» [4, с. 106], – пишет в мемуарах Арман де Коленкур.

Однако и Фабер дю Фор, и Альбрехт Адам увидели в пожаре более романтичные образы: «Это зрелище, в сочетании с легким и теплым ночным ветерком, напоминало

извержение Везувия, и нам хотелось предаваться этим иллюзиям, не думая о тяжелых обстоятельствах, в которых мы оказались, наблюдая за этой сценой. Мы совершенно не задумывались ни над тем, кто виновник этого грандиозного пожара, ни над его пагубным последствием для нас» [6, с. 48].

Адам находился в лагере Богарне примерно в километре от города и в комментарии к картине «Наполеон перед горящим Смоленском» писал: «Город был охвачен ярким огнем пожара, с заревом которого смешивались лучи пламенеющего вечернего солнца. От этой магической подсветки листва и белые стволы берез сияли, словно позолоченные. Более ни разу в жизни я не видел таких волшебных световых эффектов; даже дым лагерных костров приобретал от этого сияния красный оттенок, добавляя призрачности всему происходящему в освещенном лесу» [1, с. 21].

Позже оказалось, что в эту ночь Смоленск выгорел почти весь: из 2250 домов обывателей уцелели на окраинах только 350 [2, с. 272].

Нельзя обойти и важное в европейской историографии направление, которое появилось в 1820-е годы и сохраняется по сей день, – это устойчивая традиция, возлагающая основную ответственность за поражение наполеоновской армии на суровую русскую зиму. Однако источники личного происхождения – дневники, мемуары и т.п. – позволяют усомниться в этой позиции и предположить, что роль «Генерала Мороза» в катастрофе Великой армии была значительно преувеличена.

Например, Стендаль в своем письме из Смоленска Феликсу Фору от 9 ноября 1812 г. пишет: «Вот я снова в этом городе, по живописности он продолжает казаться мне единственным в своем роде. Снег еще усиливает впечатление от поросших деревьями оврагов, среди которых он построен. Мороз легкий, два или три градуса, но так как мы в России, каждый убежден, что он замерзает» [5, с. 368]. Стендаль пишет об усталости, нападениях партизан, голоде и военных тяготах, но именно мороз и снег ни в одном из писем осени 1812 г. не вызывает у него того священного ужаса, который мы читаем в том числе в комментариях Фабера дю Фора и Фридриха фон Кауслера, написанных уже после войны.

В серии работ от 7 ноября впервые упоминается русская зима, которая «смогла сделать то, что не удалось до сих пор ни нехватке продовольствия, ни усталости». Именно в этот день выпал первый снег. «Зловещий финал первого зимнего дня был лишь началом наших бед», – читаем в комментариях к рисунку «Бивуак возле Михайловки» [6, с. 116].

12 ноября изможденные остатки Великой армии вновь подходят к Смоленску. Но это была уже не грозная сила завоевателей, а жалкие, деморализованные толпы, которые надеялись найти в разоренном ими же Смоленске кров и еду, однако радужные надежды были разбиты о горькую реальность: «Этот город, через который всего полтора месяца назад наши части проходили победителями, сегодня встречал нас пустыми стенами. Надежда волшебным образом удваивала наши силы, направленные на то, чтобы достичь этого места обещанного отдыха. Но как скоро рухнули наши иллюзии! Армия не нашла в Смоленске ни продовольствия, ни одежды, ни даже домов, чтобы укрыться от стужи. Здесь исчезли последние остатки воинского порядка и дисциплины: каждый думал только о себе» [6, с. 118]. «Только здесь перед нами открылась вся глубина бездны несчастий. Смоленск, который должен был стать местом окончания наших бед, знаменовал собой их начало и предвещал страшное, но неизбежное уничтожение всей армии... на складах приходилось биться с тысячами похожих на призраки людей, озвевшихся от голода. И это в первый же день отдыха: вот каковы были хваленые зимние квартиры в Смоленске. Вместо продолжительного отдыха нам пришлось продолжить отступление. А чтобы достичь границ России, нам предстояло провести в пути еще тридцать дней в холода и лишениях, усилившимся лишь день ото дня» [6, с. 119].

14 ноября 1812 г. войска покинули Смоленск. Великая армия представляла собой в этот момент достаточно живописное зрелище: «4 орудия и беспорядочная толпа лю-

дей, по большей части безоружных и одетых самым невероятным образом, – все вместе образовали группу численностью в несколько тысяч человек офицеров и солдат всех родов войск, слуг, маркиантов, да еще плюс к ним ломовые лошади, фургоны и прочие транспортные средства всех видов...» [6, с. 122].

В своем последнем рисунке похода «Около города Сморгонь, 3 декабря 1812 года» Фабер дю Фор пишет: «Уходя, 1812 год завершал неслыханные страдания и бесчисленные опасности, ознаменовавшие роковое отступление из Москвы. Но вместе с ним прекратила существование и Великая армия» [6, с. 135]. Вюртембергский полк в марте 1812 г. насчитывал около 10 000 человек пехоты, 1000 артиллерии и 2300 кавалеристов [7]. До Березины 29 ноября 1812 г. дошли 57 человек, в том числе Фабер дю Фор и Кауслер, которые смогли сохранить для потомков свои точные и беспристрастные воспоминания.

Значение работ Альбрехта Адама и Х.В. Фабера дю Фора не только в их художественных достоинствах, но и в уникальной способности вести диалог с читателями и зрителями через столетия. Не имея возможности быть знакомыми лично, художники создали удивительно целостный и многогранный образ Отечественной войны 1812 года с общей идеей, которую высказал в своем альбоме А. Адам: «Мне больно, что время, подаренное Господом, приходится так бессмысленно растрачивать. Война! это слово ужасно! она не обращает внимания ни на благополучие, ни на гибель целых наций, и горе тем, кто знакомится с этой фурией, но еще имеет сердце, скорбящее за людей» [1, с. 14].

Таким образом, наследие художников не только документирует прошлое, но и активно участвует в современном межкультурном диалоге, формируя общее пространство исторической памяти между Россией и Францией.

1. Адам, А. Русский альбом / сост. Б. И. Асвариц, Г. В. Вилинбахов; вступ. ст. Б. И. Асварица; comment. Г. В. Вилинбахова, Р. Г. Григорьева; пер. с нем. Т. А. Граблевской. – М. : Кучково поле, 2016. – 212 с.: цв. ил.
2. Богданович, М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам / М. Богданович. – СПб. : Типография Торгового дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко, 1859. С. 272. Статистика.
3. Давыдов, Д. В. Письма русского офицера. Воспоминания о войне 1812 года / Д. В. Давыдов. – М. : «Издательство АСТ», 2023 – (Школьное чтение (АСТ)). – С. 10.
4. Коленкур Арман Огюстен Луи, де. Поход Наполеона в Россию / Арман Огюстен Луи де Коленкур. – Смоленск : Смоленское издательство «Смядынь», 1991. – 368 с.
5. Стендаль. Собрание сочинений в пятнадцати томах / Стендаль. – Том 15. – М : Правда, 1959.
6. Фабер дю Фор Х. В. Война 1812 года: иллюстрированный дневник участника / Х.В. Фабер дю Фор; пер. с фр. В.Е. Климанова. – М. : Кучково поле, 2011. – 144 с. : ил.
7. 25-я пехотная дивизия (вюртембергская) – 3-й армейский корпус. Электронный ресурс. – URL: https://runivers.ru/doc/patriotic_war/1812/army/?SEC=7885 (дата обращения: 01.12.2024)

Федорчук Е.И. ВИРТУАЛЬНЫЕ МУЗЕЙНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК СРЕДСТВО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ РАЙОННОГО МУЗЕЯ)

Ключевые слова: музей, виртуальный проект, онлайн-выставка, социальные сети.

Каждый музей – это уникальная коллекция артефактов, документов, произведений искусства, которые иллюстрируют и рассказывают о многовековой истории Беларуси. Культурное наследие страны – это важный элемент её идентичности. В Беларуси культура имеет глубокие корни и разнообразие, что делает её уникальной. Музеи играют ключевую роль в сохранении и популяризации этого наследия. Они не только делают всё для сохранения и изучения артефактов, но и активно участвуют в распространении знаний о традициях, искусстве и истории народа.

Важную роль как инструмент популяризации культурного наследия в современном мире играет Интернет в целом и социальные сети в частности. Музеи активно осваивают виртуальное пространство, формируя этим связь между прошлым и будущим, вовлекая молодое поколение в культурный диалог. И виртуальные музейные про-

екты – это не просто дань моде, а мощный и доступный инструмент для популяризации культурного наследия Беларуси. В данной статье будут рассмотрены виртуальные проекты, которые были реализованы с 2020 по 2025 годы Быховским историко-краеведческим музеем. За данный период виртуальным посетителям сообществ музея в социальных сетях было презентовано четыре проекта разной направленности, с различными сроками, акцентами и задачами, которые объединяла одна главная цель: сделать культурное наследие более доступным для широкой аудитории.

Толчком к активному развитию онлайн проектов в Интернете, в социальных сетях послужили условия 2020 г., когда большую часть работы по экспонированию музеи были вынуждены перенести в виртуальную плоскость [1]. Одним из таких выставочных проектов стал проект Быховского историко-краеведческого музея «Ад прадзедаў спакон вякоў». Выставка, которую можно посетить как в режиме реального времени, так и онлайн, являлась одним из основных механизмов привлечения музейной аудитории. Суть проекта заключалась в создании виртуального и реального выставочного пространства с экспонатами, атрибуцией и информацией, которую можно получить, посетив музей или отслеживая цикл публикаций в сообществах музея в социальных сетях. Такая форма диалога «музей-посетитель» была воплощена в Быховском музее впервые. Она позволила заинтересовать участников, предложила им те формы посещения и изучения музея, которые будут им интересны на тот момент. Целью проекта являлось экспонирование предметов коллекции этнографии в реальном и виртуальном музейном пространстве для широкого круга заинтересованных лиц. Были поставлены задачи: представить музейные предметы из этнографической коллекции на выставке для более близкого знакомства с фондами музея, предоставить возможность посетить выставку дистанционно через социальные сети, создать серию публикаций и виртуальный альбом в сообществах музея, включающий атрибуцию, краткую информационную заметку и фотографию для каждого экспонируемого предмета. Проект состоял из 3 этапов: первый и второй этапы проходили параллельно и представляли собой выставку экспонатов коллекции этнографии из фондов музея в выставочном зале и цикл публикаций в социальных сетях музея (фотоальбом, серию постов: фотографии, атрибуция). Третий этап заключался в разработке и проведении интерактивного музейного занятия «От цветка до рушника», включающего экспонаты, представленные на выставке. Результатом проекта стало более 50 тысяч просмотров в сообществах музея в социальных сетях и на музейном портале Республики Беларусь.

Также в 2020 г. был реализован ещё один проект – онлайн выставка предметов старины и семейных реликвий из семейных коллекций и фондов школьных музеев района «Скарбніца роднага краю», которая была приурочена к 650-летию города Быхова. Целью данного проекта была активизация деятельности школьных музеев по сохранению и представлению истории малых населенных пунктов Быховского района, главной задачей являлось создание единого выставочного виртуального пространства на базе сообществ Быховского историко-краеведческого музея в социальных сетях для популяризации истории малых населённых пунктов Быховщины. Результатом онлайн сотрудничества стало более 6 тысяч просмотров в сообществах музея в социальных сетях и на музейном портале Республики Беларусь, а также большой выставочный проект «Сцежкамі Быхаўшчыны», где Быховский музей стал площадкой для презентации каждого школьного музея района, а также экспонирования наиболее ценных артефактов региона.

В 2021 г. Быховский историко-краеведческий музей презентовал виртуальную выставку живописи из фондов музея «Образы реальности». Основная цель проекта – увеличить интерес к живописи и художникам (особенно уроженцам Быховского района) и привлечь новую аудиторию. Такая выставка – это цифровой проект, пред-

ставляющий собой экспонирование художественных произведений, имитирующее реальную музейную выставку, но доступную через платформы социальных сетей. Для воплощения проекта были поставлены следующие задачи: предоставить информацию о художниках, их работах и контексте создания произведений, подготовить план публикаций, который поможет привлечь новых посетителей в реальный музей за счет онлайн-взаимодействия, обеспечить доступ к произведениям искусства, которые могут быть недоступны в физическом виде. В выставочном зале также проходила выставка живописи в реальном времени, на которой были представлены работы художников в ограниченном количестве, что обусловлено площадью и пропускной способностью помещения. В виртуальном пространстве такие нюансы отсутствуют, что даёт возможность предоставить доступ к полной коллекции, которая ранее для широкой публики была недоступна. Результатом проекта стало более 24 тысяч просмотров в сообществах музея, а также увеличение количества посетителей выставки в реальном времени, благодаря рекламе и публикациям в социальных сетях: знакомясь с картинами в виртуальном пространстве, участники были заинтересованы позже познакомиться с работами в музее.

В течение двух лет (с 2023 по 2025 гг.) был реализован совместный межмузейный виртуальный проект «Два района – одна история» (ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей» и ГУК «Ивацевичский районный историко-краеведческий музей»). Реализация таких проектов, в рамках которых осуществляется взаимодействие различных музеев (в данном случае различных по географическому положению, но схожих по профилю), позволяет привлечь большой интерес со стороны аудитории и продемонстрировать инновационные формы подачи материала. Целью данного проекта являлось создание нового формата межмузейного сотрудничества в изучении истории родного края на основе музейных экспозиций и фондов двух музеев. Участниками проекта были поставлены следующие задачи: ведение работы по популяризации культурного наследия региона, налаживание межмузейного сотрудничества, обмен профессиональным опытом, ведение совместных научных изысканий, которые бы позволили выявить общие точки региональной истории, разработка и составление синхронного плана публикаций в официальных сообществах музея в социальных сетях, совместное участие в конференциях и проведение научно-практических конференций на базах двух музеев [3, с. 50]. Суть проекта заключалась в проведении совместных научных исследований в сферах, представляющих общий интерес, нахождении общих точек истории, несмотря на географическую и региональную удаленность районов. Кроме этого, неотъемлемой частью проекта являлось ведение синхронной публикации материалов в официальных сообществах музеев в социальных сетях и на музейном портале Республики Беларусь. Проект реализовывался в первую очередь в виртуальном пространстве, но также и в реальном времени: были проведены совместные научные конференции, проводились исследование состава фондов музеев для последующего выявления и обобщенного пополнения предметами, для проведения выставок (в том числе и обменных), выставочных проектов, проходила подготовка и опубликование совместных научных публикаций и результатов совместных исследований. Стартовал межмузейный проект 8 февраля 2023 г., был закончен 8 февраля 2025 г. За два года его проведения охват в социальных сетях и на музейном портале составил более 2 млн. просмотров. Также, за два года были проведены четыре научно-практические конференции, в которых принимали участие научные сотрудники и директора двух музеев: «Быховские краеведческие чтения – XIII» и «Ивацевичские краеведческие чтения – I» (2023 г.), «Быховские краеведческие чтения – XIV» и «Ивацевичские краеведческие чтения – II» (2024 г.).

В 2025 г. Быховский музей представил своим виртуальным посетителям два проекта в социальных сетях и на музейном портале, которые ещё продолжаются: «За дверью музейных фондов» (цифровые копии экспонатов как средство сохранения культурного наследия) и «Прыказкі, прымаўкі ды музей» (демонстрация богатства и глубины родного языка через пословицы и поговорки, связывая их с музейными экспонатами для раскрытия истории и культуры родного края, экспозиции и фондовых коллекций музея).

Продвижению проектов в виртуальном пространстве: в социальных сетях и на музейном портале, а также в средствах СМИ помогает брендирование – процесс формирования уникального образа для учреждений культуры, установление его ценностей, миссии и визуала. Бренд помогает налаживать взаимодействие между музеем и его аудиторией, делая его продукцию и услуги более привлекательными. Брендирование включает в себя различные аспекты, такие как логотип, афиша, типографика, цветовые решения, которые были разработаны для каждого проекта. Например, для проекта «Два района – одна история» была разработана афиша, которая позволяет систематизировать посты в социальных сетях, являясь, по своей сути, некой «обложкой» для информации. Цветовое решение базировалось на цветовом преимуществе двух гербов городов: Быхов (красный), Ивацевичи (зелёный). Такое сочетание цветов удачно перекликается с двумя цветами государственного флага Республики Беларусь, что позволяет повысить заинтересованность аудитории даже при беглом просмотре социальных сетей музея и страниц на музейном портале. Также, в качестве визуализации сотрудничества двух районов на афише изображены контуры Быховского и Ивацевичского районов, которые на современной карте Республики Беларусь расположены территориально на Востоке и Западе Беларуси. Такое противопоставление под девизом «два района – одна история» демонстрирует видение целостности страны: несмотря на расположение городов, история перекликается в рамках одного государства [2, с. 146].

Одним из важных элементов узнавания является логотип проекта. Он является визуальным символом, который помогает идентифицировать и запомнить проект, и должен быть запоминающимся, отражать цели и характер проекта. В качестве логотипа, который бы отражал основную мысль проекта «Два района – одна история», был выбран контур Республики Беларусь с помещёнными гербами, территориально соответствующими расположениям районов на карте страны, нанесено название проекта «Два района – одна история». Такой логотип одновременно отражает характер проекта, являясь визуальным его воплощением [2, с. 147].

Таким образом, можно говорить о том, что музеи играют важнейшую роль в сохранении и популяризации культурного наследия Беларуси. Они действуют как центры, где история и культура пересекаются, создавая пространство для образования и обсуждений. Виртуальные проекты дополняют музеи в реальном времени, увеличивая доступность и интерес к культурным ресурсам. Объединение усилий музеев и современных технологий предоставляет мощную платформу для распространения знаний о белорусском наследии. Это не только помогает сохранить культуру, но и формирует связь между прошлым и будущим, вовлекая молодое поколение в культурный диалог.

1. The Digital Leap: Museums Adapting to COVID-19 and Beyond // ICOM. – URL: <https://icom.museum/en/news/the-digital-leap-museums-adapting-to-covid-19-and-beyond/> (date of access: 19.09.2025).

2. Жижян, С. Ф. Межмузейная коммуникация на примере проекта «Два района – одна история» (ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей» и ГУК «Ивацевичский районный историко-краеведческий музей») / С. Ф. Жижян, Е. И. Федорчук // Визуальные искусства в современном художественном и информационном пространстве: сб. науч. ст., 28–29 сент. 2023 г., г. Кемерово / ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры»; редкол.: А. В. Шункова [и др.]. – Кемерово, 2023. – Вып. VI. – С. 145–149.

3. Федорчук Е. И. Музейная коммуникация на примере проекта «Два района – одна история» / Е. И. Федорчук // Материалы I Ивацевических краеведческих чтений, Ивацевичи, 7 апреля 2023 г. / ГУК «Ивацевичский районный историко-краеведческий музей»; редкол.: С. С. Мочалов [и др.]. – Ивацевичи, 2023. – С. 49–52.

Фигурина Н.С.
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА
В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ УЧАЩИХСЯ
НА УРОКАХ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ТРУДА

Ключевые слова: историческая память, декоративно-прикладное искусство Беларуси, уроки обслуживающего труда, этнокультурное образование, традиционные ремесла, национальная идентичность.

Современные вызовы глобализации и цифровизации актуализируют поиск эффективных педагогических стратегий для формирования у подрастающего поколения устойчивой исторической памяти и культурной идентичности. В этой связи особенно важным представляется создание образовательных моделей, способных передать изучение истории как глубокий личностный опыт, наполненный ощущением живой связи с культурным наследием. Одним из наиболее действенных инструментов решения этой сложной задачи становится обращение к материальной культуре нации, воплощенной в традиционных ремеслах и практиках, которые сохраняют и транслируют глубинные смыслы из поколения в поколение.

Таким мостом, соединяющим прошлое и настоящее, является декоративно-прикладное искусство, в котором сконцентрирован исторический опыт и духовные ценности народа. Именно через практическое освоение традиционных технологий на уроках обслуживающего труда учащиеся получают уникальную возможность не просто узнать об истории, а буквально прикоснуться к ней, расшифровывая культурную символику орнаментики и постигая многовековую мудрость, заключенную в простых, но значимых предметах материальной культуры. Данный опыт преобразует исторические факты в лично важные компетенции, формируя чувство сопричастности к непрерывной цепи культурной преемственности.

Декоративно-прикладное искусство Беларуси выступает концентрированным выражением исторического опыта народа, хранящим в своих формах и орнаментах глубинные пласти памяти. В традиционном белорусском костюме, окончательно сложившемся в своих основных чертах к концу XIX – началу XX века, закрепив устойчивый облик с характерными архаическими элементами, ярко проявились особенности регионального своеобразия различных историко-этнографических регионов – Поднепровья, Понеманья, Центральной Беларуси, Восточного и Западного Полесья. Например, для костюма Понеманья были характерны тонкий линейный геометризм и сложная многоцветная вышивка, в то время как в Полесье дольше сокращались архаичные черты: преобладание белого цвета, более простой крой идержанная орнаментация. Изучая конструкцию народной рубахи, технологию ее кроя, учащиеся прикасаются к древним пластам культуры, где одежда выполняла не только утилитарную, но и глубоко символическую, бережную функцию. Воссоздавая элементы традиционного костюма, школьники фактически занимаются реконструкцией материального воплощения исторической памяти, что позволяет им «примерить» на себя опыт предков. Так, туникообразный покрой рубахи, практически не изменившийся за столетия, является прямым свидетельством древних технологий ткачества и бережного отношения к материалу. Орнамент белорусской вышивки, ее колорит и композиционные решения представляют собой сложный семиотический язык, требующий расшифровки. Геометрические узоры – ромбы, солярные знаки, кресты – несут в себе отголоски древних языческих культов и представлений о мироздании. Растительные мотивы и мотивы животных, более поздние по проис-

хождению, также наполнены глубоким смыслом. Цвет в белорусской традиционной вышивке никогда не был случайным – белый, красный и черный составляли его основную, архаичную палитру, где каждый оттенок имел четкую семантику, связанную с жизнью, защитой, плодородием. Так, красный цвет повсеместно считался цветом жизни, солнца и защитной магии, а сочетание белого и красного являлось классическим для обрядовой одежды. Таким образом, через материальный объект происходит погружение в систему духовных ценностей и верований, что способствует глубокому и прочному усвоению историко-культурного контекста, характерного для белорусского народа.

Значительным потенциалом для формирования исторической памяти обладают традиционные текстильные обрядовые изделия, такие как рушники и скатерти. История белорусских рушников уходит корнями в глубокую древность, к самому началу ткачества, когда они были не только предметом быта, но и важным элементом народных обрядов и культуры, символизируя добро, чистоту и связь с предками. Рушники являются неотъемлемой частью белорусской культуры, использование которых связано с появлением ткачества в Беларуси, а значит, их история насчитывает тысячелетия. Рушник сопровождал человека на протяжении всей жизни – от рождения до смерти, участвуя в основных семейных обрядах. Каждый тип орнаментации соответствовал конкретному ритуалу: свадебные рушники украшались символами плодородия (древо жизни, ромб, солнечные знаки) и парными изображениями птиц (голубки), в то время как погребальные имели болеедержанную символику с преобладанием белого цвета (символ чистоты), красного и черного (традиционные и сакральные цвета). Важным аспектом изучения является семантика орнаментальных композиций: например, расположение узоров в трехчастной структуре рушника символизируют определенные понятия, связанные с жизнью человека и рода. Изначально рушники ткались из льняных нитей. Изучение технологий создания льняного полотна, от выращивания льна до конечного изделия, позволяет понять цикличность традиционного жизненного уклада и уважительное отношение к природным ресурсам. На уроках обслуживающего труда учащиеся могут проследить весь технологический цикл: мятье льна, трепание, чесание, прядение на прядлке, ткачество на стане, что формирует понимание трудоемкости процесса и ценности каждого предмета в традиционной культуре.

Особого внимания заслуживает технология традиционного ткачества, которая сохранила архаичные элементы в устройстве ткацкого станка и приемах работы. Осваивая древние технологии ткачества, учащиеся включаются в живую цепь преемственности поколений, где практическое мастерство становится формой диалога с историей. Ткачество является одним из самых распространенных и древних ремесел, а уже к XI–XII векам в городах и деревнях было широко распространено ткачество на кроснах. Однако хорошо развитым данное ремесло стало на этапе XVI–XVII века, о чем свидетельствуют сохранившиеся исторические документы. Именно данное историко-технологическое наследие становится предметом практического изучения культуры Беларуси. На уроках обслуживающего труда учащиеся осваивают основные виды переплетений – простые (полотняное, саржевое, сатиновое, атласное), сложные, мелкоузорчатые и крупноузорчатые, что позволяет понять технологические возможности и ограничения, определявшие особенности изготовления национального костюма. Для Беларуси характерно разнообразие техник ручного ткачества, таких как выборное ткачество (использованием нитей разных цветов для узора) и белоузорчатое ткачество (известное в Понеманье), которое создает рельефный орнамент на белоснежном полотне. Также распространены закладная техника с использованием цветных уточных нитей и региональных традиций, например, много-

цветные рушники Неглюбского региона с богатым орнаментом. Создание традиционных поясов – важный элемент проекта, поскольку пояс в народной культуре считался сильным оберегом и социальным маркером. При изготовлении поясов учащиеся могут воспроизводить традиционные цветовые сочетания и орнаменты, характерные для различных регионов Беларуси, что способствует более глубокому пониманию региональных различий в народном костюме.

Педагогический потенциал декоративно-прикладного искусства реализуется через систему практических заданий, выстроенных по принципу от простого к сложному. На начальном этапе учащиеся создают отдельные элементы – воспроизводят образцы орнаментов, осваивают базовые швы и техники. Каждое такое задание представляет собой мини-исследование, в результате которого историческое наследие обретает личностный смысл и ценность. На более продвинутом уровне возможна реконструкция комплекса традиционного костюма или создание тематической инсталляции, объединяющей различные виды декоративно-прикладного искусства. Такие проекты могут включать создание аксессуара для традиционного костюма с элементами, характерными конкретному региону и его особенностям, что требует комплексного исследования и применения различных техник. Важным аспектом является документация процесса деятельности – фиксация источников, этапов работы, технологических нюансов. Учащиеся могут вести творческие дневники, где фиксируют эскизы, включая характеристику и аргументацию по выбору того или иного символа, цвета и техники.

Конкретными объектами изучения и творческого осмысления на уроках обслуживающего труда могут выступать: технология традиционного ткачества, включая создание поясов с архаичной символикой; освоение приемов вышивки в техниках «набор» («брань»), «роспись» и «крест», характерных для различных регионов Беларуси; изготовление кукол-оберегов из лоскута без использования иглы, что связано с древними ритуальными практиками; основы соломоплетения и создания аппликаций из соломки. Каждый из данных видов декоративно-прикладного искусства обладает собственной семиотикой и исторической глубиной.

Таким образом, систематическое включение элементов декоративно-прикладного искусства Беларуси в программу уроков обслуживающего труда решает комплекс образовательных и воспитательных задач. Данный подход формирует целостное эмоционально-ценостное восприятие истории, превращая ее в личностно значимое пространство для творчества. Через практическую работу, обращенную к национальным традициям, воспитывается уважение к культурному наследию и историческому опыту предыдущих поколений, что составляет основу гражданской идентичности и осознанного патриотизма. Учащийся не просто знакомится с традициями, но через реконструкцию и творческую интерпретацию устанавливает личную связь с опытом предков, что представляет собой высшую форму усвоения исторической памяти. Параллельно развиваются метапредметные компетенции: исследовательские навыки, проектное мышление, способность к анализу и синтезу информации. Занятия традиционными ремеслами совершенствуют мелкую моторику, пространственное мышление, эстетический вкус и терпение, что имеет общеразвивающее значение.

В конечном счете, уроки обслуживающего труда, насыщенные этнокультурным содержанием, становятся действенным инструментом духовно-нравственного развития личности. Именно через созидательную деятельность, через прикосновение к материальной культуре своего народа осуществляется связь поколений, а историческая память обретает осязаемое воплощение в работах учащихся, становясь частью их мировоззрения и культурной идентичности.

Хотянович Н.А.
МУЗЕЙ КАК ЦЕНТР СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ
ГУ «ЛИДСКИЙ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ»)

Ключевые слова: Лидский историко-художественный музей, Лидский замок, дом Валентина Тавлая, музейный праздник.

Являясь научно-исследовательскими и просветительскими учреждениями культуры, музеи собирают, изучают и сохраняют историко-культурное наследие, содействуют повышению культурно-образовательного уровня населения, распространению знаний о человеке и его окружении, служат духовному развитию общества. Музей, это прежде всего память, выраженная в предметах. Музей – это своеобразный храм культуры.

Интерес к истории отечества, к памятникам национальной культуры с наибольшей силой и остротой проявляется в переломные исторические эпохи, когда общество пытается осмыслить прошлое и заглянуть в будущее.

Роль ГУ «Лидский историко-художественный музей» в сохранении историко-культурного наследия велика. В его коллекциях собраны уникальные памятники истории, культуры и искусства. Музей – это хранитель социальной памяти, он дает возможность изучить прошлое, задуматься о настоящем и заглянуть в будущее.

Огромный культурный потенциал музейного собрания содержит в себе большие возможности для образования и воспитания. Музей сегодня все более становится не только культурным, но и образовательным пространством.

ГУ “Лидский историко-художественный музей” является частью историко-культурного наследия Беларуси, одновременно, субъектом его сохранения. В структуру историко-художественного музея входит отдел «Лидский замок», историко-художественный музей, объект Дом Валентина Тавлая.

Лидский историко-художественный музей представляет собой центр научной, образовательной и просветительской деятельности. На него возложена важная функция по формированию социально-активной личности, ее ориентации на духовные ценности.

Музейный фонд учреждения – это совокупность памятников естественной истории, материальной и духовной культуры, действующих выставок и постоянных экспозиций. В собрание музея входят коллекции и предметы, имеющие музейную ценность.

За свою историю музей сформировал уникальный музейный фонд и накопил бесценный опыт сохранения и популяризации культурного и природного наследия. В Лидском историко-художественном музее собрано более 55 тысяч музейных предметов и научно-вспомогательных материалов, которые распределены по 25 коллекциям.

Состав музейного собрания формируется, прежде всего, в соответствии с профилем музея и потребностями экспозиций, а также в соответствии с программой комплектования фондов и годовым планом комплектования фондов.

Основной целью комплектования фондов является документирование процессов и явлений, происходящих в обществе и природе через предметы реальной действительности. Сотрудники музея осуществляют целенаправленный сбор музейных предметов для создания экспозиций, а также для обеспечения более разнообразного состава музейных коллекций.

Основными направлениями деятельности музея являются: историческое, художественное, этнографическое, литературное, природа и экология, краеведение.

В основе популяризации культурного наследия, хранящегося в музее, лежит культурно-образовательная деятельность, которая является важным компонентом музейной коммуникации и одним из ведущих направлений музейной работы.

Культурно-образовательная деятельность музея нацелена, прежде всего, на популяризацию памятников истории и культуры. В фондохранилище и экспозициях музея сосредоточены уникальные экспонаты и вещественные источники, рассказывающие об истории, культуре, литературе, этнографии нашей страны.

Формы культурно-образовательной деятельности Лидского историко-художественного музея разнообразны. Среди них ведущее место занимают традиционные – экскурсии, лекции, музейно-педагогические занятия. Востребованы также новые формы работы – музейные диалоги, часы памяти, инсценированные рассказы, квесты, музейные праздники и др.

Успешно реализовывается историко-краеведческий проект «Памятью живы», основой которого стали диалоги поколений, приуроченные к памятным датам и знаменательным историческим событиям.

О том, какую цену имел хлеб во время военного лихолетья, знакомит интерактивное занятие «Хлеб войны и хлеб Победы» которое проводится на базе временной экспозиции «Война. Победа. Память». Посетители осматривают экспозиционный комплекс «Партизанская землянка» отправляются на «Кухню партизан», выбирают самые дефицитные продукты питания и ищут им замену. Как голос из прошлого, на занятии звучит поговорка «При сытости помни о голоде», и комментарий тут не нужен.

Сотрудники музея разрабатывают различные культурные проекты и программы, которые включают разнообразные формы культурно-образовательной деятельности.

В музее реализован проект «Хрущевка 60-х», который возрождает быт жителей советского райцентра в шестидесятые годы прошлого века. Свое место в музейной «хрущевке» обрели предметы, найденные сотрудниками музея в собственных домах, у родных и друзей, соседей, на местах сноса старых построек. Экспонируются тут и изделия лидских предприятий, которые выпускались в то время: стеклозавода «Неман», обувной фабрики, завода электроизделий, молочно-консервного завода. Для подрастающего поколения это хороший повод сравнить жизнь тогда и сейчас.

Сотрудниками музея разработан цикл интерактивных занятий этнографического направления «Згадкі з беларускай хаткі». Сельский дом – это источник народной мудрости от выбора места постройки до особенностей уклада жизни ее хозяев.

Неограниченный круг тем дает возможность не только музейным сотрудникам собирать, хранить, популяризировать национальные сокровища, а поощрять неравнодушных посетителей пополнять фонды музея значимыми предметами.

Интерактивные занятия в рамках проекта «Згадкі з беларускай хаткі» позволяют расширить кругозор учащихся информацией, выходящей за пределы школьной программы. Знакомство с нравственными, культурными ценностями прошлого своего народа позволяет развивать коммуникативные компетенции, необходимые молодежи на современном этапе, быть осведомленными, чувствовать себя уверенными, вступая в общение с теми, кто интересуется историей нашей страны, историко-культурными ценностями, наследием.

Востребованными стали интерактивные музейные занятия «Смак па-беларуску» и «Ад печы да стала», где идет речь об интересном и неповторимом пласте культуры наших предков – белорусской национальной кухне, ее особенностях, традициях, самобытных блюдах.

Несмотря на то, что музейные проекты насыщены интерактивом, они не теряют информативности, узнаваемости. Для посетителей – это один из интереснейших способов раскрытия избранных тем.

Фото 1. Музейно-образный зал
«Хрущевка 60-х»

Фото 2. Проект «Згадкі
з беларускай хаткі»

Новым направлением в работе с разновозрастной аудиторией стало создание театра теней. Сотрудники усмотрели в театре теней одно из важных средств развития творческого потенциала личности и формирования его ценностных ориентаций через действия и поступки героев постановок.

Вместе с тем это средство, которое дает возможность не скучать в музее, а увеличивать знания, обогащаться эмоционально, возможности реализации безграничного полета фантазии.

Мини-постановки проводятся таким образом, что одновременно с визуальной картинкой на экране происходит интерактивное взаимодействие с аудиторией.

Театр теней становится одним из самых доступных средств развития навыков публичного выступления и творческого содружества, моделью формирования поведения во время коллективной работы, уникальной возможностью обогащения информационной подачи материала при проведении самых различных мероприятий, проводимых в музее.

В мемориальном доме белорусского поэта Валентина Тавлая наибольшей популярностью пользуются инсценированные рассказы на белорусском языке «У Таўлая пабываєм...» [2]. Это новая форма проведения экскурсии. Заключается она в том, что группа посетителей присутствует на инсценировке в мемориальной комнате и будто попадает в прошедшее время (1939–1941 гг.), а именно в жилую комнату поэта Валентина Тавлая. Через диалог из уст сотрудников музея, которые перевоплощены в образы поэта В. Тавлая, его жены Киры, экономки они узнают о жизненном и творческом пути поэта в городе Лида.

Исследованию жизни и творчества Валентина Тавлая уделяется большое внимание. На основе собранных воспоминаний и документов организовано музейное пространство Дома поэта (проживал в 1939–1941 гг), издана книга «Этапы жыщёвых дарог» [1]. Несмотря на это еще остались неизученные страницы жизнедеятельности Валентина Тавлая.

Фото 3. Фрагмент инсценированного рассказа «У Таўлая пабываєм...»

Лидский замок – это уникальная площадка для проведения музейных праздников. Одним из таких является культурно-образовательное мероприятие «Академия средневековья». Оно разработано для выпускников дошкольных учреждений образования и выпускников начальной школы. Участникам праздника предлагается костюмированная экскурсия по пяти залам северо-восточной башни замка с элементами игры, посвящение в средневековые рыцари и дамы, подвижные игры и забавы во дворе замка, мастер-класс по разучиванию средневековых танцев.

Некоторые мероприятия, проводимые в Лидском замке, уже стали брендом. Среди них фестиваль огня «Магия огня и света», «День средневековой культуры», костюмированная экскурсия «Вандроўка ў мінулае».

Фото 4. Фестиваль огня «Магия огня и света».

Популяризация Лидского замка достигается за счет развития туристической инфраструктуры, проведения регулярных культурно-массовых и развлекательных мероприятий (фестивали, рыцарские турниры, концерты, выставки), а также активной работы по реставрации и благоустройству территории замка и прилегающего пространства. Налажено взаимодействие с местными и международными туристическими агентствами, а также организация специальных проектов для привлечения разнообразных групп посетителей.

Таким образом деятельность учреждения определяется историко-культурным потенциалом, которым обладает музей, а также направленностью проводимых исследований. Исходя из этого, Лидский историко-художественный музей является научно-исследовательским учреждением, преимущественно ориентированным на изучение и популяризацию традиционной культуры Гродненского региона, в частности, Лидского района. Его деятельность имеет источниковедческую направленность и прежде всего связана с формированием и сохранением памятников истории и культуры.

Применение сотрудниками музея новейших интерактивных форм организации досуга жителей и гостей города способствует привлечению внимания общественности к богатому историко-культурному наследию региона.

1. Каладзянная, А. Этапы жыщёвых дарог: да 100–годдзя з дня нараджэння В. Таўлай / А. Каладзянная. – Ліда : Лідская друкарня, 2014. – С. 99.
2. Колодзянная, А. Память – главный свидетель: воспоминания очевидцев-лидян о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / А. Колодзянная. – Ліда : Лідская типографія, 2018. – 432 с.
3. Памяць: Ліда. Лідскі р-н : Гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэдкал. В. Баранаў і інш. – Мінск : Беларусь, 2004.
4. Сливкин, В. В. История Лидского замка в фотографиях / В. Сливкин. – Ліда : Хамелеон, 2022. – 80 с.: фот.
5. Юренева, Т. Ю. Музееоведение : учебник / Т. Ю. Юренева. – М. : Акад. проект, 2003.
6. Юхневич, М. Ю. Я поведу тебя в музей : учеб. пособие по музейной педагогике / М. Ю. Юхневич. – М. : М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии, 2001.

Цзян Бацзинь
МУЗЫКАЛЬНО-ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО
КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДАЙЦЕВ

Ключевые слова: дайцы, музыкальная культура, повествовательные народные песни, традиционные народные танцы, танец с барабанами на слоновых ногах, танец павлина.

Дайцы (китайская народность дай) – уникальный этнос со своей историей, культурой и традициями. Дай представляет собой одну из 56 национальных этнических групп, проживающих в Китае. Дайцы преимущественно обитают в южных провинциях Китая, таких как Юньнань, Гуанси, Гуанчжоу и Гуандун, а также в соседних странах, включая Вьетнам, Лаос и Таиланд. Они говорят на языке, принадлежащем к чжуандунской ветви сино-тибетской языковой семьи, и исповедуют буддизм Тхеравады [2].

Изучение традиционной культуры дайцев имеет целью не только лучше понять этнокультурные особенности этой этнической группы, но и способствовать сохранению и уважению их культурного наследия и прав.

Музыкально-хореографическое искусство интегрирует в себя многие аспекты практической и духовной жизнедеятельности этноса, пронизывая различные сферы культуры и функционируя как средство отображения повседневных жизненных реалий человека, влияя на его взаимоотношения с окружающим миром.

Дайское музыкально-хореографическое искусство представляет собой не только яркое духовно-практическое наследие данного этноса, но и всемирный феномен, сохраняющий в кодированных звуковых и пластических символах целостное восприятие мира предков.

В современной научной и культурной сфере наблюдается возросший интерес к народному танцу и музыке, что делает этнотанец и этническую музыку объектами для анализа не только искусствоведения, но и других научных дисциплин.

С древних времен дайцы проживали на относительно стабильной этнической территории, что делало их культурно доминирующей группой по сравнению с другими местными этническими группами. Этот политический, экономический и культурный фон, а также религиозный и культурный контекст буддизма Тхеравады привели к тому, что повествовательные песни дайцев во всем регионе имеют длительную историю передачи, относительно зрелые художественные формы и довольно стабильный ареал распространения.

К основным повествовательным народным песням народа дай относятся: в Сишуванбаньна – «Цзанха тянь» (Zanha Diao); в Дэхуне и Симао – «Хуанггань» (Huanggan; в районе границы Мьянмы и Китая – «Сэн» (Sen) и «Чжай» (Zhaj). Другие соседние этнические группы также исполняют повествовательные песни на языке дай, например, «Сен», «Зай», «Заньха Дяо», «Сайке», «Гелоудан», «Шуйгу Дяо» [1, с.20].

Основными создателями и исполнителями мелодий дай цзаньха (например, певцами цзаньха) являются «канланг» – бывшие монахи, владеющие языком дай. «Канланг» – это уважительное звание, присваиваемое дайцами монахам, вернувшимся к мирской жизни. Исторически известными цзаньха, как правило, были бывшие монахи и опытные артисты, владеющие языком дай. В регионе Сишуванбаньна, согласно традиционному обычью, мужчины с юного возраста должны поступить в монастырь в качестве монахов; большинство из них остаются там всего несколько месяцев или лет. Лишь немногие избранные в возрасте около 20 лет получают степень бхикшу. Когда монах возвращается к мирской жизни, его называют «канланг». Среди дайцев канланг считается интеллектуалом своей этнической группы, обладающим не только высоким

престижем, но и распространяющим свою власть и влияние на все сферы традиционного общества дайцев. В традиционном обществе дай монахи-канланги не только использовали свои культурные знания для сохранения, распространения и популяризации буддийской культуры за пределами монастырей, но и использовали свой немонастырский культурный статус для развития и сохранения собственной народной культуры. Их вклад в традиционную культуру также проявился в создании и использовании религиозной и светской музыки, песен, танцев и связанных с ними литературных произведений. Например, монахи-канланги играли ключевую роль в переводе и художественной интерпретации религиозных текстов. Во время праздников и церемоний, которые посещали как монахи, так и миряне, различные буддийские писания и мелодии, переведенные и исполнявшиеся на языке дай, проникнуты очарованием народной музыки и культуры дайцев. Монахи-канланги также внесли неоценимый вклад в возрождение, развитие и продвижение народной музыки и танца [1].

На различных приемах дайцев, банкетах и праздниках певцы (Цзанха Мэн) присоединялись к многочисленным народным цзанхам, исполняя дайские мелодии, включая переведенные на их язык буддийские писания и народные сказания. Исполнители цзанхам, как древние, так и современные, являлись полупрофессионалами, выступающими на свадьбах, венчаниях, фестивалях и различных буддийских церемониях. Традиционно им платили определенную сумму денег.

На сегодняшний день существуют три основных стиля и формы исполнения народных песен дайцев: традиционные светские и религиозные ритуалы чиновников дайцев, индийские фестивали, общие народные мероприятия и ежедневные досуг и развлечения. Эти три формы отражают многообразие народной музыкальной культуры дайцев и служат важными средствами передачи культурных ценностей, традиций и этнической самобытности [3].

Дайцы – это народ с древней культурой, который хорошо поет и танцует. Танцы дай создают у людей впечатление, что движения в основном грациозны, а ритм относительно медленный, но на самом деле они нежны снаружи и сильны внутри, полны внутренней силы. Танцы дай бывают разных видов и форм, они широко популярны, и каждый из них имеет свои особенности. Танцы дайцев – это народные развлекательные танцы, танцы-перформансы, жертвенные танцы, «танец дракона».

Среди народных танцев дайцев популярны «Габань гуан», «Сянбянь с барабанами», «Елахуэй» и «Бейбан гуан», «Сябань гуан» и «Танец с барабанами Сянцзяо» [4].

Летний легкий танец «Габань Гуан» означает, что все танцуют в кругу вокруг барабана. Это самый популярный групповой танец среди народа дай. Он не ограничен каким-либо местом или временем. Десятки или сотни людей могут образовать круг и танцевать по часовой стрелке. Во время фестивалей они могут танцевать всю ночь напролет.

К народным развлекательным танцам относились: танец с барабанами из слоновой ноги, с использованием павлиньего пера, с использованием различных частей тела, с элементами прыжков.

Танец с барабанами на слоновых ногах на языке дай называется «Ся гуан» или «Фан гуан» (на языке дай барабан называется «гуан», а танец — «ся»). «Цзягуан» — самый популярный мужской танец в районе проживания дайцев. После посадки рисовых саженцев и во время сбора урожая люди в честь этого праздника исполняют танец с барабанами из слоновой ноги [5].

Танец с барабанами из слоновой ноги с использованием павлиньего пера распространен в уездах Луси, Инцзян, Гэнма, Цзингу, Кандуне и некоторых районах Сишуанбаньна-Дайского автономного округа. Его главная особенность в том, что во время танца хвостом барабана нужно размахивать и подбрасывать его. Поскольку к хвосту барабана привязано павлинье перо, он выглядит очень красиво, когда качается. При

раскачивании барабана его хвостовая часть качается влево и вправо, а при нажатии на мембрану барабана хвост поднимается.

Народный танец с барабанами из слоновой ноги исполняется с использованием различных частей тела: во время выступления танцор несет барабан в форме слоновьей ноги на левом плече, при этом барабан обращен вперед, а хвост барабана направлен вниз. В основном танцор бьет по барабану правой рукой, иногда добавляя к ней левую. Обычно по поверхности барабана ударяют кулаками, руками и пальцами.

Танец с барабанами из слоновой ноги с элементами прыжков популярен только в районе Сишуанбаньна. Корпус барабана имеет длину менее одного метра и отличается богатой динамикой, который используют в качестве аккомпанемента танцу павлина. Движения имеют большую амплитуду, включая прыжок с присасыванием ноги, прыжок с подпрыгиванием ноги и прыжок с подъемом ноги.

К танцам-перформансам относится «Танец павлина», «Танец слона», «Танец рыбы», «Танец бабочки» и «Танец бамбуковой шляпы». Самый представительный танец – танец павлина, который исполняют мужчины и женщины. Этот танец отличается большим разнообразием движений: распространенные положения ладони как у павлина (большой палец слегка согнут внутрь, указательный палец согнут, а остальные три пальца подняты веером), «положение глаз» (указательный и большой пальцы слегка сближены, а остальные три пальца подняты веером) и т.д. Шаги включают в себя марширование и «шаги вверх и вниз» (рабочая нога приводится в движение пяткой, чтобы ударить по направлению к ягодицам, а затем вся подошва стопы приземляется на землю, а основная нога сгибается и выпрямляется соответственно) [5].

В этнически смешанных районах распространены пять или шесть видов жертвенных танцев. «Жертвенный танец барабанов», популярный в деревнях дайцев уезда Юаньян, исполняется во время поклонения предкам под аккомпанемент барабанов. Женщина поет и танцует на алтаре, а зрители свободно танцуют под алтарем, выполняя относительно простые движения.

В поселениях дайцев уезда Шипинг существует «Танец дракона», который в основном исполняется во время обрядов поклонения драконовому дереву. Во время танца мужчина-шаман держит железное кольцо с перстнем, а женщина-шаманка — овечий односторонний бубен. Они ведут танец, а жители деревни присоединяются к танцу в такт. Иногда все образуют круг, а иногда танцуют двое. Танцоры меняют позы по своему желанию, чтобы поддерживать приподнятое, торжественное и теплое настроение. Движения танца простые, с небольшими шагами. Колени слегка упруго подрагивают при шагах, руки изображают полукруг, а барабаны и кольца звучат слева и справа от талии.

Традиционные танцы дайцев тесно связаны с их повседневной жизнью, сельскохозяйственными обрядами, религиозными ритуалами и праздниками. Танцы часто исполняются во время фестивалей урожая, свадеб, религиозных церемоний и других важных событий.

Таким образом, музыкально-хореографическое искусство играет важную роль в сохранении и передаче культурного наследия разных народов, в том числе и народа дай, который проживает в Юго-Восточной Азии. Через музыку и танец дайцы сохраняют свою идентичность, традиции, обычай и мировоззрение.

1. Ли, Сюн. Китайская музыка, исполняемая на ударных музыкальных инструментах / Сюн Ли. – Пекин : Женъминьнью, 2004. – 84 с.
2. Национальность дай // Russian.China.Org.CH. – URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32449.htm> (дата обращения: 31.08.2025).
3. 第七場 雲南傣語敘事性民歌及其在當代文化語境中的音樂風格變遷:以西雙版納傣族贊哈音樂為實例. – URL: <https://www.scu.edu.tw/music/2005ifet/8.pdf> (дата обращения: 31.08.2025).
4. Chinese art education encyclopaedia. – URL: <https://dl.ziliaoquan.win>. (дата обращения: 02.09.2025).
5. Классификация традиционных танцев народности Дай. – URL: <http://www.minwang.com.cn/mzwhzyk> (дата обращения: 02.09.2025)

Чэнь Вэнъвэнь
НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ОСНОВА
СОВРЕМЕННОГО ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ

Ключевые слова: народное творчество, любительское искусство, историко-культурные параллели, Беларусь, Китай, культурная преемственность.

Народное творчество традиционно рассматривается как фундаментальная основа национальной культуры, обеспечивающая преемственность духовных ценностей, форм художественного выражения и социальных практик [2, с. 123]. В нем заключены не только эстетические и воспитательные функции, но и механизмы формирования колективной идентичности, которые сохраняют свою значимость в условиях стремительных социокультурных трансформаций.

Для Беларуси и Китая, обладающих богатым и разнообразным культурным наследием, народное творчество является прочным фундаментом любительского искусства. Несмотря на различия в историческом развитии и культурных традициях, оба народа демонстрируют близость в стремлении сохранить и передать традиционные формы самовыражения, укрепить связь поколений и поддерживать культурную самобытность. Как и других странах с богатым культурным наследием, в Беларуси и Китае народное искусство выполняло не только эстетическую функцию, но и играло ключевую роль в воспитании, обрядовой практике и общественной коммуникации [3, р. 15]. В песнях, танцах, ремеслах воплощались модели миропонимания, закреплялись нормы поведения и социальные ценности, которые в дальнейшем стали основой для формирования художественных практик.

Именно эта преемственность позволяет рассматривать народное творчество как фундамент современного любительского искусства, обеспечивающий ему содержательную глубину и связь с культурным наследием. Современное любительское искусство обеих стран, опираясь на традиции фольклора, песни, танца и декоративно-прикладного творчества, формирует пространство культурного диалога и создает условия для межпоколенческой и межкультурной коммуникации.

В белорусской традиции ядром народного творчества выступали песенная и ремесленная практики, воспроизведшиеся в рамках общинных обрядов. Календарные и семейные обряды (аграрные циклы, свадебные ритуалы, колядные песни и т.п.), народные мелодии и хоровое исполнение сформировали устойчивую традицию коллективного творчества, в которой художественная форма была тесно связана с повседневной жизнью и трудовой практикой. Декоративно-прикладное искусство (ткачество, вышивка, резьба по дереву, лозоплетение и др.) выполняло одновременно утилитарные, эстетические и символические функции. Через орнамент и мастерские приёмы передавалось представления о миропорядке, ценности и нормы, закреплённые в традиции [1].

Народное творчество всегда было массовым и коллективным, что соответствует самой природе любительского искусства, доступного широкому кругу людей. С течением времени эти формы народного творчества начали выходить за пределы семейных и общинных традиций, постепенно интегрируясь в организованные культурные инициативы. В советский период они получили институциональное оформление, что что превратило народное творчество из спонтанной практики в организованную форму культурной деятельности. Государственная культурная политика в этот период сформировала широкую сеть домов культуры, клубов и любительских студий, привлекавших население к организованной художественной деятельности. Народное творчество утратило свою неформальную, повседневную природу и было включено в организованные

формы культурной деятельности, включая концерты, фестивали, методическую поддержку со стороны профессиональных учреждений.

Это имело двойственный эффект. С одной стороны, массовое участие способствовало широкому распространению народных традиций и укреплению любительских коллективов и объединений. С другой – происходила унификация репертуара и адаптация образцов народного творчества под вкусы массовой аудитории. Тем не менее многочисленные организации культуры создали инфраструктуру, благодаря которой народные традиции получили новое пространство для переосмысливания и распространения в урбанизированной среде, а любительские коллективы стали важным инструментом культурной идентичности. В постсоветскую эпоху народное творчество в Беларуси сохранило преемственность с советскими культурными практиками (рис. 1). Любительские коллективы, дома культуры и ремесленные студии продолжили работу, обеспечивая устойчивое воспроизведение традиций в новых социальных условиях. Это позволило сохранить связь между поколениями и адаптировать народное искусство к современной эпохе, не утратив его корней.

*Рисунок 1. – Народный ансамбль музыки и песни «Крыніца»
Дубровенского районного Дома культуры Витебской области на фестивале
«Днепровские голоса в Дубровно». 2002 г. Изображение из энциклопедического
справочника «Современная Беларусь».
Т. 3 «Любительское художественное творчество», стр. 696.*

В Китае предпосылки формирования любительских форм искусства также берут начало в глубоко ритуализированных и театрализованных народных практиках. Локальные разновидности народных опер, уличные представления, обряды и фестивали выступали центрами общественной жизни, где агрегация художественных навыков сочеталась с коллективной идентичностью (рис. 2). Оперные школы и театральные сообщества, как институциональные, так и неформальные, обеспечивали передачу специфических техник (вокальных приёмов, пластики, костюма и т.п.) в рамках местных традиций. Наряду с этим, устойчивое развитие получали ремесленные практики, народная хореография и декоративно-прикладное искусство, в которых сохранялись региональ-

ные стили, символика и способы коллективного участия. Эти формы творчества также служили каналами передачи опыта поколений и играли важную роль в организации культурной жизни на уровне деревень, районов и городских общин [4, с. 56]. Итак, народное искусство, изначально связанное с трудовой деятельностью и бытом, представляет собой синтез материальной и духовной культуры, что позволяет любителям интегрировать разные виды искусства в своем творчестве.

Рисунок 2. – Труппа Шаньдунского бэнзы во время выступления в уездном городе Юньчен, 2019 г. (фото автора)

На рубеже XIX–XX веков многие из этих форм подверглись влиянию процессов модернизации и мобилизации в рамках национальных и региональных культурных проектов, что дало толчок к возникновению организованных любительских объединений. После 1949 года в Китае культурная политика еще в большей степени способствовала созданию массовой любительской художественной инфраструктуры. Рабочие и производственные коллективы, школьные и коммунистические организации формировали собственные само-деятельные труппы и кружки, где сочетались традиционная стилистика и новое идеологическое содержание. Традиционные мотивы, узоры, сюжеты, мелодии и техники из народной культуры служат неисчерпаемым источником вдохновения для любителей в различных сферах, включая изобразительное искусство, музыку, литературу и ремесла, любители могут адаптировать и развивать их в современном контексте.

В реформаторское время (после 1978 г.) стало возможным более активное возрождение любительских традиций и их адаптация к новым социальным запросам. Одновременно развивалась практика включение народного творчества в программы культурного туризма и сохранения нематериального наследия. Это стимулировало развитие ремесленных центров, фольклорных ансамблей, фестивального движения и образовательных инициатив, ориентированных на популяризацию традиционной культуры в новых форматах [4, с. 81]. Народное творчество стало не только объектом охраны, но и ресурсом для экономики страны, символическим капиталом, востребованным как внутри страны, так и на международной арене.

Опираясь на сказанное, можно выделить общие механизмы, обеспечившие переход народных практик в сферу любительского искусства как в Беларуси, так и в Китае. Во-первых, ключевую роль играла *опора на традицию*. Устойчивые практики народных обрядов, ремесел и театрализованных форм не только стали источником репертуара

любительского искусства, но и обеспечили основу и преемственность в современном любительском искусстве, предлагая богатый материал для творчества, отражая глубокие корни культуры и формируя уникальный любительский художественный язык. Вторых, значимым фактором была *вовлечённость сообществ*. Коллективное участие в ритуалах, праздниках и ремесленной деятельности создавало своеобразную «репетиционную площадку», на которой развивались художественные навыки, позднее адаптированные под институализированные форматы. В-третьих, *мастерство передавалось через повседневную практику и систему ученичества*, что обеспечивало преемственность навыков и сохранение смысловых основ традиций. Наконец, важную роль играл *внешний институциональный каркас* – от общинных институтов до государственных форм поддержки, который определял формы легитимации и циркуляции традиционных практик.

Итак, народное творчество является фундаментом любительского искусства, так как оно предоставляет готовые формы, традиции, мотивы и технологии, которые вдохновляют и служат отправной точкой для современных любителей. Оно обеспечивает непрерывность культурной традиции и передачу коллективного опыта через поколения, позволяя сохранять самобытность и обогащать современное искусство новыми интерпретациями.

История развития любительского искусства демонстрирует, что его устойчивость зависит не только от сохранности «источников» (фольклорной среды), но и от способности адаптировать практики к новым условиям – урбанизации, изменению форм досуга и технологическому развитию. И в Китае, и в Беларуси эта адаптация сопровождается как творческой реинтерпретацией, так и стандартизацией традиционных практик. И сегодня две названные тенденции (мобилизационная и реставрационная) во многом определяют современное состояние любительского искусства в обеих странах. Эти не только объясняют генезис любительского искусства в Беларуси и Китае, но и позволяют понять современные траектории его развития – устойчивость репертуара, механизмы профессионализации и вызовы, связанные с утратой локальных сред и необходимостью адаптации к массовой и цифровой культуре.

1. Современное народное искусство // Белорусская энциклопедия. – URL: Современное народное искусство (дата обращения: 11.08.2025).
2. Шауро, Г. Ф. Народное искусство: современные реалии и перспективы развития / Г. Ф. Шауро // Актуальные проблемы мировой художественной культуры: сб. науч. ст.: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т имени Янки Купалы. – Гродно, 2018. – Ч. 2. – С. 122–126.
3. Wang, Yixuan. *Development of the Arts in China and Belarus in the Context of State Policy* / Yixuan Wang // *Highlights in Art and Design*. – Vol. 5, No. 1, 2024. – P. 12–16.
4. 徐赣丽. 《民间艺术的当代变迁》 – 北京: 中国文联出版社, 2018。 – 256页。 (Xu Ganli. *Современные трансформации народного искусства*. – Пекин : Чжунго Вэньлуунь Чубаньшу, 2018. – 256 с.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Константин Александрович – ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва, Россия)

Алентьева Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета (Курск, Россия)

Андреева Елизавета Александровна – младший научный сотрудник ГУ «Государственный мемориальный комплекс “Хатынь”» (Логойский район Минской области, Беларусь)

Асмоловский Николай Павлович – младший научный сотрудник ГУК «Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций имени Ф.Г. Шклярова» (Ветка, Гомельская область, Беларусь)

Бараненко Татьяна Валерьевна – магистр исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея традиционного ручного ткачества Поозерья, филиала Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника; старший преподаватель кафедры истории и социогуманитарных наук Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой (Полоцк, Беларусь)

Барановский Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларусь (Минск, Беларусь)

Белокопытова Анна Вячеславовна – студентка Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)

Богданова Алеся Владимировна – магистр исторических наук, ведущий архивист Государственного архива Витебской области (Витебск, Беларусь)

Большаков Максим Григорьевич – студент Псковского государственного университета (Псков, Россия)

Будник Елизавета Михайловна – студентка Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

Витковская Татьяна Владимировна – ведущий методист сектора формирования Банка сведений об историко-культурном наследии информационно-аналитического отдела информационного центра Национальной библиотеки Беларусь (Минск, Беларусь)

Вишневская Инна Николаевна – заведующий сектором формирования Банка сведений об историко-культурном наследии информационно-аналитического отдела информационного центра Национальной библиотеки Беларусь (Минск, Беларусь)

Гавриленков Алексей Федорович – доктор исторических наук, кандидат философских наук, доцент, проректор по научной работе Смоленской Православной Духовной семинарии (Смоленск, Россия)

Гернович Татьяна Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Гоманенко Алеся Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия)

Грива Матвей Андреевич – магистрант факультета гуманитарного знания и коммуникаций Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, старший научный сотрудник ГУ «Витебский районный историко-краеведческий музей» (Витебск, Беларусь)

Давидовская Ольга Николаевна – главный хранитель фондов Витебского областного краеведческого музея (Витебск, Беларусь)

Даниленко Евгения Петровна – краевед (Витебск, Беларусь)

Дмитриев Михаил Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Россия)

Дулов Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Желамская Марина Александровна – геоморфолог, сотрудник и преемница Музея пейзажного наследия «Окоем» (д. Чернецов Невельского района Псковской области, Россия).

Желамский Александр Гаврилович – кандидат географических наук, доцент, геоморфолог, действительный член Русского географического общества, автор книг по географии, природному и культурному наследию юга Псковской области. Учредитель и директор Музея пейзажного наследия «Окоем» (д. Чернецов Невельского района Псковской области, Россия).

Жижиян Сергей Филиппович – магистр исторических наук, директор ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей» (Быхов, Беларусь)

Иваничева Ляна Сергеевна – старший преподаватель кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Иванова-Праля Екатерина Сергеевна – магистр исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и охраны историко-культурного наследия Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль» (Гомель, Беларусь)

Ивашкевич Елена Францевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Ключарева Антонина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого, эксперт по изучению и популяризации объектов культурного наследия Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тула – Тульская область, Россия)

Колужёнок Анна Олеговна – старший научный сотрудник Художественной галереи, филиала Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (Полоцк, Беларусь).

Конопацкий Александр Витальевич – научный сотрудник ГУ «Историко-культурный музей-заповедник “Заславль”» (Заславль, Беларусь)

Крумплевская Анна Анатольевна – научный сотрудник отдела новейшей истории Беларуси Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь)

Лагуновская Елена Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и политологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (Брест, Беларусь)

Лапкова Татьяна Анатольевна – заведующий отделом традиционной культуры ГУ «Витебский областной методический центр народного творчества» (Витебск, Беларусь)

Лембович Дарья Тимуровна – аспирант заочной формы получения образования учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств» (Минск, Беларусь)

Лицкевич Олег Владимирович – независимый исследователь (Минск, Беларусь)

Лю Цзин – исследователь в области искусствоведения, кафедра теории и истории искусства учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств» (Минск, Беларусь)

Малашонок Светлана Михайловна – учитель истории ГУО «Средняя школа № 30 г. Витебска имени М.И. Маценко» (Витебск, Беларусь)

Михайлец Михаил Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Михалик Ольга Михайловна – главный библиотекарь сектора редких книг отдела хранения основного фонда Смоленской областной универсальной научной библиотеки имени А.Т. Твардовского (Смоленск, Россия)

Некрашевич Анна Тадеушевна – заведующий отделом «Лидский замок» Государственного учреждения «Лидский историко-художественный музей» (Лида, Беларусь)

Нечаева Галина Григорьевна – искусствовед ГУК «Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций имени Ф.Г. Шклярова» (Ветка, Гомельская область, Беларусь)

Николаева Людмила Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Минск, Беларусь)

Отнюкова Маринэ Сельбертовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры туризма и культурного наследия Института истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (Саратов, Россия)

Павлова Елена Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры историко-культурного наследия БГУКИ (Минск, Беларусь)

Петров Максим Михайлович – магистрант факультета гуманитарного знания и коммуникаций Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, младший научный сотрудник ГУ «Витебский районный историко-краеведческий музей» (Витебск, Беларусь)

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, учитель истории Витебского кадетского училища (Витебск, Беларусь)

Пушкин Игорь Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и физической культуры Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий (Могилёв, Беларусь)

Рощина Тамара Александровна – студентка Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)

Рубинина Зоя Максимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела собрания фондов музея В.И. Ленина Государственного исторического музея (Москва, Россия)

Рудаковская Екатерина Николаевна – студентка Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Румянцева Марина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Сивохин Геннадий Александрович – старший научный сотрудник ГУ «Историко-культурный музей-заповедник “Заславль”» (Заславль, Беларусь)

Симаков Александр Васильевич – краевед (Гомель, Беларусь)

Скорина Валерия Дмитриевна – студентка Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

Соколова Ольга Михайловна – кандидат культурологии, доцент, начальник редакционного отдела учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств» (Минск, Беларусь)

Сотникова Маргарита Сергеевна – магистр исторических наук, делопроизводитель «Олимп СМ» (Минск, Беларусь)

Терехина Ольга Викторовна – старший преподаватель религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Смоленская Православная Духовная Семинария Смоленской Епархии Русской Православной Церкви», руководитель отдела по учебно-методической работе (Смоленск, Россия)

Федорчук Евгения Игоревна – магистр искусствоведения, научный сотрудник ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей» (Быхов, Беларусь)

Фигурина Надежда Сергеевна – студентка Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина (Мозырь, Беларусь)

Хотянович Наталья Александровна – директор ГУ «Лидский историко-художественный музей» (Лида, Беларусь)

Цзян Боцзинь – соискатель кафедры этнологии, музеологии и истории искусств Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Черевичко Татьяна Викторовна – доктор экономических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений, заведующий кафедрой туризма и культурного наследия ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (Саратов, Россия)

Чэнь Вэнъвэнь – аспирантка кафедры теории и истории искусства учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств» (Минск, Беларусь)

Шишкина Ксения Алексеевна – студентка Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)

Юрчак Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, главный специалист управления культуры Витебского областного исполнительного комитета (Витебск, Беларусь)

Научное издание

**ОХРАНА И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:
МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ**

Материалы III Международной научно-практической конференции
Витебск, 30 октября – 1 ноября 2025 г.

Технический редактор
Компьютерный дизайн

Г.В. Разбоева
A.B. Bacexo

Подписано в печать 08.12.2025. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 24,41. Уч.-изд. л. 19,57. Тираж 38 экз. Заказ 141.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.